

ISSN 2542-0488 (Print) • ISSN 2541-7983 (Online)

Т. 10, № 1 • 2025

ОМСКИЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

Серия Общество. История.
Современность

OMSK SCIENTIFIC BULLETIN

Series Society. History.
Modernity

ИСТОРИЯ HISTORY

ФИЛОСОФИЯ PHILOSOPHY

ЭКОНОМИКА ECONOMY

ОМСКИЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

Серия
«Общество. История.
Современность»

Издается с июля 2016 г.
Выходит 4 раза в год

Том 10 № 1 2025

УЧРЕДИТЕЛЬ

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования
«Омский государственный
технический университет»

Свидетельство о регистрации
ПИ № ТУ55-00555 от 29.03.2017 г.
выдано Управлением Роскомнадзора
по Омской области

Сайт журнала:
<https://journals.omgту.ru>

Страница журнала
на сайте учредителя:
[http://www.omgту.ru/
general_information/
media.omgту/
journal_of_omsk_research_journal/](http://www.omgту.ru/general_information/media.omgту/journal_of_omsk_research_journal/)

Подписной индекс
в каталоге Роспечать 80638

Ответственный секретарь
М. Ф. Федорчук

Редактор
Т. П. Семина

Компьютерная верстка
О. Н. Чирун

Макет обложки
Н. С. Плотникова

© Редакция журнала
«Омский научный вестник»
Серия «Общество. История.
Современность»,
ОмГТУ

Подписано в печать 17.02.2025 г.
Дата выхода в свет 26.02.2025 г.

Формат 60x84 1/8.
17,90 усл. печ. л.
Бумага офсетная.

Отпечатано на дупликаторе
отдела научной информации ОмГТУ

Тираж 500 экз.
(1-й завод 1–100).

Заказ 2
Цена свободная

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Нехаев Андрей Викторович (главный редактор),
доктор философских наук, доцент,
Омский государственный технический университет, Омск, Россия

Сущко Алексей Владимирович (заместитель главного редактора),
доктор исторических наук, профессор,
Омский государственный технический университет, Омск, Россия
Омский автобронетанковый инженерный институт, Омск, Россия

Бернацкий Владилен Осипович,
доктор философских наук, профессор,
Омский государственный технический университет, Омск, Россия

Борисов Евгений Васильевич,
доктор философских наук, доцент,
Томский государственный университет, Томск, Россия

Владимирски Ирена,
доктор исторических наук, профессор,
Академический колледж Ахва, Беэр Тувия, Израиль

Гагкуев Руслан Григорьевич,
доктор исторических наук,
Институт российской истории РАН, Москва, Россия

Гончаренко Марк Васильевич,
доктор философских наук, доцент,
Национальный исследовательский
Томский политехнический университет, Томск, Россия

Дидикин Антон Борисович,
доктор философских наук, кандидат юридических наук,
«Университет КАЗГЮУ имени М.С. Нарикбаева»,
Астана, Республика Казахстан

Калинина Ольга Владимировна,
доктор экономических наук, доцент,
Санкт-Петербургский политехнический университет
Петра Великого, Санкт-Петербург, Россия

Ковалев Василий Александрович,
доктор экономических наук, доцент,
Омский государственный технический университет, Омск, Россия

Кротова Мария Владимировна,
доктор исторических наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Россия

Кулинок Святослав Валентинович,
кандидат исторических наук,
Национальный архив Республики Беларусь, Минск, Беларусь

Ладов Всеволод Адольфович,
доктор философских наук, доцент,
Томский научный центр СО РАН, Томск, Россия

Мартишина Наталья Ивановна,
доктор философских наук, профессор,
Сибирский государственный университет
путей сообщения, Новосибирск, Россия

Мячин Юрий Васильевич,
доктор экономических наук, профессор,
Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Россия

Новиков Сергей Валентинович,
доктор исторических наук, профессор,
Омский государственный аграрный университет имени П. А. Столыпина, Омск, Россия

Петин Дмитрий Игоревич,
кандидат исторических наук, доцент
Исторический архив Омской области, Омск, Россия

Пученков Александр Сергеевич,
доктор исторических наук,
Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Растова Юлия Ивановна,
доктор экономических наук, профессор,
Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Россия

Федотова Марина Геннадьевна,
доктор философских наук,
Омский государственный технический университет, Омск, Россия

Фоменков Артем Александрович,
доктор исторических наук,
Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского,
Нижний Новгород, Россия

Харченко Лариса Павловна,
доктор экономических наук, профессор,
Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Россия

Шевцов Вячеслав Вениаминович,
доктор исторических наук, доцент,
Томский государственный университет, Томск, Россия

Яковлева Елена Владимировна,
доктор экономических наук, доцент,
Омский государственный технический университет, Омск, Россия

OMSK SCIENTIFIC BULLETIN

Series
«Society. History.
Modernity»

Published since July 2016
4 Times per Year

Volume 10 No. 1 2025

FOUNDER

Federal State
Autonomous Educational Institution
of Higher Education
«Omsk State Technical University»

Mass Media Registration Certificate
ПИ № ТУ55-00555 from 29.03.2017
issued by the Federal Service for
Supervision of Communications,
Information Technology, and Mass Media,
Omsk region

Journal Website:
<https://journals.omgtu.ru>

Journal Page on Founder's Website:
[http://www.omgtu.ru /
general_information/media_omgtu/
journal_of_oms_k_research_journal/](http://www.omgtu.ru/general_information/media_omgtu/journal_of_oms_k_research_journal/)

Subscription Index
in Federal Agency on Press and Mass
Communications Catalog 80638

Executive Secretary
M. F. Fedorchuk

Editor
T. P. Semina

Computer Page-Proofs
O. N. Chirun

Cover Layout
N. S. Plotnikova

© Editorial Board of
«Omsk Scientific Bulletin»
Series «Society. History.
Modernity», OmSTU

Signed in Print 17.02.2025
Date of Publication 26.02.2025

Format 60x84 1/8. Conventional
Printed Sheets 17,90. Offset Paper.

Printed on a Duplicator
at Scientific Publishing Office,
Omsk State Technical University

Circulation 500 Copies.
(The 1st Printing Factory 1-100).

Order 2
Open Price

EDITORIAL STAFF

Nekhaev Andrei Viktorovich (Chief Editor),
Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor,
Omsk State Technical University, Omsk, Russia

Sushko Aleksey Vladimirovich (Deputy Chief Editor),
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Omsk State Technical University, Omsk, Russia
Omsk Tank-Automotive Engineering Institute, Omsk, Russia

Bernatsky Vladilen Osipovich,
Doctor of Philosophical Sciences, Professor,
Omsk State Technical University, Omsk, Russia

Borisov Evgenii Vasilievich,
Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor,
Tomsk State University, Tomsk, Russia

Vladimirsky Irena,
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Achva Academic College, Beer Tuvia, Israel

Gagkuev Ruslan Grigorievich,
Doctor of Historical Sciences,
Institute of Russian History of RAS, Moscow, Russia

Goncharenko Mark Vasilievich,
Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor,
Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russia

Didikin Anton Borisovich,
Doctor of Historical Sciences, Candidate of Law,
M. Narikbayev KAZGUU University, Astana, Republic of Kazakhstan

Kalinina Olga Vladimirovna,
Doctor of Economic Sciences, Associate Professor,
Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia

Kovalev Vasilii Aleksandrovich,
Doctor of Economic Sciences, Associate Professor,
Omsk State Technical University, Omsk, Russia

Krotova Mariia Vladimirovna,
Doctor of Historical Sciences, Associate Professor,
St. Petersburg State University of Economics, Saint Petersburg, Russia

Kulinok Svyatoslav Valentinovich,
Candidate of Historical Sciences,
The National Archives of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus

Ladov Vsevolod Adolfovich,
Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor,
Tomsk Scientific Center of SB RAS, Tomsk, Russia

Martishina Natalia Ivanovna,
Doctor of Philosophical Sciences, Professor,
Siberian Transport University, Novosibirsk, Russia

Myachin Yuriy Vasilievich,
Doctor of Economic Sciences, Professor,
St. Petersburg State University of Economics, Saint Petersburg, Russia

Novikov Sergey Valentinovich,
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Omsk State Agrarian University named after P. A. Stolypin, Omsk, Russia

Petin Dmitry Igorevich,
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,
Historical Archive of Omsk Region, Omsk, Russia

Puchenkov Aleksandr Sergeevich,
Doctor of Historical Sciences,
Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

Rastova Yuliya Ivanovna,
Doctor of Economic Sciences, Professor,
St. Petersburg State University of Economics, Saint Petersburg, Russia

Fedotova Marina Gennadiyevna,
Doctor of Philosophical Sciences,
Omsk State Technical University, Omsk, Russia

Fomenkov Artem Aleksandrovich,
Doctor of Historical Sciences,
Lobachevsky State University, Nizhny Novgorod, Russia

Kharchenko Larisa Pavlovna,
Doctor of Economic Sciences, Professor,
St. Petersburg State University of Economics, Saint Petersburg, Russia

Shevtsov Vyacheslav Veniaminovich,
Doctor of Historical Sciences, Associate Professor,
Tomsk State University, Tomsk, Russia

Yakovleva Elena Vladimirovna,
Doctor of Economic Sciences, Associate Professor,
Omsk State Technical University, Omsk, Russia

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

Круглый стол в Омске к 150-летию со дня рождения А. В. Колчака	5
С. В. Новиков. «А был ли Колчак?»: к вопросу об обстоятельствах прописки имени российского морского офицера в политической истории	8
А. В. Сушко. Религиозный белый адмирал: к характеристике личности А. В. Колчака и его взаимоотношений с Русской Православной Церковью	20
Д. И. Петин, М. М. Стельмак, И. В. Федотова. Официальная повседневность Верховного правителя А. В. Колчака в публикациях газеты «Правительственный вестник»	30
М. А. Мамонтова. Эволюция образа адмирала А. В. Колчака как военного и политического деятеля в советских и российских школьных учебниках	42
С. С. Наумов. А. В. Колчак в историческом сознании омичей: «война за память» и примирение с прошлым (вторая половина 1980-х – 2020-е гг.)	50
А. С. Афанасьев. К анализу исторического образа А. В. Колчака в советском игровом кино (конец 1950-х – конец 1980-х гг.)	63

ФИЛОСОФИЯ

ПОЗИЦИИ И А-ПОЗИЦИИ

И. Н. Казарина. Обязательство не удалять: к вопросу о правах цифровой личности после смерти	74
Э. Бонойер, М. Гиттон. Кибертанатология: за пределами смерти в цифровую эпоху = E. Beaunoyer, M. J. Guillon Cyberthanatology: Death and beyond in the digital age / пер. с англ. А. В. Антипова	80

Критики и реплики

А. М. Кардаш. Обновление и мереорганическая преемственность	95
--	----

ПРОВОКАЦИИ

К. МакГинн. Против языковых игр = C. McGinn Against Language-Games / пер. с англ. Д. А. Бороды	104
---	-----

IN MEMORIA CLASSICA

Г. Райл. Доказательства в философии = Ryle G. Proofs in Philosophy / пер. с англ. А. В. Нехаева	109
--	-----

ЭКОНОМИКА

Е. В. Леун, С. Е. Пчелкин, Т. Н. Гупалова. Исследование особенностей инновационной активности организаций в отраслях животноводства в 2003 – 2023 гг. с учетом анализа параметров результатов интеллектуальной деятельности	115
Е. В. Ходорева, В. В. Шалай. Разработка и операционализация стратегии университета	129
А. Г. Лапкина. Генезис и дальнейшее становление организационных культур диджитал-сообществ	136
Э. Р. Аблитаров, А. С. Горда. Внешнеэкономические ограничения Российской Федерации: вызовы и возможности в контуре цифровой трансформации	146

CONTENTS

HISTORY

Round table: 150th anniversary of A. V. Kolchak's birth	5
S. V. Novikov. «Was there Kolchak?»: the reasons and results of the Russian naval officer participation in political history	8
A. V. Sushko. Religious White Admiral: towards a characteristic of the personality of A. V. Kolchak and his relationship with the Russian Orthodox Church	20
D. I. Petin, M. M. Stelmak, I. V. Fedotova. Official everyday life of the Supreme Ruler A. V. Kolchak in publications of the newspaper «Government Bulletin»	30
M. A. Mamontova. Evolution of the image of Admiral A. V. Kolchak as a military and political figure in Soviet and Russian school textbooks	42
S. S. Naumov. A. V. Kolchak in the historical consciousness of Omsk residents: «War for memory» and reconciliation with the past (second half of the 1980s – 2020s)	50
A. S. Afanasyev. On the analysis of the historical image of A. V. Kolchak in Soviet feature films (late 1950s – late 1980s)	63

PHILOSOPHY

Pros and Cons

I. N. Kazarina. Duty not to delete: towards the question of the rights of the digital person after death	74
E. Beaunoyer, M. J. Guitton. Cyberthanatology: death and beyond in the digital age / trans. from Engl. A. V. Antipov	80

Critical Notices and Comments

A. M. Kardash. Renovation and mereorganic continuity	95
---	----

PROVOCATION

C. McGinn. Against language games / trans. from Engl. D. A. Boroda	104
---	-----

IN MEMORIA CLASSICA

G. Ryle. Proofs in philosophy / trans. from Engl. A. V. Nekhaev	109
--	-----

ECONOMY

E. V. Leun, S. E. Pchelkin, T. N. Gupalova. Research of the innovation features of the organization's in the sectors of breeding livestock in 2003 – 2023, considering the analysis of the intellectual activity results	115
E. V. Khodoreva, V. V. Shalay. Development and operationalization of the university strategy	129
A. G. Lapkova. Genesis and further development of organizational cultures of digital communities	136
E. R. Ablitarov, A. S. Gorda. Foreign economic constraints of the Russian Federation: challenges and opportunities in the digital transformation circuit	146

Круглый стол в Омске к 150-летию со дня рождения А. В. Колчака

К числу самых известных, но вместе с тем сложных и драматических фигур российской истории, каковые получили крайне противоречивые оценки современников, а затем ученых и широкой общественности, относится адмирал Александр Васильевич Колчак (1874–1920). Он снискал прижизненную славу как морской офицер, путешественник и полярный исследователь. Однако в массовом сознании, как в России, так и за рубежом, его имя в большей степени соотносят с военно-политической деятельностью в эпоху Гражданской войны в России, когда адмирал на посту Верховного правителя выступил ключевым лидером антибольшевистского движения. При этом в судьбе А. В. Колчака символичное и фатальное значение обрел в те годы Омск — город, ставший олицетворением стремительного апогея и столь же скорого заката политической карьеры адмирала.

Российским историческим обществом при определении приоритетных тем на 2024 г., рекомендованных академическим специалистам к изучению, стала личность А. В. Колчака в рамках полуторазекового юбилея со дня его рождения.

Также в резолюции по итогам состоявшейся в Омске 18–19 октября 2023 г. V Международной научно-практической конференции «Гражданская

война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие» были зафиксированы два решения:

— о проведении в ноябре 2024 г. на базе Центра изучения истории Гражданской войны академического мероприятия, приуроченного к 150-летию со дня рождения А. В. Колчака;

— о подготовке по итогам данного мероприятия тематической рубрики в журнале «Омский научный вестник. Серия Общество. История. Современность».

Последний пункт имеет особую важность для фиксации новых наработок по теме и донесения их как до академического сообщества, так и до всех граждан, интересующихся жизнью и деятельностью адмирала. Подчеркнем, что освещение событий Гражданской войны в России (в том числе в русле историко-антропологического понимания прошлого) является одной из проблематик, активно развиваемых на страницах нашего журнала. И одной из дискуссионных тем, начиная с № 4 за 2019 г., была заявлена полемика по вопросам роли личности А. В. Колчака в истории России. В связи с этим члены редколлегии журнала приняли активное участие в подготовке и проведении мероприятия, ставшего основой для подготовки тематической рубрики в № 1 за 2025 г.

Рис. 1. Президиум мероприятия; слева направо: И. И. Кротт, Д. И. Петин (выступает), Г. И. Растягаева

Рис. 2. Приветственное слово
И. И. Кротта

Рис. 5. Выступает с докладом
А. В. Сушко

Рис. 3. Приветственное слово
Г. И. Растягаевой

Рис. 6. Выступает с докладом
С. В. Новиков

Рис. 4. Выступает с докладом
Д. И. Петин

Рис. 7. Выступает с докладом
М. А. Мамонтова

Во исполнение всех перечисленных решений и в продолжение сложившихся традиций издания в Центре изучения истории Гражданской войны 14 ноября 2024 г. состоялся круглый стол «Верховный правитель белой России А. В. Колчак: личность и память». Его организаторами выступили во взаимодействии Российское историческое общество, Министерство культуры Омской области, Исторический архив Омской области, Омский государ-

ственный технический университет и Омский автобронетанковый инженерный институт.

Ключевое в городе академическое мероприятие к 150-летию А. В. Колчака продолжалось два часа, объединив в общей сложности 53 участника. Для развития исторической науки региона важно, что основная часть из них — это преподаватели, аспиранты и студенты вузов, сотрудники архивов, музеев и библиотек, представители прессы и краеведы.

Рис. 8. Выступает с докладом
А. С. Афанасьев

Рис. 9. Выступает с докладом
С. С. Наумов

Публику поприветствовал кандидат исторических наук, доцент, Председатель Совета отделения Российского исторического общества в Омской области Иван Иванович Кротт. По его убеждению всестороннее изучение противоречивой исторической фигуры А. В. Колчака актуально, поскольку данный деятель — один из ключевых политиков, символизирующих Омск в новейшей истории России. Кандидат исторических наук, начальник архивного управления Министерства культуры Омской области Галина Ивановна Растягаева подчеркнула, что проведение круглого стола именно в стенах Центра изучения истории Гражданской войны — особенная честь семьи Батюшкиных, где в 1918–1919 гг. жил А. В. Колчак, — исторически верно. Ведь в городском пространстве это здание наиболее тесно ассоциируется с персоной Верховного правителя, будучи научно-просветительской и выставочной

площадкой Исторического архива Омской области, а также одним из ярких культурных и туристических брендов Омска.

Чтобы подчеркнуть историографический вклад Омска в изучение вопроса, для выступлений были приглашены специалисты, работающие в учреждениях образования, науки и культуры именно в нашем городе. В итоге спикеры (А. С. Афанасьев, С. С. Наумов, М. А. Мамонтова, С. В. Новиков, Д. И. Петин, А. В. Сушко) представили к обсуждению свои академические находки. Здесь важно сказать, что биография А. В. Колчака в разных ее аспектах весьма широко изучена. Поэтому организационный комитет мероприятия строго придерживался общей линии, подразумевавшей прежде всего актуальность и научную новизну тем исследований спикеров и используемой ими методологии. Прозвучавшие выступления акцентировали внимание на актуальные вопросы истории, определив деление докладов на основе проблемного критерия на две тематические группы:

— значимые аспекты биографии и политической деятельности А. В. Колчака (его духовность и взаимоотношения с Русской Православной Церковью, степень иностранного влияния на него в период Первой мировой и Гражданской войн, его деловая повседневность в Омске);

— практика репрезентации и увековечения памяти об А. В. Колчаке в советский и постсоветский периоды истории (его образ в учебной литературе и игровом кино, этапы мемориализации его личности на примере Омска).

Среди публики имелось немало желающих задать спикерам вопросы, что нередко переходило в небольшие дискуссии — недолгие, но оживленные. Наиболее активно здесь проявили себя доктор исторических наук, профессор Сибирского автомобильно-дорожного университета Сергей Григорьевич Сизов; кандидат технических наук, магистр истории, заместитель директора Омского института водного транспорта Владимир Вячеславович Калекин и краевед Владимир Николаевич Панасенков. Публичное освещение круглого стола вели региональные печатные средства массовой информации, чьи сотрудники также заметно проявили себя в дискуссиях по итогам выступлений.

Публикуемые здесь статьи представляют собой расширенные версии докладов, прозвучавших в рамках мероприятия.

Д. И. ПЕТИН,
член редколлегии,
руководитель Центра изучения истории
Гражданской войны
Исторического архива Омской области,
доцент кафедры ИФиСК ОмГТУ,
кандидат исторических наук,
доцент (ВАК, Россия)

«А БЫЛ ЛИ КОЛЧАК?»: К ВОПРОСУ ОБ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ ПРОПИСКИ ИМЕНИ РОССИЙСКОГО МОРСКОГО ОФИЦЕРА В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

Статья посвящена анализу обстоятельств прихода в политику российского морского офицера А. В. Колчака. Автор считает, что появление адмирала А. В. Колчака в Омске стало следствием англо-французских противоречий, а сам «Верховный правитель России» и «Верховный Главнокомандующий» стал частью дипломатической игры США и Великобритании накануне создания Версальско-Вашингтонской системы. В рамках исследования рассмотрены дискуссионные вопросы. Являлся ли Омск в годы правления А. В. Колчака пусть белой, но российской столицей? Был ли А. В. Колчак патриотом России — политическим лидером, сосредоточившим в своих руках исполнительную, законодательную, судебную и военную власть? Более того, автор высказывает суждения о колониальных аспектах политики стран Антанты относительно России 1918–1920 гг.

Ключевые слова: Антанта, Первая мировая война, Гражданская война в России, интервенция, эпоха милитаристов, Белое движение, адмирал А. В. Колчак.

Постановка проблемы. Историческая оценка личности адмирала Колчака и его деятельности в качестве Верховного правителя России начала формироваться по окончании интервенции и гражданской войны. Так, в 1925 г. в предисловии к книге «Допрос Колчака» в прошлом заместитель председателя Иркутской Губ. Ч. К. К. А. Попов характеризовал колчаковский режим как «типично фашистскую контрреволюционную диктатуру» [1, с. 60]. Характеристика на фоне установления фашистского режима в Италии и событий в Испании, где генерал Мигель Primo де Ривера совершил государственный переворот, приостановивший действие конституции, объяснимая. В 1931 г. Сибирская советская энциклопедия констатировала, что Англия, Америка и Франция делали ставку на Колчака, который после Октябрьского переворота был принят на Английскую военную службу [2, с. 831–833]. Советская военная энциклопедия 1977 г. представляла адмирала как одного из руководителей российской контрреволюции, реакционера и монархиста, ставленника Антанты [3, с. 249]. Следует отметить, что основой оценки было изучение советскими историками огромного количества источников, включая воспоминания участников Белого движения. Данная оценка вошла в школьные учебники истории, историческую беллетристику, фильмографию и, как следствие, в сознание населения СССР.

Термидор, начатый перестройкой в СССР, возродил интерес к «белой идее». Представителями Демократического Союза (ДС) и Православно-монархического ордена союза (ПРАМОС) в 1990 г. создается «Белая гвардия», начинается популяриза-

ция Л. Г. Корнилова и А. В. Колчака. В 1990-е гг. политическая элита уже суверенной России приходит к мысли о необходимости передачи власти популярному генералу, равному Франсиско Франко или Аугусто Пиночету [4, с. 42, 47, 89, 124]. В данных политических условиях оценка А. В. Колчака и характера его диктатуры претерпевают изменения.

В 2000-е гг. исследователями анализируется социальная и политическая база диктатуры Колчака, даются положительные характеристики личности адмирала [5–7]. Обзор новейшей историографии проблемы внушителен [8, с. 252]. Автор данной статьи ранее обращался к теме, рассматривая ее через призму истории Гражданской войны в России и геополитического предела мира [9].

Однако в рамках продолжающейся дискуссии автор считает целью статьи обозначение ответов на следующие вопросы:

— Действительно ли Омск в период диктатуры адмирала Колчака обрел статус временной, пусть белой, но российской столицы?

— Являлся ли А. В. Колчак патриотом России — политическим лидером Белого движения, сосредоточившим в своих руках исполнительную, законодательную, судебную и военную власть?

В ходе работы автор, используя сравнительно-исторический метод, высказывает суждения о колониальных аспектах политики стран Антанты относительно России 1917–1920 гг.

Основная часть. *Англо-французская конвенция о разделе России.* В опубликованной ранее статье автор писал, что «в ноябре 1917 г. в г. Яссы на совещании военных представителей Антанты и ко-

мандования Юго-Западного и Румынского фронтов был выработан план военных действий в России с привлечением румынских войск в Бессарабии, Чехословацкого корпуса и войск Центральной рады на Украине. 22 декабря 1917 г. конференция представителей стран Антанты в Париже решила поддерживать связи с антисоветскими правительствами Украины, казачьих областей, Сибири, Кавказа и Финляндии. 23 декабря была заключена Англо-французская конвенция о разделе России. Документ определял сферы влияния стран Антанты в России: в английскую зону были включены Кавказ и казачьи области, а в зону Франции — Бессарабия, Украина и Крым. Сибирь и Дальний Восток были отнесены к зоне влияния США и Японии» [9, с. 31].

Дискуссионным, в данном случае, остается вопрос о том, оставались ли государства, разделившие территорию бывшей Российской империи, её союзниками? Необходимо отметить, что решения, принятые по отношению к России, союзнице Англии, Франции, Японии и присоединившихся к Антанте в апреле 1917 г. США, имели прецеденты и ранее. Речь идет о колониальной политике этих государств по отношению к странам, в силу тех или иных обстоятельств утратившим возможность сохранения суверенитета.

Обратимся к истории Китая. С начала XIX в. в страну начали проникать западноевропейские государства, стремившиеся установить контроль над китайскими рынками. Цинская империя не могла противостоять технологически превосходящим её державам и к концу XIX в. находилась в положении полукolonии. Восстание Ихэтуаней, произошедшее в Северном Китае в 1899–1901 гг. и носящее антиевропейский, антиимпериалистический, антихристианский характер, подавили войска восьми государств: Германии, Японии, Англии, США, Франции, России, Италии и Австро-Венгрии. Командующим объединенной 60-тысячной армией карателей был назначен немецкий генерал А. фон Вальдерзее. 15 августа 1900 г. войска коалиции заняли Пекин. Восстание было подавлено с крайней жестокостью и сопровождалось грабежами [10, с. 346]. По условиям заключительного протокола 1901 г. правительство Китая выплатило «союзникам» контрибуцию в 450 млн лян серебра [11].

Россия к концу 1917 г. — первой половине 1918 г. пережила события, изменившие её восприятие союзниками. В результате заговора генералитета, поддержанного дипломатическими кругами Англии и Франции, боящимися инициирования императором Николаем II сепаратных переговоров с Германией, на фоне народного недовольства происходит отстранение царствующей особы от власти. Однако «дворцовый переворот» привел к ликвидации монархии как таковой, усилению революционных процессов и вызвал разрушение системы управления. Попытка установления военной диктатуры генерала Л. Г. Корнилова завершилась провалом. В ночь с 25 на 26 октября 1917 г. вооруженное восстание, организованное Военно-революционным комитетом (ВРК), сформированным на межпартийной основе, передает власть Советам в лице II Съезда. Начинается так называемое «триумфальное шествие Советской власти» [12, с. 29–30].

Для союзников России по Антанте наступило время выбора: признать Советскую власть в обмен на продолжение участия Советской России в Первой мировой войне как революционную или под-

держать её противников — белогвардейцев. Выбор был сделан в пользу вторых. Интересна, в связи с принятым решением, оценка представителями Антанты призывов белогвардейцев к интервенции. Один из участников Гражданской войны вспоминает слова английского офицера на обеде, где присутствовал, между прочим, Фритьоф Хансен: «Не понимаю, почему русские патриоты так хлопчут об интервенции. Возьмем, к примеру, хотя бы нас, англичан. Мы — раса моряков, морских разбойников в душе. У себя дома, в Англии, мы — джентльмены. А ведь Россия ваша для нас — колония. Если мы к вам придем с оружием в руках, да еще победителями, мы такого наделаем, что вы о ваших «кровавых» большевиках будете вспоминать как об ангелах» [13].

Иностранная интервенция и последующая Гражданская война в России случились. Ориентация стран Антанты на Белое движение, на наш взгляд, не позволила Советской России участвовать в завершающем этапе Первой мировой войны. Дело в том, что союзники по «сердечному согласию» не воспринимали Россию, желающую по итогам войны укрепить свое влияние на территории Балканского полуострова; стремящуюся в какой-либо форме объединить славянские народы и добиться контроля над проливами Босфор и Дарданеллы, частью «Клуба победителей».

Для России была подготовлена иная участь. К началу Парижской мирной конференции была подготовлена карта «Предлагаемые границы России». Границы были прочерчены таким образом, что за пределами России оказывались не только Польша, Прибалтика и Финляндия, но и часть территории Кольского полуострова и Карелии, Украина, значительная часть Белоруссии, Закавказье, вся Средняя Азия, Сибирь, а также ряд других областей. Восточная граница России проходила по Уралу [14, с. 23].

Русский Юань Шикай — китайский опыт в России. Когда А. В. Колчак возвратился в Россию после более чем годичного пребывания за границей, на территории бывшей империи многое изменилось:

— в июле 1918 г. была расстреляна семья Романовых;

— Советская власть в ряде регионов была свергнута белыми генералами. На востоке и в Сибири наиболее влиятельными были: Комитет членов Учредительного собрания (Комуч) в Самаре и Временное сибирское правительство в Омске. Они имели вооружённые силы: у Комуча — Народная армия, у Временного сибирского правительства — Сибирская армия. Однако и Комуч, и Временное сибирское правительство опирались на чехословацкий корпус. В результате переговоров 23 сентября 1918 г. в Уфе была создана Директория (Временное Всероссийское правительство). Однако 9 октября 1918 г., опасаясь захвата города советскими войсками, Директория переехала в Омск [15, с. 89–90; 96–97].

И опять обратимся к истории Китая и его отношений с европейцами. После Синьхайской революции 1911 г. в Китае британцы, а позднее и американцы, заняли позицию поддержки, как им казалось, перспективного лидера. Этим лидером стал региональный военный деятель Юань Шикай. Последствия этой политики оказались значимыми для дальнейшего развития страны [16, с. 91; 17, с. 46]. Юань Шикай родился 16 сентября 1859 г.

Рис. 1. Юань Шикай с американским посланником в связи с признанием США Китайской Республики. 2 мая 1913 г.
(источник: https://hrono.ru/biograf/bio_yu/istkit7t035.jpg)

Рис. 2. Политическая карта Китая в период Северных милитаристов (1912–1928).
(источник: https://ojkum.ru/pic/qing_china_maps_18.jpg)

и происходил из мелких землевладельцев провинции Хэнань. В 1885–1894 гг. он был наместником в Корее. Во второй половине 1890-х гг. стал командиром корпуса бэйянской (северной) армии. В 1898 г. примкнул к реформаторскому движению Кан Ю-вэя, но вскоре отошел от реформаторов. В 1899–1901 гг. на посту губернатора провинции Шаньдун активно участвовал в подавлении Ихэтуаньского восстания. В 1901–1908 гг. был наместником столичной провинции Чжэнь. В 1909 г. уволен в отставку. После начала Синьхайской революции Юань Шикай, назначенный Цинами премьер-министром, повёл политику лавирования между революционным лагерем и монархией. Опираясь на бэйяную армию и поддержку Великобритании и США, а также используя соглашательские элементы в революционном лагере, он после отречения от престо-

ла Цинской династии добился отказа Сунь Ят-сена от поста временного президента в свою пользу. В мае 1913 г. США признали Китайскую республику (рис. 1). Тогда же Юань Шикай получил от банковского консорциума пяти держав так называемый реорганизационный заём в 25 млн фунтов стерлингов, по условиям которого над Китаем устанавливался всесторонний международный финансовый контроль с Англией во главе. Наличие финансовых средств помогло ему разгромить поднявшееся осенью 1913 г. восстание и установить военную диктатуру. 6 августа 1914 г. Юань Шикай декларировал нейтралитет Китая. В мае 1915 г. правительство Китая приняло «Двадцать одно требование» Японии, что вело к установлению политического, финансового, отчасти административного и военного контроля над страной. В декабре 1915 г. Юань Шикай

объявил о решении стать императором, чем вызвал широкое антимонархическое движение. В разгар этого движения 6 июня 1916 г. Юань Шикай внезапно умер, возможно приняв яд [17, с. 47–49; 18].

Современные историки, включая ученых из КНР, активно ищут и популяризируют положительные моменты в деятельности Юань Шикая [17, с. 46–47, 49]. Мы же отметим, что объективно, первый президент Китайской республики, являясь монархистом по убеждению, блокировал процессы, начатые Синьхайской революцией, и способствовал империалистическому закабалению Китая. После его смерти страна вновь распалась и вступила в период, названный «эрой милитаристов». Последнее не помешало европейцам, американцам и японцам продолжить колониальную политику в Китае (рис. 2).

Россия 1918 г. представлялась британским политикам страной, где армии белых генералов свергли Советскую власть в отдельных регионах и для окончательной «победы над большевиками» и устранения споров между странами Антанты был необходим диктатор. В августе 1918 г. в Токио состоялась беседа английского генерала А. Нокса с А. В. Колчаком. В Поволжье, на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке существовали еще областные правительства. Собеседники пришли к выводу о необходимости военной диктатуры. Создание армии должно было идти при помощи английских инструкторов [15, с. 37].

Отметим, что беседа именно с адмиралом А. В. Колчаком имела свою предысторию. Первый опыт общения будущего «Верховного правителя» с заграницей произошел в годы Русско-японской войны. Англия и США, обеспокоенные усилением России на Дальнем Востоке, поддерживали Японию. Участник войны А. В. Колчак оказывается в японском плену. После плена он отбывает в США, затем в Великобританию. По возвращению из поездки начинается стремительный карьерный рост А. В. Колчака. Он становится постоянным членом думской комиссии по обороне, принимает участие в определении стратегии обороноспособности Империи. В итоге принимается крайне неоднозначная программа строительства ВМФ России. В годы мировой войны в нарушении правил и предписаний капитан второго ранга стремительно продвигается по должностям и званиям вплоть до адмирала.

Причина быстрого продвижения А. В. Колчака (англомана по взглядам и убеждениям. Примечание мое. — **С. В. Новиков**) по службе заключается в том, что он, желая того или нет, попал в сферу влияния английской разведки и был поддержан английским лобби в России. После февраля 1917 г. начинаются прямые контакты адмирала с военными США и Англии, которые завершатся его переходом на военную службу Великобритании. «Союзников» интересуют два вопроса: планы России по установлению контроля над проливами, позволяющими иметь выход из Черного моря, а также минные заграждения в Балтийском море, обеспечивающие безопасность российской столицы. Адмирал в силу своего должностного положения посвящен в обе проблемы и демонстрирует лояльность по отношению к «союзникам» [14, с. 23, 24, 25].

13 октября 1918 г. в вагоне генерала А. Нокса в Омск прибыл А. В. Колчак. Адмирал предпочитал позиционировать себя военным, но свою политическую позицию, отвечая на вопрос участника Политцентра А. Н. Алексеевского во время дачи

показаний Чрезвычайной следственной комиссии 27 января 1920 г., обозначил следующим образом: «... и к правительству большевиков, и к Учредительному Собранию, которое было разогнано большевиками, отношение было отрицательное» [1, с. 164]. Судьба Директории с умеренными социалистами в её составе была предрешена.

Еще летом 1918 г. страны Антанты, начавшие интервенцию в Советскую Россию, заявляли о необходимости создания структуры, способной:

— во-первых, объединить действия всех иностранных военных агентов, атташе, продолжавших свою работу с противниками большевиков;

— во-вторых, скоординировать военные поставки антибольшевистским силам.

Актуальность данного вопроса возросла после установления 18 ноября 1918 г. власти Верховного правителя России адмирала А. В. Колчака. Предполагалось создание за рубежом единого российского военно-политического центра [13]. В то же время установление военной диктатуры лица, находящегося на британской службе, как казалось англичанам, выводило Великобританию на ведущую роль в решении русского вопроса.

Однако положение адмирала, провозглашенного Верховным правителем, было не столь прочно, как положение ранее упомянутого Юань Шикая.

Обратимся к характеристике личности адмирала, сделанной от имени француза Пьера Бержерона в записках, стилизованных под «Записки о большевистской революции» Жака Садуля. Записки принадлежат перу эмигранта В. Максимова и поданы в качестве самостоятельного произведения с авторством несуществующей личности составителем и редактором сборника «Прости, великий адмирал» В. Л. Казаковым в 1992 г. Читаем: «Имя самого Адмирала мало что говорило мне, а наспех собранные мною скудные сведения о нем свидетельствовали не в его пользу: потомственный морской офицер с научными наклонностями, далек от политики, амбициозен только в своей области, боевой опыт ограничен, вспыльчив, неопределенных политических взглядов. В столь судьбоносные для страны дни вождю, на мой взгляд, требовались несколько иные качества» [19, с. 36].

Первой, в Омске, неприятностью для А. В. Колчака стало непризнание его Гайдой (Гайда Радола, настоящее имя и фамилия — Рудольф Гейдель. Примечание мое. — **С. В. Новиков**) одним из инициаторов и руководителей мятежа Чехословацкого корпуса, с сентября 1918 г. генерал-майора, командующего 2-й Чехословацкой дивизией, с октября — Екатеринбургской группой. Последний прислал в Совет министров телеграмму о несоответствии Верховного правителя Адмирала Колчака высокому назначению и просил отстранить Адмирала Колчака, а его, Гайду, назначить Верховным правителем. Требование, сколь соответствующее авантюрному характеру Гайды, столь и характеризующее реальное положение дел — Екатеринбург с окружающим его районом горнозаводского округа был взят войсками под командой Гайды. Он опирался на чехословацкий корпус и пользовался поддержкой французского генерала М. Женена, назначенного верховным главнокомандующим Антанты маршалом Ф. Фошем командующим войсками Антанты в России [19, с. 38; 20, с. 77]. Вмешательство генерала А. Нокса и Английского батальона (Канадские стрелки), казалось, разрешили конфликт в пользу Адмирала [21, с. 16–17].

Помимо того, о несоответствии адмирала должности Верховного правителя и Верховного главнокомандующего заявил генерал Г. И. Клерже. Атаман Г. М. Семенов 23 ноября по телефону передал А. В. Колчаку ультиматум — в течение 24 часов отказаться от власти и сдать её или генералу Д. Л. Хорвату, или А. И. Деникину, или А. И. Дутову, которым он готов был подчиниться. В противном случае Г. М. Семенов обещал объявить всю Восточную Сибирь автономией. Ультиматум был опубликован в газете «Новая жизнь» г. Харбина. Между тем за Г. М. Семеновым стояла Япония. Не желал признавать А. В. Колчака и атаман Б. В. Анненков, он ориентировался на другую кандидатуру военного диктатора П. П. Иванова-Ринова [22, с. 164, 166–168].

В декабре 1918 г., по воспоминаниям личного адъютанта Верховного правителя Адмирала А. В. Колчака ротмистра В. В. Князева, в Троицке был «... собран круг Оренбургского казачьего войска, на который были приглашены: ад. Колчак, генерал Нокс, генерал... Ой, все офицеры английские, американские, французские, итальянские, японские и русские. 20-го декабря 1918 г. Адмирал переехал от Волкова в дом Батюшкова на берегу Иртыша» [20, с. 78]. Казалось, что противоречия как внешние франко-английские и американско-японские, так и внутренние между лидерами Белого движения преодолены.

В ночь с 22 на 23 декабря 1918 г. началось, жестоко подавленное, Куломзинское восстание. В восстании приняли участие 500–600 чел. По официальным данным было убито 247 чел., затем расстреляно 117. Еще 13 человек приговорены к каторжным работам и тюремному заключению. О тысяче погибших писал и британский полковник, командир Канадских стрелков Дж. Ворд (в ряде работ — Уорд. Замечание мое. — **С. В. Новиков**), который отправился с солдатами для усиления охраны резиденции адмирала, охраняемого 22 сибирскими уланами и тремя офицерами конвоя. Восстание подавляли, как говорится, «всем миром»: Канадские стрелки охраняли А. В. Колчака, чехословаки пресекали возможное восстание нескольких тысяч венгерских военнопленных, казаки атамана И. Н. Красильникова «наводили порядок» в рабочих предместьях, офицеры-монархисты «разбирались» с политическими оппонентами режима [9, с. 36; 22, с. 178; 23; 24; 25].

Помимо рабочих и их лидеров-большевиков в «неразберихе» в ночь на 23 декабря офицерами были казнены деятели так называемой демократической контрреволюции, Учредительного собрания, эсеры Н. В. Фомин, А. А. Брудерер, И. И. Девятков, Г. Н. Саров, меньшевики И. И. Кириенко и В. И. Гутовский (он же Е. Маевский), управделами съезда членов Учредительного собрания Н. Я. Барсов, земские деятели В. А. Марковецкий, А. И. Лиссау, фон-Мекк. Поручик Ф. А. Барташевский привел выведенных из тюрьмы на заснеженный берег Иртыша. Там члены Учредительного собрания — «хозяева земли русской» — были расстреляны и переколоты штыками. Как по-чёрному шутили в декабрьском Омске — «отправлены в Республику Иртыш» [23].

По свидетельству известного в то время российского публициста и политического деятеля Анатолия Гутмана (А. Гана), узнав об убийстве учредителей, А. В. Колчак «...был настолько этим известием потрясён, что впал в бесчувственное состояние. Адмирал отдавал себе отчёт, что этим фактом нанесён

тяжёлый удар престижу его власти и что для эсеров и большевиков он послужит материалом против омской власти» [23]. Чего больше опасался Верховный правитель: непризнания демократическими режимами Франции, Великобритании и США или возобновления союза большевиков и умеренных социалистов — является темой научной дискуссии.

Но реальной проблемой А. В. Колчака было недостаточное количество находящихся в его распоряжении вооружённых сил и, как следствие, зависимость от иностранных воинских контингентов. Так, Чехословацкий корпус составлял от 30 до 70 % воюющих с советскими соединениями сил. Всего в крае находилось около 250 тыс. военнослужащих Англии, Франции с Чехословацким корпусом, США, Италии. Здесь же были японцы с подчинёнными им китайцами и около пяти тысяч поляков [9, с. 36, 37].

На первое мая 1919 г. в действующей армии насчитывалось 450158 чел.: это 3 армии, 2-й стрелковый корпус, корпус атамана Г. М. Семенова, группа генерала С. Н. Розанова, боевой состав Омского, Иркутского, Приморского военных округов [22, с. 196]. Войска были разбросаны по огромной территории Сибири и Дальнего Востока. Их командиры не всегда подчинялись «верховному». При этом мобилизационные ресурсы края, в сравнении с контролируемыми Советской властью территориями, были ничтожны. Обратимся к введенной ранее в научный оборот рукописи воспоминаний преподавателя Омского сельскохозяйственного института им. С. М. Кирова В. В. Назаренко «Воспоминания о Гражданской войне на Семиреченском фронте в период 1918–1920 гг.», служившего по мобилизации в так называемой «Русской армии» в Омске. Автор воспоминаний пишет: «Белое правительство как огня боялось привлекать в неё контингент старших возрастов, которые вдоволь испытали ужасы войны и окопной жизни. И оно решилось призвать только два года рождения: 1898 г. и 1899 г. К тому же, не надеясь на рабочих и крестьян-фронтовиков Первой мировой войны, правительство провело мобилизацию среди алтайских калмыков и среди старших возрастов «кто имел образование не ниже 7 лет обучения» [26, с. 16, 21]. Атаман Б. В. Анненков набирал в свои части китайцев-хунхузов [9, с. 36].

Отдельно следует указать на требование мобилизованных выдать им «документ, который бы подтверждал, что они взяты в армию не добровольно, а по насильственной мобилизации». С февраля 1919 г. за подобное требование призываемый подлежал смертной казни. Летом 1919 г. в результате мобилизаций армия пополнилась 56 тыс. солдат, но массовым явлением стало дезертирство [22, с. 194–195, 197]. Сил для борьбы с советскими войсками, рабочими выступлениями и партизанским движением критически не хватало. Началось разрушение режима.

В сложившейся ситуации различного рода проекты государственного устройства, а также предложения по аграрному, рабочему и национальному вопросам можно характеризовать как демонстрацию намерений.

«Русский вопрос» и Версальско-Вашингтонская система. В начале октября 1918 г. кайзеровское правительство объявило о готовности к мирным переговорам с Антантой. По мнению специалиста по истории мировых войн профессора истории Военного колледжа армии США (Карлайл, Пенсильва-

ния) Майкла Ниберга, отношение к предложению было встречено союзниками неоднозначно. Британцы и французы, изнуренные кровопролитием, пытались покончить с боями как можно раньше. Они рассчитывали добиться этого до наступления зимы 1918—1919 гг., которая предоставила бы Германии необходимую для нее передышку и позволила бы перебросить солдат из России и Украины во Францию и Бельгию. Британские и французские генералы также понимали, что подписываемый в 1919 или 1920 г. мир будет заключаться на американских условиях. Они понимали, что им, в отличие от американцев, придется по-прежнему жить рядом с немцами даже после прекращения войны. США были готовы вести военные действия в 1919 и даже в 1920 г. Переговоры об условиях перемирия затянулись.

Как результат, в начале ноября 1918 г. вспыхнуло восстание немецких матросов в г. Киль. Подавить восстание не удалось. Началась ноябрьская революция. Монархия пала. Набор требований Антанты к впавшей в революционный хаос Германии включал в себя вывод немецких войск из Эльзаса и Лотарингии, Бельгии, Рейнской области; передачу союзникам всех германских кораблей, аэропланов и тяжелых орудий; отмену договоров, навязанных Германией России и Румынии; создание союзных стратегических плацдармов вдоль Рейна. 11 ноября 1918 г. немецкая сторона подписала Компьенское перемирие, прекратив боевые действия, но оставив выработку окончательных условий мира будущей конференции [27].

Неоднозначность подходов стран Антанты к России проявилась в ходе Парижской мирной конференции, проходившей с 18 января 1919 г. по 21 января 1920 г. Речь шла и об участии в её работе представителей бывшей Российской империи, и о роли и месте России в будущем миропорядке.

Россияне, несмотря на факт революции, повлекшей эмиграцию или участие в Гражданской войне, в том или ином виде высказали свою позицию.

Поскольку единого антисоветского правительства не существовало, в конце декабря 1918 г. представителями эмиграции было создано Русское политическое совещание в составе Г. Е. Львова, С. Д. Сазонова, В. А. Маклакова и Н. В. Чайковского. Члены совещания просили союзные государства допустить их на конференцию в качестве представителей от России [28, с. 114].

Адмирал А. В. Колчак, провозглашенный Верховным правителем и Верховным главнокомандующим, по воспоминаниям В. В. Назаренко, находясь в Омске, жестко критиковал Антанту, «...которая, победив кайзеровскую Германию, диктует условия мира без участия России, которая вынесла основную тяжесть войны» [26, с. 19]. Впрочем, «Верховным» страны Антанты, русская эмиграция, как и белые генералы, адмирала признавать не спешили.

В декабре 1918 г. уполномоченный Народного комиссариата по иностранным делам в Лондоне М. М. Литвинов обратился к американскому президенту с нотой, в которой выражал надежду, что страны Антанты, принимая решение относительно России, признают справедливым требование выслушать точку зрения Советского правительства [28, с. 114].

Отметим, что формально страны-победительницы имели право не согласовывать свои решения с представителями РСФСР, подписавшей 3 марта 1918 г. в Брест-Литовске мирный договор Со-

ветской России с кайзеровской Германией и ее союзниками. Договор закрепил выход Советской России из Первой мировой войны. Но и антисоветские правительства борьбу с Германией на стороне Антанты не продолжили. А вооруженные силы стран Антанты находились на территориях России, и её военнослужащие принимали участие в борьбе на стороне белых.

В качестве инициатора переговоров выступили американцы. Дело в том, что 5 ноября 1918 г. на выборах в Конгресс Республиканская партия увеличила свое представительство в Сенате на пять человек, а в Палате представителей — на 25. Президенту-демократу В. Вильсону было необходимо внести в деятельность, пусть внешнеполитическую, но, как говорится, свежую струю [27].

Предвидя протесты французской стороны, В. Вильсон предложил пригласить представителей России не в Париж, а в другое место, например в Салоники (Греция). А 22 января 1919 г. Верховный совет союзных государств обратился ко всем существующим российским правительствам с декларацией, в которой предлагал послать своих представителей на Принцевы острова (Турция), где они должны были встретиться с представителями союзных держав. Условиями созыва конференции являлись перемирие. Советское правительство в принципе согласилось с проектом конференции, о чем уведомило правительства государств Антанты. Однако против любых договоренностей с Москвой выступили А. В. Колчак и А. И. Деникин [28, с. 115—116].

При этом если А. И. Деникин придерживался позиции французского премьера Жоржа Клемансо и рассчитывал на всестороннюю помощь Франции, то позиция А. В. Колчака была продиктована Британскими подходами к решению вопроса. «Верховный», будучи флотским офицером, сориентировался на Уинстона Черчилля, известного ему в 1911—1916 гг. как первый лорд адмиралтейства (военно-морской министр), а в 1919—1922 гг. занимавшего пост военного министра и министра авиации. Последний, в отличие от главы британского Кабинета министров Д. Ллойда Джорджа, являлся ярым сторонником расширения интервенции и «торпедировал» все усилия главы Кабинета министров, направленные на переговоры с Советами [29, с. 93—95].

Но, несмотря на позицию Франции и неоднозначность подходов к русскому вопросу в Великобритании, В. Вильсон решился на контакты с Советским правительством. Как пишет российский исследователь С. Б. Дронов: «В марте 1919 г. Буллит вместе со своим помощником капитаном Петитом и журналистом Стефансом прибыл в Москву. В ходе переговоров 7—9 марта 1919 г. с представителями Советского правительства был согласован общий план нормализации отношений России с Антантой. Предусматривалось прекращение боевых действий и созыв конференции, на которой был бы подписан мирный договор. Его условиями были: признание власти всех фактически существовавших на территории бывшей Российской империи правительств; вывод иностранных войск; прекращение иностранной помощи антибольшевистским правительствам; отмена экономической и политической блокады; предоставление права гражданам России и союзных государств свободно перемещаться через границы; обеспечение гарантированной свободы провоза транзитных грузов по всей территории бывшей Российской империи; освобождение воен-

Рис. 3. Изданная на Западе карта России во время Гражданской войны 1918–1922 гг. (источник: https://oldgravura.ru/uploads/prod/prod_58c977fe49af2.jpg)

нопленных и политических заключенных. Одним из важных пунктов соглашения было признание московским и всеми другими существовавшими в России правительствами долгов бывшей Российской империи» [28, с. 117].

Перед нами текст проекта документа, юридически закрепляющего расчленение страны и в случае его принятия устанавливающий режимы военных диктатур той или иной формы. Имеет место изданная в Европе карта России, относящаяся к указанному периоду. Она указывает возможные границы на территории бывшей Империи (рис. 3). Что касается документа, то обращают на себя внимание такие его пункты, как «предоставление права гражданам России и союзных государств свободно перемещаться через границы», «обеспечение гарантированной свободы прохождения транзитных грузов по всей территории бывшей Российской империи». Отметим, что, как и в Китае первой четверти XX в., вопрос о форме правления, будущем государственности не имел для бывших союзников какого-либо значения. Главное — обеспечить гарантии сохранения интересов США и Великобритании.

В марте 1919 г. началось наступление Восточного фронта Русской армии против Восточного фронта красных. Тактически верное решение — удар в стык между левым флангом 5-й и правым флангом 2-й советских армий определило временный успех. Наступление оживило надежды Антанты на падение Советской власти. Ллойд Джордж деэвакуировал Буллита в качестве своего посланника, а В. Вильсон отказался его принять. Президент США склонялся к мысли о признании А. В. Колчака Верховным правителем России [28, с. 118].

Франция решала другие, отчасти противоречивые, задачи. Во-первых, угрожающим выглядело распространение большевизма, идеологии, сократившей в 1917 г. российское Временное правитель-

ство и завоевывавшей все больше последователей на Европейском континенте, включая Германию. Подъем левых сил вызвал рост правых движений, самыми известными из которых стали полувоенные формирования Freikorps. Опасность гражданской войны и советизации в Германии, Италии, Венгрии и др. странах угрожала подорвать любое мирное соглашение. Исходя из этого, маршал Ф. Фош позволил немцам внести в условия перемирия поправку: им разрешалось сохранить легкое вооружение, включая пулеметы, которое могло понадобиться для предотвращения большевистского восстания внутри Германии [27]. Во-вторых, Франция оставалась один на один с послевоенной Германией и старалась подстраховаться созданием «Малой Антанты» — альянса Чехословакии, Румынии и Югославии. Целью союза было сдерживание венгерского ирредентизма и предотвращение воссоздания монархии Габсбургов в Австрии или Венгрии. Для Франции альянс давал возможность открытия второго фронта в случае войны с Германией. Одновременно он становился буферной зоной между Советской Россией и буржуазной Европой [9, с. 38]. Как следствие, заинтересованность в создании независимого Чехословацкого государства. 1 февраля 1919 г. Чехословацкий корпус был переименован в Чехословацкую армию в России. Но чехи продолжали участвовать в отличающихся звериной жестокостью карательных операциях, подымая градус социального противостояния. При попустительстве французов они мародерствовали — из России было вывезено 20000 вагонов материальных ценностей, вложенных в развитие Чехословакии [9, с. 37].

В последних числах апреля 1919 г. советские войска Восточного фронта перехватили инициативу у белых. В ходе Бугурусланской, Белебейской, Сарапуло-Воткинской и Уфимской операций были разбиты и отброшены в предгорья Урала лучшие части Русской армии. Развивая успех, войска Восточного фронта преодолели Урал и двинулись по Сибири на Восток...

Как указывает Майкл Ниберг, по подписанию Компьенского перемирия «... британский, французский и американский народы не без оснований начали требовать возвращения домой своих сыновей, братьев, мужей. У политиков не было иного выхода, как прислушаться к этому — как с тем, чтобы удовлетворить избирателей, так и для того, чтобы сократить грандиозные военные расходы» [27]. В указанных условиях режим адмирала А. В. Колчака был обречен, не только как всероссийский, но и как региональный.

Как впоследствии вспоминал В. В. Князев: «Очевидно, в истории бывают моменты, когда не в силах одного человека преодолеть окружающее — не это ли заставило Адмирала просить многих русских людей приехать к нему в Омск и помогать ему? Просил Ген. Хорвата, просил князя Кудашева (посла в Китае), просил Бахметьева (посла в США), просил посла в Японии Крупенского, просил Ген. Деникина предлагать офицерам генерального штаба ехать к нему, морскому эксперту мирового масштаба, но не военному, армейскому. Писал во Францию, в Германию, в Англию, в Америку — видным людям по политической, общественной и экономической деятельности... Но голос Адмирала оказался вопиющим в пустыне...» [20, с. 84].

В изданной ранее статье автор уже представлял фотографию, где генерал А. Нокс изображен вместе с А. В. Колчаком на футбольном матче вес-

Рис. 4. На футбольном матче. Верховный Правитель А. В. Колчак и А. В. Тимирева (сидят). Рядом с Тимиревой, скорее всего, жена генерала А. Н. Гришина-Алмазова. Позади адмирала стоит генерал Альфред Нокс, в центре (справа у скамейки) – служивший при английском генерале полковник Павел Павлович Родзянко с группой офицеров Британской военной миссии. Омск. Весна 1919 г. (источник: https://ic.pics.livejournal.com/sergey_v_fom/72076302/2345375/2345375_600.jpg)

ной 1919 г. [9, с. 34] (рис. 4). Данное фото хорошо известно. Вопрос один: понимал ли А. В. Колчак свое положение в качестве «верховного» при «союзниках» и осознавал ли неизбежность поражения в случае их ухода?

Однако вернемся к В. В. Князеву, рассказавшему, что на зов А. В. Колчака из Франции приехал только один человек: профессор, бывший Гродненский гусар, генерал Н. Н. Головин. «Ознакомившись с положением фронта в штабе и объехав многие позиции, он сказал Адмиралу: "К величайшему сожалению, мой приезд в Сибирь к Вам, Александр Васильевич, подобен вызову врача к больному, у которого остановился пульс. Генерал Головин в глубокой печали распрощался с Адмиралом и уехал во Францию. На меня его отъезд произвел впечатление отъезда с похорон"» [20, с. 85].

Дальнейший ход событий хорошо известен. Только один момент вызывает недоумение: как вышло, что «Верховный главнокомандующий» вместо отступления в составе Русской армии оказался на железнодорожном вокзале? Возникает ассоциация о командированном, российском адмирале на английской службе, который — прибыл в купе поезда, отработал — и опять в купе.

В сентябре 1920 г. по приглашению председателя Моссовета А. Б. Каменева в Советскую Россию прибыл всемирно известный фантаст, а также один из представителей консервативных деловых и политических кругов Великобритании и США Герберт Дж. Уэллс. 6 октября он встретился с Председателем Совета Народных комиссаров (СНК) В. И. Лениным. По результатам встречи он сделал неожиданные для этих кругов выводы о том, что: коммунизм может быть огромной творческой силой, а СНК является единственным правительством способным предотвратить окончательный уход России из семьи цивилизованных народов. В рамках практической части разговора с лидером большевиков Г. Дж. Уэллс поведал о проекте «одного американца», предусматривающего оказание экономиче-

ской помощи России, признание большевистского правительства, заключение оборонительного союза против японской агрессии в Сибири, создание американской военно-морской базы на Дальнем Востоке и концессию сроком на пятьдесят-шестьдесят лет на разработку богатств Камчатки... Справедливости ради отметим, что о принятии столь «заманчивых» предложений председатель СНК не высказывался. Вывод Г. Дж. Уэллса был однозначен — «мы должны приспособиться к большевистскому правительству, нравится нам это или нет» [30, с. 71, 76, 79].

Несколько иную позицию занимала Франция. После сложения полномочий и отъезда А. И. Деникина, 10 августа 1920 г. Франция официально признала правительство генерала П. Н. Врангеля. А 30 августа 1920 г. в английских газетах опубликован текст договора между Францией и генералом Врангелем.

Врангель гарантировал французам признание финансовых обязательств русских правительств относительно Франции в полном объеме и выплаты долгов с рассрочкой в 35 лет и годовым процентом в 6,5 %. Гарантировалось предоставление Франции в эксплуатацию всех русских железных дорог, всего экспортируемого с Украины и Кубани зерна и право на 3/4 русской продукции нефти и 1/4 угля донецкого бассейна [13]. Становится понятным официальное признание генерала, которого не удостоился даже адмирал А. В. Колчак. Но белых это уже не могло спасти. 2 ноября белый Крым пал. Интервенция и Гражданская война в России закончились.

Заключение. Широкомасштабность событий 1917–1920 гг. в России, в купе с устанавливающейся по результатам Первой мировой войны геополитической картиной мира, определяют значимость событий, происходящих в г. Омске в период с 18 ноября 1918 г. по 12 ноября 1919 г. (со дня приведения к власти в Омске Колчака до дня его бегства из города) менее значительными, чем их представляли и представляют исследователи.

В условиях интервенции и Гражданской войны было бы некорректно обозначать г. Омск как столицу белой России, а адмирала А. В. Колчака как политического лидера Белого движения, сосредоточившего в своих руках исполнительную, законодательную, судебную и военную власть, даже учитывая различия ориентаций вождей Белого движения на те или иные государства и различия геополитических задач, решаемых бывшими союзниками России по Антанте.

Представляется ли возможным характеризовать лидеров Белого движения, включая А. В. Колчака, патриотами своей страны — остается вопросом мировоззренческого характера.

Что касается колониальных устремлений «союзников» России, то они разбились, столкнувшись с диктатурой пролетарского государства/ большевиков. Вследствие «смуты», отсчет которой начинается с февральского переворота, «союзники» не позволили России реализовать свои геополитические устремления. Однако подчинить её своему влиянию, установив военную диктатуру или расчленив на части, им тоже не удалось.

Советское правительство, действуя за рамками Версальско-Вашингтонской системы, успешно восстановило территориальную целостность государства в форме СССР в 1922 г. и возвратило основные отпавшие в результате Первой мировой войны регионы к 1940 г.

Список источников

1. Допрос Колчака // Колчак Александр Васильевич — последние дни жизни / сост. Г. В. Егоров. Барнаул: Алтайское кн. изд-во, 1991. С. 57—285.
2. Колчак Александр Васильевич (1873—1920) // Сибирская советская энциклопедия в четырех томах. Т. 2. 3-К. Новосибирск: Западно-Сибирское отделение ОГИЗ, 1931. С. 831—833.
3. Петров В. И. Колчак Александр Васильевич // Советская Военная Энциклопедия. В 8 т. / Пред. гл. ред. комиссии Н. В. Огарков. Москва: Воениздат. Т. 4. 1977. С. 249.
4. Новиков М. С. Русские националисты и державники в Западной Сибири на рубеже эпох: лидеры, организации, пресса: моногр. / под ред. С. В. Новикова. Омск: ИП Макшеевой Е. А., 2020. 280 с.
5. Плотников И. Ф. Александр Васильевич Колчак: исследователь, адмирал, Верховный правитель России. Москва: ЗАО Изд-во Центрполиграф, 2002. 702 с.
6. Хандорин В. Г. Национальная идея и Адмирал Колчак. Москва: Изд-во Ун-та Дмитрия Пожарского, 2017. 616 с. ISBN 978-5-91244-202-5.
7. Смолин А. В. Взлёт и падение Адмирала Колчака. Санкт-Петербург: Наука, 2018. 237 с. ISBN 978-5-02-039687-6.
8. Цветков В. Ж. Основные тенденции и перспективы изучения Белого движения // Россия в годы Гражданской войны, 1917—1922 гг.: очерки истории и историографии / отв. ред. Д. Б. Павлов. Москва; Санкт-Петербург: Центр гуманитарных инициатив, 2018. С. 239—262. ISBN 978-5-8055-0340-6.
9. Новиков С. В. Адмирал Колчак в Омске: к истории Гражданской войны в России и геополитического передела Европы после Первой мировой войны // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2020. Т. 5, № 4. С. 31—41. DOI: 10.25206/2542-0488-2020-5-4-31-41. EDN: SFRTVA.
10. Козлов А. М. Китай: «Боксерское» восстание 1898—1902 гг. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2011. Вып. 2 (94). С. 344—347. EDN: NDLCUF.
11. Боксерский протокол, 1901, 7 сентября URL: <https://doc20vek.ru/node/4332> (дата обращения: 12.08.2024).

12. Новиков С. В. Революции 1905, 1917 гг. в восприятии «старых большевиков» // Россия в период революционных трансформаций (100-летию революции в России посвящается): материалы всерос. науч. конф. (Омск, 27 февраля 2017 г.) / отв. ред. С. А. Величко. Омск: Омская юридическая академия, 2017. С. 26—32.

13. Мальцев Д. А. Англо-французская конвенция о разделе России на сферы влияния. 1917. Англо-американской интервенция на Юге России // Военная интервенция и Гражданская война в России (1918—1920 годы). URL: <https://vk.com/@-97220602-anglo-francuzskaya-konvenciya-o-razdele-rossii-na-sfery-vliy> (дата обращения: 13.08.2024).

14. Шалак А. В. Политический портрет Колчака: историко-геополитическая интерпретация // Вестник гуманитарного образования. 2020. № 1 (17). С. 22—29. DOI: 10.25730/VSU.2070.20.002. EDN: ILJSWA.

15. Иоффе Г. З. Колчаковская авантюра и ее крах. Москва: Мысль, 1983. 294 с.

16. Рыбель Д. А. Принципы британской политики в Китае в октябре 1911—феврале 1912 года // Фундаментальные исследования. 2007. № 8. С. 90—91. EDN: IJVDF.

17. Каретина Г. С. Идеино-политическая ориентация представителей китайского милитаризма 10—20-х годов XX в. // Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук. 2011. № 1. С. 46—53. EDN: OWPZBR.

18. Юань Шикай. 1956—1916 // Хронос. URL: https://www.hrono.ru/biograf/bio_yu/yuan_shi_kay.php (дата обращения: 15.08.2024).

19. Бергерон П. «...Адмирал: идущие на смерть приветствуют тебя» // Прости, великий адмирал!.. Эскиз к портрету Александра Васильевича Колчака. Барнаул: Алтайское книжное изд-во, 1992. 71 с. ISBN 5-7405-0101-6.

20. Князев В. В. Жизнь для всех и смерть за всех. Записки личного адъютанта Верховного правителя Адмирала А. В. Колчака ротмистра В. В. Князева. Тюмень: Тюмен. асоц. литераторов; Кирово-Чепецк: Ассоц. «СтромВятка», 1991. С. 62—88. ISBN 5-86020-196-6.

21. Новиков С. В. Гайда Радола и чехи. Из истории контрреволюции и Гражданской войны в России // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2018. № 4. С. 15—20. DOI: 10.25206/2542-0488-2018-4-15-20. EDN: YPEMHJ.

22. Тимонин Е. И., Порхунев Г. А. Борьба за власть: революция и контрреволюция в Сибири (1917—1922): моногр. Омск: Омский экономический ин-т, 2007. 308 с. ISBN 9785-94502-143-3.

23. Гутман Анатолий (Ган А.). Декабрьское восстание в Омске в 1918 г. (часть 1). URL: <https://stariy-vojn.livejournal.com/47739.html> (дата обращения: 23.08.2024).

24. В «республику Иртыш». Неудавшееся восстание и офицерский самосуд в Омске // АйФ-Омск. 2023. 21 декабря. URL: <https://dzen.ru/a/ZYOzzMxmhj9wxv44> (дата обращения: 23.08.2024).

25. Восстание большевиков в Омске (Куломзинское восстание). URL: <https://omsk-kprf.ru/node/5945> (дата обращения: 23.08.2024).

26. Назаренко В. В. Воспоминания о Гражданской войне на Семиреченском фронте в период 1918—1920 гг. (машинопись) // Личный архив профессора С. В. Новикова. 53 с.

27. Ниберт М. Сражение, перемирие, конференция: осень 1918-го и завершение Первой мировой войны. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/neprikosnovennyi_zapas/122_nz_6_2018/article/20548/ (дата обращения: 25.08.2024).

28. Дронов С. Б. Парижская мирная конференция 1919 г. и попытки урегулирования взаимоотношений с Советской Россией: французский и американский подходы // Социально-экономические явления и процессы. 2010. № 4 (20). С. 114—120. EDN: MVGUCD.

29. Плешко А. В. Роль У. Черчилля в решении «Русского вопроса» на Парижской мирной конференции // Вестник Че-

лябинского государственного университета. 2015. №. 6 (361). С. 92–99.

30. Уэлс Г. Дж. Россия во мгле. Москва: Госполитиздат, 1958. 103 с.

НОВИКОВ Сергей Валентинович, доктор исторических наук, профессор (Россия), профессор кафедры философии, истории, экономической теории и права Омского государственного аграрного университета имени П. А. Столыпина, г. Омск.

SPIN-код: 7226-1354

AuthorID (РИНЦ): 650930

Адрес для переписки: zatoncherlak62@inbox.ru

Для цитирования

Новиков С. В. «А был ли Колчак?»: к вопросу об обстоятельствах прописки имени российского морского офицера в политической истории // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2025. Т. 10, № 1. С. 8–19. DOI: 10.25206/2542-0488-2025-10-1-8-19. EDN: KIUKEU.

Статья поступила в редакцию 04.09.2024 г.

© С. В. Новиков

«WAS THERE KOLCHAK?»: THE REASONS AND RESULTS OF THE RUSSIAN NAVAL OFFICER PARTICIPATION IN POLITICAL HISTORY

The article is devoted to the analysis of the political and military activities of Admiral A. V. Kolchak during the Russian Civil War. As part of the discussion, the author addresses not only national, but also universal history, considering the experience of English and American colonialism in China. The author believes that Admiral Kolchak's activities in Siberia are the reflection of the Anglo-French contradictions and attempts by the British and Americans to create a figure equal to Yuan Shikai, given the deformation of the colonial aspects of the Entente countries' policy in relation to Russia and the growing contradictions among the anti-Bolshevik forces. The relevance of the attempt to implement the Chinese scenario for Russia increased or decreased depending on the course of formation of the Versailles-Washington system implying contradictions between the United States, the British Empire and Japan. Within the framework of the study, questions are considered about the possibility of Admiral A. V. Kolchak to influence other leaders of the «White Cause», his political and military dependence on the Entente countries, as well as the economic and social possibility of creating a structure in Siberia capable of defeating Soviet Russia.

Keywords: Entente, First World War, Civil War in Russia, intervention, Warlord Era, White movement, Admiral A. V. Kolchak.

References

1. Dopros Kolchaka [Interrogation of Kolchak] // Kolchak Aleksandr Vasilievich — posledniye dni zhizni. *Kolchak Alexander Vasilievich — the last days of life* / comp. G. V. Egorov. Barnaul, 1991. P. 57–285. (In Russ.).
2. Kolchak Aleksandr Vasilievich (1873–1920) [Kolchak Alexander Vasilievich (1873–1920)] // *Sibirskaya sovetskaya entsiklopediya* [Siberian Soviet Encyclopedia. In 4 vols. Vol. 2]. Novosibirsk, 1931. P. 831–833. (In Russ.).
3. Petrov V. I. Kolchak Aleksandr Vasil'yevich [Kolchak Alexander Vasilievich] // *Sovetskaya Voyennaya Entsiklopediya*. V 8 t. T. 4. [Soviet Military Encyclopedia. In 8 vols. Vol. 4]. Moscow, 1977. P. 249. (In Russ.).
4. Novikov M. S. Russkiye natsionalisty i derzhavniki v Zapadnoy Sibiri na rubezhe epokh: lidery, organizatsii, pressa [Russian nationalists and sovereigns in Western Siberia at the turn of the epoch: leaders, organizations, press] / Ed. by S. V. Novikov. Omsk, 2020. 280 p. (In Russ.).
5. Plotnikov I. F. Aleksandr Vasilievich Kolchak: issledovatel', admiral, Verkhovnyy pravitel' Rossii [Alexander Vasilievich Kolchak: researcher, admiral, Supreme ruler of Russia]. Moscow, 2002. 702 p. (In Russ.).
6. Khandorin V. G. Natsional'naya ideya i Admiral Kolchak [National idea and Admiral Kolchak]. Moscow, 2017. 616 p. ISBN 978-5-91244-202-5. (In Russ.).
7. Smolin A. V. Vzlet i padeniye Admirala Kolchaka [The rise and fall of Admiral Kolchak]. Saint Petersburg, 2018. 237 p. ISBN 978-5-02-039687-6. (In Russ.).
8. Tsvetkov V. Zh. Osnovnyye tendentsii i perspektivy izucheniya Belogo dvizheniya [Main tendencies and prospects of the White movement research] // *Rossiya v gody Grazhdanskoy voyny, 1917–1922 gg.: ocherki istorii i istoriografii. Russia during Civil War, 1917–1922: Essays on History and Historiography* / Resp. ed. D. B. Pavlov. Moscow: Saint Petersburg, 2018. P. 239–262. ISBN 978-5-8055-0340-6. (In Russ.).
9. Novikov S. V. Admiral Kolchak v Omske: k istorii Grazhdanskoy voyny v Rossii i geopoliticheskogo peredela Evropy posle Pervoy mirovoy voyny [Admiral Kolchak in Omsk: on the Civil War history in Russia and geopolitical redistribution of Europe after First World War]. *Omskiy nauchnyy vestnik. Ser. Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'. Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2020. Vol. 5, no. 4. P. 31–41. DOI: 10.25206/25420488-2020-5-4-31-41. EDN: SFRTVA. (In Russ.).
10. Kozlov A. M. Kitay: «Bokskerskoye» vosstaniye 1898–1902 gg. [China: «Boxer» rebellion 1898–1902s]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki. Tambov University Review. Series: Humanities*. 2011. Vol. 2 (94). P. 344–347. EDN: NDLCUF. (In Russ.).
11. Bokskerskiy protokol, 1901, 7 sentyabrya [Boxing Protocol, 1901, September 7]. URL: <https://doc20vek.ru/node/4332> (accessed: 12.08.2024). (In Russ.).
12. Novikov S. V. Revolyutsii 1905, 1917 gg. v vospriyatii «starykh bol'shevikov» [Revolutions of 1905 and 1917 in the perception of the «old Bolsheviks»] // *Rossiya v period revolyutsionnykh transformatsiy (100-letiyu revolyutsii v Rossii posvyashchayetsya). Russia in the Period of Revolutionary*

Transformations (dedicated to the 100th anniversary of the Revolution in Russia) / resp. ed. S. A. Velichko. Omsk, 2017. P. 26–32. (In Russ.).

13. Maltsev D. A. Anglo-frantsuzskaya konventsiya o razdele Rossii na sfery vliyaniya. 1917. Anglo-amerikanskoy interventsii na Yuge Rossii [Anglo-French Convention on the division of Russia into influence spheres. 1917. The Anglo-American intervention in Southern Russia] // *Voyennaya interventsii i Grazhdanskaya vojna v Rossii (1918–1920 gody). Military Intervention and the Civil War in Russia (1918–1920)*. URL: <https://vk.com/@-97220602-anglo-francuzskaya-konvenciya-o-razdele-rossii-na-sfery-vliy> (accessed: 13.08.2024). (In Russ.).

14. Shalak A. V. Politicheskii portret Kolchaka: istoriko-geopoliticheskaya interpretatsiya [Political portrait of Kolchak: historical and geopolitical interpretation]. *Vestnik gumanitarnogo obrazovaniya. Herald of Humanitarian Education*. 2020. No. 1 (17). P. 22–29. (In Russ.).

15. Ioffe G. Z. Kolchakovskaya avantura i eye krakh [Kolchak venture and its collapse]. Moscow, 1983. 294 p. (In Russ.).

16. Rybel' D. A. Printsipy britanskoy politiki v Kitaye v oktyabre 1911–fevrale 1912 goda [Principles of British policy in China in October 1911–February 1912]. *Fundamental'nyye issledovaniya. Fundamental Research*. 2007. No. 8. P. 90–91. EDN: IJVSDF. (In Russ.).

17. Karetina G. S. Ideyno-politicheskaya oriyentatsiya predstaviteley kitayskogo militarizma 10–20-kh godov XX v. [Ideological and political orientation of the representatives of the Chinese warlordism (10–20th of the XX century)]. *Vestnik Dal'nevostochnogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk. Vestnik of the Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences*. 2011. No. 1. P. 46–53. EDN: OWPZBR. (In Russ.).

18. Yuan' Shikay. 1956–1916 [Yuan Shikai. 1956–1916]. *Khronos. Chronos*. URL: https://www.hrono.ru/biograf/bio_yu/yuan_shi_kay.php (accessed: 15.08.2024). (In Russ.).

19. Bergeron P. «...Admiral: idushchiye na smert' privetstvuyut tebya» [«... Admiral: those going to death greet you»] // *Prosti velikiy admiral!.. Eskiz k portretu Aleksandra Vasil'yevicha Kolchaka. Forgive the great admiral!.. Image for the portrait of Alexander Vasilyevich Kolchak*. Barnaul, 1992. 71 p. ISBN 5-7405-0101-6. (In Russ.).

20. Knyazev V. V. Zhizn' dlya vsekh i smert' za vsekh. Zapiski lichnogo ad'yutanta Verkhovnogo pravatelya Admirala A. V. Kolchaka rotmistra V. V. Knyazeva [Life for all and death for all. Notes of personal adjutant of Supreme Ruler, Admiral A. V. Kolchak, by captain V. V. Knyazev]. Tyumen, 1991. P. 62–88. ISBN 5-86020-196-6. (In Russ.).

21. Novikov S. V. Gayda Radola i chekhi. Iz istorii kontrrevolyutsii i Grazhdanskoy vojny v Rossii [Radola Gajda and Czechs. In the history of counterrevolution and Russian Civil War]. *Omskiy nauchnyy vestnik. Ser. Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'. Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2018. No. 4. P. 15–20. DOI: 10.25206/2542-0488-20184-15-20. EDN: YPEMHJ. (In Russ.).

22. Timonin E. I., Porkhunov G. A. Bor'ba za vlast': revolyutsiya i kontrrevolyutsiya v Sibiri (1917–1922) [Struggle for power: revolution and counter-revolution in Siberia (1917–1922)]. Omsk, 2007. 308 p. ISBN 978-5-94502-143-3. (In Russ.).

23. Gutman Anatoliy (Gan A.) Dekabr'skoye vosstaniye v Omske v 1918 g. (chast' 1). [December uprising in Omsk in 1918

(part 1)]. URL: <https://stariy-voin.livejournal.com/47739.html> (accessed: 23.08.2024). (In Russ.).

24. V «respubliku Irtysh». Neudavshiesya vosstaniye i ofiterskiy samosud v Omske [To the «Republic of Irtysh». The failed uprising and the officers' lynching in Omsk]. *AiF-Omsk*. 2023. December 21. URL: <https://dzen.ru/a/ZYOzzMxmjh9wxv44> (accessed: 23.08.2024). (In Russ.).

25. Vosstaniye bol'shevikov v Omske (Kulomzinskoye vosstaniye) [Bolshevik Uprising in Omsk (Kulomzin Uprising)]. URL: <https://omsk-kprf.ru/node/5945> (accessed: 23.08.2024). (In Russ.).

26. Nazarenko V. V. Vospominaniya o Grazhdanskoy vojne na Semirechinskom fronte v period 1918–1920 gg. (mashinopis') [Nazarenko V. V. Memories of the Civil War on the Semirechensk front in the period 1918–1920 (typescript)] // *Lichnyy arkhiv professora S. V. Novikova. Personal Archive of Professor S. V. Novikov*. 53 p. (In Russ.).

27. Nuberg M. Srazheniye, peremiriye, konferentsiya: osen' 1918-go i zaversheniye Pervoy mirovoy vojny [Battle, Armistice, Conference: autumn 1918 and the end of the First World War]. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/neprikosnovenny_zapas/122_nz_6_2018/article/20548/ (accessed: 25.08.2024). (In Russ.).

28. Dronov S. B. Parizhskaya mirnaya konferentsiya 1919 g. i popytki uregulirovaniya vzaimootnosheniy s sovetskoy Rossiye: frantsuzskiy i amerikanskiy podkhody [Paris peace conference 1919 and attempts of settling interrelations with Soviet Russia: french and american approaches]. *Sotsial'no-ekonomicheskiye yavleniya i protsessy. Social-Economic Phenomena and Processes*. No. 4 (20). 2010. P. 114–120. EDN: MVGUCD. (In Russ.).

29. Pleshko A. V. Rol' U. Cherkillya v reshenii «Russkogo voprosa» na Parizhskoy mirnoy konferentsii [Winston Churchill's role in the solution to the «Russian question» at the Paris peace conference]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2015. No. 6 (361). P. 92–99. (In Russ.).

30. Weils G. D. Rossiya vo mgle [Russia in the shadow]. Moscow, 1958. 103 p. (In Russ.).

NOVIKOV Sergey Valentinovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Philosophy, History, Economic Theory and Law Department, Omsk State Agrarian University named after P. A. Stolypin, Omsk.

SPIN-code: 7226-1354

AuthorID (RSCI): 650930

Correspondence address: zatoncherlak62@inbox.ru

For citations

Novikov S. V. «Was there Kolchak?»: the reasons and results of the Russian naval officer participation in political history. *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2025. Vol. 10, no. 1. P. 8–19. DOI: 10.25206/2542-0488-2025-10-1-8-19. EDN: KIUKEU.

Received September 04, 2024.

© S. V. Novikov

РЕЛИГИОЗНЫЙ БЕЛЫЙ АДМИРАЛ: К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ЛИЧНОСТИ А. В. КОЛЧАКА И ЕГО ВЗАИМООТНОШЕНИЙ С РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКОВЬЮ

В статье с позиций сочетания антропологического и институционального подходов к истории охарактеризован религиозный аспект личности А. В. Колчака во взаимосвязи с его деятельностью в Омске на посту Верховного правителя белой России. Рассматриваются общественно-политические факторы, повлиявшие на формирование религиозности данного деятеля, и с их учетом, а также на основе анализа соответствующих фактов биографии Колчака, описана специфика его религиозности, повлиявшая на политическую деятельность в апогей его государственной карьеры. В заключение выделяются взаимосвязанные факторы, определившие политику Колчака в вопросе о взаимоотношениях с Русской Православной Церковью.

Ключевые слова: адмирал А. В. Колчак, Гражданская война в России, белая Сибирь, Русская Православная Церковь, архиепископ Сильвестр (Ольшевский), Омск.

Постановка проблемы. Биография Верховного правителя белой России адмирала А. В. Колчака (1874–1920) — одна из самых изученных в историографии Гражданской войны в России [1]. При этом масштаб этой чрезвычайно спорной личности эпохи социальных катаклизмов, а также размах общественно-политических дискуссий по поводу ее деятельности в современной Российской Федерации, обуславливают постоянное обращение современных историков к ее осмыслению [2]. Дополнительным подтверждением сказанному служит включение юбилея «150-летие со дня рождения адмирала А. В. Колчака» в число приоритетных тем работы Российского исторического общества на 2024 г. В комментарии по данному вопросу на официальном сайте общества содержится следующее обоснование этого решения российских историков: «Фигура Александра Васильевича Колчака (1874–1920) — российского учёного, теоретика морского дела, флотоводца и политика — до сих пор вызывает интерес и дискуссии в обществе» [3].

В сравнении с другими аспектами биографии адмирала (изучение Арктики, участие в войнах, политическая деятельность) его религиозность и взаимоотношения с Русской Православной Церковью (РПЦ) в период, когда он был Верховным правителем белой России, еще недостаточно исследованы. Основная работа на эту тему — статья Т. М. Новиковой, где утверждается, что «Адмирал Колчак был весьма религиозным человеком и надеялся, что Православная церковь поможет ему одержать победу над большевиками». В подтверждение

данного тезиса приведены слова адмирала, заявившего: «Единственная наша надежда — это святая наша Церковь» [4, с. 268]. В данном суждении, на наш взгляд, присутствует логическая ошибка. Неверно прямо связывать религиозность человека с рациональным расчетом военно-политического лидера на помощь церкви в гражданской войне. При этом религиозность Колчака естественно отражалась на его политике по отношению к РПЦ.

Известный омский церковный историк протоиерей Д. В. Олихов, выступая на круглом столе, посвященном историческому мифотворчеству, поставил под сомнение высокую религиозность адмирала и его значимость в качестве религиозного лидера Белого движения в Сибири.

Рассуждая о религиозности Колчака, исследователь подчеркнул, что «политика на посту Верховного правителя не определялась религиозными воззрениями, каковые можно назвать традиционными для среды российского офицерства рубежа XIX–XX вв. Подобно сотням тысяч соотечественников он действовал в условиях глубокого духовного кризиса общества. Исследователь подчеркнул, что мифу о религиозности адмирала категорично противоречит как минимум его личная жизнь, особенно ее омские сюжеты, «воспетые» современным кинематографом (имеется связь венчанного адмирала с А. В. Тимиревой)» [5, с. 41]. К этому нужно добавить жестокость Колчака на посту Верховного правителя, где он принимал преступные решения о расправах с мирным сибирским населением. Поэтому, несмотря на многочис-

ленные усилия апологетов адмирала, они не сумели добиться его реабилитации в качестве жертвы массовых политических репрессий [2, с. 270]. Подчеркнем, что жестокость не сочетается с характеристиками личности глубоко верующего православного христианина, следующего учению Церкви.

Следовательно, вопрос о религиозности адмирала и о его взаимоотношениях с РПЦ остается открытым.

Цель данной работы — охарактеризовать религиозный аспект личности Колчака во взаимосвязи с его деятельностью на посту Верховного правителя белой России.

Основная часть. Колчак жил в эпоху тотальной модернизации, войн и революционных потрясений в России, что обусловило сложность его личности. Да, оценивая религиозность адмирала, следует принимать в расчет его рождение в православной дворянской семье; получение образования в военно-учебных заведениях Российской империи, где Закон Божий являлся обязательным предметом; службу на офицерских должностях, участие в рискованных полярных экспедициях и боевых действиях, что, несомненно, склоняло Колчака помнить о Боге. Подтверждение этому — долго хранившийся в семье Колчаков Новый Завет с пометой Александра Васильевича «Русская полярная экспедиция 1900—1902» [6, без стр., вкладка]. В общем, традиции, в которых воспитывался и жил будущий политик, а также его личный жизненный опыт во многом способствовали развитию у него православной религиозности.

В годы Первой мировой войны, командуя Черноморским флотом, вице-адмирал Колчак взаимодействовал с флотским духовенством. К его деятельности он относился прагматично, руководствуясь интересами военной службы. В своем выступлении, открывавшем собрание флагманов и духовенства Черноморского флота, состоявшемся 18 января 1917 г., командующий подчеркивал, что «в деле воспитания команд он признает деятельность священника очень важной и желает оказать ей всемерное содействие» [6, с. 401—402].

Однако необходимо принимать во внимание, что к XX в. под влиянием процессов модернизации религиозность русского общества стала стремительно угасать. И это также не могло не повлиять на Колчака, который в сочетании с православной религиозностью был еще и мистически настроенным человеком. В этом отношении значимые факты приведены И. Ф. Плотниковым, обратившим внимание на то, что «товарищи Колчака по плаванью отмечали, что он находил время на изучение древних индийской и китайской философий. Культура Востока его влечет и позднее, когда в 1917—1918 гг. он оказался в Японии и Китае» [7, с. 33]. Показательно, как интерес Колчака к Востоку бросился в глаза его товарищам. В опасных полярных экспедициях Колчак был сосредоточен на изучении мистической культуры Востока, а не Священного Писания и трудов святых отцов.

Характерные сведения об интересе Колчака к культуре и религии Востока также приведены и в монографии А. В. Смолина: «В Иокагаме А. В. Колчак познакомился с японским полковником Я. К. Хизахиде и считал это знакомство одним из самых интересных. Судя по всему, они достаточно быстро нашли общий язык, поскольку являлись людьми одних и тех же мыслей и взглядов. Полковник являлся последователем секты Зен. Колчака в нем подкупала громадная военная эрудиция,

осведомленность в военных вопросах и отношение к войне как к религии. Вызывали одобрение у Колчака и мысли Хизахиде о войне и государственном управлении. Беседуя с адмиралом, японский полковник говорил: «Вы выразитель того, что наши общие враги называют “милитаризмом”». Мы с Вами знаем, что единственная форма государственного управления, отвечающая самому понятию о государстве, есть то, что принято называть милитаризмом. Ему противопоставляют понятия либерализма и демократии... чтобы вести успешную войну, надо прежде всего ее желать... Но «демократия» не желает войны, а милитаризм ее желает. Текущая война есть борьба демократического начала с милитаризмом». Общим у них было и то, что оба поклонялись японскому культу «холодной стали». При помощи полковника Хизахиде Колчак приобрел два клинка работы японских мастеров XIV и XVII в. Го-но-Есихоро и Нагасоне Котейсу и получил дополнительные сведения о старинном холодном оружии величайших оружейных мастеров Японии. На русского адмирала большое впечатление произвело и посещение синтоистского храма Ясукуни, посвященного душам павших воинов, и буддийского храма 47 ронинов (Сэнгакудзи)» [8, с. 142—143].

Таким образом, восточная культура оказала влияние на личность Колчака, привнесла в его сознание особый мистицизм и культ войны.

Серьезным фактором эволюции религиозности Колчака стали также события Первой мировой войны. Участвуя в сражениях, Колчак стал религиозно служить войне, ставшей для него главным смыслом существования. Перейдя ненадолго на британскую службу, он признавался в этом своей возлюбленной А. В. Тимиревой в письме от 30 января 1918 г.: «Моя вера в войну, ставшая положительно каким-то религиозным убеждением, покажется Вам дикой и абсурдной, и в конечном результате страшная формула, что я поставил войну выше родины (слово Родина адмирал написал с маленькой буквы. — А. В.), выше всего, быть может, вызовет у Вас чувство неприязни и негодования. Я отдаю отчет в своем положении — всякий военный, отдающий другому государству все, до своей жизни включительно (а в этом и есть сущность военной службы), является кондотьером с весьма сомнительным отражением на идейную или материальную сущность этой профессии» [6, с. 514]. Это признание противоречит православному вероучению, оправдывающему войну исключительно для защиты Отечества.

В общем, в религиозном отношении личности Колчака были присуща антиномия: в его религиозном сознании православная вера сочеталась с мистицизмом. Мы не пытаемся здесь судить адмирала. Это прерогатива Бога. Но для того, чтобы далее оценить характер взаимоотношений Верховного правителя белой России адмирала с РПЦ, необходимо подчеркнуть, что с точки зрения православного вероучения религиозность Колчака нельзя охарактеризовать в качестве ортодоксальной. Накануне участия в Гражданской войне в России его религией была война. Оставив Родину, супругу с ребенком, а также любимую женщину в стране, где полным ходом разворачивалась кровавая драма братоубийства, он служил «идолу войны».

Колчак придет в Россию для борьбы с большевиками. Однако открытым остается вопрос, кто вернулся в страну: вице-адмирал Русского флота или британский наемник? Однозначного ответа на него, к сожалению, сегодня дать не представ-

ляется возможным. С одной стороны, есть основательные «апологетические» колчаковские труды [1, с. 47], где приводятся убедительные доводы о служении адмирала идее «Единой и неделимой России». Наиболее ярким из таковых является впоследствии критикованный многими белогвардейцами его отказ признать независимость Финляндии в обмен на поддержку финнами антибольшевистской борьбы. С другой стороны, в современной отечественной историографии существуют и работы, на конкретных фактах аргументирующие нелицеприятную для памяти о Верховном правителе белой России характеристику наймита англичан, поступившего геополитическими интересами России [9–10].

После того, как Колчак возглавил государство, в первом же официальном его обращении, сделанном в день омского переворота 18 ноября 1918 г., по-христиански прозвучало, «Приняв Крест этой власти...». С этого дня Колчак как христианин выполнял свою миссию, возложив на плечи ответственность за судьбу страны, находившейся в состоянии гражданской войны. Как политик и военный, в этом, основополагающем для колчаковского режима обращении, адмирал определил в качестве главной своей цели «создание боеспособной армии, победу над большевизмом» [11, с. 50].

И здесь, как нам представляется, Колчак продолжил свое служение идее войны, воспринимая Гражданскую войну в России как продолжение Первой мировой войны, где он в качестве Верховного правителя белой России, поддерживаемый союзными странами Антанты, борется с большевиками — ставленниками немцев. Обстоятельно исследовавший отношения белогвардейцев с зарубежными союзниками, М. М. Стельмак описал, что такое представление было характерно для военно-политической элиты белой Сибири: «Установка, что борьба с Советской Россией является якобы продолжением войны с Германией, крепко засела в умах политических деятелей контрреволюции. Даже в справке о положении союзников, подготовленной Министерством иностранных дел 1 декабря 1919 г., заявлялось, что "борьба с большевиками есть, в сущности, борьба с германизмом"» [12, с. 261].

Со своей стороны, ко дню колчаковского переворота РПЦ в Сибири уже была подготовлена к совместной борьбе с белогвардейцами против большевиков. Об этом ярко свидетельствует обращение Томского соборного совещания, проходившего в ноябре–декабре 1918 г. В нем говорилось: «Царская власть упала. Установлено было Временное Правительство. Его заменила немецко-советская власть. В течение года мы испытывали от этой последней власти полноту разрушения по всем сторонам жизни материальной и духовной. Произошел распад государства, и появились местные правительства. Советская власть явила себя врагом Православной Церкви и воздвигла на нее открытое гонение. Начиная с Московского Кремля, многие храмы Божие были осквернены и разрушены. Крестные ходы, как, например, в Туле и Петрограде, были подвергнуты расстрелу. Начиная с Киевского Митрополита Владимира, целый сонм архиереев, пастырей и пасомых христиан явились мучениками за веру. Неизбежно явилась внутренняя гражданская война» [13, с. 48].

Сибирское соборное совещание образовало Высшее Временное Церковное Управление (ВВЦУ) Сибири «для сношения с государственной властью и для разрешения неотложных и недоуменных во-

просов, в особенности в деле строительства церковно-приходской жизни» [13, с. 51]. Так как столицей белой Сибири в то время был Омск, новый орган церковного управления омский архиепископ Сильвестр (Ольшевский). К этому времени архиерей пострадал от гонений советской власти и был одним из наиболее непримиримых противников большевиков в церковной среде на востоке России [14]. Уже 8 декабря 1918 г. в Успенском соборе Омска была отслужена литургия и молебен о ниспослании Божьей помощи в трудах Верховного правителя и перед началом деятельности ВВЦУ Сибири. В служении участвовали архиепископ омский Сильвестр, архиепископ симбирский Вениамин, епископ самарский Михаил, епископ семипалатинский Киприян и отцы настоятели городских церквей [15, с. 171]. Архиепископ Сильвестр стал ближайшим духовным и политическим соратником Колчака в Омске. При этом их личные отношения были примером проявления отношений симфонии церкви и государства, отношений военно-политического и духовного руководителей белой Сибири. Это иллюстрирует факт их взаимопосещений, отраженный на страницах газеты «Правительственный вестник». 15 марта 1919 г. Колчак посетил архиепископа Сильвестра, а 16 марта, в свою очередь, уже владыка посетил Верховного правителя [16, 18 марта]. В этом отношении также показательно, как оба они были в числе ключевых официальных фигур на праздновании в Омске 7 июня 1919 г. годовщины свержения в городе советской власти, позиционировавшийся как «День Освобождения Сибири» [17].

Необходимо подчеркнуть, что Верховный правитель белой России помимо архиепископа Сильвестра, с которым он в Омске встречался достаточно часто, проводил немало встреч с другими православными иерархами и представителями духовенства. Верховный правитель 14 июня 1919 г. присутствовал в казачьем Никольском соборе при наречении Архимандрита Варлаама в Епископа Соликамского, а 18 июня принял его у себя [16, 17 июня; 20 июня]. Преосвященный Софроний посетил адмирала 27 июня [16, 29 июня], епископ Андрей Уфимский — 6 июля, [16, 8 июля]; епископ Нестор — 31 августа [16, 2 сентября]. И это только малая часть официальных публичных контактов Верховного правителя с православным духовенством, попавших на страницы газеты «Правительственный вестник».

В первых приказах и обращениях Верховного правителя можно найти множество примеров упования на помощь Бога в борьбе против большевиков, но отсутствует ясно сформулированная идея борьбы за религиозную веру. Например, в Приказе Верховного правителя и Верховного главнокомандующего всеми сухопутными и морскими вооруженными силами России от 23 ноября 1918 г. говорилось следующее: «Да поможет нам Господь Бог Всемогущий, которого многие из нас в годы великих испытаний забыли, выполнить свои обязательства и долг перед Родиной и привести труд наш к ее возрождению, счастью и свободе» [11, с. 79]. Призыв уповать на Бога содержался также и в проекте обращения Верховного правителя «Граждане — сыны земли русской!», подготовленном не позднее 18 декабря 1918 г. В нем говорилось: «Будем же укреплять себя частым молитвенным обращением за помощью к престолу Всевышнего, всемогущая помощь которого да сохранит Россию на всем пути к лучшей и святой жизни. Бог нам всем в помощь!» [11, с. 103].

Историки сходятся во мнении, что Колчак начал выстраивать церковно-государственные отношения с РПЦ в форме тесного сотрудничества из прагматичных соображений. Религия включалась в строительство белой государственности для идеологического обеспечения его функционирования. Режиму нужна была идеология, и при разработке ее националистических основ, с опорой на дореволюционные традиции, была использована православная вера. А. Н. Кашеваров, продолжая линию советской историографии, пишет об этом так: «Адмирал полагал, что идея защиты православия и исконных национально-патриотических традиций может привлечь на его сторону не только крестьянство, но и всю нацию. В связи с этим он говорил: "Ослабла духовная сила солдат. Политические лозунги, идеи Учредительного собрания и неделимой России больше не действуют. Гораздо понятнее борьба за веру, а это может сделать только религия"» [18, с. 321]. Здесь подчеркнем, что главным для Колчака, религиозно служившего войне и ставившего своей целью нанести военное поражение большевикам, было строительство боеспособной армии. Такой подход сочетался с дореволюционным опытом белого вождя еще в годы Первой мировой войны, прагматично признававшего значимый воспитательный потенциал духовенства для военной службы. Поэтому с первых недель существования режима в белой Сибири восстанавливались имперские дореволюционные институты и национально-государственные традиции.

Начало процессу публичного участия РПЦ в деятельности государственных институтов было положено восстановлением Дня георгиевских кавалеров, совпадавшего с православным праздником Георгия Победоносца [19]. Вновь сделав этот праздник официальным, 9 декабря 1918 г. в Омске Верховный правитель принял участие в военном параде. Продолжая эту политику, 28 декабря 1918 г. адмирал восстановил институт военного духовенства, введя в своей армии должности Главного священника армии и флота с управлением при Ставке Верховного главнокомандующего, а также священников фронтов, армий, отдельных корпусов и отдельных армейских групп [20, с. 344]. В колчаковской армии военное духовенство принимало участие во всех значимых событиях окормляемых частей. Так, в уникальной кинохронике, снятой французами, запечатлено участие Главного священника армии и флота А. А. Касаткина в официальном мероприятии — вручении 14 апреля 1919 г. боевого знамени сформированной в Омске весной 1919 г. бригаде морских стрелков. На кадрах А. В. Колчак по статусу первым подходит к протоиерею, чтобы поцеловать крест. За адмиралом, соблюдая субординацию, следуют к Касаткину прочие должностные лица [21, с. 57–58; 22, с. 109].

Строившееся белое государство придавало особое значение религиозному вероисповеданию своих служащих (как военных, так и гражданских). В многочисленных текстах присяг на верность государству, разработанных колчаковским правительством, были включены религиозные элементы [23].

Осознание Колчаком религиозного характера войны с большевизмом началось и далее постепенно развивалось с января 1919 г. Это было связано с получением благословения на борьбу со стороны РПЦ. Остановимся на этом важном для нас вопросе подробно. Белая пропаганда и затем мемуаристы настаивали на том, что адмиралу было передано

благословение патриарха Тихона. Впоследствии находившийся под следствием в Советской России патриарх отрицал это. Современные исследователи также не признают такой факт [20, с. 357–358; 24].

Самыми известными и наиболее критикуемыми на этот счет являются воспоминания его личного адъютанта ротмистра В. В. Князева. Он описал, как в первых числах января 1919 г. к адмиралу приехал священник, передавший благословение Патриарха Тихона на борьбу с большевиками, письмо и фотографию образа Святого Николая Чудотворца с Никольских ворот Кремля. Адмирал, прочитав письмо Патриарха, воскликнул: «Я знаю, что есть меч государства, пинцет — хирурга, нож — бандита... А теперь я знаю!! Я чувствую, что самый сильный меч духовный, который и будет непобедимой силой в крестовом походе — против чудовища насилия!» [25, с. 129]. Отметим, что такое мистическое по своему характеру высказывание соответствовало внутреннему миру Колчака.

Но написание патриархом Тихоном письма к адмиралу было маловероятным даже просто из-за опасности его попадания в чужие руки. В то же время в историографии приводятся и основанные на воспоминаниях подобные примеры якобы переданного патриаршего благословения генералу А. И. Деникину [20, с. 52]. Исключать возможность непубличных патриарших обращений с вождями Белого движения нельзя. В Советской России Церковь подвергалась гонениям. Победа белых положила бы этому конец.

Копия иконы с Никольских ворот Кремля действительно хранилась у Верховного правителя и использовалась белыми властями и РПЦ для водовождения населения на борьбу с большевизмом, что косвенно свидетельствует в пользу истории, красиво рассказанной Князевым. Так, на 23 марта 1919 г. в Омске был запланирован и проведен патриотический крестный ход, о подготовке к которому газета «Правительственный вестник» сообщала, что «по благословению Высокопреосвященного владыки Сильвестра, Архиепископа Омского и Павлодарского, и по ходатайству представителей всех приходов после литургии в 12 часов запланирован сбор из всех приходских церквей крестных ходов к Никольскому казачьему собору, от которого крестный ход двинется к резиденции Верховного Правителя, «у которого благовейно хранится, как святыня, икона Св. Николая Чудотворца, точная копия с находившейся в Москве на Никольских воротах в Кремле древней иконы, в настоящем ее виде после повреждения ее большевиками, чудесно сохранившейся». Колчак разрешил взять копию иконы для Крестного хода. Ее планировали отнести в Успенский Кафедральный собор и оставить на всю неделю для поклонения. 30 марта икону должны были обнести вокруг города и возвратить в дом Верховного правителя» [16, 22 марта].

Факт наличия у Колчака фотографии кремлевской иконы, попавшей к нему из Москвы, а также его особое отношение к этому образу, не вызывает сомнений. Однако историки приводят и другую версию попадания к нему этой иконы, которая была сделана с крошечного снимка, переданного в Пермь по благословению патриарха Тихона [15, с. 171]. В любом случае мистически настроенный адмирал воспринимал эту икону как патриаршее благословение на борьбу с большевиками.

Следует подчеркнуть, что вне зависимости от благословения патриарха, РПЦ в лице главы

ВВЦУ Сибири архиепископа Сильвестра благословила Колчака на борьбу с большевиками 29 января 1919 г., когда архиерей привел Верховного правителя России к присяге на церемонии открытия Правительствующего Сената при Российском правительстве. Это событие достаточно подробно освещалось на страницах газеты «Правительственный вестник». В заметке сообщалось, что, приведя к присяге Верховного правителя, Сильвестр благословил его [16, 31 января].

Примечательной была речь владыки на этом мероприятии. В ней архиепископ Сильвестр особо подчеркнул симфонию церковно-государственных отношений на востоке России, сказав следующее: «В лице Вашего высокого представительства наше благоверное правительство склоняет свои главы пред Господом и его честным крестом. Предстоящею молитвою и клятвенным обещанием пред Всемогушим Богом закрепляется религиозно-нравственная основа нашего государственного строительства. Сочетаются религиозная совесть и государственный разум» [11, с. 141]. В дальнейшем все важные государственные церемонии в белой Сибири проводились с участием православного духовенства.

Созданные в годы Гражданской войны в России Высшие Временные Церковные Управления (одним из них и первым по времени создания и было ВВЦУ Сибири, руководимое архиепископом Сильвестром) были признаны патриархом Тихоном правомочными органами церковного управления и их решения им не оспаривались. Соответственно, благословение архиепископа Сильвестра адмиралу Колчаку на борьбу с большевиками было каноничным благословением высшего на тот момент на востоке России иерарха РПЦ.

Выстроенная при Колчаке система церковно-государственных отношений соответствовала сибирским условиям того времени. Современные исследователи характеризуют ее так: «При адмирале А. В. Колчаке церковная общественность получила модель отношений с государством, которую она выработала в ходе «церковной революции»: Русская Православная Церковь не была отделена от государства и, получая от власти щедрое финансирование, признавалась главенствующей среди прочих конфессий. При этом Церковь имела достаточную автономию во внутрицерковных делах и возможность свободно организовывать приходскую жизнь с участием мирян. Слияние Церкви и государства состоялось в колчаковской Сибири через ВВЦУ Сибири, сразу же после своего создания активно включившегося в антибольшевистскую борьбу и существовавшего за счет финансирования государством» [20, с. 342].

Со своей стороны Церковь стала важнейшей политической опорой колчаковского режима и активнейшим субъектом антибольшевистской борьбы. Д. В. Олихов, детально исследовавший историю ВВЦУ Сибири, дал его деятельности такую характеристику: «Антибольшевистская деятельность ВВЦУ Сибири имела для его членов самое приоритетное значение. Они отдавали себе отчет в неизбежности гонений на церковь в случае поражения колчаковской армии <...> ВВЦУ Сибири определилось со своей позицией по отношению к ведущейся борьбе, назвав войну "священной". Собор духовенства Сибири, проходивший в Омске в апреле 1919 года, предал анафеме руководителей большевистской партии и постановил в каждом богослужении по-

минать А. В. Колчака как "Верховного правителя"» [26, с. 82].

По мере ухудшения ситуации на фронте и разочарования в западных союзниках влияние церковного начала в белой государственности возрастало. Особенно оно усилилось с лета 1919 г. В это время в приказах Колчака войскам и в листовках, обращенных к населению и красноармейцам, уже стало прямо говориться о защите белой армией веры. В Приказе Верховного правителя и Верховного главнокомандующего № 170 от 28 июля 1919 г. эта идея была сформулирована так: «Чуждые религиозной нетерпимости — мы ведем борьбу за то, чтобы никто не смел посягать на наши древние и чтимые народом святыни и нашу веру» [11, с. 320]. В этой связи применительно к белой Сибири необходимо уточнить точку зрения известного исследователя церковной истории С. Л. Фирсова, который, оценивая религиозность белогвардейцев, пишет о том, что «у многих "белых" вера была только проявлением традиции, старого быта ушедшего строя и противоположением "безбожным большевикам". Религия была одной из официально-государственных форм Белого движения. Но оно не ставило своей задачей защиту веры» [27, с. 150]. Для колчаковского режима сказанное С. Л. Фирсовым справедливо только до лета 1919 г. С того времени защита веры стала одной из официально декларируемых целей колчаковцев.

Апофеозом использования религии белогвардейцами в Сибири против большевиков стало уже достаточно подробно описанное исследователями религиозное добровольческое движение, выразившееся в формировании дружин Святого Креста и Зеленого Знамени [28]. Его появление означало объявление большевикам религиозной «священной войны». На фоне стремительного развала действующей армии это движение было последней надеждой адмирала к этому времени мистически верившего в свою миссию защитника веры. Колчак принял непосредственное участие в организации движения и обратился к армии и населению 3 сентября 1919 г. с воззванием, где сообщил, что «решил лично взять на себя высшее руководство добровольческим движением» [20, с. 355]. После успешного формирования первых дружин Святого Креста и Зеленого Знамени адмирал провел с их личным составом встречу в здании драматического театра в Омске. Напутствуя сформированные части, Колчак подчеркнул, что «большевизм в той практической форме, в которой он проявился в России, отрицает религию, которая в вековой истории России была тесно связана с ее государственным и национальным бытием. Вот почему возникло под религиозным лозунгом добровольческое движение. Оно глубоко национально и объединяет в себе самые разнородные элементы. Мы присутствуем при великом событии, когда в одном порыве слились христиане и мусульмане для общей борьбы против нашего врага — большевиков» [29, с. 9]. В надежде адмирала при помощи добровольческого религиозного движения спасти белую государственность было более мистики, чем рационального расчета военно-политического лидера. Сибирь не могла дать значительного количества добровольцев, способных изменить ход осенью 1919 г. уже проигранной борьбы.

В последние месяцы своего правления адмирал понимал постигающий белое дело крах и его мистицизм возрастал. Вместо того, чтобы искать внутрен-

ние причины гибели Российской империи и белой государственности Колчак изучал «Протоколы сионских мудрецов». Один из видных деятелей белой Сибири Г. К. Гинс, сопровождавший Верховного правителя в служебной командировке, вспоминал, что «особенно занимали его (Колчака. — А. В.) в эту поездку "Протоколы сионских мудрецов". Ими он прямо зачитывался. Несколько раз он возвращался к ним в общих беседах, и голова его была полна антимасонских настроений. Он уже готов был видеть масонов и среди окружающих, и в Директории, и среди членов иностранных миссий» [30, с. 464].

Вместе с тем до последних дней существования колчаковского режима элементы православной культуры продолжали внедряться государством в различные сферы жизни. Уже на стадии краха режима православная символика оказалась и на его банкнотах. Российское правительство А. В. Колчака, продолжая эмиссию «сибирских денег», начатую в октябре 1918 г. Временным Сибирским правительством, при разработке казначейских знаков номиналами 3 и 300 руб. заменило на них прежнего республиканского («раздетого») орла на герб с религиозно-монархическими символами. На аверсах новых купюр держащий в лапах меч и державу двуглавый орел был украшен гербом Москвы с Георгием Победоносцем, поражающим змия. А над орлом помещался крест Константина и девиз «Сим победиши». Выпуск новых казначейских знаков состоялся уже в период эвакуации колчаковской власти в Иркутске в конце ноября 1919 г. [31, с. 186–187; 32, с. 265]. В тех условиях «Сим победить» было уже невозможно. Идея защиты религии в противостоянии с большевистской Россией белогвардейцам не помогла.

Более того, своим единством к ненавидимой большинством сибиряков колчаковской власти РПЦ, представляемая ВВЦУ Сибири во главе с архиепископом Сильвестром, дискредитировала себя в глазах значительной части местных жителей. В этой связи знаменитым ленинским высказыванием «Колчак дал нам миллионы сторонников Советской власти» пермский историк М. Г. Нечаев озаглавил соответствующий раздел своей монографии, где описал отпадение прихожан от Церкви, дискредитировавшей себя в их глазах совместной работой с антинародным колчаковским режимом [33, с. 251–252].

Результаты исследования. Религиозность Верховного правителя белой России адмирала Колчака формировалась в противоречивых условиях войн и социальных катаклизмов и под их влиянием постоянно эволюционировала. Несомненно, что Колчак осознавал себя верующим православным христианином, и действительно, будучи таковым часто «падал», поступая не в соответствии с ценностями и нормами православной веры. Особой характеристикой его религиозности был сильный мистицизм, приобретенный благодаря увлечению культурой Востока. Во время Первой мировой войны и Гражданской войны в России приоритетным для Колчака было служение «идолу войны». Гражданскую войну в России он воспринимал продолжением Первой мировой, где его врагом стали большевики, в его представлении являвшиеся ставленниками немцев.

Необходимо отметить, что под руководством адмирала Колчака белая государственность приходила к идее защиты веры и крестового похода против большевизма постепенно. Эта идея стала доминиро-

вать в идеологии колчаковского режима уже тогда, когда в военном противостоянии с большевиками его военное поражение было неизбежным.

Политику Верховного правителя в вопросе о взаимоотношениях с РПЦ определил ряд взаимосвязанных факторов.

Во-первых, еще до прихода к власти Колчака гонения на Церковь толкнули руководство сибирских епархий в лагерь контрреволюции. После Сибирского соборного совещания в виде ВВЦУ Сибири организовавшая свой краевой орган управления Церковь и была готова к сотрудничеству с любой антибольшевистской властью.

Во-вторых, в ходе пребывания Колчака в должностях Верховного правителя и Верховного главнокомандующего имело место интенсивное общение с православными иерархами епархий, находившихся на востоке России, и духовенством. Несомненно, что оно оказывало влияние на белого вождя, усиливая его личную религиозность. Особое влияние на Колчака имел глава ВВЦУ Сибири архиепископ Сильвестр, от имени РПЦ благословивший адмирала на борьбу с большевиками.

В-третьих, в деле организации взаимодействия с РПЦ Верховный правитель России был прагматичен. Флотский опыт воспитания личного состава военным духовенством в годы Первой мировой войны он попытается заимствовать в своих войсках, воссоздав этот институт и национально-государственные традиции Российской империи, зжившиеся на православии.

В-четвертых, в Сибири РПЦ закономерно стала одной из политических опор колчаковского режима. После колчаковского переворота РПЦ на востоке России не просто осуществляла духовную поддержку белогвардейцев, но активно участвовала в идеологическом обеспечении их деятельности, фактически став субъектом политики, принимавшим активное участие в гражданской войне на стороне белых.

Таким образом, специфику церковно-государственных отношений в колчаковской Сибири определило сочетание субъективных особенностей религиозности вождя белогвардейцев адмирала Колчака, с объективной потребностью Белого движения в общенациональной идеологии, традиционную идейную основу для которой давала РПЦ. Под воздействием гонений со стороны большевиков к этому времени она стала не только духовной, но и политической опорой колчаковского режима.

Исследование данной проблемы в перспективе может стать одной из основ для ответа на глобальные вопросы истории Гражданской войны в России, связанные с проявлением в ней религиозного фактора и волнующие современных россиян, интересующихся историей Отечества. Была ли РПЦ пострадавшей от гонений в годы Гражданской войны ее невинной жертвой или она была ее участницей на проигравшей стороне, закономерно подвергнувшейся политическим репрессиям? Каковым было пропорциональное сочетание религиозной и национальных основ в идеологии Белого движения? И, наконец, почему религиозные белые, обращавшиеся к Богу, проиграли войну богоборцам красным, отрицавшим его существование? Ответы на них требуют дальнейшей научно-теоретической концептуализации имеющихся наработок историографии, а главное — поиска и введения в научный оборот новых исторических источников.

1. Захаров А. М. Адмирал А. В. Колчак в историографии: основные вехи // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2017. Т. 18, Вып. 4. С. 43–50. EDN: ZXVZSH.
2. Хачатуров Р. А. К эволюции образа адмирала А. В. Колчака // Теория государства и права. 2024. № 2–1. С. 266–271. DOI: 10.25839/MATGIP_2024_2-1_37_266. EDN: AFIGQQ.
3. 150-летие со дня рождения адмирала А. В. Колчака. URL: <https://historyrussia.org/proekty/nashi-prioritety/150-letie-so-dnya-rozhdeniya-admirala-a-v-kolchaka.html> (дата обращения: 26.08.2024).
4. Новикова Т. М. Православная церковь и правительство А. В. Колчака // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2010. № 4. С. 268–273. EDN: MVTUHN.
5. Петин Д. И. Мифы в локальной истории: обзор работы круглого стола в Омске // Сибирский антропологический журнал. 2020. № 4. С. 38–49. DOI: 10.31804/2542-1816-2020-4-4-38-49. EDN: IMZVOF.
6. А. В. Колчак, 1874–1920: сб. док. В 2 т. Т. 1. А. В. Колчак: от кадета до флотоводца, 1874–1918 / Сост. П. Ю. Мажара, Л. И. Спиридонова; отв. ред. Ю. Г. Орлова. Санкт-Петербург: Блиц, 2021. 720 с.
7. Плотноков И. Ф. Александр Васильевич Колчак: исследователь, адмирал, Верховный правитель России. Москва: Центрполиграф, 2003. 702 с.
8. Смолин А. В. Взлёт и падение адмирала Колчака. Санкт-Петербург: Наука, 2018. 239 с.
9. Новиков С. В. Адмирал Колчак в Омске: к истории Гражданской войны в России и геополитического передела Европы после Первой мировой войны // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2020. Т. 5, № 4. С. 31–41. DOI: 10.25206/2542-0488-2020-5-4-31-41. EDN: SFRTVA.
10. Шалак А. В. А. В. Колчак: эволюция геополитического предательства // Иркутский историко-экономический ежегодник: сб. ст. Иркутск, 2022. С. 103–126.
11. А. В. Колчак, 1874–1920: сб. док. В 2 т. Т. 2. А. В. Колчак: Верховный правитель России, 1918–1920 / Отв. сост. Е. В. Балушкина, О. В. Лавинская; сост. Б. В. Додонов; отв. ред. Ю. Г. Орлова. Санкт-Петербург: Блиц, 2021. 976 с.
12. Стельмак М. М. Образ иностранных союзников антибольшевистского движения в периодической печати Западной Сибири (май 1918 – декабрь 1919 гг.). Омск: Амфора, 2023. 420 с. EDN: WDKDWY.
13. Сибирское Соборное Собрание 1918 года: материалы / Отв. ред. прот. Д. В. Олихов. Москва: Спасское дело, 2020. 224 с.
14. Сушко А. В. Политическая деятельность Омского епархиального собрания в июне 1918 г. // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы V Междунар. науч.-практ. конф. Омск: Изд-во ОмГТУ, 2023. С. 333–339.
15. Сизов С. Г. Белая столица России: повседневная жизнь Омска (июнь 1918–ноябрь 1919 гг.). Омск: Изд-во СибАДИ, 2018. 240 с. EDN: YUYTHV.
16. Правительственный вестник. Омск. 1919.
17. Петин Д. И. Празднование годовщины установления антибольшевистской власти в Сибири 7 июня 1919 г. По документам Омской городской думы // Вестник архивиста. 2024. № 2. С. 370–380. DOI: 10.28995/2073-0101-2024-2-370-380. EDN: ERUKPG.
18. Кашеваров А. Н. Православная Российская Церковь и Советское государство 1917–1922. Москва: Изд-во Крутицкого подворья. Общество любителей церковной истории, 2005. 443 с.
19. Сушко А. В. К вопросу о праздновании Дня георгиевских кавалеров и восстановлении георгиевских наград в белой Сибири в годы Гражданской войны // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 2–6 (62). С. 295–299. EDN: UBTJFF.
20. Религиозный фактор в годы гражданской войны в России: феномен, значение, региональная специфика / под ред. А. С. Пученкова. Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ, 2024. 572 с. EDN: YCGFEO.
21. Петин Д. И., Стельмак М. М. Антибольшевистский Омск в 1919 г.: источниковедческий анализ кинохроники французских интервентов // Вестник архивиста. 2018. № 1. С. 48–64. DOI: 10.28995/2073-0101-2018-1-48-64. EDN: XPHVKH.
22. Капустин А. Г. Верховный правитель адмирал Колчак в иностранной кинохронике (1919): уточнения и дополнения к научной атрибуции фото-видеоисточников // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы III Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (Омск, 13–14 ноября 2019 г.). Омск: Изд-во ОмГТУ, 2019. С. 108–116. EDN: BMVSPY.
23. Журавлёв В. В. Присяга на востоке России в период Гражданской войны: текстовая форма и идеологическое содержание // Известия Лаборатории древних технологий. 2018. Т. 14, № 4. С. 210–221. DOI: 10.21285/2415-8739-2018-4-210-221. EDN: YZVHSH.
24. Соловьев А. А. А. В. Колчак — «верховный правитель» без благословения патриарха // Известия Омского регионального отделения Всероссийской общественной организации «Русское географическое общество» / под общ. ред. О. В. Мезенцевой. Омск, 2016. С. 34–37.
25. Ротмистр В. В. Князев. Жизнь для всех и смерть за всех. Записки личного адъютанта Верховного Правителя Адмирала А. В. Колчака // Окрест Колчака: документы и материалы / сост. А. В. Квакина. Москва: Аграф, 2007. С. 109–136.
26. Олихов Д. В. Создание и деятельность Временного Высшего церковного управления Сибири (1918–1920 гг.) // Вестник Омской православной духовной семинарии. 2016. № 1. С. 72–86. EDN: YHNLWR.
27. Фирсов С. Л. «Время войне и время миру». Православная Российская церковь и Гражданская война в России. Очерки истории и историографии. Санкт-Петербург: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2018. 168 с.
28. Гагуев Р. Г. Дружины Святого Креста и Зеленого Знамени — последний резерв адмирала А. В. Колчака // Известия Лаборатории древних технологий. 2016. № 3. С. 68–87. EDN: WMGRZH.
29. Сушко А. В. Использование колчаковским режимом религиозных чувств населения в годы Гражданской войны // Омский научный вестник. 2012. № 5 (112). С. 7–10. EDN: PNFDQH.
30. Гинс Г. К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории. 1918–1920. Москва: Айрис-пресс, 2008. 672 с.
31. Ходяков М. В. Деньги революции и Гражданской войны: 1917–1920 годы. 3-е изд. Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ, 2019. 312 с. EDN: POUSLV.
32. Богданов А. А., Петин Д. И. Краткий отчет о деятельности Сибирской Экспедиции заготовления государственных бумаг с 1 октября 1918 г. по 31 августа 1919 г. // Новейшая история России. 2021. Т. 11, № 1. С. 260–285. DOI: 10.21638/11701/spbu24.2021.121. EDN: CQABVO.
33. Нечаев М. Г. Церковь на Урале в период великих потрясений: 1917–1922: моногр. Пермь: [Б. и.], 2004. 335 с.

СУШКО Алексей Владимирович, доктор исторических наук, профессор (Россия), профессор кафедры «История, философия и социальные комму-

никации» Омского государственного технического университета, г. Омск; профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Омского автобронетанкового инженерного института, г. Омск.

SPIN-код: 6496-4278

AuthorID (РИНЦ): 446621

ORCID: 0000-0002-6703-8535

AuthorID (SCOPUS): 57201470030

Адрес для переписки: alexsushko_1974@mail.ru

Для цитирования

Сушко А. В. Религиозный белый адмирал: к характеристике личности А. В. Колчака и его взаимоотношений с Русской Православной Церковью // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2025. Т. 10, № 1. С. 20–29. DOI: 10.25206/2542-0488-2025-10-1-20-29. EDN: LHFLHU.

Статья поступила в редакцию 30.08.2024 г.

© А. В. Сушко

RELIGIOUS WHITE ADMIRAL: TOWARDS A CHARACTERISTIC OF THE PERSONALITY OF A. V. KOLCHAK AND HIS RELATIONSHIP WITH THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH

The article, considering a combination of anthropological and institutional approaches, characterizes the religious aspect of A. V. Kolchak's personality as the Supreme Ruler of White Russia in connection with his activities in Omsk. The article examines the socio-political factors that influenced the formation of this figure's religiosity, and basing on the analysis of the relevant facts of Kolchak's biography, describes the specifics of his religiosity, which influenced his political activity at the height of his state career. In conclusion, the article highlights the interrelated factors that determined Kolchak's policy in relation with the Russian Orthodox Church.

Keywords: A. V. Kolchak, Civil War in Russia, White Siberia, Russian Orthodox Church, Archbishop Sylvester (Olshevsky), Omsk.

References

1. Zakharov A. M. Admiral A. V. Kolchak v istoriografii: osnovnyye vekhi [Admiral A.V. Koltchak in the historiography: the main milestones]. *Vestnik Russkoy khristianskoy gumanitarnoy akademii. Review of the Russian Christian Academy for the Humanities*. 2017. Vol. 18, Issue 4. P. 43–50. EDN: ZXVZSH. (In Russ.).
2. Khachaturov R. L. K evolyutsii obraza admirala A. V. Kolchaka [On the evolution of the image of Admiral A.V. Kolchak]. *Teoriya gosudarstva i prava. Theory of State and Law*. 2024. No. 2–1. P. 266–271. DOI: 10.25839/MATGIP_2024_2-1_37_26. EDN: AFIGQQ. (In Russ.).
3. 150-letiyе so dnya rozhdeniya admirala A. V. Kolchaka [150th Anniversary of the Birth of Admiral A. V. Kolchak]. URL: <https://historyrussia.org/proekty/nashi-prioritety/150-letie-so-dnya-rozhdeniya-admirala-a-v-kolchaka.html> (accessed: 26.08.2024). (In Russ.).
4. Novikova T. M. Pravoslavnyaya tserkov' i pravitel'stvo A. V. Kolchaka [Orthodox Church and the government of A. V. Kolchak]. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Proceedings of Irkutsk State Technical University*. 2010. No. 4. P. 268–273. EDN: MVTKUH. (In Russ.).
5. Petin D. I. Mify v lokal'noy istorii: obzor raboty kruglogo stola v Omske [Myths in the local history: an overview of the round table in Omsk]. *Sibirskiy antropologicheskii zhurnal. Siberian Journal of Anthropology*. 2020. No. 4. P. 38–49. DOI: 10.31804/2542-1816-2020-4-4-38-49. EDN: IMZVOF. (In Russ.).
6. A. V. Kolchak, 1874–1920: sb. dok. V 2 t. T. 1. A. V. Kolchak: ot kadeta do flotvodtsa, 1874–1918 [A. V. Kolchak, 1874–1920: Coll. of doc. In 2 vols. Vol. 1. A. V. Kolchak: from cadet to naval commander, 1874–1918] / Comp. P. Yu. Mazhara, L. I. Spiridonova; Resp. ed. Yu. G. Orlova. Saint Petersburg, 2021. 720 p. (In Russ.).
7. Plotnikov I. F. Aleksandr Vasil'yevich Kolchak: issledovatel', admiral, Verkhovnyy pravitel' Rossii [Alexander Vasilyevich Kolchak: researcher, admiral, Supreme ruler of Russia]. Moscow, 2003. 702 p. (In Russ.).
8. Smolin A. V. Vzlet i padeniye admirala Kolchaka [Rise and Fall of Admiral Kolchak]. Saint Petersburg, 2018. 239 p. (In Russ.).
9. Novikov S. V. Admiral Kolchak v Omske: k istorii Grazhdanskoy voyny v Rossii i geopoliticheskogo peredela Yevropy posle Pervoy mirovoy voyny [Admiral Kolchak in Omsk: on history of Civil War in Russia and geopolitical redistribution of Europe after First World War]. *Omskiy nauchnyy vestnik. Ser. Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'. Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2020. Vol. 5, no. 4. P. 31–41. DOI: 10.25206/2542-0488-2020-5-4-31-41. EDN: SFRTVA. (In Russ.).
10. Shalak A. V. A. V. Kolchak: evolyutsiya geopoliticheskogo predatel'stva [Kolchak: the evolution of geopolitical betrayal]. *Irkutskiy istoriko-ekonomicheskii yezhegodnik. Sbornik statey. Irkutsk historical and Economic Yearbook. Collection of Articles*. Irkutsk, 2022. P. 103–126. (In Russ.).
11. A. V. Kolchak, 1874–1920: sb. dok. V 2 t. T. 2. A. V. Kolchak: Verkhovnyy pravitel' Rossii, 1918–1920 [A. V. Kolchak, 1874–1920: Coll. of doc. In 2 vols. Vol. 2. A. V. Kolchak: Supreme Ruler of Russia, 1918–1920] / Resp. comp. E. V. Balushkina, O. V. Lavinskaya; Comp. B. V. Dodonov; Resp. ed. Yu. G. Orlova. Saint Petersburg, 2021. 576 p. (In Russ.).
12. Stelmak M. M. Obraz inostrannykh soyuznikov antibol'shevistskogo dvizheniya v periodicheskoy pechati Zapadnoy Sibiri (may 1918–dekabr' 1919 gg.) [Image of the foreign allies of the anti-Bolshevik movement in the periodic press of Western Siberia (May 1918–December 1919)]. Omsk, 2023. 420 p. EDN: WDKDWY. (In Russ.).
13. Sibirskoye Sobornoye Soveshchaniye 1918 goda: materialy [Siberian Cathedral Conference of 1918: materials] / Resp. ed. archpriest D. V. Olikhov. Moscow, 2020. 224 p. (In Russ.).
14. Sushko A. V. Politicheskaya deyatel'nost' Omskogo yeparkhial'nogo sobraniya v iyune 1918 g. [Political activity of the Omsk diocesan assembly in June 1918]. *Grazhdanskaya voyna na vostoке Rossii: vzglyad skvoz' dokumental'noe nasledie. Civil War in the East of Russia: a Look Through the Documentary Heritage*. Omsk, 2023. P. 333–339. (In Russ.).

15. Sizov S. G. Belaya stolitsa Rossii: povsednevnyaya zhizn' Omska (iyun' 1918—noyabr' 1919 gg.) [White Capital of Russia: Daily Life in Omsk (June 1918—November 1919)]. Omsk, 2018. 240 p. EDN: YUYTHV. (In Russ.).
16. Pravitel'stvennyy vestnik. Omsk. *Pravitel'stvennyy Vestnik*. Omsk. 1919. (In Russ.).
17. Petin D. I. Prazdnovaniye godovshchiny ustanovleniya antibol'shevistskoy vlasti v Sibiri 7 iyunya 1919 g. po dokumentam Omskoy gorodskoy dумы [Celebration of the anniversary of the establishment of anti-Bolshevik Power in Siberia on June 7, 1919 (according to the documents of the Omsk city council)]. *Vestnik arkhivista. Herald of an Archivist*. 2024. No. 2. P. 370—380. DOI: 10.28995/2073-0101-2024-2-370-380. EDN: ERUKPG. (In Russ.).
18. Kashevarov A. N. Pravoslavnaya Rossiyskaya Tserkov' i Sovetskoye gosudarstvo 1917—1922 [Orthodox Russian Church and the Soviet State 1917—1922]. Moscow, 2005. 443 p. (In Russ.).
19. Sushko A. V. K voprosu o prazdnovanii Dnya georgiyevskikh kavalerov i vosstanovlenii georgiyevskikh nagrad v beloy Sibiri v gody Grazhdanskoy voyny [On the issue of celebrating the Day of holders of st. george's cross and renewal of st. george's orders in White Siberia during the Civil war]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Bulletin of the Kemerovo State University*. 2015. No. 2—6 (62). P. 295—299. (In Russ.).
20. Religioznyy faktor v gody grazhdanskoy voyny v Rossii: fenomen, znacheniye, regional'naya spetsifika [Religious factor during the civil war in Russia: phenomenon, significance, regional specifics] / Ed. by A. S. Puchenkov. Saint Petersburg, 2024. 572 p. EDN: YCGFEO. (In Russ.).
21. Petin D. I., Stelmak M. M. Antibol'shevistskiy Omsk v 1919 g.: istochnikovedcheskiy analiz kinokhroniki frantsuzskikh interventov [Anti-Bolshevik Omsk in 1919: a source study analysis of the French intervention newsreels]. *Vestnik arkhivista. Herald of an Archivist*. 2018. No. 1. P. 48—64. DOI: 10.28995/2073-0101-2018-1-48-64. EDN: XPHVKH. (In Russ.).
22. Kapustin L. G. Verkhovnyi pravitel' admiral Kolchak v inostrannoy kinokhronike (1919): utochneniya i dopolneniya k nauchnoy atributsii fotovideoistochnikov [Supreme Ruler Admiral Kolchak in a foreign newsreel (1919): Rectifications and additions to scientific attribution of photo-video sources]. *Grazhdanskaya voyna na vostoке Rossii: vzglyad skvoz' dokumental'noe nasledie. Civil War in the East of Russia: a Look Through the Documentary Heritage*. Omsk, 2019. P. 108—116. EDN: BMVSPY. (In Russ.).
23. Zhuravlev V. V. Prisyaga na vostoке Rossii v period Grazhdanskoy voyny: tekstovaya forma i ideologicheskoye soderzhaniye [Oath in Eastern Russia during the Civil War: text form and ideological content]. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologiy. Journal of Ancient Technology Laboratory*. 2018. Vol. 14, no. 4. P. 210—221. DOI: 10.21285/2415-8739-2018-4-210-221. EDN: YZVHSH. (In Russ.).
24. Solovyev A. A. V. Kolchak — «verkhovnyy pravitel'» bez blagosloveniya patriarkha [Kolchak — "supreme ruler" without the blessing of the patriarch]. *Izvestiya Omskogo regional'nogo otdeleniya Vserossiyskoy obshchestvennoy organizatsii «Russkoye geograficheskoye obshchestvo»*. *News of the Omsk Regional Branch of the All-Russian Public Organization «Russian Geographical Society»* / Ed. by O. V. Mezentsvey. Omsk, 2016. P. 34—37. (In Russ.).
25. Rotmistr V. V. Knyazev. Zhizn' dlya vsekh i smert' za vsekh. Zapiski lichnogo ad'yutanta Verkhovnogo Pravitelya Admirala A. V. Kolchaka [Life for all and death for all. Notes of the personal adjutant of the Supreme Ruler Admiral A. V. Kolchak] // *Okrest Kolchaka: Dokumenty i materialy. Around Kolchak: Documents and Materials* / Comp. A. V. Kvakina. Moscow, 2007. P. 109—136. (In Russ.).
26. Olikhov D. V. Sozdaniye i deyatel'nost' Vremennogo Vysshego tserkovnogo upravleniya Sibiri (1918—1920 gg.) [Creation and activities of the Provisional Supreme Church Administration of Siberia (1918—1920)]. *Vestnik Omskoy pravoslavnoy dukhovnoy seminarii. Bulletin of the Omsk Orthodox Theological Seminary*. 2016. No. 1. P. 72—86. EDN: YHNLWR. (In Russ.).
27. Firsov S. L. «Vremya voynы i vremya miru». Pravoslavnaya Rossiyskaya tserkov' i Grazhdanskaya voyna v Rossii. Ocherki istorii i istoriografii [«Time for War and Time for Peace». The Orthodox Russian Church and the Civil War in Russia. Essays on History and Historiography]. Saint Petersburg, 2018. 168 p. (In Russ.).
28. Gagkuyev R. G. Druzhiny Svyatogo kresta i Zelenogo znameniy — posledniy rezerv admirala A. V. Kolchaka [Squads of the Holy Cross and the Green Banner — the Last Reserve of Admiral A. V. Kolchak]. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologiy. Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. 2016. No. 3. P. 68—87. DOI: 10.21285/2415-8739-2016-3-68-87. EDN: WMGRZH. (In Russ.).
29. Sushko A. V. Ispol'zovaniye kolchakovskim rezhimom religioznykh chuvstv naseleniya v gody Grazhdanskoy voyny [Regarding the issue of speculating upon religious beliefs of citizens by Kolchak regime during the Civil War]. *Omskiy nauchnyy vestnik. Omsk Scientific Bulletin*. 2012. No. 5 (112). P. 7—10. EDN: PNFDQH. (In Russ.).
30. Gins G. K. Sibir', soyuzniki i Kolchak. Povorotnyy moment russkoy istorii. 1918—1920 [Siberia, Allies and Kolchak. The Turning Point in Russian History. 1918—1920]. Moscow, 2008. 672 p. (In Russ.).
31. Khodyakov M. V. Den'gi revolyutsii i Grazhdanskoy voyny: 1917—1920 gody [Monetary emission policy of the Soviet government and anti-Bolshevik regimes in Siberia (October 1917—November 1920)]. Saint Petersburg, 2019. 312 p. EDN: POUSLV. (In Russ.).
32. Bogdanov A. A., Petin D. I. Kratkiy otchet o deyatel'nosti Sibirskoy Ekspeditsii zagotovleniya gosudarstvennykh bumag s 1 oktyabrya 1918 g. po 31 avgusta 1919 g. [Brief report on the activities of the Siberian State Papers manufactory, October 1, 1918 to August 31, 1919]. *Noveyshaya istoriya Rossii. Modern History of Russia*. 2021. Vol. 11, no. 1. P. 260—285. EDN: CQABVO. (In Russ.).
33. Nechayev M. G. Tserkov' na Urale v period velikikh potryaseniy: 1917—1922 [Church in the Urals during the Period of Great Upheavals: 1917—1922]. Perm, 2004. 335 p. (In Russ.).

SUSHKO Alexey Vladimirovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the History, Philosophy and Social Communications Department, Omsk State Technical University, Omsk; Professor of the Humanitarian and Socio-Economic Disciplines Department, Omsk Tank-Automotive Engineering Institute, Omsk.
 SPIN-code: 6496-4278
 AuthorID (RSCI): 446621
 ORCID: 0000-0002-6703-8535
 AuthorID (SCOPUS): 57201470030
 Correspondence address: alexsushko_1974@mail.ru

For citations

Sushko A. V. Religious White Admiral: towards a characteristic of the personality of A. V. Kolchak and his relationship with the Russian Orthodox Church. *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2025. Vol. 10, no. 1. P. 20—29. DOI: 10.25206/2542-0488-2025-10-1-20-29. EDN: LHFLHU.

Received August 30, 2024.

© A. V. Sushko

ОФИЦИАЛЬНАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ ВЕРХОВНОГО ПРАВИТЕЛЯ А. В. КОЛЧАКА В ПУБЛИКАЦИЯХ ГАЗЕТЫ «ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЙ ВЕСТНИК»

Работа посвящена анализу повседневной жизни высшего должностного лица белой Сибири — Верховного правителя А. В. Колчака. Основой исследования стали публикации в газете «Правительственный вестник» — главном официальном издании столицы белой Сибири. Изучение этого источника сквозь призму антропологического и системного подходов, сравнительно-исторического, статистического, биографического методов и контент-анализа позволило выделить ключевые тенденции, дать количественные и качественные оценки официальной жизни и деятельности А. В. Колчака в «омский» период его биографии.

Ключевые слова: историческая имагология, периодическая печать, Гражданская война, Белое движение, А. В. Колчак, официальная повседневность, Омск.

Постановка проблемы. Противоречивая и неоднозначная историческая фигура российского государственного и политического деятеля А. В. Колчака на протяжении более чем века после окончания полномасштабной Гражданской войны в России постоянно привлекает к себе внимание исследователей. О различных аспектах биографии Александра Васильевича издано множество публикаций; традиционно центральное место среди них закономерно отводится омским событиям 1918–1919 гг. [1–7]. Ценным источником, освещающим деятельность А. В. Колчака в статусе Верховного правителя белой России, является российская и зарубежная периодическая печать. Особенности ее возникновения и функционирования в информационно-пропагандистской системе белой Сибири (в том числе влияние на формирование в массовом сознании образа А. В. Колчака) уже обрели достаточно полновесное осмысление в академических трудах в текущее десятилетие [8–18].

Актуальность данной работы связана с тем, что как таковая омская повседневность Верховного правителя (и в целом, и ее аспекты) не стала темой специального анализа; это при том, что бытование «третьей столицы» (и в том числе ее политической элиты) удостоилось внимания в наработках современных сибирских историков [19–20].

Цель статьи — выделить ключевые тенденции, дать количественные и качественные оценки официальной повседневности Верховного правителя

в «омский» период, используя материалы главного органа печати Российского правительства А. В. Колчака — газеты «Правительственный вестник» [21]. Здесь поясним, что применительно к данному случаю под термином «официальная повседневность» мы понимаем деловую и общественно-политическую активность А. В. Колчака, связанную с исполнением им функционала Верховного правителя белой России.

Основная масса материалов по теме нашего исследования публиковалась в разделе «Неофициальная часть» в рубриках «Омск», «Омская хроника», «Телеграммы». Наиболее значимые события освещались без рубрики. По периодичности материалы об официальной повседневности Верховного правителя можно назвать постоянными и весьма частыми: печатавшимися в зависимости от плотности его рабочего графика и обилия событий (иногда ежедневно, иногда раз в два-три-пять дней). В зависимости от контекста, информация о первом лице белой Сибири подавалась газетой с разной степенью оперативности, варьирующейся условно от одного до десяти дней. В освещении официальных мероприятий Верховного правителя прослеживается определенный шаблон, нередко сводившийся к простому упоминанию факта и зачастую места события, участия в нем конкретных лиц. Но в отдельных случаях газета приводила подробные описания бесед Верховного правителя с его посетителями.

Основная часть. Впервые на страницы омских газет имя Александра Васильевича попало задолго до его прихода к власти. В официальном печатном органе Временного Сибирского правительства — газете «Сибирский вестник» — ещё 21 сентября 1918 г. можно было прочитать, что во Владивостоке А. В. Колчак доложил главе «омского» правительства П. В. Вологодскому о восстановлении и задачах русского флота на Тихом океане. А 6 октября 1918 г. была дана информация в омском журнале «Иртыш» о скором приезде в город вице-адмирала Колчака. Он прибыл 13 октября, а через 2 дня об этом событии сообщила газета «Заря». Есть мнение, что будущий Верховный правитель белой России изначально не думал ехать дальше, задумав остаться в Омске. В приложении к газете «Заря» 23 октября опубликовали обзор его биографии; а 29 октября панегирическая статья о Колчаке вышла в «Заре» [22]. Важно понимать, что публикация подобных материалов о ключевых военных и политических деятелях антибольшевистского движения в прессе белой Сибири тогда была своего рода тенденцией. Но persona Колчака удостоилась особото «информационного внимания», в том числе как своего рода «подготовительный этап» к событиям 18 ноября 1918 г.

Логично, что с провозглашением Александра Васильевича Верховным правителем и Верховным главнокомандующим (занимал должности до 4 января 1920 г.) его деятельность подробно освещалась главной газетой «омской» власти, чьим олицетворением стал Колчак и его режим, бывший по формату классической военной диктатурой [23, с. 175]. Политологи трактуют авторитарный политический режим как обеспечивающий неограниченную власть одного лица и его бюрократической группы над государственным аппаратом и средствами массовой информации, имитирующий иногда в целях легитимации демократические процедуры либо использующий в тех же целях лишь харизму лидера, подкрепленную силовым блоком [24, с. 18].

В «Правительственном вестнике» о смене политического руководства в белой Сибири немало официальных сообщений вышло уже 19 ноября 1918 г. Обращение Верховного правителя о принятии власти вследствие «распада Директории» газета обнародовала 20 ноября [21, 1918. 20 ноября]. В новом качестве Колчак 25 ноября провел смотр команд 1-го и 3-го дивизионов речного боевого флота, отметив «отличный воинский вид этих частей, прошедших тяжелую боевую службу на реках в течение прошлого лета» [21, 1918. 27 ноября].

Колчак столичный: обзор официальной омской повседневности Верховного правителя. Согласно «Правительственному вестнику», через полторы недели со дня низложения Директории начались официальные приемы Колчака в новом статусе. Так, 27 ноября 1918 г. адмирал принял товарища министра иностранных дел В. Г. Жуковского, председателя Временного Юго-Славянского Совета в России Б. И. Иеремича и депутатов от сербов, хорватов и словенцев. По сути, одна из первых официальных делегаций, принятых Верховным правителем, состояла из представителей иностранных союзных сил и сотрудников МИДа. Адмирал говорил им тогда о важности для России и славянства победы над «германизмом». Примечательно, что эта речь прозвучала уже после окончания Первой мировой войны. Положительный образ антибольшевистских режимов белой Сибири выстраивался через логи-

ческий противовес «союзники и белые — Германия и большевики», велся и поиск обоснований для вмешательства Антанты в Гражданскую войну в России на стороне белых [25, с. 63]. Сербь сыграли заметную роль в Гражданской войне на территории бывшей Российской империи. Вероятно, адмирал знал, что они активно воевали в белых силах Поволжья [26, с. 17]. Днем позже Колчак принял делегацию представителей печати, высказав на встрече «мотивы, побудившие его принять верховную власть, а также и свой взгляд на задачи власти» [21, 1918. 30 ноября].

В начале декабря 1918 г. Колчак провел смотр частей омского гарнизона [21, 1918. 30 ноября]. 19 декабря в 6 вечера он принял делегатов от блока общественно-политических объединений. Но затем до конца месяца адмирал из-за болезни вынужденно не был публичен. Этот эпизод его биографии овеян мифами. Врач В. В. Ольшевский сообщал 23 декабря о состоянии Колчака: «Верховный Правитель заболел после возвращения с фронта, с 16-го ноября. Несмотря на свое недомогание, продолжал свою обычную работу и свой образ жизни. Состояние здоровья его ухудшалось, и лишь 7-го декабря он обратился к медицинской помощи, когда и был определен грипп с поражением дыхательных органов. Но даже ухудшающееся здоровье и советы врачей не оторвали его от усиленной работы. С 21-го декабря болезнь заставила его лечь в постель. В настоящее время температура тела 37,5° — 38,5°, в правом легком — катаральное состояние. Положение больного не внушает серьезных опасений, но болезнь требует нескольких дней полного отдыха» [21, 1918. 25 декабря].

Позднее Колчак указал, что 9 декабря 1918 г., не имея теплого пальто, был на Георгиевском параде в солдатской шинели, после чего заболел пневмонией [27, с. 196]. О том же эпизоде С. П. Мельгунов писал (со слов И. И. Сукина), что адмирал отказался надеть шубу, пока не будет одета армия [28, с. 35]. Но Сукин в мемуарах говорит лишь, что адмирал на параде почувствовал сильную лихорадку, перешедшую в простудное заболевание, что медики определили как воспаление легких [29, с. 349]. Вероятно, версия об отказе Колчака от теплой одежды возникла в эмиграции. 25 и 30 декабря последовали сообщения об улучшении самочувствия Верховного правителя [21, 1918. 28 декабря; 1919. 1 января]. В тех условиях это виделось важным для информирования масс о состоянии здоровья первого лица. Адмирал не мог участвовать в мероприятиях. П. В. Вологодский, вернувшись в Омск 11 декабря, лаконично указал (не упоминая о шинели), что Колчак болен, совещания у него не проводятся [30, с. 121].

С выздоровлением адмирала информация о его деятельности стала встречаться на страницах «Правительственного вестника» гораздо чаще. По ним можно выделить ключевые формы деятельности и обстоятельства, вызвавшие их (табл. 1, 2). По месту события официальные мероприятия с участием Верховного правителя можно разделить на состоявшиеся в Омске и прошедшие вне белой столицы (в ходе поездок на фронт).

Приемы Колчаком различных лиц получили в «Правительственном вестнике» значительное освещение. Адмирала посещали в его личных кабинетах, во время поездок на фронт, визитов на различные, важные мероприятия. С конца ноября 1918 г. до марта 1919 г. — сразу после военного

Таблица 1

**Официальные мероприятия в белом Омске с участием Верховного правителя А. В. Колчака
(по публикациям газеты «Правительственный вестник»)**

Мероприятия	Количество сообщений в газете													ВСЕГО
	1918		1919											
	XI	XII	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	
Приемы	3	1	2	10	22	21	11	29	17	10	10	1	1	138
Смотры войск	1	1	—	—	1	1	1	1	—	2	1	—	—	9
Парады	—	—	—	1	2	—	—	—	—	—	—	—	—	3
Поездки на фронт	—	—	—	8	—	—	8	2	4	3	6	1	—	32
Богослужения, крестные ходы	—	—	2	—	2	2	1	1	—	—	—	—	—	8
Визиты в театр, на концерты	—	—	—	—	2	—	—	—	—	—	—	1	—	3
ИТОГО	4	2	4	19	29	24	21	33	21	15	17	3	1	193

Таблица 2

**Официальные визиты в белом Омске к Верховному правителю А. В. Колчаку
(по публикациям газеты «Правительственный вестник»)**

Делегации	Количество сообщений в газете													ВСЕГО
	1918		1919											
	XI	XII	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	
Российские делегации														
военные	—	—	1	4	7	8	4	11	7	4	5	—	—	51
гражданские	2	1	1	3	6	5	3	9	7	4	2	1	1	45
духовные	—	—	—	—	2	1	—	2	—	1	—	—	—	6
Иностранные делегации														
	1	—		3	7	7	4	7	3	1	3	—	—	36
ИТОГО	3	1	2	10	22	21	11	29	17	10	10	1	1	138

переворота — из-за болезни, а также первой наиболее продолжительной поездки на фронт их число было относительно мало. Но уже с марта 1919 г. визиты российских и иностранных военно-политических, общественных деятелей шли весьма часто. Можно заметить, что в те дни, когда адмирал не выезжал на фронт, к нему всегда торопились прийти различные визитеры. Читатель мог видеть, что все важные события политической жизни происходят вокруг Верховного правителя, почти все известные деятели встречаются с ним, подчеркивая поддержку его курса.

Первым событием 1919 г. с участием Колчака, каковое подробно осветил «Правительственный вестник», стало торжественное открытие временных присутствий Правительствующего Сената. Верховного правителя на церемонии сопровождали премьер Вологодский, главы гражданских ведомств

и товарищи министров. После молебна, отслуженного архиепископом Сильвестром, Колчак объявил о возобновлении деятельности Сената, передав соответствующий указ Министру юстиции. Далее Верховный правитель сделал заявление «о желании принять присягу на верность государству Российскому» [21, 1919. 30 января], приняв ее от владыки по тексту. К присяге привели и членов правительства [21, 1919. 31 января].

Газета подчеркивала доброжелательные отношения Колчака с его иностранными союзниками. Так, в начале февраля газета сообщила об убытии из Омска в Шанхай Чрезвычайного Комиссара Франции Э. Реньо, которого на вокзале провожали сам Верховный правитель и Совет Министров в полном составе [21, 1919. 6 февраля]. Через месяц газета сообщала, что 6 марта в честь Колчака в городском театре дали концерт нижние чины

Гемпширского батальона. Они разыграли пьесу «Виндзорские кумушки», исполнили спортивные упражнения, песни и танцы. Кроме Колчака, на концерте англичан сопровождали члены Совета Министров и представители военных и дипломатических миссий. На следующий день состоялся парад войск Сибирской и Чехословацкой армий по случаю 69-летия первого президента Чехословацкой республики Т. Г. Масарика. Колчак посетил парад вместе с членами правительства, высшими чинами иностранного военного командования. Парад принял Командующий союзными войсками генерал М. Жанен [21, 1919. 8 марта]. 23 июня Колчак присутствовал на обеде у Высокого Комиссара Великобритании Ч. Эллиота [21, 1919. 26 июня]. А 31 августа, покидая Омск, Эллиот сделал прощальный визит Верховному правителю. Вечером адмирал проводил его на омском перроне [21, 1919. 2 сентября]. Из иностранных представителей чаще всего встречались с Колчаком М. Жанен и Д. де-Мартель [21, 1919. 11 февраля, 19 марта, 5, 10, 24 апреля, 20, 31 мая, 7, 27 июня, 23 июля], а также А. Нокс [21, 1919. 24, 29 апреля, 7 июня, 5 августа, 5 сентября].

«Правительственный вестник» пытался создать образ Колчака как справедливого и мудрого руководителя, открытого для общественности, «готового решать», в том числе, острые вопросы, каким, например, был национальный. Так, уже 22 января адмирал принял группу членов Омского еврейского общинного совета, заявившую «о полном сочувствии к существующей власти со стороны еврейского населения» и выразившую надежду в том, «что отношение этой власти будет одинаково ко всем частям населения без различия национальностей и вероисповедания. В ответной речи Верховный правитель заявил, что он и не мыслит иного отношения к отдельным частям населения, как то, о котором упоминала делегация» [21, 1919. 26 января]. А 12 марта Верховного правителя посетила делегация Омского еврейского национального союза. Они представили записку о тревожном положении евреев в прифронтовой зоне, прося обратить внимания на мероприятия, предпринятые против евреев в полосе фронта. Колчак ответил, что жалоб ему не поступало и эти явления, очевидно, были единичны. Но приказ о выселении евреев из Кустаная за 100 верст отменили как незаконный. По иным инцидентам Колчак поручил навести справки, подчеркнув, что верховная власть придерживается принципа полного равенства всех перед законом [21, 1919. 14 марта]. Но еврейский вопрос в белой Сибири тогда то и дело обретал острые грани, о чем Колчаку в мае 1919 г. с тревогой писал видный общественник М. А. Новомейский [31].

Колчака показывали и заступником иных национальностей. 26 июня он общался с делегатами таранчей (уйгуры долины р. Или. — Прим. авт.); 20 000 чел. их бежали от большевиков в Кульджу. Вручив адмиралу приветственный адрес, визитеры просили о суде в 10 млн руб. из 43 млн руб., запланированных правительством на Семиреченский край, и 2 млн руб. в счет нее — беженцам. Колчак обещал передать вопрос для срочного рассмотрения [21, 1919. 27 июня].

Делался акцент и на близости Колчака к народу. 20 апреля на Пасху адмирал в Личной резиденции принял поздравления с праздником от фельдфебелей и вахмистров частей Омского гарнизона [21, 1919. 24 апреля]. В конце апреля он посе-

тил кавалерийский полк, стоявший чуть севернее Омска. В ходе визита «крестьянами с. Николаевки и ст. Захламинской Верховному Правителю были поднесены хлеб-соль. Адмирал произнес крестьянам приветственные слова» [21, 1919. 29 апреля]. В середине октября, следуя в Омск из Тобольска, Колчак «останавливался во многих русских и татарских деревнях, где беседовал с крестьянами» [21, 1919. 21 октября]. Приняв 11 июня группу от Съезда Союза маслодельных сибирских артелей (председатель Балакшин и трое выборных от крестьян), Колчак говорил с делегатами, в том числе, «о незаконных действиях нижних властей и о необходимости содействия правительства в доставке в деревню сельскохозяйственных орудий, шпагата, мануфактуры, хлеба для нуждающихся местностей. Верховный Правитель отнесся сочувственно ко всем вопросам» [21, 1919. 15 июня].

«Правительственный вестник» подчеркивал тесную связь Колчака с казачеством, чьи делегаты нередко бывали у Верховного правителя. Сам он посещал парады Сибирского казачьего войска, принимал представителей Сибирского, Оренбургского, Донского, Уральского казачьих войск [21, 1918. 21 декабря; 1919. 30 марта, 1, 4 апреля, 15, 27 июня, 2, 30 августа]. Из казачьих лидеров, с кем чаще всего встречался адмирал, выделяется А. И. Дутов. С ним Колчак обменивался телеграммами, встречался в Омске и в поездках на фронт, принял его адъютанта [21, 1918. 17 декабря; 1919. 19 февраля, 19 марта, 7, 31 мая, 10 октября].

27 августа Колчак принял представителей Уральского казачьего войска и киргизов зауральской стороны, последние пытались создать свое административное устройство. Представитель съезда киргизов озвучил Верховному правителю постановление о поднесении ему звания почетного аксакала. Делегаты сделали доклад о предоставлении права войсковому атаману Уральского казачьего войска усилить киргизские воинские формирования, объединить управления казачьего войска и западного отделения Алаш-Орды под началом войскового атамана и др. Колчак благодарил делегатов, обещая срочно обсудить эти вопросы [21, 1919. 30 августа].

Газета описывала акции, демонстрирующие единение власти и народа. Так, Верховный правитель, принимая 2 апреля депутации от общественного призрения — Красного Креста и Союза увечных воинов Сибири и Урала — обещал оказать содействие в насущных нуждах. От председателя Каинского союза инвалидов адмирал 3 апреля принял в подарок сапоги работы увечных воинов [21, 1919. 4, 5 апреля]. Не единичны были встречи с представителями от групп по профессиональному признаку. Делегаты Омского союза легковых извозчиков, посетив Колчака 3 сентября, передали для нужд армии дневную выручку — 44 476 руб. [21, 1919. 5 сентября].

Декларировалась и твердая установка власти на борьбу с большевизмом как неукоснительный приоритет во внутренней политике. Принимая 16 июля представителей Правления Союза рабочих печатного дела, Колчак затронул тему легализации профсоюзов. «Делегаты подчеркивали, что на будущих выборах в Учредительное Собрание политическими центрами борьбы должны стать профсоюзы, без которых рабочий класс будет распыленным. Верховный Правитель ответил, что он и Правительство сочувствуют мысли о легализации профсоюзов и «вопрос стоит лишь в плоскости облечения этой

мысли в законодательную форму и это — дело Министерства Труда, куда делегации надлежит обратиться...». Колчак подчеркнул, что право на стачки «является признанным всеми западноевропейскими законодательствами и не может встречать препятствий и у нас». Но в условиях Гражданской войны «вопрос о стачках носит не принципиальный, а политический характер», и если стачка ослабит борьбу с противником, недопустима и вызовет принятие против нее мер [21, 1919. 18 июля].

Верховный правитель в ходе официальных визитов, наряду с высокопоставленными военными и гражданскими должностными лицами «омской» власти и представителями иностранных миссий, принимал немало делегатов от кругов интеллигенции (сибирский областник, приват-доцент Томского университета М. В. Головачев, главноуполномоченный РОКК М. Л. Киндяков, ученый-агроном И. К. Окулич, ректор Омского политехнического института В. А. Малеев, якутский ученый и публицист В. Н. Никифоров (Кюлюмнюр) и др.) [21, 1919. 14, 18 марта, 10, 12 апреля, 24 мая, 2 августа]. Часть людей, с кем адмирал не раз общался в Омске, имела прямое отношение к Красному Кресту, чье содействие тогда было особо важно для армии. Но Колчак показательно отказался от звания Почетного члена Степного отделения Временного Главного управления РОКК. Колчак считал, что «носитель Верховной власти входить в число членов каких-либо организаций подчиненного характера» не может [21, 1919. 27 июня].

Газета подчеркивала заботу Колчака о будущем страны после ликвидации большевизма. Так, описывая его встречу 22 марта с Бюро блока общественных организаций (А. А. Балакшин, Н. А. Филашев, В. В. Куликов, А. К. Клафтон), приводились рассуждения адмирала о передаче власти некоему верховному органу, который будет избран путем народного голосования с разгромом большевиков [21, 1919. 25 марта].

И хотя всероссийская антибольшевистская власть тогда была скорее желаемой иллюзией [32, с. 194], особое упоминание удостоились взаимоотношения Колчака с другими лидерами Белого движения. Так, газета опубликовала благодарственную телеграмму Верховного правителя в адрес А. И. Деникина после признания им адмирала главой государства [21, 1919. 1 июля]. А 7 октября — в день первой годовщины смерти основателя Добровольческой армии М. В. Алексеева — Колчак издал приказ, в котором, назвав покойного «славным вождем славянства», называл «своим священным долгом отметить величайшее значение работы Михаила Васильевича Алексеева на арене не только борьбы на пользу Родины, но, особенно, на благо всему славянству» [21, 1919. 10 октября].

Религиозный фактор в антибольшевистском стане востока России обрел особое значение, хотя основательное осмысление этого аспекта начато историками сегодня [33; 34, с. 291–371]. «Омская» власть, рассчитывая на помощь церкви, активно поддерживала ее, в том числе через риторику партии кадетов, ставшей в белом Омске «правлящей» [35, с. 272; 36, с. 259; 37, с. 188]. Видимо, и потому «Правительственный вестник» показывал Колчака «поборником веры», хотя адмирал редко общался с духовными лицами (табл. 2). В качестве основных визитов можно выделить его встречи с архиепископом Сильвестром [21, 1919. 18 марта, 24 апреля, 2 сентября]. Газета писала о благословленном влады-

кой на 23 марта сборе из всех приходских церквей крестных ходов к Никольскому казачьему собору и затем — к Личной резиденции Верховного правителя, где хранилась копия надвратного изображения Николая Чудотворца на Никольской башне Московского Кремля, пострадавшего в 1917 г. во время боев. Колчак разрешил взять образ для крестного хода и временной передачи иконы на неделю для поклонения в Успенский кафедральный собор [21, 1919. 22 марта]. В Страстную субботу 19 апреля адмирал посетил службу в кафедральном соборе; во время крестного хода участвовал в несении Святой Плащаницы [21, 1919. 24 апреля]. Верховный правитель 14 июня присутствовал в казачьем Никольском соборе при наречении архимандрита Варлаама епископом Соликамским [21, 1919. 17 июня]. А 31 августа Колчак принял одного из видных православных иерархов тех лет — епископа Камчатского и Петропавловского Нестора, прибывшего накануне в Омск [21, 1919. 2 сентября].

Контактировал Колчак и с представителями иных конфессий, 25 июня приняв Салима Гареева — главного муллу при штабе Верховного Главнокомандующего [21, 1919. 27 июня]. В последние недели пребывания Колчака в Омске «Правительственный вестник» освещал участие Верховного правителя в мероприятиях, связанных с созданием добровольческих дружин Святого Креста и Зеленого Знамени, каковые рассматривались как морально устойчивые воинские формирования, чье присутствие должно было хоть как-то стабилизировать стремительно рушившийся фронт белых [38]. На одном из праздников в честь добровольцев 26 октября в городском театре адмирал выступил с речью к дружинникам [21, 1919. 28 октября]. 27 августа Верховного правителя посетили делегаты-старообрядцы, чья омская община накануне поддержала призыв власти вступать в дружины, образуемые братством Святого Гермогена. Колчак, в беседе отмечая верность старообрядческих «крепких начал русской жизни», говорил о будущем устройстве страны и Национальном Учредительном Собрании [21, 1919. 30 августа].

Газета показывала реакцию Колчака и на отдельные события, знаковые для омской элиты. Так, Верховный правитель телеграммой выразил соболезнования А. Д. Шелашниковой [21, 1919. 15 июля]. Ее муж — А. Н. Шелашников, бывший член Государственного Совета от земства Самарской губернии и председатель Самарского областного общества Красного Креста, в белой столице возглавил Временное главное управление РОКК, служил в 1-м департаменте Сената, встречался с Колчаком [21, 1919. 24 апреля]. Но в 49 лет скоропостижно умер в Омске 21 июня (4 июля) 1919 г. [39, л. 227 об.]. Вдова сенатора получила персональную аудиенцию адмирала [21, 1919. 20 июля].

«Правительственный вестник» сообщил об одной встрече, которая была важна, вероятно, для Колчака в личном плане: 21 июня он принял директора-распорядителя Богословского горного общества Р. Ф. Цейдлера [21, 1919. 25 июня], с кем был дружен уже долгие годы [40].

Омск — Действующая армия — Омск: детали фронтовых поездок Верховного правителя. Немалую часть времени (суммарно около 90 дней) в бытность Верховным правителем Колчак провел, посещая действующую армию [41–43]. Такие акции имели не только инспекторский, но и очевидный пропагандистский смысл, отсюда закономерно вни-

мание к ним со стороны «Правительственного вестника» для соответствующего освещения деятельности первого лица белой Сибири.

В качестве Верховного правителя Колчак впервые поехал на фронт 8 февраля 1919 г. Отъезд, список сопровождающих лиц газета подробно осветила: «Цель поездки — осмотр воинских частей и разрешение на месте вопросов снабжения, финансирования и продовольствия армии». С адмиралом выехали представители ряда ведомств. Колчака провожали Председатель Совета министров П. В. Вологодский, Управляющий делами Верховного правителя и Совета министров Г. К. Гинс, начальник Штаба Ставки Верховного главнокомандующего Д. А. Лебедев, а также представители союзных миссий (Жанен, Эллиот, де-Мартель и др.). «На перроне был построен почетный караул Омского гарнизона, а также английских и чешских войск. Также Колчак ответил на приветственную телеграмму генерала Нокса по поводу предстоящей поездки на фронт» [21, 1919. 11 февраля]. Для адмирала это мероприятие и его освещение были весьма значимы. Успех на фронте придавал престиж его власти. И именно поездка в недавно взятую войсками Пермь способствовала реализации данного замысла. В феврале 1919 г. «Правительственный вестник» по порядку описывал маршрут адмирала: визит в Челябинск, посещение ряда учреждений, госпиталей, затем — приезд на Златоустовский завод, Троицк, Екатеринбург, Пермь [21, 1919. 13, 19, 23, 26, 27 февраля]. Перечислялись принятые им делегации: иностранных консулов, общественных организаций, рабочих [21, 1919. 22 февраля]. Верховный правитель предстал на страницах главной омской газеты активным военно-политическим деятелем, не перестающим во время важной поездки общаться с различными делегациями россиян и иностранцев. Говоря о цели выезда, важно подчеркнуть, что в ночь на 22 декабря 1918 г. в Омске произошло восстание против колчаковской власти. А в Пермь белая армия зашла в ночь на 25 декабря. Взятие города, а затем визит туда Верховного правителя должны были затмить в массовом сознании омскую драму. Внимание прессы к поездке адмирала имело черты продуманной кампании по формированию общественного мнения [42, с. 28]. А публикации «Правительственного вестника» стали ее составной частью.

Второй визит адмирала в действующую армию начался в полночь 6 мая 1919 г. [21, 1919. 8 мая]. Читатель узнал о прибытии Колчака в Екатеринбург, Уфу, посещение линии фронта [21, 1919. 10, 15, 17 мая]. Вернувшийся 17 мая поезд Верховного правителя на омском перроне встречали П. В. Вологодский, Д. А. Лебедев, высшие чины командования и представители иностранных миссий [21, 1919. 18 мая]. О поездках адмирала в феврале и мае вышло примерно равное число публикаций. Но майский визит описан скромнее, чему были причины. 25 апреля 1919 г. силы РККА под командованием М. В. Фрунзе потеснили белую армию к Уралу [41, с. 96]. Ближайшие соратники Колчака (П. В. Вологодский, В. Н. Пепеляев [30, с. 168; 44, с. 79]) отмечали, что тогда он приехал в Омск крайне удручен тяжелой обстановкой на фронте.

29 мая Колчак вновь едет на фронт [21, 1919. 31 мая]. «Правительственный вестник» сообщил лишь о том, что 4 июня группа высокопоставленных сановников на вокзале Омска встретила адмирала, глав МВД и МИД, а также французского

дипломата де-Мартеля после этой поездки [21, 1919. 5 июня; 44, с. 79]. Но, видимо, адмирал думал тогда об ином: от Великобритании, Франции, Италии, США и Японии 26 мая 1919 г. поступила нота об условиях оказания помощи Российскому правительству. В поезде Верховного правителя 3–4 июня спешно готовили ответ на нее [45, с. 76]. Вероятно, из-за того газета уделила внимание дипломатическому признанию «омской» власти ее иностранными союзниками, оставив «в тени» визит Колчака на фронт [46, с. 212–213]. Вскоре пресса белого Омска стала активно писать о праздновании годовщины выступления антибольшевистских сил в Сибири [47–48].

29 июня Верховный правитель убыл на фронт вновь. Его сопровождал генерал Н. А. Лохвицкий — брат писательницы Тэффи [21, 1919. 1 июля]. В. Н. Пепеляев считал отъезд неожиданным [43, с. 90]. «Правительственный вестник» писал о встречах Колчака в Златоусте и Екатеринбурге [21, 1919. 5, 8 июля]. О поездке адмирала сообщалось так, будто она шла штатно. Но такая подача информации имела цель намеренно успокоить массы. Ведь сдерживать позиции белой армии становилось все труднее. 1 июля части РККА взяли Пермь [49, с. 623]. А 9 июля адмирала на омском вокзале традиционно встречали высшие военные и гражданские чины [21, 1919. 11 июля]. Кратко освещались газетой визиты Колчака на фронт в августе. Читатели могли узнать об убытии из Омска 5 августа, его выступлении на смотре Михайловского полка действующей армии, встрече в Омске с официальными лицами по возвращении 15 августа. А 18 августа адмирал вновь выехал на фронт [21, 1919. 7, 9, 15, 17, 21 августа]. Прибытие Верховного правителя в Омск вечером 25 августа трагически ознаменовал взрыв близ Личной резиденции, унесший жизни 7 нижних чинов охраны [50, с. 50–52]. «Правительственный вестник» сообщил о прибытии Колчака в Омск в контексте инцидента [21, 26 августа — экземпляр из Научной библиотеки Томского государственного университета]. Здесь имеется любопытная деталь, которую не представляется возможным прокомментировать. Известны две «версии» номера анализируемой газеты за эту дату. В одной из них взрыв упомянут [21, 1919. 26 августа]; в другой — на месте этого материала в колонку помещена равная по объему заметка на совершенно иную тему [21, 1919. 26 августа — экземпляр из фондов Исторического архива Омской области].

Как указывала газета, в очередной поездке на фронт 5–14 сентября адмирал общался с генералами К. В. Сахаровым, В. О. Каппелем, С. Н. Войцеховским, П. П. Ивановым-Риновым [21, 1919. 7, 9, 16, 18 сентября]. Освещение этих встреч связывалось с временной стабилизацией фронта и сентябрьским наступлением белой армии [51, с. 514]. О следующем визите на приближавшийся фронт читатель мог лишь узнать, что 23 сентября 1919 г. Верховный правитель вернулся из нее. В его поезде тогда прибыли раненные; адмирал лично наблюдал за их выгрузкой, беседовал с ними и служебным персоналом [21, 1919. 25 сентября]. Также сообщалось о ещё одной поездке, в которой адмирал 29 сентября посетил учреждения Красного Креста на фронте, выразив благодарность персоналу учреждений за их работу и наградив отличившихся из них; на следующий день посетил лазареты в Ишиме, награждая раненых Георгиевскими крестами [21, 1919. 8 октября].

Последний визит на фронт 7–16 октября 1919 г. освещался мало: сообщалось, что Колчак посетил госпитали Красного Креста, беседовал в поездке с крестьянами русских и татарских деревень [21, 1919. 21 октября]; шли и пропагандистские мероприятия [43]. Но крах белой армии был уже фатально близок, что понимали в высших кругах «омской» власти и ее агитационном аппарате. Символично о фатальности ситуации в Омске в конце октября 1919 г. отметил один из упомянутых визитеров Верховного правителя — французский генерал М. Жанен: «весь омский вокзал, все его помещения и коридоры, даже соседние улицы были запружены людьми, собирающимися уезжать» [52, с. 385].

Выводы и дискуссия. Как видно, обыватель в белой Сибири мог почти ежедневно почерпнуть текущие сводки об официальной деятельности Верховного правителя. В большей степени его имя ассоциировалось с лидером, постоянно остающимся в центре внимания различных военных, общественно-политических деятелей белой России и представителей иностранных государств.

Опираясь на подсчеты (табл. 1, 2) и проделанные обзоры, отметим. Главной формой официальных мероприятий с участием Верховного правителя в силу специфики данной государственной должности были приемы им отдельных деятелей и делегаций. Число визитов к Колчаку сильно возросло с февраля 1919 г. и с октября 1919 г. столь же резко упало. Пик встреч, приемов всякого рода делегаций пришелся на июнь 1919 г., что связывалось с ситуацией на фронте и вопросами скорого возможного признания «омской» власти иностранными союзниками. В среднем раз в месяц в Омске адмирал посещал смотры и парады войск — традиционные для армии показательные мероприятия. Среди посетителей Верховного правителя преобладали военные (наибольшее количество их он принял именно в июне 1919 г.), что закономерно объясняется напряженной обстановкой апогея Гражданской войны, устройством власти и политической культуры в белой Сибири, что совокупно олицетворяло классическую военную диктатуру. Ведь и наименование должности первого лица белой Сибири — «Верховный правитель» — избрали, чтобы смягчить в массовом сознании некое неприятные чаяния от установления диктатуры де-факто [53, с. 363]. Учитывая это, «Правительственный вестник» — главный рупор пропаганды — должен был представить Колчака легитимным лидером в глазах широкой общественности, оттого визиты этой категории делегатов описаны подчас весьма подробно, в отличие от лаконично освещенных бесед с военными.

Значительная часть протокольных приемов в Омске проводилась в помещениях, официально закрепленных за Верховным правителем, что предполагал деловой этикет государственной персоны такого уровня. В Омске не на «своей» территории Колчак общался редко. Персональные выезды он осуществлял к главам иностранных миссий (де-Мартель, Эллиот) и владыке Сильвестру. Но далеко не всегда по «Правительственному вестнику» можно отследить «топографию» тех мероприятий, которые (что отчасти есть в заметках) имели место и в поезде Верховного правителя (приемы по возвращению в Омск из поездок на фронт), и в Личной резиденции Верховного правителя, и в Ставке Верховного Главнокомандующего, и в здании правительства. В Омске эти исторические локации в общественном восприятии стали «точками памя-

ти» о противоречивой персоне Колчака, превращая в историко-культурные символы региона практически все, что непосредственно соотносится с его именем. Ярчайший пример тому — особняк омской семьи Батюшкиных, ставший в 1918–1919 гг. служебной квартирой Верховного правителя [54–55].

Характер газеты определил то, что издание могло фиксировать и освещать исключительно официальную жизнь первого лица белой Сибири. И здесь логично полагать, что и число гостей Верховного правителя, как и его визитов, было больше. Судить об этом позволяют как минимум имевшие место отдельные заметки в «Правительственном вестнике» о досуге Колчака и частном общении, а также опубликованные свидетельства современников.

Хотя и о знаковых омских событиях с участием адмирала по какой-то причине не всегда писала главная газета «третьей столицы». Так, из внимания «Правительственного вестника» выпало присутствие Верховного правителя 7 июня 1919 г. на богослужении, крестном ходе, смотре и параде по случаю годовщины свержения в Омске советской власти [47–48]. Иные же газеты белой столицы описали этот сюжет с разной степенью подробности.

Поездки Верховного правителя на фронт были весьма объемными по времени событиями его официальной повседневности. Но они обрели неравномерное освещение в зависимости от ситуации на фронте. Пока белой армии сопутствовал успех (до середины 1919 г.), о пребывании Верховного правителя вне Омска писали, как правило, подробно. При этом по газете не всегда можно отследить хронологические рамки поездок на фронт Колчака, что особенно касается его последних визитов в действующую армию.

Роль и место политической фигуры Верховного правителя продолжают оставаться злободневной темой новейшей историографии [56], в том числе ее археографического направления [57]. Прделанные изыскания на примере персоны адмирала демонстрируют, что повседневность политической элиты белой Сибири (как в отношении конкретных деятелей, так и в плане групповых обобщений по отдельным их категориям) является колоритным сюжетом, который необходимо продолжать осмысливать академическим историкам. Наше исследование по содержанию и объему не является исчерпывающим, а в большей степени видится как обозначающее ключевые тенденции и ориентиры в изучении поставленного вопроса, спектр каковых достаточно широк и дает выход на смежные темы. Здесь в качестве подобных перспектив можно с уверенностью назвать детализацию биографии А. В. Колчака, оценку места политической элиты в повседневной жизни белого Омска, а также обретающую интерес историков политическую риторику военнореволюционной эпохи [58]. Несомненно, что полновесному изучению темы и академическим обобщениям (в том числе всего периода бытности Колчака Верховным правителем белой России, включая этап вне Омска с 14 ноября 1919 г. по 4 января 1920 г.) поспособствует, прежде всего, более широкое привлечение корпуса периодики, дополненное эго-документами.

Список источников

1. Кирмель Н. С., Хандорин В. Г. Карающий меч адмирала Колчака. Москва: Вече, 2015. 320 с. EDN: UAEJEN.

2. Сушко А. В. К вопросу о характере и значении колчаковской пропаганды в Гражданской войне // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 411. С. 148–157. DOI: 10.17223/15617793/411/20. EDN: WYOJNR.
3. Вторушин М. И. К вопросу о «бонапартизме» диктатуры адмирала А. В. Колчака // Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Т. 9, № 4–1. С. 39–44. DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-4/1-39-44. EDN: ZEZXGV.
4. Шишкин В. И. Колчаковский государственный переворот в освещении российских мемуаристов // Вестник Томского государственного университета. История. 2018. № 56. С. 66–78. DOI: 10.17223/19988613/56/8. EDN: VQIHNU.
5. Смолин А. В. Взлёт и падение адмирала Колчака. Санкт-Петербург: Наука, 2018. 239 с. EDN: ZCOVUT.
6. Хандорин В. Г. Мифы и факты о Верховном правителе России. Москва: Общ-во развития русского исторического просвещения «Двуглавый орёл»; Изд-во М. Б. Смолина (ФИБ), 2019. 200 с. EDN: FCONBX.
7. Ратьковский И. С. Белый террор. Гражданская война в России. 1917–1920 годы. Санкт-Петербург: Питер, 2021. 496 с. EDN: ZHTNRX.
8. Никитин А. Н. Периодическая печать как источник по истории гражданской войны в Сибири: моногр. Омск: ВШМ МБД РФ, 1991. 204 с.
9. Молчанов Л. А. Газетная пресса России в годы революции и Гражданской войны (окт. 1917–1920 гг.): моногр. Москва: Издатпрофпресс, 2002. 272 с.
10. Исхаков Р. А. Белая журналистика Сибири и Урала: российская периодика в эпоху Колчака // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2012. № 2. С. 53–62. EDN: PUPCLB.
11. Бринюк Н. Ю. Однодневная газета «Капшелевцы» как фрагмент пропагандистской политики колчаковского правительства // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2013. № 3 (16). С. 165–173. EDN: QZKFCL.
12. Шереметьева Д. Л. Омская «Заря» и государственная власть в ноябре 1917–июне 1919 года: проблемы политической адаптации // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2015. Т. 14, № 1. С. 131–141. EDN: TMYZOP.
13. Симонов Д. Г. Газеты как источник по изучению антибольшевистских вооруженных сил востока России (1918–1919 годы) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2016. Т. 15. № 6. С. 31–40. EDN: WVPIPN.
14. Шевелев Д. Н. «Наши братья по крови»: чехословацкие легионеры в информационном пространстве востока России (весна–осень 1918 г.) // Русин. 2018. № 4. С. 189–210. DOI: 10.17223/18572685/54/11. EDN: YTGQPB.
15. Конев К. А. В ожидании интервенции: образ стран Антанты и США в небольшевистской периодической печати востока России в ноябре 1917–августе 1918 гг. // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 476. С. 14–23. DOI: 10.17223/15617793/476/2. EDN: KLZQUU.
16. Волков Е. В., Ирвин Д. Д. «Русский Вашингтон» или сибирский диктатор? Образы и оценки А. В. Колчака как Верховного правителя в американской прессе (1918–1920) // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. История. 2016. № 4. С. 104–123. DOI: 10.21638/11701/spbu02.2016.409. EDN: UYFPVG.
17. Волков Е. В., Ирвин Д. Д. А. В. Колчак как политик: образы и оценки Верховного правителя в британской прессе (1918–1920 годы) // Новый исторический вестник. 2016. № 47. С. 87–100. EDN: WBMKOP.
18. Журавлев В. В. Герой как чужой: некоторые наблюдения над имажографией А. В. Колчака // Новое прошлое. 2019. № 1. С. 48–69. DOI: 10.23683/2500-3224-2019-1-48-69. EDN: ABUGAX.
19. Кокоулин В. Г. Повседневная жизнь горожан Сибири в военно-революционные годы (июль 1914–март 1921 г.). Новосибирск: ОО Сибирь — наука: XXI век, 2013. 385 с.
20. Сизов С. Г. Белая столица России: повседневная жизнь Омска (июнь 1918–ноябрь 1919 гг.). Омск: Изд-во СибАДИ, 2018. 240 с. EDN: YUUTHV.
21. Правительственный вестник (Омск). 1918–1919.
22. Шишкин В. И. Вице-адмирал А. В. Колчак (19 сентября–4 ноября 1918 г.) // Россия в глобализирующемся мире. Архангельск: Солти, 2006. С. 164–176. EDN: YEVUD.
23. Хандорин В. Г. Адмирал Колчак: правда и мифы: моногр. Томск: Изд-во ТГУ, 2007. 278 с. EDN: QPTGFX.
24. Лукьянова Е. А., Шаблинский И. Г. Авторитаризм и демократия. Москва: Мысль, 2019. 350 с.
25. Шевелев Д. Н. «Роль печатного слова в современной войне не меньше пули и штыка...»: Осведомительная работа антибольшевистских правительств востока России: моногр. / под ред. С. Ф. Фоминых, Е. В. Лукова. Томск: Изд-во ТГУ, 2017. 268 с. ISBN 978-5-7511-2472-4. EDN: XNTBSX.
26. Аничкин А. С. Сербские национальные формирования в России во время Гражданской войны и иностранной интервенции // Актуальные проблемы социально-гуманитарного и научно-технического знания. 2023. № 2 (33). С. 13–17. EDN: PUUYJM.
27. Допрос Колчака / Под ред. и с предисл. К. А. Попова; текст подготовлен к печ. и снабжен примеч. М. М. Константиновым. Ленинград: Госиздат, 1925. 232 с.
28. Мельгунов С. П. Трагедия адмирала Колчака. В 2 кн. Москва: Айрис-пресс, 2004. Кн. 2. 496 с.
29. За спиной Колчака: Документы и материалы / Под ред. А. В. Кванина. Москва: Аграф, 2005. 512 с.
30. Вологодский П. В. Во власти и в изгнании: дневник премьер-министра антибольшевистских правительств и эмигранта в Китае (1918–1925). Рязань: Трибунский П. А., 2006. 619 с.
31. Сушко А. В., Стельмак М. М. «...Еврейство Сибири и Урала с тревогой ждет ответа»: докладная записка М. А. Новомейского Российскому правительству А. В. Колчака (май 1919 г.) // Новейшая история России. 2021. Т. 11, № 2. С. 555–567. DOI: 10.21638/11701/spbu24.2021.216. EDN: CEFISP.
32. Пученков А. С. Во имя блага России: из истории признания генералом А. И. Деникиным верховенства адмирала А. В. Колчака // Гражданская война на Востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы III Всерос. науч.-практ. конф. Омск: Изд-во ОмГТУ, 2019. С. 189–194. EDN: GSNSMO.
33. Сушко А. В. Критические заметки о религиозном факторе в годы Гражданской войны в России: к теоретико-методологическому аспекту проблемы // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 490. С. 141–152. DOI: 10.17223/15617793/490/16. EDN: UZYPAU.
34. Религиозный фактор в годы Гражданской войны в России: феномен, значение, региональная специфика: моногр. / Под ред. А. С. Пученкова. Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ, 2024. 572 с.
35. Новикова Т. М. Православная церковь и правительство А. В. Колчака // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2010. № 4. С. 268–273. EDN: MVTKHU.
36. Хандорин В. Г. Идеино-политическая эволюция либерализма в Сибири в период революции и Гражданской войны. Томск: Изд-во ТГУ, 2010. 368 с. EDN: NBINSV.
37. Олихов Д. В. Создание и деятельность Временного высшего церковного управления Сибири (1918–1920 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2014. 229 с. EDN: SVCMLF.
38. Гагуев Р. Г. Дружины Святого Креста и Зеленого Знамени — последний резерв адмирала А. В. Колчака // Известия Лаборатории древних технологий. 2016. № 3 (20). С. 68–87. DOI: 10.21285/2415-8739-2016-3-68-87. EDN: WMGRZH.

39. Исторический архив Омской области. Ф. 16. Оп. 11. Д. 145.
40. Клебанов А. Ф., Валиев М. Т. Выдающийся горный инженер Рудольф Цейдлер // Горная промышленность. 2020. № 2. С. 68–72. EDN: HDJHUX.
41. Васильева А. М. Адмирал Колчак. Поездки на фронт // XII Зырянские чтения: материалы всерос. науч.-практ. конф. Курган: Изд-во КГУ, 2014. С. 93–97. EDN: ZGRPFV.
42. Журавлев В. В. Поездка А. В. Колчака на фронт 8–26 февраля 1919 г.: идеологический дизайн // Развитие территорий. 2017. № 4. С. 24–35. EDN: YMWDVY.
43. Калекин В. В., Капустин Л. Г., Петин Д. И. Верховный правитель адмирал А. В. Колчак в поездке на Тобольский фронт: к анализу неизвестного фотодокумента 1919 г. // Вестник архивиста. 2021. № 2. С. 390–404. DOI: 10.28995/2073-0101-2021-2-390-404. EDN: MEQYJK.
44. Окрест Колчака: документы и материалы / Сост. А. В. Квакин. Москва: Аграф, 2007. 512 с.
45. Шмелёв А. В. Внешняя политика правительства адмирала Колчака (1918–1919 гг.). Санкт-Петербург: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2017. 266 с. EDN: YKUJIT.
46. Стельмак М. М. Образ иностранных союзников антибольшевистского движения в периодической печати Западной Сибири (май 1918–декабрь 1919 гг.): моногр. Омск: Амфора, 2023. 420 с. EDN: WDKDWY.
47. Назырова В. В., Петин Д. И. «В славные дни нашего освобождения»: освещение годовщины выступления Чехословацкого корпуса в прессе белой Сибири // Исторический вестник. 2024. № 47. С. 160–183. DOI: 10.35549/HR.2024.2024.47.005. EDN: EEAXAB.
48. Петин Д. И. Празднование годовщины установления антибольшевистской власти в Сибири 7 июня 1919 г. По документам Омской городской думы // Вестник архивиста. 2024. № 2. С. 370–380. DOI: 10.28995/2073-0101-2024-2-370-380. EDN: ERUKPG.
49. Тетерин В. И. Восстановление и деятельность земельных комитетов Пермской губернии в условиях режима А. В. Колчака (ноябрь 1918–июль 1919 г.) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2022. Т. 24. № 5. С. 617–625. DOI: 10.21603/2078-8975-2022-24-5-617-625. EDN: CORVPW.
50. Петин Д. И. История омского рода Батюшкиных. Омск: Золотой тираж (ООО «Омскбланкиздат»), 2021. 140 с. EDN: TJZQCR.
51. Зырянов П. Н. Адмирал Колчак, Верховный правитель России. Москва: Молодая гвардия, 2012. 637 с.
52. Жанен М. С миссией в воюющей России. 1916–1917 гг. Моя миссия в Сибири. 1918–1920 гг. Воспоминания, дневники, статьи / составление и комментарии Р. Г. Гагуева. Москва: Кучково Поле Музеон, 2023. 896 с. ISBN 978-5-907589-54-4. EDN: YRMPWI.
53. Журавлев В. В. «Присвоив таковому лицу наименование Верховного Правителя»: К вопросу о титуле, принятом адмиралом А. В. Колчаком 18 ноября 1918 г. // Антропологический форум. 2008. № 8. С. 353–389. EDN: KCKGKL.
54. Комлева Е. В. Судьба страны через судьбу династии. Рецензия на книгу: Петин Д. И. История омского рода Батюшкиных. Омск: «Золотой тираж» (ООО «Омскбланкиздат»), 2021. 140 с. // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2023. Т. 10, № 1. С. 161–167. DOI: 10.24147/2312-1300.2023.10(1).161-167. EDN: JJYCMW.
55. Пученков А. С. Омские Форсайты и «Дом Колчака» // Российская история. 2023. № 2. С. 205–208. DOI: 10.31857/S2949124X23020190. EDN: BLVRET.
56. Наумов И. В. Александр Васильевич Колчак — военный моряк, исследователь Арктики и «Верховный правитель России» // Известия Лаборатории древних технологий. 2024. Т. 20, № 1. С. 134–147. DOI: 10.21285/2415-8739-2024-1-134-147. EDN: PPIWQQ.
57. А. В. Колчак, 1874–1920. Сборник документов. В 2 т. Т. 2. А. В. Колчак: верховный правитель России, 1918–1920 / ред. Ю. А. Орлова. Санкт-Петербург: БЛИЦ, 2021. 576 с. ISBN 978-5-86789-491-7.
58. Стельмак М. М., Петин Д. И. Российская революция: Слово и Дело [Рец. на кн.: Слова и конфликты: язык противостояния и эскалация гражданской войны в России / под ред. Б. И. Колоницкого и др. СПб.: Изд-во ЕУСПб, 2022. 328 с. (Эпоха войн и революций; вып.16)] // Новейшая история России. 2024. Т. 14, № 1. С. 189–201. DOI: 10.21638/spbu24.2024.112. EDN: AAZMSD.

ПЕТИН Дмитрий Игоревич, кандидат исторических наук, доцент (Россия), доцент кафедры «История, философия и социальные коммуникации» Омского государственного технического университета, г. Омск.

SPIN-код: 9987-3347

AuthorID (РИНЦ): 742782

ORCID: 0000-0003-1614-8133

AuthorID (SCOPUS): 57188761451

ResearcherID: A-8542-2017

Адрес для переписки: dimario86@rambler.ru

СТЕЛЬМАК Максим Максимович, кандидат исторических наук, ведущий архивист Центра изучения истории Гражданской войны Исторического архива Омской области, г. Омск.

SPIN-код: 4328-1399

AuthorID (РИНЦ): 772229

ResearcherID: R-7418-2018

Адрес для переписки: stelmakmm@mail.ru

ФЕДОТОВА Ирина Владимировна, ведущий архивист Центра изучения истории Гражданской войны Исторического архива Омской области, г. Омск.

SPIN-код: 6268-4646

AuthorID (РИНЦ): 914446

ResearcherID: KHY-8768-2024

Адрес для переписки: ivputintseva@mail.ru

Для цитирования

Петин Д. И., Стельмак М. М., Федотова И. В. Официальная повседневность Верховного правителя А. В. Колчака в публикациях газеты «Правительственный вестник» // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2025. Т. 10, № 1. С. 30–41. DOI: 10.25206/2542-0488-2025-10-1-30-41. EDN: MAYYJJ.

Статья поступила в редакцию 09.07.2024 г.

© Д. И. Петин, М. М. Стельмак, И. В. Федотова

OFFICIAL EVERYDAY LIFE OF THE SUPREME RULER A. V. KOLCHAK IN PUBLICATIONS OF THE NEWSPAPER «GOVERNMENT BULLETIN»

The article describes the analysis of the daily life of the highest official of White Siberia — Supreme Ruler A. V. Kolchak. The research is based on publications in newspaper «The Government Bulletin», the main official publication of the capital of White Siberia. The study of this source through the prism of anthropological and systemic approaches, comparative historical, statistical, biographical methods and the method of content analysis has allowed highlighting key trends, providing quantitative and qualitative assessments of official life and activities of A. V. Kolchak in the «Omsk» period of his biography.

Keywords: historical imagology, periodicals, Civil War, White movement, A. V. Kolchak, official everyday life, Omsk.

References

1. Kirmel' N. S., Khandorin V. G. Karayushchiy mezh admirala Kolchaka [The punishing sword of Admiral Kolchak]. Moscow, 2015. 320 p. EDN: UAEJEH. (In Russ.).
2. Sushko A. V. K voprosu o kharaktere i znachenii kolchakovskoy propagandy v Grazhdanskoy voyne [On the nature and value of the Kolchak propaganda in the Civil war]. Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta. *Tomsk State University Journal*. 2016. No. 411. P. 148–157. DOI: 10.17223/15617793/411/20. EDN: WYOJNR. (In Russ.).
3. Vtorushin M. I. K voprosu o «bonapartizme» diktatury admirala A. V. Kolchaka [On the question of bonapartism by the dictatorship of admiral A. V. Kolchak]. Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'. *Historical and Social Educational Idea*. 2017. Vol. 9, no. 4–1. P. 39–44. DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-4/1-39-44. EDN: ZEZXV. (In Russ.).
4. Shishkin V. I. Kolchakovskiy gosudarstvennyy perevorot v osveshchenii rossiyskikh memuaristov [Kolchakovsky Diaposed in the coverage of Russian memoirists]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. *Istoriya. Tomsk State University Journal of History*. 2018. No. 56. P. 66–78. EDN: VQIIHU. (In Russ.).
5. Smolin A. V. Vzlet i padeniye admirala Kolchaka [Take-off and the fall of Admiral Kolchak]. Saint Petersburg, 2018. 239 p. EDN: ZCOVUT. (In Russ.).
6. Khandorin V. G. Mify i fakty o Verkhovnom pravitele Rossii [Myths and facts about the Supreme Ruler of Russia]. Moscow, 2019. 200 p. EDN: FCONBX. (In Russ.).
7. Ratkovskiy I. S. Belyy terror. Grazhdanskaya vojna v Rossii. 1917–1920 gody [White terror. Civil War in Russia. 1917–1920]. Saint Petersburg, 2021. 496 p. EDN: ZHTNRX. (In Russ.).
8. Nikitin A. N. Periodicheskaya pechat' kak istochnik po istorii grazhdanskoy vojny v Sibiri [Periodic print as a source on the history of the Civil War in Siberia]. Omsk, 1991. 204 p. (In Russ.).
9. Gazetnaya pressa Rossii v gody revolyutsii i Grazhdanskoy vojny (okt. 1917–1920 gg.) [The newspaper press of Russia during the years of the revolution and the Civil War (October 1917–1920)]. Moscow, 2002. 272 p. (In Russ.).
10. Iskhakov R. L. Belaya zhurnalistskaya Sibiri i Urala: rossiyskaya periodika v epokhu Kolchaka [White press of Siberia and the Urals: Russian periodicals during the times of Kolchak]. Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnyye nauki. *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts*. 2012. Vol. 10, no. 2. P. 53–62. EDN: PUPCLB. (In Russ.).
11. Brinyuk N. Y. Odnodnevnyaya gazeta «Kappelevtsy» kak fragment propagandistskoy politiki kolchakovskogo pravitel'stva [One-day newspaper «Kappelevtsy» as a fragment of propaganda policy of the government of Admiral Kolchak]. Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv. *Bulletin of St. Petersburg State University of Culture and Arts*. 2013. No. 3 (16). P. 165–173. EDN: QZKFCL. (In Russ.).
12. Sheremetyeva D. L. Omskaya «Zarya» i gosudarstvennaya vlast' v noyabre 1917–iyune 1919 goda: problemy politicheskoy adaptatsii [Omsk newspaper «Zarya» and the governmental authorities in November 1917–June 1919: problems of political adaptation]. Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*. 2015. Vol. 14, no. 1. P. 131–141. EDN: TMYZOP. (In Russ.).
13. Simonov D. G. Gazety kak istochnik po izucheniyu antibol'shevistskikh vooruzhennykh sil vostoka Rossii (1918–1919 gody) [Newspapers as a source of study anti-bolshevik armed forces East of Russia (1918–1919)]. Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*. 2016. Vol. 15, no. 6. P. 31–40. EDN: WVPIPN. (In Russ.).
14. Shevelev D. N. «Nashi brat'ya po krovi»: chekhoslovatskiye legionery v informatsionnom prostranstve vostoka Rossii (vesna – osen' 1918 g.) [«Our brothers in blood»: Czechoslovakian legionnaires in the information space of the East of Russia (spring – autumn 1918)]. *Rusin*. 2018. No. 4. P. 189–210. DOI: 10.17223/18572685/54/11. EDN: YTGQPB. (In Russ.).

15. Konev K. A. V ozhidaniy interventsiy: obraz stran Antanty i SSHA v nebol'shevistskoy periodicheskoy pechati vostoka Rossii v noyabre 1917—avguste 1918 gg. [In expectation of intervention: The image of the Entente countries and the United States in the non-Bolshevik periodical press of the East of Russia in November 1917—August 1918]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Tomsk State University Journal*. 2022. No. 476. P. 14—23. DOI: 10.17223/15617793/476/2. EDN: KLZQUU. (In Russ.).
16. Volkov E. V., Irvin D. D. «Russkiy Vashington» ili sibirskiy diktator? Obrazy i otsenki A. V. Kolchaka kak Verkhovnogo pravitelya v amerikanskoj presse (1918—1920) [«Russian Washington» or siberian dictator? Images and evaluation of A. V. Kolchak as supreme ruler in American press (1918—1920)]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya. Vestnik of Saint Petersburg University. History*. 2016. No. 4. P. 104—123. DOI: 10.21638/11701/spbu02.2016.409. EDN: UYFPVG. (In Russ.).
17. Volkov E. V., Irvin D. D. A. V. Kolchak kak politik: obrazy i otsenki Verkhovnogo pravitelya v britanskoy presse (1918—1920 gody) [A. Kolchak as a Politician: Images and Appraisals of the Supreme Ruler in the British Press (1918—1920)] // *Novyy istoricheskiy vestnik. The New Historical Bulletin*. 2016. No. 47. P. 87—100. EDN: WBMKOP. (In Russ.).
18. Zhuravlev V. V. Geroj kak chuzhoy: nekotoryye nablyudeniya nad imagografiyey A. V. Kolchaka [A hero as a stranger: some observations on the imagery of the A. V. Kolchak]. *Novoye proshloye. The New Past*. 2019. No. 1. P. 48—69. DOI: 10.23683/2500-3224-2019-1-48-69. EDN: ABUGAX. (In Russ.).
19. Kokoulin V. G. Povsednevnyaya zhizn' gorozhan Sibiri v voyenno-revolyutsionnyye gody (iyul' 1914—mart 1921 g.) [The daily life of the townspeople of Siberia in the military revolutionary years (July 1914—March 1921)]. Novosibirsk, 2013. 385 p. (In Russ.).
20. Sizov S. G. Belaya stolitsa Rossii: povsednevnyaya zhizn' Omska (iyun' 1918—noyabr' 1919 gg.) [The White Capital of Russia: the daily life of Omsk (June 1918—November 1919)]. Omsk, 2018. 240 p. EDN: UUYTHV. (In Russ.).
21. Pravitel'stvennyy vestnik (Omsk). *Pravitel'stvennyy Vestnik (Omsk)*. 1918—1919. (In Russ.).
22. Shishkin V. I. Vitse—admiral A. V. Kolchak (19 sentyabrya—4 noyabrya 1918 g.) [Vice—Admiral A. V. Kolchak (September 19—November 4, 1918)]. *Rossiya v globaliziruyushchetsya mire. Russia in a Globalizing World*. Arkhangelsk, 2006. P. 164—176. EDN: YEVTUD. (In Russ.).
23. Khandorin V. G. Admiral Kolchak: pravda i mify [Admiral Kolchak: true and myths]. Tomsk, 2007. 278 p. EDN: QPTGFX. (In Russ.).
24. Lukyanova E. A., Shablinskiy I. G. Avtoritarizm i demokratiya [Authoritarianism and democracy]. Moscow, 2019. 350 p. (In Russ.).
25. Shevelev D. N. «Rol' pechatnogo slova v sovremennoy voyne ne men'she puli i shtyka...»: Osvedomitel'naya rabota antibol'shevistskikh pravitel'stv vostoka Rossii [«Printed word in modern war as important as bullet and bayonet...»: ideology, informant work and political propaganda of anti-bolshevik governments in the east of Russia during the Civil war (late May 1918 to early January 1920)] / Ed. by S. F. Fominykh, E. V. Lukov. Tomsk, 2017. 268 p. ISBN 978-5-7511-2472-4. EDN: XNTBSX. (In Russ.).
26. Anichkin A. S. Serbskiye natsional'nyye formirovaniya v Rossii vo vremya Grazhdanskoy voyny i inostrannoy interventsiy [Serbian national formations in Russia during the Civil war and foreign intervention]. Aktual'nyye problemy sotsial'nogumanitarnogo i nauchno-tehnicheskogo znaniya. *Actual Problems of Socio-humanitarian and Scientific and Technical Knowledge*. 2023. No. 2. P. 13—17. EDN: PUUYJM. (In Russ.).
27. Dopros Kolchaka [Interrogation of Kolchak] / Ed. by K. A. Popov; noted by M. M. Konstantinov. Leningrad, 1925. 232 p. (In Russ.).
28. Melgunov S. P. Tragediya admirala Kolchaka. V 2 kn. [The tragedy of Admiral Kolchak. In 2 bks.]. Moscow, 2004. Bk. 2. 496 p. (In Russ.).
29. Za spinoy Kolchaka: Dokumenty i materialy [Behind Kolchak's back: documents and materials] / Ed. by A. V. Kvanin. Moscow, 2005. 512 p. (In Russ.).
30. Vologodskiy P. V. Vo vlasti i v izgnanii: dnevnik prem'yer-ministra antibol'shevistskikh pravitel'stv i emigranta v Kitaye (1918—1925) [In power and in exile: the diary of a prime-minister of anti-bolshevik governments and of an emigre in China (1918—1925)]. Ryazan, 2006. 619 p. (In Russ.).
31. Sushko A. V., Stelmak M. M. «...Evreystvo Sibiri i Urala s trevogoy zhdet otveta»: dokladnaya zapiska M. A. Novomeyskogo Rossiyskomu pravitel'stvu A. V. Kolchaka (may 1919 g.) [«... The Jewry of Siberia and the Urals anxiously awaits an answer»: M. A. Novomeisky's memo to the Russian government of A. V. Kolchak (May 1919)]. *Noveyshaya istoriya Rossii. Modern History of Russia*. 2021. Vol. 11, no. 2. P. 555—567. DOI: 10.21638/11701/spbu24.2021.216. EDN: CEFISP. (In Russ.).
32. Puchenkov A. S. Vo imya blaga Rossii: iz istorii priznaniya generalom A. I. Denikinym verkhovenstva admirala A. V. Kolchaka [In the name of the good of Russia: from the history of General A. I. Denikin's recognition of the supremacy of Admiral A. V. Kolchak]. *Grazhdanskaya voyna na Vostoke Rossii: vzglyad skvoz' dokumental'noye nasledie. Civil War in the East of Russia: a Look Through the Documentary Heritage*. Omsk, 2019. P. 189—194. EDN: GSNSMO. (In Russ.).
33. Sushko A. V. Kriticheskiye zametki o religioznom faktore v gody Grazhdanskoy voyny v Rossii: k teoretiko-metodologicheskoy aspektu problemy [Critical notes on the religious factor during the Civil War in Russia: On the theoretical and methodological aspect of the problem]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Tomsk State University Journal*. 2023. No. 490. P. 141—152. DOI: 10.17223/15617793/490/16. EDN: UZYPAU. (In Russ.).
34. Religioznyy faktor v gody grazhdanskoy voyny v Rossii: fenomen, znachenie, regional'naya spetsifika [The religious factor during the civil war in Russia: phenomenon, significance, regional specifics] / Ed. by A. S. Puchenkov. Saint Petersburg, 2024. 572 p. (In Russ.).
35. Novikova T. M. Pravoslavnyaya tserkov' i pravitel'stvo A. V. Kolchaka [The Orthodox Church and the government A. V. Kolchak]. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Proceedings of Irkutsk State Technical University*. 2010. No. 4. P. 268—273. EDN: MVTKU. (In Russ.).
36. Khandorin V. G. Ideyno-politicheskaya evolyutsiya liberalizma v Sibiri v period revolyutsii i Grazhdanskoy voyny [The ideological and political evolution of liberalism in Siberia during the revolution and the Civil War]. Tomsk, 2010. 368 p. EDN: NBINSV. (In Russ.).
37. Olikhov D. V. Sozdaniye i deyatel'nost' Vremennogo vysshego tserkovnogo upravleniya Sibiri (1918—1920 gg.) [Creation and activity of the Provisional Higher Church Administration of Siberia (1918—1920)]. Omsk, 2014. 229 p. EDN: SVCMLF. (In Russ.).
38. Gagkuyev R. G. Druzhiny Svyatogo Kresta i Zelenogo Znameni — posledniy rezerv admirala A. V. Kolchaka [Squads of the Holy Cross and the Green Banner — the Last Reserve of Admiral A. V. Kolchak]. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologiy. Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. 2016. No. 3 (20). P. 68—87. DOI: 10.21285/2415-8739-2016-3-68-87. EDN: WMGRZH. (In Russ.).
39. Istoricheskiy arkhiv Omskoy oblasti [Historical Archive of Omsk Region]. File: 16/11/145. (In Russ.).
40. Klebanov A. F., Valiyev M. T. Vydayushchiysya gornyy inzhener Rudol'f Tseydler [Outstanding mining engineer Rudolf Zeidler]. *Gornaya promyshlennost'. Russian Mining Industry*. 2020. No. 2. P. 68—72. EDN: HDJHUX. (In Russ.).
41. Vasil'yeva A. M. Admiral Kolchak. Poyezdki na front [Admiral Kolchak. Travels to the front] // *XII Zyryanovskiy chteniya. XII Zyryanovsky Readings*. Kurgan, 2014. P. 93—97. EDN: ZGRPFB. (In Russ.).
42. Zhuravlev V. V. Poyezdka A. V. Kolchaka na front 8—26 fevralya 1919 g.: ideologicheskii dizayn [Trip of

A. V. Kolchak to the front, February 8–26, 1919: Ideological design]. *Razvitiye territoriy. Territory Development*. 2017. No. 4. P. 24–35. EDN: YMWDVY. (In Russ.).

43. Kalekin V. V., Kapustin L. G., Petin D. I. Verkhovnyy pravitel' admiral A. V. Kolchak v poyezdke na Tobol'skiy front: k analizu neizvestnogo fotodokumenta 1919 g. [Supreme Ruler A. V. Kolchak on His Trip to the Tobolsk Front: Revisiting the Analysis of an Unknown Photo Document (1919)]. *Vestnik arkhivista. Herald of an Archivist*. 2021. No. 2. P. 390–404. DOI: 10.28995/2073-0101-2021-2-390-404. EDN: MEQYJK. (In Russ.).

44. Okrest Kolchaka: dokumenty i materialy [The neighborhood of Kolchak: documents and materials]. Moscow, 2007. 512 p. (In Russ.).

45. Shmelev A. V. Vneshnyaya politika pravitel'stva admirala Kolchaka (1918–1919 gg.) [Foreign policy of the government Admiral Kolchak (1918–1919)]. Saint Petersburg, 2017. 266 p. EDN: YKUJIT. (In Russ.).

46. Stelmak M. M. Obraz inostrannykh soyuznikov antibol'shevistskogo dvizheniya v periodicheskoy pechati Zapadnoy Sibiri (may 1918–dekabr' 1919 gg.) [The Image of the foreign allies of the anti-Bolshevik movement in the periodic press of Western Siberia (May 1918–December 1919)]. Omsk, 2023. 420 p. EDN: WDKDWY. (In Russ.).

47. Nazyrova V. V., Petin D. I. «V slavnnyye dni nashego osvobodzheniya»: osveshcheniye godovshchiny vystupleniya Chekhoslovatskogo korpusa v presse beloy Sibiri [«In the glorious days of our liberation»: coverage of the anniversary of the performance of the Czechoslovak Corps in the press of White Siberia]. *Istoricheskiy vestnik. Historical Reporter*. 2024. No. 47. P. 160–183. DOI: 10.35549/HR.2024.47.005. EDN: EEAXAB. (In Russ.).

48. Petin D. I. Prazdnovaniye godovshchiny ustanovleniya antibol'shevistskoy vlasti v Sibiri 7 iyunya 1919 g. po dokumentam Omskoy gorodskoy dумы [Celebration of anniversary of the establishment of anti-Bolshevik Power in Siberia on June 7, 1919 (according to the documents of the Omsk city Duma)]. *Vestnik arkhivista. Herald of an Archivist*. 2024. No. 2. P. 370–380. DOI: 10.28995/2073-0101-2024-2-370-380. EDN: ERUKPG. (In Russ.).

49. Teterin V. I. Vosstanovleniye i deyatel'nost' zemel'nykh komitetov Permskoy gubernii v usloviyakh rezhima A. V. Kolchaka (noyabr' 1918–iyul' 1919 g.) [Restoration and Activity of the Land Committees in the Perm Province under the Government of A. V. Kolchak: November 1918–July 1919]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Bulletin of Kemerovo State University*. 2022. Vol. 24, no. 5. P. 617–625. DOI: 10.21603/2078-8975-2022-24-5-617-625. EDN: CORVPW. (In Russ.).

50. Petin D. I. Istoriya omskogo roda Batyushkinikh [The History of the Omsk clan of Batyushkin]. Omsk, 2021. 140 p. EDN: TJZQCR. (In Russ.).

51. Zyryanov P. N. Admiral Kolchak, Verkhovnyy pravitel' Rossii [Admiral Kolchak, Supreme Ruler of Russia]. Moscow, 2012. 637 p. (In Russ.).

52. Zhanen M. S. missiyey v voyuyushchey Rossii. 1916–1917 gg. Moya missiya v Sibiri. 1918–1920 gg. Vospominaniya, dnevnik, stat'i [On a mission to warring Russia. 1916–1917. My mission in Siberia. 1918–1920. Memories, diaries, articles] / Ed., comp. end comm. by R. G. Gagkuev. Moscow, 896 p. EDN: YRMPWI. (In Russ.).

53. Zhuravlev V. V. «Prisvoiv takovomu litsu naimenovaniye Verkhovnogo Pravitelya»: K voprosu o titule, prinyatom admiralom A. V. Kolchakom 18 noyabrya 1918 g. [Having given that person the name of the Supreme Governor: on the title assumed by Admiral A. V. Kolchak on November 18, 1918]. *Antropologicheskii forum. Forum for Anthropology and Culture*. 2008. No. 8. P. 353–389. EDN: KCKGKL. (In Russ.).

54. Komleva E. V. Sud'ba strany cherez sud'bu dinastii. Retseziya na knigu: Petin D. I. Istoriya omskogo roda Batyushkinikh. Omsk: Tip. «Zolotoy tirazh» (ООО «Omskblankizdat»), 2021. 140 s. [The Fate of the Country through the Fate of the Dynasty. Book Review: Petin D. I. The History of the Omsk Batyushkin Family,

Omsk, Zolotoy Tirazh (Omskblankizdat) Publ., 2021, 140 p.]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Istoricheskiye nauki». Herald of Omsk University. Series «Historical Studies»*. 2023. Vol. 10, no. 1. P. 161–167. DOI: 10.24147/2312-1300.2023.10(1).161–167. EDN: JJYCMW. (In Russ.).

55. Puchenkov A. S. Omskie Forsaity i «Dom Kolchaka» [Omsk Foresights and Kolchak's House]. *Rossiyskaya istoriya. Russian History*. 2023. No. 2. P. 205–208. DOI: 10.31857/S2949124X23020190. EDN: BLVRET. (In Russ.).

56. Naumov I. V. Aleksandr Vasil'yevich Kolchak — voyennyy moryak, issledovatel' Arktiki i «Verkhovnyy pravitel' Rossii» [Alexander Vasil'yevich Kolchak — Marine, Arctic explorer and «Supreme Ruler of Russia»]. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii. Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. 2024. Vol. 20, no. 1. P. 134–147. DOI: 10.21285/2415-8739-2024-1-134-147. EDN: PPIWQQ. (In Russ.).

57. A. V. Kolchak, 1874–1920. Sbornik dokumentov. V 2 t. T. 2. A. V. Kolchak: verkhovnyy pravitel' Rossii, 1918–1920 [A. V. Kolchak, 1874–1920. Collection of documents. In 2 vols. Vol. 2. A. V. Kolchak: Supreme Ruler of Russia, 1918–1920] / Ed. by Yu. A. Orlova. Saint Petersburg, 2021. 576 p. ISBN 978-5-86789-491-7. (In Russ.).

58. Stelmak M. M., Petin D. I. Russkaya revolyutsiya: Slovo i Delo [Rets. na kn.: Slova i konflikty: yazyk protivostoyaniya i eskalatsiya Grazhdanskoy voyny v Rossii / pod red. B. I. Kolonitskogo i dr. SPb.: Izd – vo YEUSPb, 2022. 328 s. (Epokha voyn i revolyutsiy; vyp. 16)] [Russian Revolution: Word and Deed [Review on: Words and conflicts: The language of confrontation and the escalation of the Civil War in Russia. St. Petersburg: EUSP Press, 2022. 328 p. (The Age of Wars and Revolutions; num. 16)]. *Noveyshaya istoriya Rossii. Modern History of Russia*. 2024. Vol. 14, no. 1. P. 189–201. DOI: 10.21638/spbu24.2024.112. EDN: AAZMSD (In Russ.).

PETIN Dmitry Igorevich, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the History, Philosophy and Social Communications Department, Omsk State Technical University, Omsk. SPIN-code: 9987-3347

AuthorID (RSCI): 742782

ORCID: 0000-0003-1614-8133

AuthorID (SCOPUS): 57188761451

ResearcherID: A-8542-2017

Correspondence address: dimario86@rambler.ru

STELMAK Maksim Maksimovich, Candidate of Historical Sciences, Leading Archivist of the Center for the Study of the History of the Civil War of the Historical Archive of the Omsk Region, Omsk. SPIN-code: 4328-1399

AuthorID (RSCI): 772229

ResearcherID: R-7418-2018

Correspondence address: stelmakmm@mail.ru

FEDOTOVA Irina Vladimirovna, Leading Archivist of the Center for the Study of the History of the Civil War of the Historical Archive of the Omsk Region, Omsk. SPIN-code: 6268-4646

AuthorID (RSCI): 914446

ResearcherID: KHY-8768-2024

Correspondence address: ivputintseva@mail.ru

For citations

Petin D. I., Stelmak M. M., Fedotova I. V. Official everyday life of the Supreme Ruler A. V. Kolchak in publications of the newspaper «Government Bulletin». *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2025. Vol. 10, no. 1. P. 30–41. DOI: 10.25206/2542-0488-2025-10-1-30-41. EDN: MAYYJJ.

Received July 09, 2024

© D. I. Petin, M. M. Stelmak, I. V. Fedotova

ЭВОЛЮЦИЯ ОБРАЗА АДМИРАЛА А. В. КОЛЧАКА КАК ВОЕННОГО И ПОЛИТИЧЕСКОГО ДЕЯТЕЛЯ В СОВЕТСКИХ И РОССИЙСКИХ ШКОЛЬНЫХ УЧЕБНИКАХ

Статья, подготовленная на стыке историографии и исторической имагологии, посвящена анализу трансформации образа адмирала А. В. Колчака как военного и политического деятеля в отечественной учебной литературе для средней школы, изданной в период с конца 1930-х гг. по первую четверть XXI в. Сквозь совокупную призму антропологического и институционального подходов, сочетаемых с контент-анализом, проблемно-хронологическим и историко-сравнительным методами, проанализировано 17 советских и российских учебников по истории, подготовленных авторитетными академическими специалистами. В результате исследования выделены этапы эволюции образа А. В. Колчака, проведена взаимосвязь с контекстом выхода учебной литературы и влиянием общественно-политических событий на трактовку российской истории.

Ключевые слова: историческая антропология, историческая имагология, учебная литература, Белое движение, Гражданская война, Антанта, А. В. Колчак.

Введение. Страницы российской истории с каждым новым геополитическим поворотом окрашиваются в соответствующие идеологическим рамкам тона, обретая особые черты и смыслы. Индикатором этих перемен служит учебная литература. Данный канал трансляции исторического знания и представлений о прошлом наиболее контролируем со стороны власти и научного сообщества, потому как влияет на формирование мировоззренческой позиции читателя и охватывает практически всё подрастающее поколение в государстве. Учебники, учебные пособия, методические рекомендации и хрестоматии проходят тщательную проверку их содержания на предмет соответствия установленным оценочным характеристикам событий и персоналий.

В этой связи образ Александра Васильевича Колчака, рассматривавшийся в контексте событий Гражданской войны, проделал головокружительную эволюцию на протяжении прошедшего столетия. Фигура адмирала, наряду с персоналиями военачальников и политических деятелей Гражданской войны, причем как со стороны Белого движения, так и со стороны советской власти, неоднократно подвергалась переосмыслению в срезе исторических процессов России. Кардинальные политические перемены 1990-х гг. значительно подорвали сложившийся принцип публикации учебной литературы, отменив любые рамки выдержанных оценочных характеристик. Современные события показывают нам актуальность возвращения к советской модели цензуры учебной литературы по истории. Подчер-

кнем, что такая модель — неотъемлемый элемент формирования общественного сознания в любом сильном государстве на современном этапе.

Идеологические повороты текущей трети века актуализируют обращение к неоднозначной фигуре А. В. Колчака как крупного политика и военачальника, стремившегося к сохранению великой России, но сделавшего ставку на помощь иностранных государств. В связи с этим важно посмотреть, как менялся образ этого деятеля в глазах читателей учебной литературы за более чем 80 лет.

Анализу образа А. В. Колчака в различных проблемных плоскостях посвящен достаточно большой объем трудов [1–4]. Неоднократно поднималась дискуссионная проблема мемориализации имени адмирала, рассматриваемая в поле локальной истории Омска — города, ставшего символом политического апогея Колчака [5–6; 7, с. 93–114; 8–10]. Затронуты и аспекты репрезентации фигуры этого политического деятеля в учебной литературе [11–13], однако цельного взгляда на эволюцию оценочных суждений об А. В. Колчаке и его роли в годы Гражданской войны на страницах учебной литературы не сложилось. Отсюда вытекает актуальность и цель нашего исследования — представить эволюцию оценочных суждений в отношении фигуры А. В. Колчака в годы Гражданской войны на страницах учебной литературы, предназначенной для учеников среднего звена советской и российской школы. Такое акцентирование неслучайно (в том числе с позиций педагогики), ведь именно в этот период обучения у школьников создавалась база знаний

по предмету, которая становилась в эпоху СССР одной из идеологических основ для формирования «человека советского». В многообразии учебной литературы мы выделили наиболее знаковые труды (всего 17), которые были обязательными в учебном процессе или рекомендованными в период, когда был отменен единый учебник.

Основная часть. Учебные издания, вышедшие буквально сразу после завершения Гражданской войны в 1923 г. [14–15], заканчивались революционными событиями 1905 г., ни революция 1917 г., ни Гражданская война еще не нашли отражения. Системное осмысление этих событий шло в 1930-е гг. в процессе реформирования системы образования и создания единых учебников по истории для вузов, младшей и средней школы. Накопленный исторический материал был еще не таким объемным, а темы революции и Гражданской войны занимали в нем одно из главных мест.

Довоенный период. В одном из первых пореформенных изданий — учебнике А. В. Шестакова «Краткий курс истории СССР», получившем Сталинскую премию, — этому периоду посвящена 13-я глава в объеме 20 из 219 страниц текста (9,1 % всего материала) [16, с. 165–186]. Вышедший через пять лет, перед Великой Отечественной войной, учебник под редакторством К. В. Базилевича, С. В. Бахрушина и А. М. Панкратовой в трех частях посвятил этой теме три главы в 59 страниц (примерно 6,8 % всего материала трехтомника) [17, с. 209–268.]. Эти два учебника заложили основу для структурирования материала по Гражданской войне и рамки оценочных суждений.

Авторам учебников важно было показать угрозу молодой советской власти со стороны стран Антанты, Белого движения и непосредственно Колчака. В учебнике Шестакова в разделе «Разгром Колчака, Деникина, Юденича» авторы называют полководца ставленником Антанты, которая «организовала армии и походы контрреволюционных русских генералов на Москву» [16, с. 174]. В данной характеристике адмирал предстает как простой исполнитель решений Антанты. Она объявила его Верховным правителем России, она поставляла пушки, снаряды, ружья, обмундирование для солдат, приказала «выступить в поход против Советской России» [16, с. 175]. Но далее Колчак выступает достаточно самостоятельным и инициативным военачальником, который «создает белую армию», «восстанавливает царские порядки», проявляет жестокость в отношении рабочих и крестьян.

При всей масштабности катастрофы, которая представлена авторами учебника в отношении армии Колчака («страшная угроза над советской властью», «самый главный враг»), весьма скромно оценены потери — «отдельные», а в качестве основных защитников советской власти помимо бойцов РККА упоминается ее командующий М. В. Фрунзе, «народный герой Василий Иванович Чапаев», сибирские партизаны из числа русских рабочих и крестьян, бурят-монголов, якутов, эвенков, ойрогов и других народов Сибири. Желая показать вклад рабочего класса в победу советской власти, авторы указывают на рабочих Иркутска, арестовавших Колчака и его министров. В последующих учебниках эта идея оказалась не востребована.

В представленном тексте явствуют следы редактур, в которых преднамеренно усилена роль Антанты и механически вставлены народы Сибири. Еще в 1934 г. при обсуждении конспекта учебника,

подготовленного по поручению ЦК ВКП(б) группе профессоров под руководством Н. Н. Ванага, указывалось, что «нам нужен такой учебник истории СССР, где бы история Великороссии не отрывалась от истории других народов СССР — это во-первых, — и где бы история народов СССР не отрывалась от истории общеевропейской и вообще мировой истории, — это во-вторых» [18, с. 2]. А при рецензировании и обсуждении учебника Шестакова в 1936 г. Н. И. Бухарин отметил необходимость включения народов России не как объектов захватов, а как непосредственных участников исторического процесса: «чтоб была и диалектика развития: самостоятельные народы — превращаются в посидельцев «тюрьмы народов» — превращаются затем вновь в самостоятельные народы, но уже на общей братской основе социализма» [19, л. 4–5].

В следующих переизданиях данного учебника содержание раздела, посвященного Гражданской войне, практически не поменялось. Среди народов ойрогов заменили алтайцами, в начале раздела отчасти усилили роль Антанты, которая выступала «кукловодом» всех происходящих процессов. Оценка Колчака осталась той же. Сохранился и визуальный ряд героев, ставший для последующей учебной литературы своеобразным пантеоном: Н. Щорс, В. И. Чапаев, А. И. Егоров, С. М. Буденный, В. К. Блюхер, М. В. Фрунзе, В. В. Куйбышев, Г. К. Орджоникидзе.

Несколько по-иному выстроен материал в учебнике К. В. Базилевича, С. В. Бахрушина, А. М. Панкратовой. Здесь глава по Гражданской войне представлена как «Разгром трех походов Антанты» (Колчака, Деникина и Юденича). Параграф 44 о разгроме Колчака начинается с экскурса в международную ситуацию 1919 г. с организацией Коммунистического Интернационала, подписанием Версальского договора, названного авторами «грабительским», и складыванием «версальской системы» — «системы насилия стран-победительниц над побежденными, — обострившую послевоенный революционный кризис в Европе» [17, с. 229].

Интересны параллели, которые напрашиваются в связи с современностью: авторский коллектив в учебнике подчеркивал, что Лига наций стала «организатором единого фронта империалистических держав против Советской России», что был организован кордон из стран с контрреволюционными правительствами — Польши, Литвы, Латвии, Эстонии, объявленных самостоятельными, но на деле во всем зависящих от Антанты» [17, с. 230].

Колчак показан самостоятельной серьезной угрозой советской власти. Его фигуре отведена большая самостоятельность, он представляется не простой пешкой в руках Антанты, а серьезным противником, который использует помощь английских, французских, американских, японских, чехословацких отрядов, численностью более 100 000 человек. Тем не менее традиционный для советской науки подход к изображению событий Гражданской войны, в котором иностранный элемент играл одну из определяющих ролей, не мог быть проигнорирован авторами. Они весьма виртуозно сделали отсылку к мнению И. В. Сталина «Статьи и речи об Украине» [20, с. 90] о комбинированном походе Антанты, в котором центр тяжести «лежал в районе Колчака» [17, с. 230]. В данном параграфе особый акцент сделан на вкладе РККА и комиссаров в достижение победы, осуждалась партизанщина. Естественно, что в этом учебнике нет ни слова

о сибирских партизанах, отсутствуют и фотографии, связанные с участием партизан в Гражданской войне, которые представлены в материале Шестакова. Но признана роль рабочих и крестьянских партизан в борьбе с колчаковщиной [17, с. 234].

Иначе представлен Колчак в решении национального вопроса. В изображении авторов он — противник национальной автономии и национального движения, о чем наглядно свидетельствует пример с башкирским контрреволюционным правительством Валидова, не признанным Колчаком [17, с. 232].

В учебнике под редакцией Панкратовой подчеркнута особая ведущая роль лидеров партии, особенно В. И. Ленина, в разгроме интервентов и белогвардейцев, он выступает как мозговой центр всех результативных шагов и действий в Гражданской войне, как вдохновитель и умелый оппонент для внутрипартийных соперников и внутренних врагов, таких как Троцкий. Здесь уже нет фигуры Бухарина, а вклад Сталина во многом определяет исход военных действий. Визуальный ряд расширяется фигурами С. М. Кирова, Г. И. Котовского, С. Лазо и французских революционеров Ж. Лябурб и А. Марти. Фотографии также дополняются картами боевых действий, где восточный фронт изображен на четырех картах из восьми, что говорит о значимости данного направления в Гражданской войне.

В этом учебнике присутствует также более подробная характеристика колчаковского режима в Сибири, представленного как военно-монархическая диктатура в единой и неделимой России. Интересен дидактический прием, используемый авторами учебника. Это попытка показать зависимость Колчака от «его иностранных хозяев»: использование всем известной частушки: «Мундир английский, погон французский, табак японский, правитель омский [17, с. 232]. Обстоятельства ареста и гибели А. В. Колчака авторами упомянуты весьма сухо: «был арестован и расстрелян» [17, с. 243].

Послевоенный период. В послевоенное время тема Гражданской войны отошла на второй план на фоне изображения событий Великой Отечественной войны. Авторы учебников используют уже прошедший проверку материал учебников Шестакова и Панкратовой, содержательно и структурно выстраивают текст в соответствии с принятыми оценками и характеристиками. Учебник П. И. Кабанова и К. В. Сивкова фактически повторяет текст учебника Панкратовой с идеей о трех походах Антанты [21]. Здесь уже особо подчеркнута роль Сталина, который проявил себя на всех направлениях борьбы с иностранной интервенцией и белогвардейщиной, несколько затушеван вклад Ленина. Впервые в данном учебнике упоминается «золотой запас» советской страны, который был вывезен армией Колчака [21, с. 242].

В годы «оттепели» очевидна смена акцента в определении ведущих сил Гражданской войны. Если предыдущие авторы отдавали предпочтение либо Антанте, либо Белой армии, то сейчас они представлены как две силы: международный империализм, организовавший военную интервенцию, и внутренняя контрреволюция. В учебнике И. Б. Берхина и М. И. Беленького для 9 класса союзниками колчаковщины упомянуты кулаки, которые «охотно шли служить в колчаковскую армию» [22, с. 99], детализируется помощь Антанты (700 000 винтовок, 3 000 пулеметов, 600 орудий, десятки самолетов), главным союзником армии Кол-

чака называются США [22, с. 99] (ранее таковым чаще выступали англичане или коалиция сил Англии, Франции, США и Японии). Со страниц учебников исчезает описание зверств и расправ армии Колчака, его личные характеристики как жестокого деспота и душителя советской власти. На первый план выходит борьба рабочего класса, красноармейцев, в первую очередь советских вождей и полководцев против колчаковцев [22, с. 99–102]. Борцами с Колчаком названы В. И. Ленин, В. И. Чапаев, М. В. Фрунзе, В. В. Куйбышев. Сталин не упомянут в данном разделе. Но появляется имя М. Н. Тухачевского, ранее отсутствовавшего в учебном материале и с определенными трудностями возвращавшегося после политической реабилитации в историческую память [23].

Перестроечный период. Перестройка затронула многие стороны жизни общества, но учебная литература во многом еще оставалась сдержанно-консервативной в оценке воюющих сторон, менялись лишь характеристики отдельных персоналий. Например, учебник Т. С. Голубевой полностью повторяет структуру учебника Панкратовой [24], но уже с иными оценочными характеристиками Сталина: он, наряду с Ворошиловым и Троцким, допускает серьезные просчеты, которые привели к неоправданному человеческим жертвам. Прямо говорилось об их ошибках и перегибах — чувствовалось дыхание перестройки с ее устоявшимися клише: коварство и предательство теперь исходило не от белогвардейцев и их идейных вдохновителей, к которым относился Колчак. Иностранные интервенты лишь в одном месте параграфа идентифицированы англичанами, американцами, французами и японцами [24, с. 136], далее они выступают безликой массой капиталистов, капиталистических стран, готовых загубить Советскую республику. Наряду с Тухачевским появляются фамилии Блюхера и Уборевича. Представлена самоотверженность Чапаева и Фрунзе, правда, визуальный ряд сохраняет только кавалерийскую атаку из предыдущих версий учебного материала, появляются плакаты, Ленин изображен не в окружении политических деятелей, а в рабочей обстановке.

Впервые Колчак называется «царским адмиралом», но ему и его армии даны негативные характеристики: жестокие порядки, забирали последнее имущество, насильно брали в армию [24, с. 140]. Интересны детали пленения и гибели Колчака. В учебнике Шестакова адмирала арестовали рабочие Иркутска, в учебнике Панкратовой он «арестован и расстрелян», у Берхина — «под Красноярском основные силы белогвардейцев попали в плен. Колчак был арестован и по приговору Иркутского ревкома расстрелян» [22, с. 102]. В учебнике Кабанова Колчак перед арестом бежал в Иркутск, «увезя с собой золотой запас Советской страны», но «Красная Армия» его догнала и расстреляла [21, с. 242]. В учебнике Голубевой он был «захвачен и приговорен к расстрелу» [24, с. 143]. Неоднозначность ситуации жизненного финала Колчака дает массу вариаций на эту тему и неопределенность роли его ближайшего окружения и союзников, что создает для читателя массу самых невероятных догадок и фантазий. Данное обстоятельство, к сожалению, до сих пор служит благодатной почвой для фальсификаций в поле публичной истории.

Постперестроечный период. 1990-е гг. стали временем свободы и в оценках исторических деятелей, и в школьных концепциях истории. В условиях

дезориентации оценочных суждений и отсутствия требований к изложению исторических событий авторы старались максимально сократить в учебной литературе дискуссионные страницы российской истории.

Так, в учебнике В. П. Островского и А. И. Уткина [25] события 1917–1920 гг. помещены в один параграф «Укрепление новой власти» в 20 страниц, а период Гражданской войны до изгнания Врангеля из Крыма — 5 страниц. Колчак на фоне жестоких большевиков, заключивших «похабный Брестский мир», представлен как «ученый-гидрограф», адмирал, возглавивший антибольшевистское сопротивление для восстановления боеспособной армии и возрождения «великой и неделимой России» [25, с. 158]. Его связь с Антантой и зависимость от иностранных кураторов в связи с этим была «обнулена». Союзники, руководимые интересами раздела сфер влияния, опасались победы Белого движения, носившего «ярко выраженный национальный, российский характер», поэтому их помощь носила «ограниченный характер и не могла оказать воздействия на ход боевых действий» [25, с. 159]. Все события на Восточном фронте, которые так подробно расписывались в предыдущих изданиях учебной литературы, уложились здесь в одно предложение без упоминания конкретных фактов, дат и событий [25, с. 160].

Разбирая противостояние «красных и белых» в данном разделе, авторы не считали нужным обратиться к персоналиям большевистского движения, в данном разделе они отсутствуют. Это создает впечатление, что плеяда истинных патриотов (А. В. Колчак, А. И. Деникин, М. В. Алексеев, Л. Г. Корнилов) сражается с безликой массой большевиков и проигрывает вследствие ряда объективных причин.

В учебном пособии В. П. Дмитриенко, В. Д. Есакова, В. А. Шестакова [26] выделен параграф «Этап гражданской войны», где в целом продолжается традиция рассмотрения действий советской власти в интересах народа и государства, а Белого движения — в интересах интервентов и бывших крупных собственников. Колчак здесь представлен как «военный министр в Сибирском (Омском) правительстве», совершивший политический переворот и провозгласивший себя «верховным правителем России» [26, с. 157]. Но нет никаких оценок Белого движения и его лидеров, а сам контекст их деятельности и сопоставление с советским лагерем отдает симпатию последнему. Большую часть учебников 1990-х гг. отличает нежелание обращаться к теме Гражданской войны, упоминать ее участников (и красных, и белых). Пересмотр взглядов на ту переломную эпоху внутри профессионального сообщества историков создало вакуум по отношению к данной теме в учебном процессе, следствием чего стало «избавление» от «неудобных» тем революции и Гражданской войны.

Современный этап. В XXI в. тема Гражданской войны, несмотря на столетний юбилей, теряет актуальность в учебной литературе. Значительно сократился объем информации с целых разделов до небольших параграфов. Если значительный объем этих разделов в довоенных учебниках можно объяснить последними знаковыми событиями в становлении советской государственности и нового социума, то в послевоенный период на первое место, конечно же, выходила Великая Отечественная война. Логичнее посмотреть, как менялся объем

материала в последние 80 лет. Так, в учебнике Берхина глава 3 «Советская страна в период иностранной военной интервенции и гражданской войны (1918–1920 годы)» содержит 50 страниц текста, что составляет более 12 % учебного материала «эпохи социализма» [22, с. 80–130]. Тот же объем материала у учебника для 9 класса по истории СССР под авторством Берхина и Федосова [27, с. 210–252].

В учебнике А. А. Левандовского, Ю. А. Щетинова, С. В. Мироненко [28, с. 103–124] из всего XX в. событиям 1917–1922 гг. посвящены два параграфа («Гражданская война» и «Почему победили красные»), что составляет всего 5,5 % объема информации. В издании под редакторством А. В. Торкунова теме отведено 20 страниц текста, из них 8 вынесено на самостоятельную подготовку [29, с. 58–78] (3,9 % обязательного текста и 2,3 % дополнительного, который ученики в подавляющем большинстве не читают и не проходят). В недавно вышедшем учебнике под редакторством В. Р. Мединского и А. В. Торкунова Гражданской войне посвящено 38 страниц [30, с. 87–125] (4,6 % объема материала по XX в.) [30–31].

Как видно, материал по истории Гражданской войны «ужимается», происходит его строгая регламентация и систематизация, более отточенными становятся характеристики военных и политических лидеров. На страницах этих учебников можно увидеть возвращение к старым сложившимся оценкам участников Гражданской войны и их роли в становлении государства. Щетинов характеризует Колчака весьма нейтрально, но показывая тесную связь его армии с реализацией планов Антанты, сделавшей ставку на «комбинированные военные действия русских антибольшевистских сил» [28, с. 108]. На страницах учебника значительно «вырастает» материальная и военная помощь со стороны Англии, Франции и США: «только за зиму 1918/19 г. было передано около миллиона винтовок, несколько тысяч пулеметов, около 1200 орудий, танки и самолеты, боеприпасы и обмундирование на несколько сотен тысяч человек» [28, с. 108]. Негативная роль интервентов усиливается приводимыми отрывками из исторических источников: высказывания А. Нокса о том, что «каждый патрон, выстреленный русским солдатом в большевиков, сделан в Англии»; воспоминания У. Черчилля о том, что не англичане сражались «за дело враждебным большевикам русских», а «русские белогвардейцы сражались за наше дело» [28, с. 108].

На этом фоне, казалось бы, нейтральная оценка Колчака, который во главе с «хорошо вооруженной 120-тысячной армией» двинулся с востока на Москву, приобретает отрицательную коннотацию. Визуальный ряд этого учебника пополнен портретами лидеров Белого движения, в том числе фотографией Колчака в белом кителе [28, с. 107]. Здесь показателен анахронизм: в годы Гражданской войны адмирал носил мундир защитного цвета и редко облачался в морской китель, причем темно-синего цвета, белый китель не надевал [32, с. 396–397].

Весьма туманно представлена судьба Колчака на страницах учебника под редакцией А. А. Данилова [33]. Автор данного параграфа Л. Г. Косулина отмечает, что «адмирал А. В. Колчак стал объединять антисоветские правительства Сибири и Урала» [33, с. 156] при непосредственной поддержке стран Антанты, что ему «удалось путем мобилизации собрать в начале 1919 г. почти полумиллионную ар-

мию» [33, с. 158], но что произошло в дальнейшем с армией полководца, можно только догадываться по названию раздела «Причины победы красных в Гражданской войне» и выражению «был отброшен А.В. Колчак» [33, с. 157].

После внедрения в образовательный процесс историко-культурного стандарта во второй половине 2010–2020-е гг. учебники приобрели большую регламентацию в изображении исторических событий. Хотя разработка концепции нового учебно-методического комплекса по отечественной истории не была лишена некоторых курьезов, например, потерей фигуры Колчака в разделе «Персоналии» [34, с. 157].

Примерно в это же время появляется учебник под редакторством А. В. Торкунова [29], где Колчаку, его армии и восточному направлению Гражданской войны посвящено всего пять предложений [29, с. 62]. Современное издание учебника по истории России под редакцией Мединского и Торкунова уделяет событиям Гражданской войны более серьезное место: увеличен объем информации, материал структурирован, дополнен отрывками из источников, разнообразным визуальным рядом, выдержана хронологическая канва событий, при изложении использован проблемно-хронологический подход.

Однако появляются неожиданные трактовки событий, таких как приход к власти Колчака. Традиционно в учебной литературе к этому оказывались причастны либо страны Антанты, либо сам адмирал, здесь впервые упоминаются «офицеры», которые «свергли эсеров-меньшевистское правительство в Омске и установили диктатуру во главе с адмиралом А. Колчаком» [30, с. 99]. На этой же странице в разделе «Портрет на фоне эпохи» указано, что именно он «совершил переворот, установил в Сибири военную диктатуру и принял титул Верховного правителя Всероссийского правительства» [30, с. 99]. Вновь появились фигуры громивших Колчака Фрунзе, Чапаева, Буденного, вернули в текст «расправы колчаковцев над мирным населением», партизанское движение [30, с. 100, 106]. В классической для советской эпохи манере представлена одна из причин поражения Белого движения — это номинальная роль Колчака в качестве Верховного правителя России, несогласованность командования армий, жестокое обращение с населением [30, с. 110]. Таким образом, спустя несколько десятилетий была ясно обозначена важная мысль для оценки колчаковского движения, что «иностранный интервенция и поддержка странами Запада белых позволила большевикам представить себя единственными защитниками национальной независимости России» [30, с. 111].

Заключение. Как видно, за более чем 80 лет образ А. В. Колчака на страницах учебной литературы прошел существенную эволюцию. В довоенный период адмирал был представлен как главная угроза советскому режиму, действовавшая при непосредственной поддержке Антанты, отличавшаяся особой жестокостью. В послевоенный период фигура Колчака и возглавляемое им Белое движение «оформились» в самостоятельную угрозу наряду с империалистическими странами, среди которых выделялась роль США. В перестроечное время еще сохраняются традиционные оценки политики Колчака на востоке России, но уже видны попытки оправдания действий Белого движения через красный террор и ошибки отдельных руководителей.

В годы «декоммунизации» с разрушением прежних стереотипов Колчак был представлен как защитник национальных интересов, известный ученый, хорошо подготовленный военный, вступивший в борьбу с жестокими большевиками, но проигравший из-за отказа от сотрудничества значительной части гражданской интеллигенции.

С 2000-х гг. тема Гражданской войны вовсе утрачивает структурированность, отчете личности Колчака теряется в массе отвлеченных рассуждений на тему неспособности Белого движения привлечь на свою сторону массы. Читатели в большом объеме цитат и отрывков из источников оказались дезориентированы в отношении действий враждующих сторон и их политических лидеров.

С появлением историко-культурного стандарта изложение событий Гражданской войны приобрело четко обозначенную структуру, однако потеряло в объеме представленного материала. Личности Колчака вернули характеристики, сформулированные в советской историографии, но наряду с ними появились весьма взвешенные оценки антагонистов адмирала из числа военачальников и политических деятелей советской власти. Допущение в учебной литературе того факта, что у Белого движения не было авторитетного, признаваемого всеми вождя, а поддержка со стороны Антанты во всех смыслах представляла собой «медвежью услугу», делает Колчака трагической фигурой российской истории, не имевшей успеха при жизни и не получившей признания после гибели.

Обращение к учебной литературе сквозь призму реконструкции образа Колчака позволило выявить серьезную проблему, обозначившуюся в процессе преподавания отечественной истории на уровне средней школы: систематическое сокращение информационного материала по истории таких глубоких социальных кризисов, как Революция и Гражданская война, затрудняет формирование устойчивой патриотичной мировоззренческой позиции подрастающего поколения в отношении внутренних общественных противоречий. Результаты отдельных социологических опросов демонстрируют незнание респондентами участников и событий Гражданской войны. Поэтому дальнейшее развитие данной темы видится как со стороны расширения источниковой базы исследования за счет анализа всего учебно-методического комплекса литературы (хрестоматий, методических рекомендаций и др.), так и со стороны репрезентации полученных знаний разными поколениями россиян посредством социологических опросов и анкетирования.

Список источников

1. Захаров А. М. Адмирал А. В. Колчак в историографии: основные вехи // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2017. Т. 18, вып. 4. С. 43–50. EDN: ZXVZSH.
2. Волков Е. В. Образы А. В. Колчака в советском и постсоветском российском игровом кино // Международный журнал исследований культуры. 2020. № 4. С. 81–93. DOI: 10.52173/2079-1100_2020_4_81. EDN: KIFQGG.
3. Журавлев В. В. Герой как чужой: некоторые наблюдения над имагографией А. В. Колчака // Новое прошлое. 2019. № 1. С. 48–69. DOI: 10.23683/2500-3224-2019-1-48-69. EDN: ABUGAX.
4. Бородин Г. Ю. Образ адмирала А. В. Колчака в театре и кино // Гражданская война в Сибири: материалы всероссийского науч.-практ. конф. / под ред. Д. И. Петина, Т. А. Терехиной. Омск: [Б. и.], 2013. С. 13–18.

5. Вибе П. П. О памятнике Колчаку, музею Гражданской войны и Белой столице // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. 2012. № 17. С. 73–85. EDN: YABPQT.
6. Сушко А. В., Петин Д. И. Битвы за память: к вопросу о мемориализации имени адмирала А. В. Колчака в Омске // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2019. Т. 4. № 4. С. 9–17. DOI: 10.25206/2542-0488-2019-4-4-9-17. EDN: HKQJJC.
7. Петин Д. И. История омского рода Батюшкиных. Омск: Золотой тираж (ООО «Омскбланкиздат»), 2021. 140 с. ISBN 978-5-8042-0752-7. EDN: TJZQCR.
8. Базанов П. Н. Местная или всероссийская культура? // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2022. № 3. С. 186–188. DOI: 10.30725/2619-0303-2022-3-186-188. EDN: JJYTWB.
9. Пученков А. С. Омские Форсайты и «Дом Колчака» // Российская история. 2023. № 2. С. 205–208. DOI: 10.31857/S2949124X23020190. EDN: BLVRET.
10. Петин Д. И. К историческим образам интервентов в Белой Сибири 1918–1919 гг. // Вестник архивиста. 2023. № 4. С. 1265–1271. DOI: 10.28995/2073-0101-2023-4-1265-1271. EDN: BQBCIY.
11. Тугунина Е. В. Образ Колчака на страницах учебников истории СССР и России // Молодежь XXI века: образование, наука, инновации: материалы VII Всерос. студ. науч.-практ. конф. с междунар. участием. В 3 ч. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2018. Ч. 2. С. 239–240. EDN: ZAPSRV.
12. Мамонтова М. А. Гражданская война на Востоке России на страницах современных учебников истории // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы III Всерос. науч.-практ. конф., посвященной 100-летию восстановления советской власти в Сибири. Омск: Изд-во ОмГТУ, 2019. С. 149–152. EDN: THXJW.
13. Шкуратова Д. Н. Образ А. В. Колчака на страницах современных учебников // Молодежь XXI века: образование, наука, инновации: материалы XII Всерос. студ. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Новосибирск, 2024. С. 360–362.
14. Замысловская Е. К. Учебник истории. 3-е изд. Москва, Петроград: Гос. изд-во, 1923. 152 с.
15. Покровский М. Н. Русская история в самом сжатом очерке. Москва: Гос. изд-во, 1923. Ч. 3. 295 с.
16. Краткий курс истории СССР: учебник для 3-го и 4-го классов / Под ред. А. В. Шестакова. Москва: Гос. учебно-педагог. изд-во, 1937. 223 с.
17. История СССР: учебник для средней школы / К. В. Базилевич, С. В. Бахрушин, А. М. Панкратова, А. В. Фохт; под ред. А. М. Панкратовой. Москва: Гос. учебно-педагог. изд-во Наркомпроса РСФСР, 1941.
Т. 1. 223 с.
Т. 2. 272 с.
Т. 3. 366 с.
18. Сталин И., Жданов А., Киров С. Замечания по поводу конспекта учебника по «Истории СССР» (8 августа 1934 г.) // Правда. 1936. № 26 (6632). С. 2.
19. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 120. Д. 358.
20. Сталин И. В. Статьи и речи об Украине: сб. Киев: Партиздат ЦК КП(б)У, 1936. 249 с.
21. Сивков К. В., Кабанов П. И. История СССР: учеб. для педагогических училищ. Москва: Учпедгиз, 1948. Ч. 2. 356 с.
22. Берхин И. Б., Беленький М. И., Ким М. П. История СССР: эпоха социализма: учеб. пособие для средней школы / под ред. М. П. Кима. Москва: Просвещение, 1965. 413 с.
23. Федотова И. В. Представление о М. Н. Тухачевском в советском обществе в конце 1950-х–1970-х гг. (обзор материалов архивиста и краеведа Г. М. Шлевко) // Омские социально-гуманитарные чтения-2022: материалы XV Междунар. науч.-практ. конф. Омск: Изд-во ОмГТУ, 2022. С. 302–309. EDN: SZMSDH.
24. Голубева Т. С., Геллерштейн Л. С. Рассказы по истории СССР для 5 класса: учеб. для 5 кл. сред. шк. Москва: Просвещение, 1990. 255 с. ISBN 5-09-001881-2.
25. Островский В. П., Уткин А. И. История России. XX век: 11 класс: учеб. для общеобразоват. учеб. заведений. Москва: Издат. дом Дрофа, 1996. 494 с. ISBN 5-7107-0825-9.
26. Дмитренко В. П., Есаков В. Д., Шестаков В. А. История Отечества. XX век: 11-й класс. Москва: Изд. дом Дрофа, 1995. 635 с. ISBN 5-7107-0575-6.
27. Берхин И. Б., Федосов И. А. История СССР: учеб. для 9-го класса / под ред. М. П. Кима. Москва: Просвещение, 1982. 383 с.
28. Левандовский А. А., Щетинов Ю. А., Мироненко С. В. История России. 11 класс: учеб. для общеобразоват. организаций: базовый уровень / под ред. С. П. Карпова. Москва: Просвещение, 2014. 384 с. ISBN 978-5-09-032713-8.
29. История России. 10 класс: учеб. для общеобразовательных организаций. В 3 ч. / Под ред. А. В. Торкунова. Москва: Просвещение, 2016:
Ч. 1. 175 с. ISBN 978-5-09-110298-7.
Ч. 2. 176 с. ISBN 978-5-09-110299-4.
Ч. 3. 160 с. ISBN 978-5-09-110300-7.
30. Мединский В. Р., Торкунов А. В. История России. 1914–1945 годы. 10 класс. Базовый уровень. Москва: Просвещение, 2023. 496 с. ISBN 978-5-09-117860-9.
31. Мединский В. Р., Торкунов А. В. История России. 1945 год–начало XXI века. 11 класс. Базовый уровень. Москва: Просвещение, 2023. 447 с. ISBN 978-5-09-111216-0.
32. Калекин В. В., Капустин Л. Г., Петин Д. И. Верховный правитель адмирал А. В. Колчак в поездке на Тобольский фронт: к анализу неизвестного фотодокумента 1919 г. // Вестник архивиста. 2021. № 2. С. 390–404. DOI: 10.28995/2073-0101-2021-2-390-404. EDN: MEQYJK.
33. История России, 1900–1945 гг. 11 класс: учеб. для общеобразоват. учреждений / под ред. А. А. Данилова, А. В. Филиппова. Москва: Просвещение, 2009. 447 с. ISBN 978-5-09-020070-7.
34. Попов А. А. Историко-культурный стандарт и преподавание истории // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2018. № 2 (35). С. 156–160. EDN: XUBVTN.

МАМОНТОВА Марина Александровна, кандидат исторических наук, доцент (Россия), заведующая кафедрой Отечественной истории, социологии и политологии Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского, г. Омск.
SPIN-код: 9119-9039
AuthorID (РИНЦ): 377050
ORCID: 0009-0004-3102-0052
Адрес для переписки: mamontovama@omsu.ru

Для цитирования

Мамонтова М. А. Эволюция образа адмирала А. В. Колчака как военного и политического деятеля в советских и российских школьных учебниках // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2025. Т. 10, № 1. С. 42–49. DOI: 10.25206/2542-0488-2025-10-1-42-49. EDN: XSBDUF.

Статья поступила в редакцию 25.09.2024 г.
© М. А. Мамонтова

EVOLUTION OF THE IMAGE OF ADMIRAL A. V. KOLCHAK AS A MILITARY AND POLITICAL FIGURE IN SOVIET AND RUSSIAN SCHOOL TEXTBOOKS

The article, prepared at the intersection of historiography and historical imagology, is devoted to the analysis of the transformation of the image of Admiral A. V. Kolchak as a military and political figure in domestic educational literature for secondary schools, published in the period from the late 1930s to the first quarter of the 21st century. The author analyzed 17 Soviet and Russian history textbooks prepared by authoritative academic specialists through the combined prism of anthropological and institutional approaches with content analysis by problem-chronological and historical-comparative methods. As a result, the stages of the evolution of the A. V. Kolchak image are identified; the relations with the publication context of educational literature and the influence of socio-political events on the interpretation of Russian history are established.

Keywords: historical anthropology, historical imagology, educational literature, White Movement, Civil War, Entente, A. V. Kolchak.

References

1. Zakharov A. M. Admiral A. V. Kolchak v istoriografii: osnovnyye vekhi [Admiral A. V. Kolchak in the historiography: the main milestones]. *Vestnik Russkoy khristianskoy gumanitarnoy akademii. Review of Russian Christian Academy for the Humanities*. 2017. Vol. 18. Issue 4. P. 43–50. EDN: ZXVZSH. (In Russ.).
2. Volkov E. V. Obrazy A. V. Kolchaka v sovetskom i postsovetском rossiyskom igrovom kino [Images of Alexander V. Kolchak in Soviet and Post-Soviet Russian Feature Films]. *Mezhdunarodnyy zhurnal issledovaniy kul'tury. International Journal of Cultural Research*. 2020. No. 4. P. 81–93. DOI: 10.52173/2079-1100_2020_4_81. EDN: KIFQGG. (In Russ.).
3. Zhuravlev V. V. Geroy kak chuzhoy: nekotoryye nablyudeniya nad imagografiyey A. V. Kolchaka [A hero as a stranger: some observations on the imagography of the A. V. Kolchak]. *Novoye proshloye. The New Past*. 2019. No. 1. P. 48–69. DOI: 10.23683/2500-3224-2019-1-48-69. EDN: ABUGAX. (In Russ.).
4. Borodina G. Yu. Obraz admirala A. V. Kolchaka v teatre i kino [The image of Admiral A. V. Kolchak in theater and cinema]. *Grazhdanskaya voyna v Sibiri. Civil War in Siberia*. Omsk, 2013. P. 13–18. (In Russ.).
5. Vibe P. P. O pamyatnike Kolchaku, muzeye grazhdanskoy voyny i Beloy stolitse [About the monument to Kolchak, the Museum of the Civil War and the White Capital]. *Izvestiya Omskogo gosudarstvennogo istoriko-kraevedcheskogo muzeya. Proceedings of the Omsk State Museum of History and Local Lore*. 2012. No. 17. P. 73–85. EDN: YABPQT. (In Russ.).
6. Sushko A. V., Petin D. I. Bitvy za pamyat': k voprosu o memorializatsii imeni admirala A. V. Kolchaka v Omske [Battles for memory: on the issue of memorializing the name of Admiral A. V. Kolchak in Omsk]. *Omskiy nauchnyy vestnik. Ser. Obschestvo. Istoriya. Sovremennost'. Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2019. Vol. 4, no. 4. P. 9–17. DOI: 10.25206/2542-0488-2019-4-4-9-17. EDN: HKQPJC. (In Russ.).
7. Petin D. I. Istoriya omskogo roda Batyushkin [History of the Omsk clan of Batyushkin]. Omsk, 2021. 140 p. ISBN 978-5-8042-0752-7. EDN: TJZQCR. (In Russ.).
8. Bazanov P. N. Mestnaya ili vserossiyskaya kul'tura? [Local or national culture?]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury. Vestnik of Saint-Petersburg State University of Culture*. 2022. No. 3. P. 186–188. DOI: 10.30725/2619-0303-2022-3-186-188. EDN: JJYTWR. (In Russ.).
9. Puchenkov A. S. Omskie Forsaity i «Dom Kolchaka» [Omsk Foresights and Kolchak's House]. *Rossiyskaya istoriya. Russian History*. 2023. No. 2. P. 205–208. DOI: 10.31857/S2949124X23020190. EDN: BLVRET. (In Russ.).
10. Petin D. I. K istoricheskim obrazam interventov v Beloi Sibiri 1918–1919 gg. [Revisiting Historical Images of Interventionists in the White Siberia of 1918–1919]. *Vestnik arhivista. Herald of an Archivist*. 2023. No. 4. P. 1265–1271. DOI: 10.28995/2073-0101-2023-4-1265-1271. EDN: BQBCIY. (In Russ.).
11. Tutynina E. V. Obraz Kolchaka na stranitsakh uchebnikov istorii SSSR i Rossii [The image of Kolchak on the pages of history textbooks of the USSR and Russia] // *Molodezh' XXI veka: obrazovaniye, nauka, innovatsii. V 3 ch. Youth of the 21st Century: Education, Science, Innovation*. In 3 Parts. Novosibirsk, 2018. Part 2. P. 239–240. EDN: ZAPSRV. (In Russ.).
12. Mamontova M. A. Grazhdanskaya voyna na Vostoke Rossii na stranitsakh sovremennykh uchebnikov istorii [Civil War in Eastern Russia on the Pages of Modern History Textbooks] // *Grazhdanskaya voyna na vostokey Rossii: vzglyad skvoz' dokumental'noye naslediyе. Civil War in Eastern Russia: a Look Through Documentary Heritage*. Omsk, 2019. P. 149–152. EDN: THEXJW. (In Russ.).
13. Shkuratova D. N. Obraz A. V. Kolchaka na stranitsakh sovremennykh uchebnikov [The image of A. V. Kolchak on the pages of modern textbooks] // *Molodezh' XXI veka: obrazovaniye, nauka, innovatsii. Youth of the 21st Century: Education, Science, Innovation*. Novosibirsk, 2024. P. 360–362. (In Russ.).

14. Zamyslovskaya E. K. Uchebnik istorii [History textbook]. 3rd. ed. Moscow, Petrograd, 1923. 152 p. (In Russ.).
15. Pokrovskiy M. N. Russkaya istoriya v samom szhatom ocherke [Russian history in the most concise outline]. Moscow, 1923. Part. 3. 1923. 295 p. (In Russ.).
16. Kratkiy kurs istorii SSSR: uchebnik dlya 3-go i 4-go klassov [Brief history course of the USSR: textbook for grades 3 and 4] / Ed. by A. V. Shestakova. Moscow, 1937. 223 p. (In Russ.).
17. Istoriya SSSR: uchebnik dlya sredney shkoly [History of the USSR: a textbook for secondary schools] / K. V. Bazilevich, S. V. Bakhrushin, A. M. Pankratova, A. V. Fokht; Ed. by A. M. Pankratovoy. Moscow, 1941. (In Russ.).
Vol. 1. 223 p. (In Russ.).
Vol. 2. 272 p. (In Russ.).
Vol. 3. 366 p. (In Russ.).
18. Stalin I., Zhdanov A., Kirov S. Zamechaniya po povodu konspekta uchebnika po «Istorii SSSR» » (8 avgusta 1934 g.) [Comments on the outline of the textbook on the History of the USSR (August 8, 1934)]. *Pravda*. 1936. No. 26 (6632). P. 2. (In Russ.).
19. Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv sotsial'no-politicheskoy istorii [Russian State Archive of Social and Political History]. File: 17/120/358. (In Russ.).
20. Stalin I. V. Stat'i i rechi ob Ukraine. Sbornik [Articles and speeches about Ukraine]. Kyiv, 1936. 249 p. (In Russ.).
21. Istoriya SSSR: ucheb. dlya pedagogicheskikh uchilishch [History of the USSR: a textbook for pedagogical schools]. Moscow, 1948. Part 2. 356 p. (In Russ.).
22. Berkhin I. B., Belen'kiy M. I., Kim M. P. Istoriya SSSR: epokha sotsializma: ucheb. posobiye dlya sredney shkoly [History of the USSR: the era of socialism: textbook for the secondary school] / Ed. by M. P. Kima. Moscow, 1965. 413 p. (In Russ.).
23. Fedotova I. V. Predstavleniye o M. N. Tukhachevskom v sovetskom obshchestve v kontse 1950–1970-kh gg. (obzor materialov arkhivista i krayevedy G. M. Shlevko) [The representation of M.N. Tukhachevsky in Soviet society in the late 1950–1970s (review of materials by archivist and local historian G.M. Shlevko)] // *Omskiye sotsial'no-gumanitarnyye chteniya–2022. Omsk Social and Humanitarian Readings-2022. Omsk*, 2022. P. 302–309. EDN: SZMSDH. (In Russ.).
24. Golubeva T. S., Gellershteyn L. S. Rasskazy po istorii SSSR dlya 5 klassa: ucheb. dlya 5 kl. sred. shk [Stories on the history of the USSR for grade 5: textbook for grade 5 of secondary school]. Moscow, 1990. 255 p. ISBN 5-09-001881-2. (In Russ.).
25. Ostrovskiy V. P., Utkin A. I. Istoriya Rossii. XX vek: 11 klass: ucheb. dlya obshcheobrazovat. ucheb. zavedeniy [History of Russia. XX century: 11th grade: textbook for comprehensive educational institutions]. Moscow, 1996. 494 p. ISBN 5-7107-0825-9. (In Russ.).
26. Istoriya Otechestva. XX vek: 11-y klass / V. P. Dmitrenko, V. D. Esakov, V. A. Shestakov. [History of the Fatherland. 20th century: 11th grade] Moscow, 1995. 635 p. ISBN 5-7107-0575-6. (In Russ.).
27. Berkhin I. B., Fedosov I. A. Istoriya SSSR: Uchebnik dlya 9-go klassa [History of the USSR: Textbook for the 9th grade] / Ed. by M. P. Kima. Moscow, 1982. 383 p. (In Russ.).
28. Levandovskiy A. A., Shchetinoy Yu. A., Mironenko S. V. Istoriya Rossii. 11 klass: ucheb. dlya obshcheobrazovat. organizatsiy: bazovyy uroven' [History of Russia. Grade 11: textbook for comprehensive schools: basic level] / Ed. by S. P. Karpova. Moscow, 2014. 384 p. ISBN 978-5-09-032713-8. (In Russ.).
29. Istoriya Rossii. 10 klass: uchebnik dlya obshcheobrazovatel'nykh organizatsiy. V 3 ch. [History of Russia. 10th grade: textbook for general education organizations. In 3 Parts] / Ed. by A. V. Torkunova. Moscow, 2016. (In Russ.).
Part 1. 175 p. ISBN 978-5-09-110298-7. (In Russ.).
Part 2. 176 p. ISBN 978-5-09-110299-4. (In Russ.).
Part 3. 160 p. ISBN 978-5-09-110300-7. (In Russ.).
30. Medinskiy V. R., Torkunov A. V. Istoriya Rossii. 1914–1945 gody. 10 klass. Bazovyy uroven' [History of Russia. 1914–1945. Grade 10. Basic level]. Moscow, 2023. 496 p. ISBN 978-5-09-117860-9. (In Russ.).
31. Medinskiy V. R., Torkunov A. V. Istoriya Rossii. 1945 god–nachalo XXI veka. 11 klass. Bazovyy uroven' [History of Russia. 1945–beginning of the 21st century. Grade 11. Basic level]. Moscow, 2023. 447 p. ISBN 978-5-09-111216-0. (In Russ.).
32. Kalekin V. V., Kapustin L. G., Petin D. I. Verkhovnyy pravitel' admiral A. V. Kolchak v poyezdke na Tobol'skiy front: k analizu neizvestnogo fotodokumenta 1919 g. [Supreme Ruler A. V. Kolchak on His Trip to the Tobolsk Front: Revisiting the Analysis of an Unknown Photo Document (1919)]. *Vestnik arkhivista. Herald of an Archivist*. 2021. No. 2. P. 390–404. DOI: 10.28995/2073-0101-2021-2-390-404. EDN: MEQYJK. (In Russ.).
33. Istoriya Rossii, 1900–1945 gg. 11 klass: ucheb. dlya obshcheobrazovat. Uchrezhdeniy [History of Russia, 1900–1945. Grade 11: textbook for comprehensive schools]. / Ed. by A. A. Danilova, A. V. Filippova. Moscow, 2009. 447 p. ISBN 978-5-09-020070-7. (In Russ.).
34. Popov A. A. Istoriko-kul'turnyy standart i prepodavaniye istorii [Historical and cultural standard and teaching of history]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury. Vestnik of Saint-Petersburg State University of Culture*. 2018. No. 2 (35). P. 156–160. EDN: XUBBTN. (In Russ.).

MAMONTOVA Marina Aleksandrovna, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Russian History, Sociology and Political Science Department, Dostoevsky Omsk State University, Omsk. SPIN-code: 9119-9039
AuthorID (RSCI): 377050
ORCID: 0009-0004-3102-0052
Correspondence address: mamontovama@omsu.ru

For citations

Mamontova M. A. Evolution of the image of Admiral A. V. Kolchak as a military and political figure in Soviet and Russian school textbooks. *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2025. Vol. 10, no. 1. P. 42–49. DOI: 10.25206/2542-0488-2025-10-1-42-49. EDN: XSBDUF.

Received September 25, 2024.

© M. A. Mamontova

А. В. КОЛЧАК В ИСТОРИЧЕСКОМ СОЗНАНИИ ОМИЧЕЙ: «ВОЙНА ЗА ПАМЯТЬ» И ПРИМИРЕНИЕ С ПРОШЛЫМ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 1980-х—2020-е гг.)

Статья посвящена анализу современных рецепций и репрезентаций исторической памяти об одной из ключевых фигур истории Гражданской войны на территории Сибири — Верховном правителе России адмирале А. В. Колчаке. Дискуссии последних тридцати лет о его роли в сибирской истории, по мнению автора, логично будет охарактеризовать аллегорией «война за память». На региональном примере обозначены основные этапы мемориализации личности А. В. Колчака и сопутствующие им социальные процессы, представлены основные характеристики, подчеркивающие своеобразие каждого этапа. Сделан вывод о том, что память сибиряков о событиях Гражданской войны обладает уникальными чертами, самобытна в общественных реакциях на различные коммеморативные акции и варианты трансляции исторической памяти. Исторический сюжет, связанный с А. В. Колчаком, оценивается с антропологических позиций как травматический. Обозначаются факторы, необходимые для успешного преодоления этой коллективной культурной травмы и примирения общества.

Ключевые слова: историческая память, место памяти, памятники, культурная антропология, Гражданская война, А. В. Колчак, Омск.

Постановка проблемы. А. В. Колчаку и «главному», связанному с Сибирью году его жизни, когда он занимал пост Верховного правителя России, посвящена многочисленная литература. Однако как фигура памяти адмирал пока стал предметом осмысления лишь немногих исследователей. Одним из первых обратился к вопросу иркутский философ М. Я. Рожанский [1, с. 31–36]. Взгляд на Колчака с историко-культурологических позиций предприняла новосибирский историк Е. И. Красильникова [2, с. 307–368]. Но объектом ее исследования стали коммеморации в 1919–1941 гг. в крупных городах Западной Сибири, и потому проблематика социальной памяти о Верховном правителе затрагивается автором косвенно. Практику мемориализации А. В. Колчака в Омске изучали историки А. В. Сушко и Д. И. Петин, справедливо заметившие, что «история Омска небогата крупными общественно-политическими деятелями общегосударственного масштаба. Верховный правитель белой России адмирал А. В. Колчак, вне всякого сомнения, — самый известный из них» [3, с. 9]. Этот вывод подтверждается наиболее актуальными данными. В 2024 г. омский генеалог В. В. Шибарская провела пилотное исследование, посвященное отражению образа Омска в сознании его жителей, опросив 500 омичей разного возраста. Самым известным событием в истории Омска стала Гражданская война (136 ответов), а самой известной исторической личностью, связанной с Омском, — адмирал А. В. Колчак (208 ответов) [4].

Отражение фигуры А. В. Колчака в исторической памяти сибиряков опосредованно рассматривалось автором данной статьи в совместных и самостоятельных публикациях, стало одним из сюжетов кандидатской диссертации [5–7]. Результаты этой работы и их апробация позволяют аллегорически назвать постсоветские общественные дискуссии вокруг А. В. Колчака «войной за память» и сделать вывод, что это явление заслуживает отдельного изучения.

Цель статьи — выявить основные этапы «войны за память» вокруг А. В. Колчака в Омске, дать характеристику их своеобразию, а также обозначить основные факторы, которые должны способствовать завершению горячей фазы общественного противостояния.

Общим методологическим ориентиром при подготовке исследования послужило проблемное поле «Memory Studies». События революции и Гражданской войны в России рассматриваются как культурно-историческая травма, изучение которой требует междисциплинарного подхода, с привлечением научного инструментария современной антропологии. Области исторической травмы напрямую связаны с восприятием Сибири в качестве территории, явившейся главным центром белогвардейского сопротивления большевизму со всеми сопутствующими этому обстоятельству потрясениями. А. В. Колчак рассматривается в конкретном случае как «фигура памяти», историческая память о периоде «колчаковщины» оценивается как трав-

матическая. Стремлением разблокировать плотность символических объектов в рамках локального проблемного поля, где те или иные места памяти зачастую могут быть заключены друг в друга, объясняется и наше желание употребить словосочетание «точка памяти». При этом не всегда эти места сосуществуют в едином пространстве гармонично, а порой вступают в конфликт, порождая «битвы за память». Это обстоятельство требует от нас конкретизации употребляемых терминов. В контексте данного исследования «колчаковское» мемориальное пространство понимается как место памяти («дом Колчака» как памятное место, мемориальная доска как точка памяти и т. п.).

Основная часть. В трудах советских историков «колчаковщина» традиционно трактовалась как кульминация процесса неизбежной смены «демократической контрреволюции» контрреволюциями буржуазно-помещичьими (кадетско-монархической, белогвардейской) [8, с. 8]. Сам Колчак рассматривался только как предводитель «белогвардейщины», и, соответственно, его роль в истории оценивалась исключительно негативно. Публицисты и популяризаторы исторических знаний не скупилась на хлесткие, злые характеристики и эпитеты («наемник англо-американских интервентов», «черный адмирал Волчак» и др.). В итоге зловещий образ этого деятеля закрепился и в массовом сознании.

Во второй половине 1980-х гг., с началом перестройки, историографическая ситуация начала меняться. Десятилетиями насаждаемая жесткая табуированность и однозначность трактовок вызвали «обратный эффект»: многие исследователи начали проявлять особый интерес к личности Колчака, возникло стремление уйти от политико-идеологических оценок. Эти факторы способствовали выходу в свет ряда публикаций, заметно отличавшихся от типичных для советской науки и публицистики трудов. В 1987–1990 гг. произошел прорыв информационной блокады — Колчаком стало можно интересоваться не только в контексте обсуждения политики диктатуры и «белого» террора. К 1990–1991 гг. о нем стало можно писать нейтрально, как о полярном исследователе и ученом и как о храбром офицере, участнике Русско-японской и Первой мировой войн. В публикациях этого периода основным мотивом стал отказ от тенденциозности при изучении биографии Колчака. Особенно следует выделить публикации историков из Новосибирска [9–11], где на базе Института истории Сибирского отделения АН СССР сформировался один из крупных научных центров изучения Гражданской войны. В 1990–1992 гг. усилилась исследовательская и публикационная активность и омских историков [12–13]. Можно сказать, что в этот период созрели предпосылки **первого этапа** «войны за память».

«Война за память» в Омске началась сразу после крушения советской власти и утраты коммунистами монополии на формирование коллективных представлений о прошлом. Уже в 1992 г. в Омске впервые заговорили о памятнике А. В. Колчаку. Эскизный проект монумента, который предполагалось установить возле особняка Батюшкина¹, разработали С. А. Голованцев и М. М. Хахаев по заказу молодежного клуба «Белая гвардия». Это объединение возникло на волне перестроечной демократизации, способствовавшей появлению в стране многочисленных общественно-политиче-

ских формальных неформальных сообществ промонархического и пробелогвардейского толка. Будущий монумент противопоставлялся памятникам коммунистическим вождям и героям, рассматривался как альтернативный вариант развития мемориального пространства Омска. В неподписанной заметке в газете «Омский вестник» обращалось внимание на то, что мемориальный ландшафт города крайне беден, в большом количестве представлены только памятники В. И. Ленину [15].

Идея памятника расколола омских историков и краеведов, доведя до вражды. Хотя далеко не все высказывающиеся открыто идентифицировали себя в качестве «белых» и «красных». Так четко проявилось уходящее корнями в годы Гражданской войны противостояние. Идея установки памятника Колчаку объединила двух краеведов-антагонистов — И. П. Шихатова [16] и В. И. Селюка [17], — активно призывавших к воплощению этой задумки. Известный историк и общественный деятель, доктор исторических наук, профессор Н. А. Томилов, наоборот, не поддержал проект, заметив, что «остаются документы, подтверждающие преступный террор Колчака против сибиряков» [18]. Категорично против выступал кандидат исторических наук, бывший преподаватель Омского политехнического университета П. Н. Наумов [19].

Инициатива увековечения адмирала А. В. Колчака в скульптуре, а также последовавшее за ней предложение назвать его именем участок городской набережной вызвали протесты даже за пределами бывшей «белой столицы». В 1993 г. члены ветеранских организаций Кемерово направили письмо тогдашнему председателю Верховного Совета РСФСР Р. И. Хасбулатову с жалобами на «навязчиво пропагандируемое» предложение по созданию в Омске памятника «ставленнику Антанты как якобы ученому, путешественнику, адмиралу» и требованием «приостановить реализацию позорной акции» [20].

Вышедшие в плоскость публичного обсуждения громкие и шумные споры вокруг увековечения А. В. Колчака не могли не породить «компромиссный» вариант коммеморации. В 1995 г. директор Омского государственного историко-краеведческого музея П. П. Вибе предложил идею «Памятника жертвам гражданской войны в России», который должен был стать символом народного примирения. Также он озвучил идею установить мемориальные доски на зданиях, связанных с событиями 1918–1919 гг., в том числе памятную доску А. В. Колчаку на доме Батюшкина [21, с. 10]. Но тогда эти предложения не нашли поддержки ни в научном сообществе, ни у руководителей города и области, ни у жителей Омска.

На протяжении всего первого этапа «войны за память» в омских СМИ и популярной литературе происходило раскрытие темы, которую метафорически можно назвать «Колчак с человеческим лицом». Это в принципе характерно для периода 1990-х гг., когда изучение истории Белого движения было отмечено в большей степени работами публицистического характера и научными исследованиями оправдательного содержания, где «белые» чаще представляли героями, а «красные» — злодеями [22, с. 187]. В это время в трудах-биографиях Верховного правителя, очерках о его жизни вышел на первый план и вскоре нашел живой отклик у читателей сюжет романтической любви А. В. Колчака и А. В. Тимирёвой [23–28]. Публикации тех лет способствовали стремительной моральной реабилитации

литации «белого» движения и его участников. Довольно быстро наметилась тенденция перехода от беспристрастности к героизации. В статье 1993 г. омский историк-краевед, исследователь биографии Верховного правителя А. М. Лосунов назвал Колчака «рыцарем подвига», охарактеризовал его как человека «безукоризненной моральной чистоты, брезгливо сторонившегося интриг, бурно ненавидевшего произвол» [29]. Общественный деятель, председатель омского клуба пушкинистов «Надежда» Н. В. Толмачёва обращала внимание, что «многие современники Колчака отмечали в его действиях отсутствие личной заинтересованности и абсолютное бескорыстие, особенно столь редкое для людей, прорвавшихся к власти» [30]. Реабилитация адмирала осуществлялась средствами не только науки и публицистики, но и искусства. В конце 1990-х гг. в омском театре «Галерка» был поставлен спектакль «Адмирал Колчак» [31]. Журналист и краевед Л. М. Флаум написал пьесу «Свидетели по делу А. Колчака», по которой в 2003 г. в Омском государственном театре куклы, актера, маски «Арлекин» был поставлен спектакль «Оболганные и забытые» [32].

В начале нового века в Омске продолжались дискуссии на тему увековечения памяти А. В. Колчака [33–37]. Его личность притягивала все больше историков, писателей, публицистов. К 2003 г. первый этап «войны за память» завершился. Фактически он закончился ничьей между современными «белыми» и «красными». Образ Верховного правителя был возвращен из исторического небытия и, более того, стремительно вошел в неформальный перечень главных героев омской истории, но при этом ни одного нового памятного места, связанного с его именем, в городе не появилось — ни памятник, ни памятный знак, ни мемориальную доску в честь адмирала не установили.

Своеобразие **второго этапа** «войны за память» напрямую связано с переменами в стране в начале 2000-х гг. Избрание нового президента и смена политического курса, выраженного переходом от либеральных реформ к «укреплению государственности» [38], постепенное преодоление социально-экономического кризиса — эти факторы напрямую способствовали включению в процесс конструирования исторической памяти «старонового» субъекта — региональных политических и бизнес-элит. Политические деятели — выходцы из партийно-комсомольской номенклатуры — начали использовать новые конъюнктурные исторические образы памяти в целях манипуляции общественным сознанием [5, с. 66]. Ключевые роли в этом процессе были отведены лидерам Белого движения, среди которых для Сибири главным, разумеется, явился А. В. Колчак. Знаковым в масштабах всей страны стал опыт Иркутска, где в ноябре 2004 г. был установлен первый в России монументальный памятник А. В. Колчаку работы известного московского скульптора В. М. Клыкова². Инициатором установки монумента выступил иркутский предприниматель С. В. Андреев. На открытии, приуроченном к 130-летию со дня рождения адмирала, присутствовали губернатор Иркутской области Б. А. Говорин, руководители администрации Иркутска, депутаты, священнослужители, представители научной и творческой интеллигенции.

Кандидат философских наук, доцент М. Я. Рожанский так описывает появление памятника в Иркутске: «Инициаторы поставили горожан и власть

перед фактом: было объявлено, что памятник создан, что известный скульптор его дарит городу и что установлен памятник будет на частной земле — на автостоянке перед огромным строительным супермаркетом. Городские власти явно занервничали: до этого они игнорировали действия адмиралофилов, но когда под монумент был уже подготовлен фундамент, вмешались — достаточно жестко, с участием милиции, однако и с намерением вопрос решать быстро, пока не мобилизовались принципиальные противники увековечения «верховного». И из всего тематического репертуара на официальное обсуждение общественности был вынесен только вопрос о месте, но не месте адмирала в истории Гражданской войны, Сибири, Иркутска, а о месте размещения памятника. В теленовостях сообщили, что «место для памятника выбрали после обсуждения с общественностью города». Главной общественностью оказались Валентин Григорьевич Распутин и архиепископ Вадим. Именно они высказались за то, чтобы памятник Колчаку стоял у Знаменского монастыря... недалеко от того места, где по обиходной версии было спущено под лед тело расстрелянного адмирала» [1, с. 32–33].

Можно предположить, что пример Иркутска очень понравился Л. К. Полежаеву — тогдашнему главе Омской области. Л. К. Полежаев руководил регионом 22 года (сначала как председатель облисполкома, затем как губернатор и председатель областного правительства). Он всегда уделял большое внимание сфере культуры, позиционировал себя в качестве знатока истории и церковной жизни и на определенном этапе своего правления начал формировать и проводить собственную идеологическую политику. Важнейшей доминантой этой политики с начала 2000-х гг. стала идея увековечения в Омске А. В. Колчака. Впервые о необходимости установки памятника Верховному правителю Л. К. Полежаев высказался в 2003 г. [40]. При его заинтересованном участии в Омске 4 ноября 2004 г. появилась новая точка памяти — мемориальная доска А. В. Колчаку, установленная на фасаде дома Батюшкина. На открытии доски присутствовали сам губернатор, митрополит Омский и Тарский Феоodosий, представители региональных органов власти, общественных организаций, журналисты. Основные празднования, приуроченные к 130-летию со дня рождения А. В. Колчака, прошли в Омской областной библиотеке им. А. С. Пушкина: состоялось открытие выставки «Вся жизнь — служение России», презентация книги кандидата исторических наук В. А. Шудякова «Гибель Сибирского казачьего войска» [41]. Тогда же, осенью 2004 г., вновь была высказана идея присвоить участку Иртышской набережной от Речного вокзала до Ленинградского моста имя А. В. Колчака. Это предложение озвучил главный архитектор города А. М. Каримов, но инициатива не была поддержана депутатами Омского горсовета [42].

Мемориальная доска, открытая в день рождения (по юлианскому календарю) А. В. Колчака, день, который через год станет отмечаться в стране как государственный праздник — День народного единства — будто по злой иронии судьбы на долгие годы превратится в одну из самых конфликтных точек памяти. Собственно, ее открытие можно считать официальным началом нового этапа омской «войны за память», отличающегося усилением общественной поляризации, переходом «битв» со страниц газет на улицы, «от слов к делу». В процессе вопло-

щения своих ценностно-идеологических установок региональная власть активно использовала административный ресурс, оставляя меньше пространства даже для формальных дискуссий и обсуждений. Это позволило оппонентам губернатора и его сторонников избрать более жесткую тактику действий. Первую попытку «прорваться» к мемориальной доске омские коммунисты предприняли через три дня после ее открытия, в ходе митинга, посвященного 87-летию Октябрьской революции, 7 ноября 2004 г. Однако их попытки подойти к дому Батюшкина были пресечены сотрудниками милиции [43]. Спустя три года, осенью 2007 г., неизвестные лица облили доску краской. На этот акт вандализма последовала реакция областной власти, артикулированная ведущим воскресного еженедельного выпуска телевизионных новостей на «губернаторском» «12 канале» П. П. Паутовым, обратившимся к «подонкам, которые это сделали» с уверением, «что мы обязательно отмоем доску Александру Васильевичу Колчаку и поставим ему памятник».

Дискуссия о памятнике возобновилась в 2006 г., когда Л. К. Полежаев вновь высказался на эту тему публично. Учитывая реакцию части горожан на установку мемориальной доски, губернатор некоторое время откладывал это решение, отправляя вопрос на доработку. Обращаясь в ходе заседания областного правительства в ноябре 2006 г. к министру культуры Омской области В. В. Радулу, который должен был представить проект постановления, Л. К. Полежаев заметил, «что в этом деле еще надо дополнительно изучить настроение людей. Побеседовать с научным, культурным сообществом, общественными организациями» [44]. Полемиические публикации по поводу будущего памятника выходили в местной печати на протяжении 2006–2007 гг., дискуссии то накалялись, то стихали. Начало новых ожесточенных «боев за память» приходится на март 2008 г., когда Правительство Омской области официально объявило творческий конкурс на создание памятника А. В. Колчаку [45].

В мае 2008 г. стало известно, что творческий конкурс выиграл проект московского скульптора М. А. Ногина, двумя годами ранее ставшего автором памятника М. А. Врубелю в Омске. Местом для будущего мемориала была определена площадка реконструированной в 2004–2007 гг. Иртышской набережной, напротив магазина «Океан». Следует обратить внимание, по задумке ваятеля, памятник предполагалось поставить все же не Колчаку — Верховному правителю России и лидеру Белого движения, а ученому и флотоводцу, чье имя неразрывно связано с Омском: бронзовый адмирал стоит у поручней капитанского мостика миноносца; площадку вокруг монумента предполагалось выложить полированным серым гранитом, символизировавшим воды Балтики [46].

Но даже такой показательно «нейтральный» вариант коммеморации способствовал эскалации «боевых действий» между «белыми» и «красными», развернувшихся на уже оформившихся в результате предыдущих сражений площадках — страницах газет, в студиях телевидения, залах общественно-политических и информационных центров. Новизна этого этапа заключается в появлении еще одного «поля битвы» — Интернета. Стремительное развитие информационно-новостных сайтов и социальных сетей способствовало переходу общественных дискуссий в виртуальный мир, что значительно изменило формы и методы ведения дебатов, их язык

и, в огромной степени, сами инструменты коммуникации, оказывающие огромное влияние на итоги полемики.

Параллельно процессу создания памятника на рубеже 2000-х–2010-х гг. началась разработка проекта «Музея Гражданской войны» в Омске. В начале 2010 г. на одном из заседаний областного правительства Л. К. Полежаев, обсуждая с руководителями министерств перспективы реставрации особняка Батюшкина, распорядился после завершения работ создать в нем Музей Гражданской войны. Здание, где на тот момент располагались Управление ЗАГС и Центральный отдел ЗАГС, находилось в ведении Министерства государственно-правового развития Омской области.

Весной 2010 г. был объявлен конкурс на выполнение работ по подготовке научно-проектной документации. Автором утвержденного проекта выступил инженер-строитель, краевед, заместитель председателя Омского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры И. Л. Коновалов, уже занимавшийся строительно-восстановительными работами в этом здании в конце 1980-х гг.

Одновременно с реставрационными работами началась подготовка будущей экспозиции, которую осуществляли во взаимодействии сотрудники Омского государственного историко-краеведческого музея, Исторического архива Омской области, краеведы-энтузиасты. Но в результате противоречий между областными министерствами, скрытых от глаз широкой общественности административных перипетий, здание осталось у Министерства государственно-правового развития и было передано Историческому архиву Омской области. Омские архивисты развернули здесь свое новое подразделение, ставшее научно-просветительским и общественным пространством, получившим название Центр изучения истории Гражданской войны [14, с. 98–100; 47–48]. Площадка, не являющаяся в формально-юридическом смысле музеем, в городском обиходе обрела наименование «музей Колчака». При этом бурных споров вокруг создания Центра не последовало. Общественность отнеслась к открытию данной структуры, позиционируемой его создателями как научно-исследовательское, довольно спокойно. Город без выраженного сопротивления принял факт, что на его карте появилось новое памятное место, напрямую связанное с именем А. В. Колчака.

Пристально следивший за реставрационными работами и контролировавший их ход, Л. К. Полежаев в этот момент изменил первоначальный вариант места для будущего памятника: монумент было решено установить на территории, прилегающей к особняку с южной стороны. Поздней осенью 2011 г. был залит фундамент. Доводы архитекторов о том, что такая большая семиметровая скульптура в небольшом ограниченном пространстве будет смотреться непропорционально, губернатор проигнорировал.

Новость о скорой установке памятника А. В. Колчаку в Омске ознаменовала начало новых и более яростных «битв за память». Противоборствующие стороны становились непримиримыми, оценки — безапелляционными, высказывания — резкими. Уже традиционно воинствующую позицию заняли коммунисты. Заголовки материалов омских СМИ 2012 г. говорят сами за себя: «Не забыли, не простим!», «Памятник против памяти»,

«Памятник адмиралу в центре споров», «Повторит ли Колчак судьбу Ельцина?», «Кому выгоден накал страстей», «Не везет Омску с памятниками», «Сшит колпак, а не по-колчаковски», «Колчак — кривое зеркало омской междоусобицы» и т. д. и т. п. [14, с. 101–102].

В конце мая 2012 г., когда памятник был готов на 90 %, А. К. Полежаев ушел в отставку. Новый губернатор Омской области В. И. Назаров, выходец из системы «Газпрома», не являвшийся до своего назначения на пост главы региона ближайшим соратником прежнего председателя областного правительства, сразу же дал понять, что не будет принимать единоличного решения по столь острому вопросу и предоставит возможность высказаться обществу. После чего, по задумке новой администрации, и должна была (не) осуществиться установка памятника Колчаку.

По инициативе Министерства культуры Омской области 19 июля 2012 г. Общественная палата Омской области провела публичные слушания, посвященные установке памятника Верховному правителю. На них выступили историки, краеведы, архитекторы, представители топонимической комиссии администрации Омска и городских общественных объединений. Со стороны очевидных и условных «красных» в «бои за память» вступила «тяжелая артиллерия» — первый секретарь областного комитета КПРФ А. А. Кравец и бывшие председатели горисполкома Ю. Я. Глебов и Г. А. Павлов. Горячо поддержали идею установки памятника историки А. В. Минжуренко, П. П. Вибе, Б. А. Конилов, В. А. Шудяков, А. М. Лосунов, руководитель Центра изучения истории Гражданской войны Г. Ю. Бородин.

В обоснование своей позиции Ю. Я. Глебов зачитал негативные отзывы об адмирале французского генерала М. Жанена, американского генерала У. Грейвса, военного министра Чехословакии М. Штефанека, чем вызвал острую реакцию историков, заметивших, что эти люди и не могли высказываться о Колчаке после его казни положительно, поскольку именно они выдали Верховного правителя эсэро-меньшевистскому Политцентру в январе 1920 г., подбор цитат был признан тенденциозным.

Некоторые участники общественных слушаний стали вновь предлагать компромиссные варианты. Заместитель председателя Омского отделения Русского географического общества Ф. И. Новиков высказался за установку не памятника, а бюста адмиралу как полярному исследователю и ученому возле бывшего здания Западно-Сибирского отдела Русского географического общества на ул. Музейной. О предпочтительности скромного бюста большому памятнику говорил и председатель Общества коренных омичей В. И. Селюк. Однако Б. А. Конилов напомнил собравшимся, что памятник уже готов и идет обсуждение не проекта монумента, а возможности акта его установки. В пылу полемики Ю. Я. Глебов предложил установить памятник Колчаку «на даче господина Полежаева» [49]. Вскоре, в статье упомянутого выше П. П. Вибе, на этот аргумент прозвучало встречное предложение. Оно было оформлено в виде колкого вопроса: готов ли экс-мэр принять на своей даче шесть бюстов руководителей омского большевистского подполья, установленные в годы его руководства городом в сквере Борцов революции, если с таким предложением выступят сторонники памятника А. В. Колчаку? [47, с. 79].

В 2012 г. впервые за двадцать лет «войны за память» было проведено масштабное исследование общественного мнения по вопросу мемориализации А. В. Колчака в Омске. 31 августа в Центре изучения истории Гражданской войны директор ООО «ГЭПИЦентр-2» — компании, занимающейся социально-экономическими и политическими исследованиями — В. В. Дрягин в присутствии более 40 представителей общественных организаций огласил результаты исследования по г. Омску о целесообразности установки памятника Колчаку (было опрошено 4 580 человек). «За установку памятника Колчаку высказались 54,4 % омичей; 28,7 % опрошенных ответили, что памятник городу не нужен, еще 16,8 % затруднились ответить. При этом 33 % из числа сторонников установки памятника Колчаку высказали «истинные», то есть соответствующие действительности суждения об этой личности; 13,6 % респондентов озвучили «ложные» (ошибочные) суждения. В то же время среди тех, кто выступает против монумента, 23,9 % омичей на самом деле знают, кто такой Колчак, и только 0,7 % опрошенных дали ошибочные суждения. Тем участникам опроса, которые высказались против установки памятника Колчаку, было предложено ответить на вопрос, считают ли они возможным снова обратиться к этой проблеме через какое-то время? Большинство, 44,5 % респондентов, категорически отказалось рассматривать этот вопрос в будущем; 26,6 % респондентов сочли возможным обратиться к нему через 1 год» [50].

К концу 2012 г. шумные баталии вокруг памятника Колчаку, не приводящие ни к какому конкретному результату, у многих горожан уже вызвали усталость и раздражение. Вероятно, этим и следует объяснять осуществление, во многом ироничной, акции омского предпринимателя, владельца ресторана «Колчак» А. К. Ремизовича, установившего на углу здания своего заведения ростовую скульптуру адмирала, «выполненную из армированного пескобетона и пропитанную пчелиным воском» [51]. Причем установлена она была в нише небольшого фонтанчика, из-за чего быстро стала объектом шуток и Интернет-мемов. Но даже подобный, не являющийся по факту памятником, декоративный элемент вызвал неоднозначную реакцию. В дальнейшем эта точка памяти неоднократно будет выступать в роли мемориального объекта для «белых» и мишени для вандалских атак «красных», а вместе с тем рекламой ресторана.

Несмотря на результаты социологических опросов, памятник Колчаку в Омске не был установлен ни в 2012 г., ни через год. Градус полемики падал, почти сойдя на нет после того, как в конце 2014 г., накануне 140-летия со дня рождения адмирала, стало известно, что губернатор В. И. Назаров фактически переложил ответственность за установку памятника на мэрию Омска, отметив, что «за установку памятников по федеральному закону отвечает муниципалитет» [52].

Второй этап «войны за память» вновь не завершился очевидной победой одной из сторон. Сторонникам увековечения Верховного правителя в 2003–2014 гг. удалось сделать то, что не удалось ранее. Так, в 2004 г. была установлена мемориальная доска А. В. Колчаку. В экспозиции Омского государственного историко-краеведческого музея в 2007 г. появилась восковая фигура Верховного правителя. Но что более значимо — удалось оформить в центре Омска «колчаковское» место памяти, сформировать

пространство, наполненное новыми памятными местами и точками памяти. Здание, где в 1918–1919 гг. жил Колчак, стало Центром изучения истории Гражданской войны. К упомянутой мемориальной доске здесь был создан «музеифицированный сегмент» историко-архивной экспозиции — мемориальный кабинет, дополненный восковой фигурой адмирала 8 мая 2013 г. [53–54]. К этим объектам, пожалуй, можно отнести и довольно специфичное с точки зрения оформления памятное место — ресторан «Колчак» с декоративной скульптурой. В то же время, противники адмирала не позволили установить в Омске памятник Колчаку, который должен был стать главным элементом «колчаковского» мемориального пространства и способствовать окончательной моральной реабилитации Верховного правителя в глазах жителей региона.

Отличительной характеристикой третьего этапа омской «войны за память» о Колчаке является дистанцирование от активного участия в ней руководителей области и города. На сегодня среди губернаторов, возглавлявших Омскую область после Л. К. Полежаева, не нашлось людей, готовых задействовать административный ресурс и поставить в Омске памятник А. В. Колчаку. Сменивший В. И. Назарова в 2017 г. А. Л. Бурков, представитель «левого» политического спектра (партия «Справедливая Россия»), предпочел не создавать конфликтную ситуацию, будируя травмирующую «колчаковскую» тему, напрямую не шел на поводу у «красного» лагеря, но и не вступал с ними в открытое противостояние. Занимающий пост губернатора с 2023 г. В. П. Хоценко за два года своего управления не комментировал тему установки памятника А. В. Колчаку. Омские мэры последнего десятилетия (В. В. Двораковский, О. Н. Факина, С. Н. Шелест) к увековечению фигуры Верховного правителя отнеслись инертно.

Заметной чертой этого этапа также является усиление профессионализации состава участников «битв за память». Важным актором изучаемого процесса становится сообщество академических историков. Именно оно выступило с новым компромиссным вариантом мемориализации А. В. Колчака. 26 февраля 2015 г. в Омском государственном историко-краеведческом музее состоялся организованный Омским региональным отделением Союза краеведов России круглый стол к 95-летию со дня гибели адмирала. Омские историки, краеведы и архивисты обсудили различные варианты установки памятника, созданного М. А. Ногиним. Главный научный сотрудник Омского областного музея изобразительных искусств им. М. А. Врубеля И. Г. Девятярова предложила вариант музеефикации уже готового памятника. Искусствовед высказала мнение, что скульптуру следует установить на территории Центра изучения истории Гражданской войны и обязательно придать памятнику статус музейной единицы: «Посетители посмотрят вначале экспозицию, а на выходе останутся у скульптуры работы Ногина. И работники дома-музея будут этот памятник беречь, любить и не дадут обливать его краской, чего не избежать, если мы поставим памятник Колчаку в открытом городском пространстве». Директор Омского государственного историко-краеведческого музея П. П. Вибе поддержал эту идею. Он вспомнил историю, как музейный статус позволил дать вторую жизнь непримечательному типовому памятнику В. И. Ленину, который до лета 2007 г. стоял у здания Законодательного собрания

Омской области, а после демонтажа был отреставрирован и органично дополнил экспозицию музея по истории XX в. [55].

Накануне празднования 300-летия г. Омска и грядущего за ним 100-летия революции возникли новые варианты общественного примирения, высказанные историко-краеведческим сообществом, поддержанным представителями политических и бизнес-кругов. Одним из вариантов стала идея создания информационных знаков, обозначающих памятные места, связанные с «белым» Омском. В Омском государственном историко-краеведческом музее 27 июня 2016 г. прошло заседание дискуссионного круглого стола Омского регионального отделения Союза краеведов России «Обсуждение проекта "Белая столица"», по задумке его инициаторов направленного «на популяризацию объектов культурного наследия в Омске, связанных с историей гражданской войны». Помощь в создании и установке информационных табличек на зданиях Союзу краеведов предложил сенатор А. И. Голушко. Предполагалось, что осуществление этой акции поможет исправить, существующий с советских лет перекос в сторону «красных» героев в монументально-мемориальном пространстве Омска [56]. Акция вызвала уже традиционный протест со стороны Омского отделения КПРФ, но в целом была осуществлена достаточно быстро и успешно. Не являющиеся классическими мемориальными досками, изготовленные на основе полимерных материалов информационные таблички (помимо текста имеют QR-коды, считываемые современными гаджетами) в 2016–2017 гг. появились на многих омских зданиях.

Очевидно, успех этого мероприятия вдохновил, в то время, генерального директора «12 канала», члена Общественной палаты Омской области, медиа-менеджера А. А. Малькевича вернуться к идее памятника А. В. Колчаку. В 2017 г. он пытался на федеральном уровне лоббировать вопрос установки монумента адмиралу в Омске [57]. Позднее Малькевич изменил свой первоначальный замысел, предложив поставить «объединяющий» монумент командирам и белой, и красной армий, по сути, частично вернувшись к предложению, озвученному в 1995 г. П. П. Вибе. Заметим: цели примирить общество эти акции не достигли.

Очередное обострение противостояния относится к началу 2019 г. В феврале омич А. Найденов обратился к губернатору Омской области А. Л. Буркову с требованием проверить законность установленной в 2016 г. информационной таблички на здании военкомата Центрального административного округа с текстом «В этом здании в октябре — декабре 1918 г. жил адмирал А. В. Колчак» [58]. Вскоре последовало письмо депутата Госдумы РФ, первого секретаря Омского обкома КПРФ А. А. Кравца министру культуры Омской области Ю. В. Трофимову с требованием «немедленно демонтировать мемориальную доску Колчака» со здания военкомата. Через какое-то время табличка была сорвана неизвестными. В мае того же года атаке вандалов подвергся корпус Омского областного музея изобразительных искусств им. М. А. Врубеля (бывший генерал-губернаторской дворец). Неизвестные облили черной краской табличку, информирующую, что в здании в 1918–1919 гг. располагалась канцелярия А. В. Колчака. А 28 августа 2019 г. под научным руководством доктора исторических наук Ю. З. Кантор в данном музее прошел круглый стол

«Два цвета — две правды?», продемонстрировавший в очередной раз, что достичь единства пока не удастся и среди местной интеллигенции, ученых, специализирующихся на изучении Гражданской войны и биографии А. В. Колчака.

С теми же итогами окончился обмен мнениями на круглом столе «Адмирал Колчак: ученый, флотоводец, Верховный правитель», прошедшем в Центре изучения истории Гражданской войны 20 декабря 2019 г. в рамках «Речного форума-2019». Мероприятие, организованное Омским институтом водного транспорта и Историческим архивом Омской области, стало финалом академической рефлексии современных историков на 100-летие окончания полномасштабной Гражданской войны в Западной Сибири [59–60].

В феврале 2020 г. на базе Омского государственного историко-краеведческого музея, Исторического архива Омской области, Омской государственной областной научной библиотеки им. А. С. Пушкина прошли мемориальные мероприятия к 100-летию расстрела А. В. Колчака. Печальный юбилей был проведен стараниями и силами омской интеллигенции, без участия официальных лиц города и области [61, с. 100–103]. Не обошлось и без конфликтов. Жаркие споры разгорелись в ходе вполне нейтральной по формулировке темы лекции известного московского публициста К. А. Залесского «Адмирал Колчак в годы Первой мировой войны». 7 февраля 2020 г. в Центре изучения истории Гражданской войны Исторического архива Омской области состоялась документально-литературная композиция «Гори, гори моя звезда...» и возложение цветов к мемориальной доске А. В. Колчаку³. К концу мероприятия к дому Батюшкина подъехали активисты Омского отделения КПРФ, организовавшие протестный пикет под лозунгом «Нет палачу и убийце!» [63], в результате чего историк-краевед А. М. Лосунов прямо на улице вступил в словесную перепалку со вторым секретарем Омского обкома КПРФ А. А. Алёхиным⁴.

События, связанные с пандемией COVID-19 и началом специальной военной операции, способствовали переходу омской «войны за память» в холодную стадию: с весны 2020 по 2022 гг. значительных как «проколчаковских», так «антиколчаковских» мероприятий в Омске не происходило. Новые «баталии» начались 13 ноября 2023 г., когда неизвестные облили оранжевой краской и написали слово «палач» на «памятнике» А. В. Колчаку возле одноименного ресторана. Бурные обсуждения и конфликтные ситуации вызвали мемориальные мероприятия ноября 2024 г., приуроченные к 150-летию со дня рождения адмирала и Верховного правителя [66–67].

На события последнего юбилея следует обратить отдельное внимание, поскольку они в очередной раз выявили и продемонстрировали значительную консервативность исторической памяти, интеллектуальную инертность общества и чрезвычайную жизнеспособность советских культурных и идеологических стереотипов. Часть общественности и сегодня не готова принимать новую информацию, несмотря на появление в последние десятилетия большого количества исторических исследований по истории Гражданской войны, и не допускает никаких компромиссов. Историк в рамках этой парадигмы воспринимается обывателем исключительно как представитель одного из враждующих лагерей, «комиссар», первостепенной задачей которого яв-

ляется пропагандистская работа. Однако сами историки, «занимающиеся изучением Гражданской войны и интервенции в России, видят свою миссию, прежде всего, в том, чтобы дать полноценное и объективное знание о ней, объяснить произошедшую драму отечественной истории и предостеречь от ее повторения» [68, с. 135]. К сожалению, подобное обоснование обращения к теме не находит у некоторой активной части социума ни доверия, ни поддержки.

Представленный фактологический материал позволяет сделать вывод, что третий этап омской «войны за память», начавшийся в 2013–2014 гг., не завершен. Логичным актом его окончания могла бы стать установка памятника А. В. Колчаку в Омске либо публично озвученный официальными лицами региона отказ от этой идеи. Но пока не произошло ни того, ни другого. При этом события последних двух лет показывают, что горожане так же далеки от консенсуса в данном вопросе, как и 12 лет назад.

Среди особенностей этого периода, которые можно охарактеризовать как условно негативные, следует выделить усиление степени ожесточения враждующих сторон, проявляющееся как в общей дегуманизации риторики, так и в конкретных акциях вандализма. К условно позитивным чертам относится тенденция профессионализации процесса изучения личности А. В. Колчака и омского периода его жизни. Если в 1990–2000-е гг. о Колчаке страстно спорили в основном в рамках жанра историко-политической публицистики, то в 2010-е гг. об адмирале чаще стали говорить (сдержаннее, но и при этом беспристрастнее) преимущественно на научных конференциях. Общее количество научно-популярных публикаций об А. В. Колчаке в этот период снизилось, научных — возросло.

Заключение. Память сибиряков о Гражданской войне имеет уникальные черты, она самобытна и разнообразна в своих проявлениях. В то же время исторический сюжет, связанный с А. В. Колчаком и его правлением, является ярким примером того, что современная антропология именует культурной травмой. Говорить о ее преодолении невозможно без действенного принятия ответственности за прошлое. Необходимо выделить факторы, которые должны поспособствовать запуску этого сложного процесса.

Один из таких факторов — демократизация общественной жизни и гуманизация социокультурной сферы. Проработка и принятие прошлого невозможно без заинтересованной включенности значительной части общества, которое при этом ощущает себя полноценным актором социальной жизни. Формирование гражданского общества и осознание им себя в качестве полноправного субъекта текущих процессов является значительной гарантией того, что попытка примирения не перерастет в следующий, еще более острый и жестокий конфликт. В противном случае, когда за подобную инициативность выдается административная декларация или интуитивный поиск уставшим от различных катаклизмов населением нового идола-кумира (формализованная замена Ленина на Колчака, «красных» партизан на «белых» офицеров и т. д.), все попытки «замириться» выведут на новый виток противостояния, что наглядно демонстрирует омский опыт последних лет.

Однако именно для проявления этого фактора в настоящий момент нет объективных причин. Государственная власть энергично включается в про-

цесс конструирования исторической памяти, видя в независимых гражданских сообществах конкурента, но при этом ясно сформулированного и четко озвученного мнения по вопросу причин, хода и итогов Гражданской войны у нее нет.

Другой важный фактор, способный запустить процесс примирения общества с историей Гражданской войны, осязаем нами сегодня в значительно большей степени. Это стало очевидно уже при рассмотрении некоторых тенденций течения омской «войны за память». Для того чтобы фигура А. В. Колчака перестала выступать импульсом непрерывной локальной междоусобицы, ее нужно исключить из социально-политического контекста и перенести в научно-исторический. Академическое сообщество должно активнее способствовать ликвидации монополии на образ адмирала со стороны политических сил, использующих его имя в своих идеолого-пропагандистских целях.

Опыт показывает, что, как только «проблемная» фигура памяти переходит из политического поля в социокультурное, довольно быстро она перестает быть источником общественного раздора. Конечно, тут огромную роль и играет и нравственная ответственность ученых, степень их личной беспристрастности. Празднования 150-летия со дня рождения А. В. Колчака показали, что сообщество историков и краеведов, в принципе, стоит на верном пути, но пока крайне далеко от той нормы, к которой следует прийти для успешного разрешения проблемы. Как бы ни был сложен путь примирения с прошлым, его без преувеличения можно назвать безальтернативным. В противном случае «война за память» между «белыми» и «красными» не завершится, а ее течение будет принимать лишь новые суровые формы.

Примечания

¹ Особняк Батюшкина — памятник истории и архитектуры регионального значения (1980 г.). Построен в 1902–1904 гг. на ул. Береговой отставным чиновником К. А. Батюшкиным на средства, унаследованные его женой Е. Г. Батюшкиной (Тереховой) после смерти отца, купца 1-й гильдии Г. Е. Терехова. В 1918 г. в особняке размещались службы Министерства снабжения и продовольствия Российского правительства. С 15 декабря 1918 г. по 12 ноября 1919 г. в особняке жил Верховный правитель А. В. Колчак. В это время в здании бывали военные, государственные, политические деятели белой России и представители иностранных миссий. После занятия Омска РККА в особняке разместилось Сибирское управление учебных заведений. В 1921–1925 гг. в здании располагался детский дом, затем — Омский оперативный сектор ОГПУ, с 1929 г. — детский костнотуберкулезный санаторий. В 1970 г. в доме разместился один из цехов омской картографической фабрики. В 1985–1987 гг. — здание пустовало. В 1987 г. была проведена реконструкция особняка, после чего его передали Центральному отделу управления ЗАГС. После реконструкции 2011 г. в здании размещается Центр изучения истории Гражданской войны Исторического архива Омской области [14, с. 57–61, 85–114].

² Первый памятник А. В. Колчаку в России был открыт в апреле 2002 г. в Санкт-Петербурге. Но композиция в виде плиты из черного гранита с белым мраморным барельефом монументальным памятником в классическом понимании не является. Этот памятный знак с нейтральной надписью: «В 1894 г. Морской корпус окончил выдающийся российский флотоводец и полярный исследователь адмирал Александр Колчак» должен был быть установлен в 2001 г., но открытие перенесли на год «по техническим причинам». На самом деле

против установки знака выступали активисты ветеранских организаций [39].

³ Отметим, что уже в течение 10 лет проведения в Омске на базе Центра изучения истории Гражданской войны научно-практической конференции «Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие» символической традицией стало возложение участниками мероприятия цветов к мемориальной доске А. В. Колчаку и в Сквере Борцов Революции. Организаторы конференции стремятся этим «подчеркнуть значимость научной объективности и политической беспристрастности, сохраняя национальную память о трагедии “Смуты XX века”» [62, с. 175–180].

⁴ Подобные акции не единичны. С 2004 г. омские коммунисты регулярно организуют протестные мероприятия в пик «героизации» А. В. Колчака. Обычно такие пикеты и митинги проводятся в дни празднования годовщин Октябрьской революции или 14 ноября — день формального падения антибольшевистской власти, вступления в Омск войск 5-й армии РККА (коммунисты в «советской традиции» патетично называют эту дату — «Днем освобождения Омска от колчаковщины»). Не уступают им в активности и представители противоположного лагеря. Регулярными являются акции казачьего театра песни и танца «Белая столица», военно-исторического клуба «Белая гвардия», проходящие в виде костюмированных уличных шествий, исторических реконструкций. Также активистами белогвардейских и монархических обществ проводится ежегодный бал, обычно приуроченный ко дню рождения А. В. Колчака по старому стилю, совпадающий с Днем народного единства 4 ноября [64–65].

Список источников

1. Рожанский М. Я. Сибирь как пространство памяти. Иркутск: «Оттиск», 2013. 180 с. ISBN 978-5-905847-98-1.
2. Красильникова Е. И. Помнить нельзя забыть? Памятные места и коммеморативные практики в городах Западной Сибири (конец 1919 — середина 1941 г.). Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2015. 572 с. ISBN 978-5-7782-2762-0.
3. Сушко А. В., Петин Д. И. Битвы за память: к вопросу о мемориализации имени адмирала А. В. Колчака в Омске // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2019. Т. 4, № 4. С. 9–17. DOI: 10.25206/2542-0488-2019-4-4-9-17. EDN: HKQJJC.
4. Шибарская В. В. Образ Омска в сознании его жителей: краеведение в массовом сознании (материалы исследования 2024 г.) // VII Ядринцевские чтения: материалы всерос. науч.-практ. конф. (Омск, 30–31 октября 2024 г.). Омск: ОГИК музеев, 2024. С. 420–424. ISBN 978-5-8042-0878-4.
5. Красильникова Е. И., Наумов С. С. Исторические символы революции и гражданской войны в публичном пространстве сибирских городов: изгибы политики памяти (1920–2010-е гг.) // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2020. Т. 7, № 2. С. 58–69. DOI: 10.24147/2312-1300.2020.7(2).58-69. EDN: NQPKUQ.
6. Наумов С. С. Трансформация восприятия личности А. В. Колчака в работах западносибирских историков и публицистов в конце 1980-х — начале 1990-х гг. // Четвертые Ядринцевские чтения: материалы IV Всерос. науч.-практ. конф. (Омск, 30–31 октября 2017 г.). Омск: ОГИК музеев, 2017. С. 177–180. ISBN 978-5-8042-05-56-1.
7. Наумов С. С. Гуманитарная интеллигенция как субъект исторической памяти в пространстве крупных городов Западной Сибири (1985–2000 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2023. 354 с.
8. Иоффе Г. З. Колчаковская авантюра и ее крах. Москва: Мысль, 1983. 294 с.
9. Познанский В. С. Суд над министрами Колчака // Известия Сибирского отделения Академии наук СССР. Серия истории, филологии и философии. 1990. Вып. 1. С. 44–51.

10. Шишкин В. И. К истории колчаковского переворота // Известия Сибирского отделения Академии наук СССР. Серия истории, филологии и философии. 1989. Вып. 1. С. 59–63. EDN: ZYDPDS.
11. Шишкин В. Адмирал Колчак: человек и политик // Сибирская газета. 1990. 5 февраля.
12. Бударин М., Колесников А. Гуманист или кровавый адмирал? // Омская правда. 1991. 16 ноября.
13. Вибе П. П. Вторая ипостась адмирала Колчака // Отечество. 1992. Вып. 3. С. 185–194.
14. Петин Д. И. История омского рода Батюшкиных. Омск: Золотой тираж (ООО Омскбланкиздат), 2021. 140 с. ISBN 978-5-8042-0752-7.
15. Не одному же Ильичу стоять на пьедестале // Омский вестник. 1992. 16 декабря.
16. Шихатов И. Белый дом «белой» России // Вечерний Омск. 1993. 23 декабря.
17. Селюк В. Не погасла звезда Колчака // Зеркало плюс (Омск). 1998. 18–24 ноября.
18. Томилов Н. Памятники палачам или гуманистам? // Омская правда. 1993. 19 января.
19. Наумов П. С кем вы, историки? // Омское время. 1999. 6 января.
20. Васильева С. Гори, гори, моя звезда // Омский вестник. 1998. 12 ноября.
21. Вибе П. П. Война с памятниками // Культура Сибири. 1995. № 1. С. 9–10.
22. Немчинова Т. А. Современная российская историография Белого движения в Сибири. Улан-Удэ: Изд-во ВСГАКИ, 2002. 189 с.
23. Колчак влюбленный и любимый: фрагменты личной переписки А. Колчака и А. Тимирёвой, 1917–1919 гг. / публ. В. Шишкина // Сибирская газета. 1992. 24 февраля–2 марта.
24. Петров И. История одной любви // Земля сибирская, дальневосточная. 1991. № 9. С. 17–20, 48–49.
25. Толмачёва Н. Звезда любви Александра Колчака // Четверг. 1996. 11 апреля.
26. Девятьярова И. Бывал ли адмирал Колчак в доме Анто-на Сорокина? // НОС: Новое омское слово. 1998. 12 ноября.
27. Леонов Ф. В день расстрела ему было 45 лет... // Кре-стьянское слово (Омск). 2000. 14 марта.
28. Третьякова Л. Жестокий романс адмирала // Кре-стьянка (Омск). 2000. № 5.
29. Лосунов А. Не знавший о перевороте // Омский вест-ник. 1993. 23 ноября.
30. Толмачёва Н. Тяжкий крест опального адмирала // Четверг. 1999. 23 ноября.
31. Жмурко Т. Неугасимая моя звезда... // Библиотека (Омск). 2000. № 3. С. 68–72.
32. Косицына Д. В кукольном театре судят Колчака // Комсомольская правда. 2003. 18 марта.
33. Петров И. Время. Люди. Памятники // Новое обозре-ние — Версия. 2001. 20–26 июня.
34. Коршунов А. «Честь имею, адмирал Колчак» // Новое обозрение — Версия. 2001. 15 августа.
35. Бударин М.: «Историю не судят» / записал Е. Наза-ренко // Криминал-экспресс. 2002. 20 марта.
36. Тихая вражда // Криминал-экспресс. 2003. 23 июля.
37. В Омске появится набережная Колчаку? // Четверг. 2003. 7 августа.
38. Послание Президента России Федеральному Со-бранию Российской Федерации. 2004. 26 мая. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/22494> (дата обращения: 10.11.2024).
39. В Питере увековечили адмирала Колчака... // Комсо-мольская правда. 2002. 17 апреля. URL: <https://www.kp.ru/daily/22535/16906/?ysclid=m41iwwknn249398512> (дата обращения: 24.11.2024).
40. Коршунов А. В Омске будет памятник Колчаку // Но-вое обозрение — Версия. 2003. 1–7 октября.
41. В Омске отпраздновали юбилей Колчака // Аргументы и факты. 2004. № 11.
42. Куркин Б. Горсовет Колчака не уважает // Бизнес-курс. 2004. № 41. С. 31.
43. Гадалина А. Омские коммунисты не добрались до Александра Колчака // Коммерсант. 2004. 10 ноября. С. 16.
44. Шашкова А. Памятник Колчаку — быть или не быть? // Аргументы и факты. 2006. № 47.
45. Горнов Н. Объявлен конкурс на лучшего Колчака из бронзы // Коммерческие вести. 2008. 12 марта.
46. Рощина Н. Бронзовый Колчак встанет на капитанский мостик // НОС: Новое омское слово. 2008. 6 мая.
47. Вибе П. П. О памятнике Колчаку, музее гражданской войны и белой столице // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. 2012. № 17. С. 73–85. EDN: YABPQT.
48. Коновалов И. Л. Вторая реставрация дома Батюшки-на // Недабаевские исторические чтения / ред.-сост.: А. М. Лосунов, В. А. Недбай, Н. П. Парыгин, Е. А. Сидорен-ко. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2012. С. 95–102. ISBN 978-5-8268-1693-6.
49. Пантелеев А. «Памятник Колчаку надо поставить на даче господина Полежаева // Коммерческие вести. 2012. 25 июля.
50. Пантелеев А. За установку памятника Колчаку выска-зались 54 % горожан, но при этом его путают с основателем Омска и покорителем Сибири // Коммерческие вести. 2012. 5 сентября.
51. Пантелеев А. Ремизович открыл памятник Колчаку // Коммерческие вести. 2012. 7 ноября.
52. Виктор Назаров переложил на мэрию ответственность за памятник Колчаку // Аргументы и факты. Омск. 2014. 26 сентября. URL: <https://omsk.aif.ru/society/1346956?ysclid=m41inv6bzg868198694> (дата обращения: 10.11.2024).
53. Вибе П. Возвращение Колчака / записал М. Андреев // Четверг. 2007. 19 июля.
54. В Омск вернулся адмирал Колчак // Омскпресс. 2013. 15 мая. URL: https://omskpress.ru/news/41102/v_omsk_vernulsya_admiral_kolchak/?ysclid=m429c057at739712422 (дата обращения: 10.11.2024).
55. Горнов Н. Колчаку предложили стать музейным экспо-натом // Коммерческие вести. 2015. 4 марта.
56. Ильченко А. В Омске начали увековечивать белогвар-дейцев // Коммерческие вести. 2016. 6 июля.
57. В Омске хотят поставить памятник командирам Граж-данской войны // Омск-Информ. 2017. 11 октября. URL: <https://omskinform.ru/news/111933?ysclid=m41il48374608376440> (дата обращения: 10.11.2024).
58. Лифантьева Е. Как нам навязывают «альтернативную реальность» // Красный путь. 2019. 27 февраля.
59. Петин Д. И. 100-летие Гражданской войны в Сибири: научно-просветительская рефлексия в Омске (2019) // Север-ные архивы и экспедиции. 2020. Т. 4, № 2. С. 131–142. DOI: 10.31806/2542-1158-2020-4-2-131-142. EDN: UZZKZY.
60. Стельмак М. М. Круглый стол «Адмирал Колчак: уче-ный, флотоводец, Верховный правитель»: обзор работы // Си-бирский архив. 2020. № 1 (3). С. 222–235. EDN: BESYCP.
61. Лосунов А. Александр Васильевич Колчак: неизвест-ное об известном (к 100-летию гибели адмирала) // Культура: немцы Сибири. 2020. № 1. С. 88–103.
62. Машкевич С. В., Петин Д. И., Сушко А. В. Конферен-ция о Гражданской войне на востоке России: международный научный диалог в Омске // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2024. Т. 11, № 1. С. 175–180. DOI: 10.24147/2312-1300.2024.11(1).175-180. EDN: EDPMOW.
63. Наше нет! // Красный путь. 2020. 12 февраля.
64. Коршунов А. Господа офицеры, Омск взят! // Омский вестник. 2009. 10 июня.
65. Память и беспамятство // Красный путь. 2019. 20 ноября.

66. Озеров А. Омские ученые отметили 150-летие со дня рождения адмирала Колчака // Коммерческие вести. 2024. 21 ноября. URL: <https://kvnews.ru/news-feed/v-omskie-uchenye-otmetili-150-letie-so-dnya-rozhdeniya-admirala-kolchaka> (дата обращения: 24.11.2024).

67. Озеров А. В Омском институте водного транспорта отметили 150-летие адмирала Колчака // Коммерческие вести. 2024. 22 ноября. URL: <https://kvnews.ru/news-feed/v-omskie-uchenye-otmetili-150-letie-so-dnya-rozhdeniya-admirala-kolchaka> (дата обращения: 24.11.2024).

68. Годин В. И. Взаимоотношение власти и историков в контексте формирования исторической памяти о Гражданской войне в России // Исторический курьер. 2024. № 5. С. 125–138. DOI: 10.31518/2618-9100-2024-5-10.

НАУМОВ Сергей Сергеевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела крае-

ведческих исследований Омского государственного историко-краеведческого музея, г. Омск.

SPIN-код: 2852-4399

AuthorID (РИНЦ): 1105211

Адрес для переписки: naumov_s_s@mail.ru

Для цитирования

Наумов С. С. А. В. Колчак в историческом сознании омичей: «война за память» и примирение с прошлым (вторая половина 1980-х – 2020-е гг.) // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2025. Т. 10, № 1. С. 50–62. DOI: 10.25206/2542-0488-2025-10-1-50-62. EDN: ICBUAV.

Статья поступила в редакцию 02.12.2024 г.

© С. С. Наумов

A. V. KOLCHAK IN THE HISTORICAL CONSCIOUSNESS OF OMSK RESIDENTS: «WAR FOR MEMORY» AND RECONCILIATION WITH THE PAST (SECOND HALF OF THE 1980s—2020s)

The article is devoted to the analysis of modern receptions and representations of historical memory about one of the key figures in the history of the Civil War in Siberia — the Supreme Ruler of Russia, Admiral A. V. Kolchak. The discussions of the last thirty years about his role in Siberian history would be logical to characterize the allegory of the «war for memory». Using a regional example, the main stages of memorialization of the personality of A. V. Kolchak and the accompanying «battles for memory» are outlined; the main characteristics emphasizing the uniqueness of each stage are presented. It is concluded that the memory of Siberians about the events of the Civil War has unique features, is distinctive in public reactions to various commemorative actions and options for broadcasting historical memory. The historical plot associated with A. V. Kolchak is assessed from an anthropological point of view as traumatic. The factors necessary for the successful overcoming of this collective cultural trauma and reconciliation of society on the issue of the Civil War are outlined.

Keywords: historical memory, place of memory, monuments, cultural anthropology, Civil War, A. V. Kolchak, Omsk.

References

1. Rozhanskiy M. Ya. *Sibir' kak prostranstvo pamyati* [Siberia as a memory space]. Irkutsk, 2013. 180 p. ISBN 978-5-905847-98-1. (In Russ.).

2. Krasil'nikova E. I. *Pomnit' nel'zya zabyt'? Pamyatnyye mesta i kommémorativnyye praktiki v gorodakh Zapadnoy Sibiri (konets 1919—seredina 1941 g.)* [It is impossible to forget the memorable places and commemorative practices in the cities of Western Siberia late 1919—mid 1941]. Novosibirsk, 2015. 572 p. ISBN 978-5-7782-2762-0. (In Russ.).

3. Sushko A. V., Petin D. I. *Bitvy za pamyat': k voprosu o memorializatsii imeni admirala A. V. Kolchaka v Omske* [Battles for memory: on the issue of memorializing the name of Admiral A. V. Kolchak in Omsk]. *Omskiy nauchnyy vestnik. Ser. Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'. Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2019. Vol. 4, no. 4. P. 9—17. DOI: 10.25206/2542-0488-2019-4-4-9-17. EDN: HKQPJC. (In Russ.).

4. Shibarskaya V. V. *Obraz Omska v soznanii yego zhitel'ey: krayevedeniye v massovom soznanii (materialy issledovaniya 2024 g.)* [The image of Omsk in the minds of its inhabitants: local history in the mass consciousness (materials of the 2024 study)] // *VII Yadrintsevskiy chteniye. Seventh Yadrintsev Readings*. Omsk, 2024. P. 420—424. ISBN 978-5-8042-0878-4. (In Russ.).

5. Krasil'nikova E. I., Naumov S. S. *Istoricheskiye simvoly revolyutsii i grazhdanskoj voyny v publ'ichnom prostranstve sibirskikh gorodov: izgiby politiki pamyati (1920—2010-e gg.)* [Historical Symbols of Revolution and Civil War in the Public Space of Siberian Cities: the Twists of Memory Politics (1920s—2010s)].

Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Istoricheskie nauki». Herald of Omsk University. Series «Historical Studies». 2020. Vol. 7, no. 2. P. 58—69. DOI: 10.24147/2312-1300.2020.7(2). EDN: NQPKUQ. (In Russ.).

6. Naumov S. S. *Transformatsiya vospriyatii lichnosti A. V. Kolchaka v rabotakh zapadnosibirskikh istorikov i publitsistov v kontse 1980-kh—nachale 1990-kh gg.* [Transformation of A. V. Kolchak's perception of personality in the works of West Siberian historians and publicists in the late 1980s—early 1990s] // *Chetvertye Yadrintsevskiy chteniye. Fourth Yadrintsev Readings*. Omsk, 2017. P. 177—180. ISBN 978-5-8042-05-56-1. (In Russ.).

7. Naumov S. S. *Gumanitarnaya intelligentsiya kak sub'yekt istoricheskoy pamyati v prostranstve krupnykh gorodov Zapadnoy Sibiri (1985—2000 gg.)* [Humanitarian intelligentsia as a subject of historical memory in the space of large cities of Western Siberia (1985—2000)]. Omsk, 2023. 354 p. (In Russ.).

8. Ioffe G. Z. *Kolchakovskaya avantyura i yeye krakh* [Kolchak's adventure and its collapse]. Moscow, 1983. 294 p. (In Russ.).

9. Poznanskij V. S. *Sud nad ministrami Kolchaka* [The trial of Kolchak's ministers]. *Izvestiya Sibirskogo otdeleniya Akademii nauk SSSR. Seriya istorii, filologii i filosofii. News of the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences. Series of History, Philology and Philosophy*. 1990. No. 1. P. 44—51. (In Russ.).

10. Shishkin V. I. *K istorii kolchakovskogo perevorota* [On the history of the Kolchak coup]. *Izvestiya Sibirskogo otdeleniya Akademii nauk SSSR. Seriya istorii, filologii i filosofii. News of the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences. Series of History, Philology and Philosophy*. 1989. No. 1. P. 59—63. EDN: ZYDPDS. (In Russ.).

11. Shishkin V. Admiral Kolchak: chelovek i politik [Admiral Kolchak: a man and a politician]. *Sibirskaya gazeta. Sibirskaya Gazeta*. 1990. February 5. (In Russ.).
12. Budarin M., Kolesnikov A. Gumanist ili krovavyy admiral? [A humanist or a bloody admiral?]. *Omskaya pravda. Omskaya Pravda*. 1991. November 16. (In Russ.).
13. Vibe P. P. Vtoraya ipostas' admirala Kolchaka [The second hypostasis of admiral Kolchak]. *Otechestvo. Otechestvo*. 1992. Vol. 3. P. 185–194. (In Russ.).
14. Petin D. I. Istoriya omskogo roda Batyushkin [The History of the Omsk clan of Batyushkin]. Omsk, 2021. 140 p. ISBN 978-5-8042-0752-7. EDN: TJZQCR. (In Russ.).
15. Ne odnomu zhe Il'ichu stoyat' na p'yedestale [Ilyich is not the only one standing on a pedestal.]. *Omskiy vestnik. Omskiy Vestnik*. 1992. December 16. (In Russ.).
16. Shikhatov I. Belyy dom «beloy» Rossii [The White House of «white» Russia]. *Vecherniy Omsk. Vecherniy Omsk*. 1993. December 23. (In Russ.).
17. Selyuk V. Ne pogasla zvezda Kolchaka [Kolchak's star did not go out]. *Zerkalo plyus (Omsk). Zerkalo Plyus (Omsk)*. 1998. November 18–24. (In Russ.).
18. Tomilov N. Pamyatniki palacham ili gumanistam? [Monuments to executioners or humanists?]. *Omskaya pravda. Omskaya Pravda*. 1993. January 19. (In Russ.).
19. Naumov P. S kem vy, istoriki? [Who are you historians with?]. *Omskoye vremya. Omskoye Vremya*. 1999. January 6. (In Russ.).
20. Vasilyeva S. Gori, gori, moya zvezda [Burn, burn my star]. *Omskiy vestnik. Omskiy Vestnik*. 1998. November 12. (In Russ.).
21. Vibe P. P. Voyna s pamyatnikami [The war on monuments]. *Kul'tura Sibiri. Kul'tura Sibiri*. 1995. No. 1. P. 9–10. (In Russ.).
22. Nemchinova T. A. Sovremennaya rossiyskaya istoriografiya Belogo dvizheniya v Sibiri [Modern Russian historiography of the white movement in Siberia]. *Ulan-Ude*, 2002. 189 p. (In Russ.).
23. Kolchak vlyublennyy i lyubimyy: fragmenty lichnoy perepiski A. Kolchaka i A. Timirevoy, 1917–1919 gg. [Kolchak in love and beloved: fragments of personal correspondence between Alexander Kolchak and Anna Timireva, 1917–1919] / Publ. V. Shishkina. *Sibirskaya gazeta. Sibirskaya Gazeta*. 1992. February 24–March 2. (In Russ.).
24. Petrov I. Istoriya odnoy lyubvi [The story of one love]. *Zemlya sibirskaya, dal'nevostochnaya. Zemlya Sibirskaya, Dal'nevostochnaya*. 1991. No. 9. P. 17–20, 48–49. (In Russ.).
25. Tolmacheva N. Zvezda lyubvi Aleksandra Kolchaka [Alexander Kolchak's star of love]. *Chetverg. Chetverg*. 1996. April 11. (In Russ.).
26. Devyat'yarova I. Byval li admiral Kolchak v dome Antona Sorokina? [Has admiral Kolchak ever been to Anton Sorokin's house?]. *NOS: Novoye omskoye slovo. NOS: Novoye Omskoye Slovo*. 1998. November 12. (In Russ.).
27. Leonov F. V den' rastrela yemu bylo 45 let... [He was forty-five years old on the day of the shooting...]. *Krest'yanskoye slovo (Omsk). Krest'yanskoye Slovo (Omsk)*. 2000. March 14. (In Russ.).
28. Tretyakova L. Zhestokiy romans admirala [The cruel romance of the admiral]. *Krest'yanka (Omsk). Krest'yanka (Omsk)*. 2000. No. 5. (In Russ.).
29. Losunov A. Ne znayshiy o perevorote [Didn't know about the coup]. *Omskiy vestnik. Omskiy Vestnik*. 1993. November 23. (In Russ.).
30. Tolmacheva N. Tyazhkiy krest opal'nogo admirala [The heavy cross of the disgraced admiral]. *Chetverg. Chetverg*. 1999. November 23. (In Russ.).
31. Zhmurko T. Neugasimaya moya zvezda... [My inextinguishable star...]. *Biblioteka (Omsk). Biblioteka (Omsk)*. 2000. No. 3. P. 68–72. (In Russ.).
32. Kositsyna D. V kukol'nom teatre sudyat Kolchaka [Kolchak is being judged in the puppet theater]. *Komsomol'skaya pravda. Komsomol'skaya Pravda*. 2003. March 18. (In Russ.).
33. Petrov I. Vremya. Lyudi. Pamyatniki [Time. People. Monuments]. *Novoe obozrenie – Versiya. Novoe Obozrenie – Versiya*. 2001. June 20–26. (In Russ.).
34. Korshunov A. «Chest' imeyu, admiral Kolchak» [«I have the honor, admiral Kolchak»]. *Novoe obozrenie – Versiya. Novoe Obozrenie – Versiya*. 2001. August 15. (In Russ.).
35. Budarin M. «Istoriyu ne sudyat» [«History is not judged»] / noted E. Nazarenko. *Kriminal-ekspress. Kriminal-Ekspress*. 2002. March 20. (In Russ.).
36. Tikhaya vrazhda [Quiet feud]. *Kriminal-ekspress. Kriminal-Ekspress*. 2003. July 23. (In Russ.).
37. V Omske poyavitsya naberezhnaya Kolchaku? [Will there be an embankment in honor of Kolchak in Omsk?]. *Chetverg. Chetverg*. 2003. August 7. (In Russ.).
38. Poslaniye Prezidenta Rossii Federal'nomu Sobraniyu Rossiyskoy Federatsii. 2004. 26 maya [Address of the President of Russia to the Federal Assembly of the Russian Federation. 2004. May 26]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/22494> (accessed: 10.11.2024). (In Russ.).
39. V Pitere uvekovechili admirala Kolchaka... [Admiral Kolchak was immortalized in Saint Petersburg...] // *Komsomol'skaya pravda. Komsomol'skaya Pravda*. 2002. April 17. URL: <https://www.kp.ru/daily/22535/16906/?ysclid=m41iwwknn249398512> (accessed: 24.11.2024). (In Russ.).
40. Korshunov A. V Omske budet pamyatnik Kolchaku [There will be a monument to Kolchak in Omsk]. *Novoe Obozrenie – Versiya. Novoe Obozrenie – Versiya*. 2003. October 1–7. (In Russ.).
41. V Omske otprazdnovali yubiley Kolchaka [Kolchak's anniversary was celebrated in Omsk]. *Argumenty i fakty. Argumenty i Fakty*. 2004. No. 11. (In Russ.).
42. Kurkin B. Gorsovet Kolchaka ne uvazhayet [The Kolchak City Council does not respect]. *Biznes-kurs. Biznes-Kurs*. 2004. No. 41. P. 31. (In Russ.).
43. Gadalina A. Omskiye kommunisty ne dobralis' do Aleksandra Kolchaka [The Omsk communists did not get to Alexander Kolchak]. *Kommersant. Kommersant*. 2004. November 10. P. 16. (In Russ.).
44. Shashkova L. Pamyatnik Kolchaku — byt' ili ne byt'? [Monument to Kolchak — to be or not to be?]. *Argumenty i fakty. Argumenty i Fakty*. 2006. No. 47. (In Russ.).
45. Gornov N. Ob'yavlen konkurs na luchshego Kolchaka iz bronzy [A competition has been announced for the best bronze Kolchak]. *Kommercheskiye vesti. Kommercheskiye Vesti*. 2008. March 12. (In Russ.).
46. Roshchina N. Bronzovyy Kolchak vstanet na kapitanskiy mostik [The bronze Kolchak will stand on the captain's bridge]. *NOS: Novoye omskoye slovo. NOS: Novoye Omskoye Slovo*. 2008. May 6. (In Russ.).
47. Vibe P. P. O pamyatnike Kolchaku, muzeye grazhdanskoy voyny i beloy stolitse [On the monument to Kolchak, the Museum of the Civil War and the White Capital]. *Izvestiya Omskogo gosudarstvennogo istoriko-kraevedcheskogo muzeya. Proceedings of the Omsk State Museum of Local Lore*. 2012. No. 17. P. 73–85. EDN: YABPQT. (In Russ.).
48. Vtoraya restavratsiya doma Batyushkina [The second restoration of the Batyushkin house] // *Nedbaevskie istoricheskie chteniya. Nedbaev's historical readings / Comp.: A. M. Losunov, V. A. Nedbay, N. P. Parygin, E. A. Sidorenko. Omsk*, 2012. P. 95–102. ISBN 978-5-8268-1693-6. (In Russ.).
49. Panteleyev A. «Pamyatnik Kolchaku nado postavit' na dache gospodina Polezhayeva [«A monument to Kolchak should be erected at Mr. Polezhaev's dacha»]. *Kommercheskiye vesti. Kommercheskiye Vesti*. 2012. July 25. (In Russ.).
50. Panteleyev A. Za ustanovku pamyatnika Kolchaku vyskazalis' 54 % gorozhan, no pri etom yego putayut s osnovatelem Omska i pokoritelem Sibiri [54 % of citizens voted for the installation of the monument to Kolchak, but at the same time he is confused with the founder of Omsk and the conqueror

of Siberia]. *Kommercheskiye vesti. Kommercheskiye Vesti*. 2012. September 5. (In Russ.).

51. Panteleyev A. Remizovich otkryl pamyatnik Kolchaku [Remizovich unveiled a monument to Kolchak]. *Kommercheskiye vesti. Kommercheskiye Vesti*. 2012. November 7. (In Russ.).

52. Viktor Nazarov perelozhil na meriyu otvetstvennost' za pamyatnik Kolchaku [Viktor Nazarov shifted responsibility for the monument to Kolchak to the mayor's office]. *Argumenty i fakty. Omsk. Argumenty i fakty. Omsk*. 2014. September 26. URL: <https://omsk.aif.ru/society/1346956?ysclid=m41inv e6zg868198694> (accessed: 10.11.2024). (In Russ.).

53. Vibe P. Vozvrashcheniye Kolchaka [Kolchak's return] / Noted M. Andreev. *Chetverg. Chetverg*. 2007. July 19. (In Russ.).

54. V Omsk vernulsya admiral Kolchak [Admiral Kolchak returned to Omsk] // Omskpress. *Omskpress*. 2013. May 15. URL: https://omskpress.ru/news/41102/v_omsk_vernulsya_admiral_kolchak/?ysclid=m429c057at739712422 (accessed: 10.11.2024). (In Russ.).

55. Gornov N. Kolchaku predlozili stat' muzeynym eksponatom [Kolchak was offered to become a museum exhibit]. *Kommercheskiye vesti. Kommercheskiye Vesti*. 2015. March 4. (In Russ.).

56. Ilchenko A. V Omske nachali uvekovechivat' belogvardeytsev [In Omsk, they began to perpetuate the White Guards]. *Kommercheskiye vesti. Kommercheskiye Vesti*. 2016. July 6. (In Russ.).

57. V Omske khotyat postavit' pamyatnik komandiram Grazhdanskoy voyny [In Omsk, they want to erect a monument to the commanders of the Civil War]. *Omsk-Inform. Omsk-Inform*. 2017. October 11. URL: <https://omskinform.ru/news/111933?ysclid=m41il48374608376440> (accessed: 10.11.2024). (In Russ.).

58. Lifant'yeva E. Kak nam navyazyvayut «al'ternativnyu real'nost'» [How an «alternative reality» is being imposed on us]. *Krasnyy put'. Krasnyy Put'*. 2019. February 27. (In Russ.).

59. Petin D. I. 100-letniye Grazhdanskoy voyny v Sibiri: nauchno-prosvetitel'skaya refleksiya v Omske (2019) [100th anniversary of the Civil War in Siberia: scientific and educational reflection in Omsk (2019)]. *Severnyye arkhivy i ekspeditsii. Northern Archives and Expeditions*. 2020. Vol. 4, no. 2. P. 131–142. DOI: 10.31806/2542-1158-2020-4-2-131-142. EDN: UZZKZY. (In Russ.).

60. Stelmak M. M. Kruglyy stol «Admiral Kolchak: uchenyy, flotvodets, Verkhovnyy pravitel'»: obzor raboty [The round table «Admiral Kolchak: scientist, naval commander, Supreme Ruler»: the overview]. *Sibirskiy arkhiv. Siberian Archive*. 2020. No. 1 (3). P. 222–235. EDN: BESYCP. (In Russ.).

61. Losunov A. Aleksandr Vasil'yevich Kolchak: neizvestnoye ob izvestnom (k 100-letiyu gibeli admirala) [Alexander Vasilyevich Kolchak: the unknown about the known (on the 100th anniversary of the death of the Admiral)]. *Kul'tura: nemtsy Sibiri. Culture: Germans of Siberia*. 2020. No. 1. P. 88–103. (In Russ.).

62. Mashkevich S. V., Petin D. I., Sushko A. V. Konferentsiya o Grazhdanskoy voyne na vostokey Rossii: mezhdunarodnyy

nauchnyy dialog v Omske [Conference on the Civil War in Eastern Russia: International Scientific Dialogue in Omsk]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Istoricheskiye nauki». Herald of Omsk University. Series «Historical Studies»*. 2024. Vol. 11, no. 1. P. 175–180. DOI: 10.24147/2312-1300.2024.11(1).175-180. EDN: EDPMOW. (In Russ.).

63. Nashe net! [Ours is not!]. *Krasnyy put'. Krasnyy Put'*. 2020. February 12. (In Russ.).

64. Gospoda ofitsery, Omsk vzyat! [Gentlemen officers, take Omsk!]. *Omskiy vestnik. Omskiy Vestnik*. 2009. June 10. (In Russ.).

65. Pamyat' i bespamyatstvo [Memory and unconsciousness]. *Krasnyy put'. Krasnyy Put'*. 2019. November 20. (In Russ.).

66. Ozerov A. Omskiye uchenyye otmetili 150-letniye so dnya rozhdeniya admirala Kolchaka / [Omsk scientists celebrated the 150th anniversary of the birth of Admiral Kolchak]. *Kommercheskiye vesti. Kommercheskiye Vesti*. 2024. November 21. URL: <https://kvnews.ru/news-feed/v-omskie-uchenye-otmetili-150-letie-so-dnya-rozhdeniya-admirala-kolchaka> (accessed: 24.11.2024). (In Russ.).

67. Ozerov A. Omskiye uchenyye otmetili 150-letniye so dnya rozhdeniya admirala Kolchaka [The Omsk Institute of Water Transport celebrated the 150th anniversary of Admiral Kolchak]. *Kommercheskiye vesti. Kommercheskiye Vesti*. 2024. November 22. URL: <https://kvnews.ru/news-feed/v-omskie-uchenye-otmetili-150-letie-so-dnya-rozhdeniya-admirala-kolchaka> (accessed: 24.11.2024). (In Russ.).

68. Goldin V. I. Vzaimootnosheniye vlasti i istorikov v kontekste formirovaniya istoricheskoy pamyati o Grazhdanskoy voyne v Rossii [The relationship between the authorities and historians in the context of the formation of historical memory of the Civil War in Russia]. *Istoricheskiy kur'yer. Historical Courier*. 2024. No. 5. P. 125–138. DOI: 10.31518/2618-9100-2024-5-10. (In Russ.).

NAUMOV Sergey Sergeevich, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of the Local History Researches Department, Omsk State Museum of History and Local Lore, Omsk.

SPIN-code: 2852-4399

AuthorID (RSCI): 1105211

Correspondence address: naumov_s_s@mail.ru

For citations

Naumov S. S. A. V. Kolchak in the historical consciousness of Omsk residents: «War for memory» and reconciliation with the past (second half of the 1980s–2020s). *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2025. Vol. 10, no. 1. P. 50–62. DOI: 10.25206/2542-0488-2025-10-1-50-62. EDN: ICBUAV.

Received December 02, 2024.

© S. S. Naumov

К АНАЛИЗУ ИСТОРИЧЕСКОГО ОБРАЗА А. В. КОЛЧАКА В СОВЕТСКОМ ИГРОВОМ КИНО (КОНЕЦ 1950-х—КОНЕЦ 1980-х гг.)

Цель работы — анализ трансформации образа одного из ключевых лидеров Белого движения А. В. Колчака в советском игровом кино, созданном в период с конца 1950-х по конец 1980-х гг. Основой для изучения выбраны пять фильмов о событиях Первой мировой и Гражданской войн, в которых среди киноперсонажей появляется А. В. Колчак. Теоретическая основа исследования — сочетание антропологического и культурологического подходов со сравнительно-историческим и биографическим методами. Это позволило, анализируя каждый фильм с точки зрения наличия главных элементов (центральной идеи, дуалистического противостояния «свой — чужие» и динамики развития), понять режиссерское видение образа А. В. Колчака в контексте эпохи (при этом не исключая существовавшие общие идеологические установки).

Ключевые слова: советское кино, кинематографический образ, игровое кино, кинематограф, имагология, исторический образ, культурная антропология, Гражданская война, А. В. Колчак.

Постановка проблемы. В течение всего советского периода события Гражданской войны и биографии ее участников (причем разного масштаба) являлись одними из наиболее востребованных сюжетов игрового кино. Закономерно, что главными героями выступали красные деятели. Белогвардейцы же логично олицетворяли образ «противника»: иногда — безликого, иногда — конкретного персонажа с яркими и по-своему харизматичными чертами. Исключением здесь не стал адмирал А. В. Колчак, чей кинообраз впервые в СССР в 1924 г. воплотили в немых кинолентах М. Ф. Ленин (Игнатюк) в «Красном газе» и Ибрагимов в «Красных партизанах». Презентация первого фильма вошла в перечень официальных торжеств по случаю 5-летия восстановления советской власти в Сибири; к сожалению, кинолента до наших дней не сохранилась [1, с. 148; 2, с. 84]. Тем не менее впоследствии на советском киноэкране образ А. В. Колчака будет появляться чаще, однако для этого потребуются значительное время.

В новейшей историографии наблюдается значительный интерес академических специалистов к исторической фигуре А. В. Колчака и осмыслению его жизни, политической деятельности и отчасти повседневности в большей степени в 1918–1919 гг. в качестве Верховного правителя [см., напр.: 3–6; 7, с. 42–52; 8, с. 57–59; 9, с. 362–264; 10–13]. Как следствие, на этом фоне в число востребованных исследователями аспектов вошел и анализ образа данного деятеля, который был создан в советском и российском игровом кино. Здесь, безусловно,

стоит особо отметить заслуги уральского историка Е. В. Волкова, выстроившего свои наработки, в том числе, на основе привлечения неопубликованных источников [14–16]. При этом стоит сказать, что современные историки стали проявлять интерес к изучению образов наиболее известных участников Гражданской войны, подчеркивая важность кинофильмов как самобытных источников, отражающих особенности идеологии своей эпохи [1; 17–20].

Хронология нашего исследования обусловлена тем, что 14–25 февраля 1956 г. в Москве состоялся XX съезд КПСС. Общепринято считать, что его решения положили конец сталинской эпохе и сделали обсуждение ряда общественных вопросов несколько более свободным. Съезд ознаменовал ослабление идеологической цензуры в литературе и искусстве и возвращение множества прежде табуированных имен.

Осуждая сталинский период советской истории, годы «оттепели» возвращали общество к «ленинским идеалам», что наблюдалось и в сфере культуры. С именем В. И. Ленина были связаны события революции 1917 г., Гражданской войны и первых лет новой экономической политики. Борьба за «светлое будущее» становилась благодатной темой в произведениях искусства. Кинематограф, как вид массовой культуры, подходил здесь идеально. Более того, ослабление идеологического пресса существенно расширило творческие возможности работников киноиндустрии. Вдобавок отметим, что до «оттепели» Колчак появлялся в советском игровом кино лишь весьма фрагментарно: к названным

выше фильмам стоит добавить киноленту «Октябрь» (1927) [16, с. 84].

Верхняя граница исследования установлена исходя из того, что «перестройка» в стране повлекла за собой очередную кардинальную смену общественно-политической формации, приведшую в итоге к распаду СССР. Согласимся, что в каждом из двух случаев «смена векторов» в процессах, происходивших в сфере культуры, не произошла одновременно; так или иначе инерция предыдущих лет еще могла иметь место. Да и процедура подготовки кинокартины — весьма затратный проект, в том числе с точки зрения времени. На основании этого в датировке хронологии обозначения границ избраны с условной формулировкой «конец».

Основная часть. В данном исследовании нами будут рассмотрены такие знаковые советские кинокартины, как «Золотой эшелон», «Гроза над Белой», «Севастополь», «Кочующий фронт» и «Моонзунд». В обозначенный период экранная репрезентация образа А. В. Колчака стала более активной (хотя его историческая фигура представлялась в силу действовавшей конъюнктуры как отрицательная и неоднозначная). В те годы сложность воплощения на экране этого деятеля заключалась в том, что с одной стороны, необходимо было показать образ врага, с другой — как он должен и как он будет воспринят зрителем. Важно учесть, что и взгляд зрителей за 30 лет существенно изменился вслед за общественным мнением и страной в целом. Более того, зрителям нашего времени некоторые «отрицательные» черты советского экранного образа Колчака могут показаться положительными, что вряд ли могли допускать создатели кинофильмов.

Каждая кинокартина — это своего рода самодостаточный мир, где есть центральная идея, дуализм и динамика развития. Перечисленные фильмы будут рассмотрены с позиций этой историко-культурологической триады. Роль Колчака в них — неотъемлемая составляющая в сюжете картин. Хотя он везде представлен лишь в эпизодах, это не делает его малозначительной фигурой среди иных главных действующих лиц. Подчеркнем, наша работа — не киноведческое исследование. Рассмотренный художественный образ А. В. Колчака не противопоставляется нами исторической личности флотоводца и политика. Но мы учли позиции режиссеров фильмов и общественно-политическую ситуацию в СССР, когда велась работа над кинолентой, что более значимо для историка наших дней и современной интерпретации фильмов как культурных свидетельств эпохи.

«Золотой эшелон», или Корнет в роли адмирала. В 1959 г. на киностудии им. М. Горького известным советским режиссером и сценаристом И. Я. Гуриным в жанре военной драмы был снят фильм «Золотой эшелон» [14, с. 14]. В центре киносюжета оказался один из аспектов эвакуации белых сил в Восточную Сибирь в 1919 г., каковой затем оказался овеянный многочисленными историческими мифами [21].

Действие фильма происходит в 1919 г. в Сибири. В сложной ситуации на фронте А. В. Колчак решает вывезти часть золотого запаса страны за границу. Этим планам воспрепятствуют подпольщики и партизаны, в последний момент захватившие поезд и начальника — полковника Семицвотова (В. Кольцов). В перестрелке погибает начальник охраны «золотого эшелона» ротмистр Черемисов (М. Казаков). Красные повстанцы пытаются вы-

везти поезд с золотом в западном направлении, навстречу наступающим частям РККА. Но, будучи не в силах противостоять белым, они вынужденно закапывают ящики с ценностями в заброшенной местности [15, с. 95].

Однако главным в фильме является вовсе не золото, на его месте мог быть хлеб для голодающих или снаряды для фронта. Центральная идея картины — идеал мировой революции, борьба за светлое будущее. Этот замысел очевиден на протяжении всего фильма. В начале картины подпольщик А. Низовцев (В. Шукшин) в разговоре с товарищами размышляет о революции. Далее, в разговоре с полковником Семицвотовым бывший пленный офицер Иштван обращает внимание, что революция — это дело не только русских. Ну а символом светлого будущего является рождение ребенка — Ивана Золотова. В финале картины Иштван с ребенком на руках идет впереди выживших с эшелона навстречу партизанам. А сама невероятная история (весьма далекая от истинных событий) лишь указывает на его вторичность в фильме.

Безусловно, золото тоже — символ. На это указывает и адмирал Колчак, говоря союзникам, что золотой запас должен остаться в Омске в знак стойкости политической власти Российского правительства. Но для красных золото — это средство развития, а не цель. Золото — это хлеб и машины, как говорит подпольщик Низовцев.

Знаковый представитель уходящего мира — начальник «золотого эшелона» полковник Семицвотов. Попав в плен к большевикам и вынужденный под угрозой расправы им помогать, он приходит к осознанию неправоты своего дела — по сути, всей антибольшевистской идеи — и оканчивает жизнь самоубийством. Суицид белых офицеров на почве тотального разочарования в «белой идее» — штамп, весьма распространенный в советском игровом кино [15, с. 95]. Здесь один из классических примеров киноленты той же эпохи — самоубийство поручика А. Брусенцова (В. Высоцкий) в условиях Крымской эвакуации армии Врангеля в фильме «Служили два товарища» (1968).

В «Золотом эшелоне» Колчак первый раз появляется в картине на несколько секунд среди офицеров, где его трудно узнать. На фигуру адмирала зритель обращает взор лишь после фразы ротмистра Черемисова: «Сам Верховный правитель». А вот следующий эпизод более значителен (порядка пяти минут). Колчак, шествуя во главе генералов, дипломатов и членов иностранных военных миссий, осматривает золотой запас России и произведение искусства в подвалах банка. Подчеркнем, такой эпизод вполне мог иметь место, но с оговоркой, что экскурсии по выставке ценностей в кладовой Омского отделения Государственного банка водил лично министр финансов И. А. Михайлов [22, с. 52]. Об этом с едкой иронией вспоминает и один из руководителей интервенции М. Жанен [23, с. 576].

В той сцене обращает на себя внимание минимум слов и яркий афоризм Наполеона Бонапарта: «для войны нужны три вещи — деньги, деньги, и еще раз деньги», который Колчак озвучивает союзникам, убеждая их в политической и финансовой стабильности своего правительства. Сказанная цитата может рассматриваться и как авторский умысел — своего рода идеологическая отсылка к «диктаторскому бонапартизму» Верховного правителя. Но не забывает адмирал и о поощрении войск, с этим предложением он обращается к ге-

нералу Жанену (С. Попов). Здесь, как и в последующих сценах, важную роль играют не только слова, но и манера поведения. Показателен эпизод, где Колчак эмоционально, но пытаясь сдержаться, реагирует на захват партизанами «золотого эшелона».

Трудно согласиться с мнением Е. В. Волкова [16, с. 84], что А. В. Колчак в «Золотом эшелоне» — лишь марионетка высокопоставленных представителей союзников по Антанте, прежде всего, французского генерала М. Жанена и британского генерала А. Нокса (А. Краснопольский) (к слову, лишь только эти три персонажа этой киноленты — реальные исторические личности).

Возможно, такую цель, по идеологическим соображениям, создатели фильма ставили. Да, сценическому Колчаку приходится соглашаться с союзниками, но он же с ними и спорит, пытаясь убедить, что золото должно остаться в Омске как символ того, что город не будет сдан большевикам. Дискуссию к образу здесь вносит и то, что оба упомянутые руководители интервенции на деле были жесткими антагонистами относительно друг друга. А о подверженности Колчака чужому (причем не всегда компетентному) мнению указывали современники даже из числа «второстепенных» деятелей белого Омска (например, М. А. Гришина-Алмазова, А. С. Кондрашева) [24, с. 393; 25, с. 128].

Особенно важно, что в «Золотом эшелоне» роль Колчака исполнил «неслучайный» человек — Александр Павлович Шатов (1899–1961). В молодые годы, окончив Первый Московский кадетский корпус (1916) и Николаевское кавалерийское училище (1917), он стал офицером военного времени. В составе 2-го Уланского полка принял участие в Первой мировой войне. Но с 1918 г. с развалом «старой» армии бывший корнет перешел на службу в РККА, став инструктором Московских кавалерийских курсов комсостава. С 1922 г. Шатов реализовывался исключительно на мирной ниве. В служении Мельпомене на подмостках нескольких театров Москвы он снискал громкую славу, овации, любовь и признание публики [26].

Военный же этап биографии Шатова отчасти схож с судьбой его современника М. Ф. Ленина (Игнатюка), упомянутого выше — одного из первых артистов, воплотивших на киноэкране образ Колчака. Михаил Францевич, отбыв первую воинскую повинность, получил чин прапорщика запаса (1903). После мобилизации Игнатюк был направлен в 13-ю Сибирскую стрелковую артиллерийскую бригаду. За участие в боях Первой мировой войны получил производство в подпоручики и ордена — Св. Анны IV степени с надписью «За храбрость» (1914) и Св. Станислава III степени с мечами и бантом (1915) [27, л. 17 об. — 18].

Воспитание и армейская карьера в военно-революционные годы характерным образом логично нашли отражение и в творчестве Шатова. В поведении ему был присущ некий «аристократизм». А его «кинематографическая биография» богата ролями офицеров и генералов, с которыми он постепенно «рос в чинах» и на экране, и на сцене. Среди них жандармский офицер в фильме «Лермонтов» (1943), А. Х. Бенкендорф в фильме «Глинка» (1946), офицер в фильме «Корабли штурмуют бастионы» (1953), генерал Листницкий в фильме «Тихий Дон» (1957–1958). Некоторой частью ампула Шатова стали и вражеские офицеры. И можно сказать, что Верховный правитель белой России в чине адмирала — своего рода логический апогей «военно-твор-

ческой» карьеры Шатова. Колчак стал последней его киноролью и, как мы думаем, одной из самых знаковых. Александр Павлович 3 ноября 1961 г. ушел из жизни в Москве после тяжелой продолжительной болезни, получив за 5 месяцев до смерти звание народного артиста РСФСР [28].

Этот биографический комментарий во многом поясняет приведенное Е. В. Волковым заключение дирекции киностудии им. М. Горького о том, что «Колчак предстает в картине [«Золотой эшелон»] не как зашифрованный знак белогвардейского правителя, а возникает как образ, созданный многими точными красками» [16, с. 85].

«Гроза над Белой», или Клише старое и проверенное. В 1964 г. в ходе обсуждения сценария киноленты с рабочим названием «Командарм 4», где рекомендовалось не создавать образ Колчака как клишированного авантюриста, пришедшего к власти на волне революционных событий. Ведь «это был человек образованный и военачальник, и именно поэтому его выдвигали как правителя России, и именно поэтому он сумел собрать сильный кулак и одержать большие успехи» [16, с. 85]. Возникает вопрос к участнику той дискуссии: а когда успел сформироваться традиционный и штампованный подход к художественному образу Колчака? Если бы речь шла, к примеру, о Ленине и Сталине, то все видится вполне логичным. Отражение персоны Колчака в довоенном советском игровом кино представлено слишком скупо. И, как видится, адмирал в «Золотом эшелоне» — это во многом уникальный пример попытки показать уже противоречивую личность политика, а не просто зависимого ставленника Антанты.

Обсуждавшийся фильм (режиссеры Е. К. Немченко и С. В. Чаплин; сценарий Л. Любашевско-го) вышел на киностудии «Ленфильм», но в итоге с иным, более аллегоричным названием — «Гроза над Белой» (1968). Его премьера прошла в московском кинотеатре «Ленинград» [15, с. 97]. Но «превращение» экранного Колчака в марионетку иностранных союзников все же «состоялось». Е. В. Волков дает, на наш взгляд, довольно смелое определение той ситуации: «с одной стороны, придать фильму достоверность, показывая реальный исторический персонаж, с другой стороны — представить уничижительный образ высокопоставленного врага. Колчак предстает в нескольких трактовках и коннотациях, зачастую порожденных контекстом “холодной войны”» [16, с. 84].

Важное отличие этой киноленты от «Золотого эшелона» в том, что «Гроза над Белой» создавали по реальным событиям, связанным с Уфимской операцией РККА в начале лета 1919 г., завершившейся поражением белой армии в Предуралье [29, с. 622]. На экране предстали реальные участники Гражданской войны из числа видных ее деятелей: М. В. Фрунзе (А. Михайлов), В. В. Куйбышев (Г. Тараторкин), М. Н. Тухачевский (В. Ерёмичев), А. В. Колчак (Б. Фрейндлих), М. В. Ханжин (Е. Копелян), генералы Жанен и Нокс. Эпоха внесла свои коррективы: среди действующих лиц мы видим (пусть и в эпизоде, но «возвращенного» в положительном свете на советский экран) не так давно реабилитированного командарма Тухачевского [20, с. 88–89]. Но при этом сценарно-редакционная комиссия сочла необходимым исключить из звукового ряда упоминание имени Л. Д. Троцкого [15, с. 98].

Фильм «Гроза над Белой» вышел в год 50-летнего юбилея Вооруженных Сил СССР, и центральной

идей фильма является процесс становления РККА. Уфимская операция для показа выбрана не случайно. Здесь противостояли две школы военного искусства, о чем упоминается в фильме: старой, времен Русско-японской войны, «позора» 1914 г. и новой советской. Более того, во главе белой и Красной армий находились видные военачальники, оба Михаила Васильевичи. Это последний в российской военной истории генерал от артиллерии Ханжин, чей послужной список отмечен сражениями Русско-японской и Первой мировой войн [30, с. 583–585]. И командарм Фрунзе, чьи «военно-теоретические взгляды оказали определяющее влияние на формирование единой советской военной доктрины, развитие военной науки и военного искусства в середине 20-х годов» [29, с. 631].

Даже в топонимике фильма есть своеобразный дуализм: река Белая и Красный Яр. Об этом «географическом противостоянии» в названиях также есть упоминание в киноленте. В начале фильма мы видим парад у красных с полным отсутствием дисциплины, субординации и порядка проведения. Анархическим поведением комбрига Веселкова (В. Кашпур) противостоит жесткая позиция Фрунзе по части наведения порядка в армии. Порядок в войсках и организационный талант командарма позволили провести успешную наступательную операцию против подготовленной обороны войск под командованием Ханжина. Именно в реорганизации РККА, которая приводит к успеху на поле боя, и заключена динамика развития в фильме.

В противовес «срамному» (по словам экранного Фрунзе) красноармейскому параду шел подготовленный и рассчитанный на внешней эффект парад колчаковцев. И на параде мы впервые в фильме видим адмирала Колчака, который в окружении генералов Жанена и Нокса произносит торжественную речь и обещает, «что в войне с большевиками зима 1918–1919 гг. будет последней». Эта сцена подчеркивает, что Верховный правитель в глазах создателей фильма был «ставленником Антанты». В ином эпизоде представлен разговор противоположных личностей — «услужливого» адмирала Колчака и прямолинейного генерала Ханжина, возмущенного стремлением союзников воспользоваться богатствами Сибири. Колчак выступает здесь в роли дипломата между Ханжиным и руководителями интервенции Жаненом и Ноксом. Первому из них Колчак обещает, что в Москве с союзниками будет другой разговор. В этом эпизоде мы видим прямую зависимость колчаковской власти от союзных держав. «Услужливое» поведение адмирала ярко представлено в конце данного эпизода, когда он в присутствии трех генералов провозглашает тост за «бескорыстную» помощь союзников, принуждая выпить и Ханжина. Отметим, что мотив бескорыстной помощи со стороны иностранных союзников довольно часто фигурировал в белой пропаганде [31, с. 158, 192, 201].

Вообще, если говорить о белогвардейцах в фильме, то фигура Ханжина даже превосходит по масштабу Верховного правителя России. И в этом не только актерский талант Е. Копеляна, но и тот замысел, который был у создателей фильма — принизить личность Колчака. Возможно, вся выразительность адмирала сводится к незаурядной игре Б. Фрейндлиха.

«Севастополь», или Замысел прапорщика по адмиралтейству на экране. Понадобилось 44 года, чтобы повесть советского писателя А. Г. Малышкина

(1970) обрела свое одноименное воплощение в виде киноленты в формате исторической драмы режиссера В. Исакова по сценарию В. Потейкина. Фильм вышел на Одесской киностудии.

Автобиографичность киносюжета и литературного произведения очевидны. Малышкин (как и главный герой С. Шелехов), пройдя курс наук в Петроградском университете (1916), будучи призванным на военную службу, окончил Школу прапорщиков по Адмиралтейству в Ораниенбауме (1917). Молодой офицер с апреля 1917 г. до начала 1918 г. служил в Севастополе на минном тральщике в составе Черноморского флота, став участником событий революции [32, с. 4].

И в книге, и в фильме весь 1917 г. охвачен повествованием от имени офицера Шелехова (Г. Корольков). Главный замысел повести и ее экранизации кроется в том, чтобы на примере одного человека — офицера военного времени из среды интеллигенции — показать эволюцию взглядов на революционные события, трактуя понимание правоты выбора и борьбы за него. Важен здесь смысловой ориентир фильма: осознание к Шелехову приходит под влиянием большевика Зинченко (В. Маренков). В композиции фильма (и повести соответственно) образ этого революционного матроса занимает особое место: он появляется в момент значительных событий. Он тверд в убеждениях и способен увлечь за собой. Зинченко — человек, стоящий ниже по флотской иерархии — для хорошо образованного Шелехова становится своего рода «компасом» в буре политических событий. Образ матроса Зинченко по значимости противостоит образу командующего Черноморским флотом вице-адмирала А. В. Колчака (Г. Зиновьев), оба убеждены в своей правоте.

Создатели фильма представили Колчака как милитариста и реакционера, подчеркивая в его лице образ врага. В повести, как и в реальных исторических событиях, Колчак после Февральской революции 1917 г. монархистом уже не был. Об этом свидетельствуют, к примеру, его показания на допросе 23 января 1920 г. [33, с. 42–43].

В повести по данному поводу мы читаем разговор матросов:

«— Чего-й-то там говорят, говорят...

— Может, опять Миколашку наговорить хотят?

— Н-но, браток, там сам Колчак!

— А что тебе Колчак?

— Н-но, браток, Колчак не даст. Колчак сам в есеры записался!» [32, с. 219].

Однако имперские взгляды Колчака отражены и в повести, и в фильме. «В круглом, зеркально-паркетном зале Морского собрания командующий флотом адмирал Колчак делал доклад <...> Да, да, его, вождя флота, слушали благоговейно. Верно <...> Вот так именно думали все лучшие люди России. Вот именно казалось <...> что потрясенная, но обновленная родина <...> теперь вспомнит о великой исторической миссии Черноморского флота. Глубокая ошибка... или косность старого правительства, заставлявшего флот придерживаться осторожных оборонительных действий — в то время как он два года господствовал над морем, заперев турецкий флот в Босфоре <...> Враг истомлен <...> Именно теперь, казалось, настал миг — соединенными усилиями армий и флота прорваться в проливы к европейским морям <...> В проливы [господа]!» [32, с. 218–220].

В фильме к речи Колчака добавлено жесткое требование смертной казни для большевистских

агитаторов и предателей. Нужно отметить, что реакционная позиция вице-адмирала в фильме призвана подчеркнуть образ врага для зрителей 1970-х гг. Однако после политических событий 1991 г. и подъема новых монархических настроений в части общества Колчак предстает как положительный герой и патриот России, но при этом в качестве сторонника царской власти (что, естественно, неверно). Парадокс, но для современных общественных апологетов Колчака именно этот его советский кинообраз может выступать «политической иконой», которая «соответствует» подобным идеалистическим и далеким от реалий представлениям.

8 мая 1917 г. Колчак принял самое активное участие в грандиозных общественных мероприятиях в Севастополе, которые были им же инициированы. «В этот день весь город вышел на улицы для перезахоронения жертв царизма — лейтенанта П. П. Шмидта и его товарищей, расстрелянных в 1906 г. за участие в Севастопольском восстании. Адмирал демонстрировал единение матросов с офицерами и одновременно «выпускал пар», скопившийся в матросской среде, выступившей с предложением извлечь из могил «контрреволюционных адмиралов», погибших во время Крымской войны, а на их место во Владимирском соборе положить останки борцов с царизмом» [34, с. 285–286]. Это событие нашло отражение в фильме, хотя об участии в нем командующего флотом ничего не сказано. Экранный Колчак тех лет «должен быть представлен» только монархистом и реакционером, чтобы следовать устоявшемуся в массовом сознании образу врага советской власти.

В другом эпизоде мы видим разоружение офицеров на кораблях. Колчак, не пожелав отдать матросам Георгиевское оружие, вынужденно бросил свою саблю в море, при этом произнося слова, полные горечи и отчаяния. Его речь разбивается о тишину окружающих его офицеров и матросов. Хотя, по некоторым источникам, Колчак бросил саблю в воду, когда ему пытались вернуть ее, а не отобрать [35, с. 36].

Таким образом, в фильме «Севастополь» есть лишь две, но очень важные сцены с А. В. Колчаком. В первой он, командующий боеспособного и сохраняющего дисциплину Черноморского флота, окружен верными и помнящими присягу офицерами и чиновниками. Во второй — одинокий, но не сломленный человек, достойный уважения и среди врагов, и среди единомышленников.

«Кочующий фронт», или В роли Колчака опытный «сценарийский белогвардеец». 5 ноября 1921 г. правительства РСФСР и Монголии заключили соглашение об установлении дружественных связей. В 1922 г. Москва и Урга (с 1924 г. Улан-Батор) обменялись посольствами. Эти шаги стали основой сотрудничества на десятилетия вперед. К 50-летию этой исторической даты Свердловской киностудией был снят (1971) фильм режиссера Б. Халзанова «Кочующий фронт», посвященный событиям Гражданской войны в Восточной Сибири и Монгольской операции 1921 г. [29, с. 355–357].

Фильм был призван показать совместную борьбу революционных сил России и Монголии против общего врага — белогвардейских формирований адмирала А. В. Колчака, а затем генерала Р. Ф. Унгерна фон Штернберга.

В этом случае Верховного правителя (В. Кулик) на экране преподнесли торжественно и солидно.

В первой сцене облаченный в белый парадный мундир Колчак со свитой встречает главу ламаистской церкви Урянхайского края (Тува) Лапсана Чамзу (Н. Жантурин), подтверждая неизбежность протектората России над Урянхаем. В знак дружбы и заслуг перед Россией Верховный правитель жалует Чамзу орденом Св. Анны II степени, обещая оказать содействие в борьбе с «красным генералом Щетинкой» [16, с. 86–87].

Сцена эта относительно образа Колчака обращает к дискуссии. Большую часть периода пребывания в статусе Верховного правителя адмирал носил по погоде френч или шинель сухопутного образца цвета хаки, лишь изредка на особых торжествах надевая военно-морской мундир темно-синего цвета и шинель соответствующего фасона [8, с. 58; 10, с. 396–397]. Каких-либо свидетельств о ношении им в Омске белого кителя не выявлено. Что касается визита ламы в столицу белой Сибири, то подобный эпизод действительно в июле 1919 г. имел место. О данном событии указал в мемуарах генерал М. А. Иностранцев [см. подр.: 36].

В другой сцене Колчак, выступая перед генералами и офицерами, приказывает уничтожить Советскую Баджейскую республику и назначает генерала С. Н. Розанова (Г. Гецов) командовать войсками для разгрома красных партизан П. Е. Щетинкина (П. Глебов). Адмирал приводит в пример управляющего Урянхайским краем, гражданского чиновника Турчанинова (Н. Прокопович), который жестко подавил коммунистов. Экранный Колчак уничижительно называет Щетинкина «рязанским плотником, дослужившимся до штабс-капитана». Верховный правитель приказывает направить в красный тыл надежного человека для ликвидации лидера повстанцев Щетинкина. Поручают миссию адъютанту Турчанинова корнету Шмакову (Ю. Соломин).

Стоит отметить, подбор исполнителей ролей в кинокартине: как и в предшествующих фильмах, учитывались сыгранные артистами роли. Так, сын военного В. Кулик до «Кочующего фронта» уже имел несколько «офицерских» ролей. В том числе он сыграл начальника штаба Унгерна в советско-монгольском фильме «Исход» (1967). Мундир офицера в кадре носил и П. Глебов («Тихий Дон», 1957–1958). А роль капитана Кольцова в фильме «Адъютант его превосходительства» стала одной из хрестоматийных в творчестве Ю. Соломина.

Необходимо подчеркнуть, что создатели фильма для отрицательного значения роли Колчака исказили историческую действительность. Адмирал выступал «за единую и неделимую Россию». В данной кинокартине этот принцип подменяется белым «колониаторством» в отношении Урянхайского края. Но в целом адмирал в «Кочующем фронте» представлен помпезно, но не эмоционально, как в кинокартине «Севастополь».

«Моонзунд», или Колчак в жестком рисунке роли. На излете эпохи СССР в 1990 г. состоялась премьера кинофильма «Моонзунд», снятого режиссером А. Муратовым тремя годами ранее на киностудии «Ленфильм» по одноименному роману-хронике В. Пикуля. Сценарий к ленте написали Э. Володарский и Г. Муратова. Фильм был приветственно встречен не только публикой, но и кинокритиками [37].

Главная задача авторов фильма, как видится, состояла в том, чтобы на основе очень политизированного произведения создать такой кинофильм, где революционная ситуация была бы сведена

к минимуму, а все внимание сосредотачивалось бы на драматической судьбе Русского флота в годы Первой мировой войны. В условиях уже начавшейся «перестройки» стало возможным не заострять внимание на эволюции революционных взглядов главного героя, как это было в кинокартине «Севастополь». Напротив, главный герой фильма «Моонзунд» — старший лейтенант С. Н. Артеньев (О. Меньшиков) — сторонится политики. Главное для него — служение России, выполнение воинского долга. Из тех, кто в окружении Артеньева активно демонстрировал революционные настроения — комиссар батареи матрос Семенчук (В. Гостюхин). Оба они по-разному видят смысл революции, но главное — каждый из них до конца выполняет свой долг, отвергая предложение врага о капитуляции. В итоге идея патриотизма в фильме доминирует над революционной борьбой.

Личность А. В. Колчака в этом фильме впервые показана не в революционной ситуации, а в военно-бытовой обстановке. Его первое короткое появление в фильме — это артиллерийские стрельбы на учениях Балтийского флота. В следующем эпизоде капитан 1-го ранга Колчак (Ю. Беляев) беседует с командующим Балтийским флотом адмиралом Н. О. Эссенем (Е. Евстигнеев), который предлагает ему возглавить минную дивизию. Здесь в экранном образе подчеркнуты его способности как военного управленца и специалиста минного дела. Важный эпизод — разговор Колчака с Артеньевым, где Колчак выразил ему свою поддержку в случившемся конфликте на корабле и самоубийстве фон Дена. Здесь же Колчак положительно отзываясь о матросах-большевиках, которые более дисциплинированы и боеспособны, чем другие, их ценят командиры, хотя они и выступают против войны. Артеньев подчеркивает, что далек от политики. В другой встрече с Артеньевым Колчак с досадой и ненавистью в голосе говорит о том, что Черноморского и Балтийского флотов больше нет, а против большевизма Россия не устоит.

Далее закадровый голос в фильме сообщает: «Получив золотое оружие от монархической лиги Георгиевских кавалеров, Колчак уехал в Америку, возглавив, военно-морскую миссию. И Россия рассталась с адмиралом, чтобы встретиться с ним в сибирских степях. Именно там, поддержанный всемогущей Антантой, он станет тем Колчаком, которого знаем мы. Россия забудет, что он был прекрасным минером и талантливым флотоводцем, полярником и гидрографом». Таким образом, столь длинная фраза открывает для зрителя не Верховного правителя белой России, а того, кем был Колчак до революции и даже еще до Русско-японской и Первой мировой войн. В общественной риторике начинавшейся «перестройки» такая репрезентация выглядела вполне допустимой.

Здесь показательно выглядит и мысль критика Ю. Тюрина в рецензии на эту киноленту; суждения затрагивают не только образ Колчака, но и общие подходы советского кинематографа в изображении Белого движения: «По приказу командующего минирование Ирбенского пролива и подходов к Моондзундскому архипелагу провел <...> Колчак, будущий «верховный правитель». Фильм не оглушает это историческое лицо, не дает карикатуру. А так соблазнительно было задним числом расправиться с Колчаком, чем бы и воспользовался менее думающий режиссер. Муратов и актер Театра на Таганке Ю. Беляев не перешагивают через исторические

вехи. Вульгарная модернизация много раз приносила историческим киножанрам неудачи и приблизительность» [37]. Логично, что следующим этапом в развитии образа А. В. Колчака уже в постсоветский период стала замена негативной коннотации на сугубо позитивно-идеалистическое восприятие.

Выводы и дискуссия. Прделанный нами анализ демонстрирует, что тематика революции и Гражданской войны в советской культуре продолжала быть ключевой весь период существования СССР, что увязывалось с необходимостью демонстрации зрителю в строго идеологических рамках сложного и драматичного процесса становления нового государства и общества. Кинематограф, как один из наиболее массовых видов искусства, полностью подходил для этих целей.

Как видим, событиям Гражданской войны на востоке России в советском игровом кино уделено весьма пристальное внимание, что исторически правильно. Ведь белая Сибирь в 1918–1919 гг. олицетворяла своего рода альтернативный плацдарм государственности по отношению к большевистской России. Следствием демократизации общественных настроений в СССР стала возможность кинорежиссеров художественных фильмов раскрывать историю Гражданской войны более полно, уделяя внимание не только красным командирам, но и лидерам Белого движения. Отсюда закономерно внимание к исторической фигуре А. В. Колчака — «главного врага» советской власти на восточном направлении.

Создатели фильмов с конца 1960-х гг. стали прибегать к использованию реальных сюжетов прошлого для репрезентации событий в целом и образа Колчака, в частности. В соответствии с политической конъюнктурой эпохи он предстает исключительно как исторический противник советской власти. Но это воплощение на экране вовсе не выглядит карикатурно или схематично, как следствие «принудительной демонизации врага». Зритель увидел Колчака, как человека незаурядного, имеющего таланты и амбиции, но при этом испытывающего зависимость в своей политике от представителей Антанты. Таким он предстает в фильмах «Золотой эшелон» и «Гроза над Белой». В кинокартине «Севастополь» экранный Колчак «приобрел» такие личностные черты, как решительность и бескомпромиссность. А в «Моонзунде» за кадром прозвучала почти революционная для тех лет его оценка как боевого офицера, ученого и путешественника. Это видится прямым следствием того, что этот фильм снимался на излете советской эпохи, когда «ветер перестройки» был уже ощутим. Но образ Колчака именно тогда «углубился», уйдя от некой «плакатности», обретая более реалистичные черты с точки зрения исторической биографии этого деятеля.

Да, сценаристы и режиссеры при планировании воплощения Колчака в кино закладывали в его образ черты типичного противника советской власти (и только!), всячески подчеркивая это художественными средствами. Разумеется, Колчак в рассматриваемый период ни в коем случае не должен был «стать» героем, примером, кумиром зрителя. Однако, так или иначе, создатели фильмов внесли отдельные элементы в его экранный образ, «намекая» на необходимость критической оценки личности этого деятеля: ведь враг советской власти должен был выглядеть достойно. Схожим образом в игровом кино тогда велась репрезентация иных противников СССР.

При этом жесткие идеологические рамки в советский период потребовали переоценки личности А. В. Колчака в «постперестроечные» годы, ведь существовавший экранный образ, как и сформированный взгляд в научных трудах советской эпохи, был далек от идеализации. В итоге в массовом сознании демократической России адмирал достаточно быстро и не без влияния массовой культуры стал «исключительно положительным» героем в драматическом прошлом нашей страны, что в итоге, к сожалению, не уберегло его историческую фигуру от мифов и ошибочных суждений. И не случайно в течение более чем века Колчак остается одним из тех российских государственных и политических деятелей, кто наиболее остро обсуждается академической публикой и общественностью. Логично, что самого пристального внимания удостоился политический апогей Александра Васильевича, рассматриваемый, в том числе, и в контексте иностранного влияния на события в России, и с учетом локальной омской истории тех лет [38–41]. Причем особо полемичные современные дискуссии «исторически закономерно» идут более тридцати лет именно в Омске — бывшей столице белой Сибири [7, с. 93–103; 42–44].

Соотнося образ А. В. Колчака в советском и современном игровом кино, мы видим динамику развития художественной мысли, которая во многом отвечала запросам самого общества. В этой связи вполне возможны новые подходы и оценки личности А. В. Колчака в художественных фильмах. Сами кинокартины советских лет уже стали частью истории. И данный опыт полезен как для понимания советского общества, так и для создания нового художественного образа адмирала А. В. Колчака.

Список источников

- Петин Д. И., Тишкина К. А. «Фильма должна быть строго исторической...»: дискуссия о съемках кинокартины «Колчаковщина» в сибирской периодике 1929 года // Исторический курьер. 2022. № 5. С. 146–155. DOI: 10.31518/2618-9100-2022-5-12. EDN: MSOECJ.
- Тишкина К. А., Петин Д. И. Празднование 10-летия восстановления советской власти в Сибири в 1929 г. (на примере Омского округа) // Журнал фронтирных исследований. 2023. Т. 8, № 2. С. 81–96. DOI: 10.46539/jfs.v8i2.466. EDN: SPXAOG.
- Шмелёв А. В. Внешняя политика правительства адмирала Колчака (1918–1919 гг.). Санкт-Петербург: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2017. 266 с. EDN: YKULIT.
- Смолин А. В. Взлет и падение адмирала Колчака. Санкт-Петербург: Наука, 2018. 239 с. EDN: ZCOVUT.
- Хандорин В. Г. Мифы и факты о Верховном правителе России / ред. М. Б. Смолин. Москва: Изд-во ФИБ, 2019. 200 с. EDN: FCONBX.
- Петин Д. И., Стельмак М. М. «Убиты при взрыве в доме Верховного правителя»: к анализу актов записей о смерти чинов конвоя адмирала А. В. Колчака 27 августа 1919 г. // Вестник архивиста. 2021. № 3. С. 725–740. DOI: 10.28995/2073-0101-2021-3-725-740. EDN: SYUXVX.
- Петин Д. И. История омского рода Батюшкиных. Омск: Золотой тираж (ООО «Омскбланкиздат»), 2021. 140 с. EDN: TJZQCR.
- Петин Д. И., Стельмак М. М. Антибольшевистский Омск в 1919 г.: источниковедческий анализ кинохроники французских интервентов // Вестник архивиста. 2018. № 1. С. 48–64. DOI: 10.28995/2073-0101-2018-1-48-64. EDN: XPHVKH.
- Стельмак М. М., Петин Д. И. Повседневность белогвардейского Омска в объективе американской кинокамеры 1919 г.: к вопросу атрибуции малоизвестного источника // Вестник архивиста. 2019. № 2. С. 357–374. DOI: 10.28995/2073-0101-2019-2-357-374. EDN: VCYXDA.
- Калекин В. В., Капустин Л. Г., Петин Д. И. Верховный правитель адмирал А. В. Колчак в поездке на Тобольский фронт: к анализу неизвестного фотодокумента 1919 г. // Вестник архивиста. 2021. № 2. С. 390–404. DOI: 10.28995/2073-0101-2021-2-390-404. EDN: MEQYJK.
- Капустин Л. Г. Верховный правитель адмирал А. В. Колчак в иностранной кинохронике (1919): уточнения и дополнения к научной атрибуции фото-видеоисточников // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы III Всерос. науч.-практ. конф. (13–14 ноября 2019 г., Омск). Омск: Изд-во ОмГТУ, 2019. С. 108–116. EDN: BMVSPY.
- Капустин Л. Г. «Адмирал произнес крестьянам несколько приветственных слов». Новые кадры кинохроники с адмиралом А. В. Колчаком: заметки на полях // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы V Междунар. науч.-практ. конф. (18–19 октября 2023 г., Омск, Россия). Омск: Изд-во ОмГТУ, 2023. С. 149–154. EDN: APTXUG.
- Кашин В. В. Близкое служебное окружение А. В. Колчака в Омске: уточнение даты совместной фотографии, военной службы и судеб офицеров // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы V Междунар. науч.-практ. конф. (18–19 октября 2023 г., Омск, Россия). Омск: Изд-во ОмГТУ, 2023. С. 160–170. EDN: DIRMKZ.
- Бородин Г. Ю. Образ адмирала А. В. Колчака в театре и кино // Гражданская война в Сибири: материалы всерос. заочн. науч.-практ. конф. / под ред. Д. И. Петина, Т. А. Терехиной. Омск: [Б. и.], 2013. С. 13–18.
- Волков Е. В. «Колчаковщина» в советском игровом кино // Новый исторический вестник. 2013. № 1. С. 84–108. EDN: PWRHRV.
- Волков Е. В. Образы А. В. Колчака в советском и постсоветском российском игровом кино // Международный журнал исследований культуры. 2020. № 4. С. 81–93. DOI: 10.52173/2079-1100_2020_4_81. EDN: KIFQGG.
- Кондаков Ю. Е. Гражданская война на экране. Белое движение. Санкт-Петербург: [Б. и.], 2015. 362 с. EDN: TWEXXD.
- Федоров А. В. Образ Белого движения в отечественном киноискусстве 1960-х–1980-х годов // Медиаобразование. 2016. № 1. С. 78–101. EDN: VLRMML.
- Кокоулин В. Г. Василий Иванович Чапаев в исторической памяти в современной России // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. (20–21 октября 2021 г., Омск, Россия). Омск: Изд-во ОмГТУ, 2021. С. 147–153. EDN: KJFQPC.
- Федотова И. В. Образ М. Н. Тухачевского в советском игровом кино // Сибирский антропологический журнал. 2023. Т. 7, № 1. С. 84–94. EDN: DNIZFX.
- Кокоулин В. Г., Самарин И. В., Сидоров Р. Г. «Золото Колчака»: мифы и документы // Сибирский архив. 2020. № 4. С. 1–18. EDN: MSCMDH.
- Стельмак М. М., Петин Д. И. «Он насытил свое честолюбие при Колчаке»: министр финансов И. А. Михайлов в оценках современников // Исторический вестник. 2022. Т. 42. С. 36–61. DOI: 10.35549/HR.2022.2022. 42.001. EDN: IPQJWP.
- Жанен М. С миссией в воюющей России. 1916–1917 гг. Моя миссия в Сибири. 1918–1920 гг. Воспоминания, дневники, статьи / вступ. ст., науч. ред., сост. и ком. Р. Г. Гагуева. Москва: Кучково Поле Музеон, 2023. 896 с. EDN: YRMPWI.
- Петин Д. И. С авантюрой сквозь жизнь: Мария Александровна Гришина-Алмазова (Михайлова) // Новейшая история России. 2019. Т. 9, № 2. С. 389–405. DOI: 10.21638/11701/spbu24.2019.206. EDN: LFNVAZ.

25. Петин Д. И. «В борьбе участия не принимал, в генерал-майоры произведен по должности...»: Гражданская война в судьбе А. С. Кондрашева // Известия Лаборатории древних технологий. 2022. Т. 18, № 4. С. 124–132. DOI: 10.21285/2415-8739-2022-4-124-132. EDN: YQNIAT.
26. Шатов Александр Павлович // Памяти героев Великой войны. URL: <https://gwar.mil.ru/heroes/person2400200> (дата обращения 09.08.2024).
27. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 408. Оп. 1. Д. 13427.
28. [Некролог] // Вечерняя Москва. 1961. 5 ноября. С. 4.
29. Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия / гл. ред. С. С. Хромов. Москва: Советская энциклопедия, 1983. 703 с.
30. Купцов И. В., Буяков А. М., Юшко В. Л. Белый генералитет на востоке России в годы Гражданской войны. Биографический справочник. Москва: Кучково поле; Военная книга, 2011. 672 с. EDN: KSBNER.
31. Стельмак М. М. Образ иностранных союзников антибольшевистского движения в периодической печати Западной Сибири (май 1918–декабрь 1919 гг.). Омск: Амфора, 2023. 420 с. EDN: WDKDWY.
32. Малышкин А. Г. Рассказы. Падение Даира. Севастополь / вступ. ст. В. В. Новикова. Москва: Правда, 1985. 446 с.
33. Допрос Колчака / под ред. и с предисл. К. А. Попова. Ленинград: ГИЗ, 1925. 244 с.
34. Гаврилова О. А., Рачковский В. А. Рецензия на монографию А. В. Смолина «Два адмирала: А. И. Непенин и А. В. Колчак в 1917 г.» // Новейшая история России. 2013. № 2. С. 283–287. EDN: QCSJEM.
35. Смолин А. В. Адмирал А. В. Колчак: становление политика: (март–июль 1917 г.) // Россия в XX веке: проблемы политической, экономической и социальной истории / отв. ред. М. В. Ходяков. Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ, 2008. С. 19–48. EDN: REWLTV.
36. Ганин А. В. Адмирал Колчак и Урянхайский край. Из воспоминаний Генерального штаба генерал-майора М. А. Иностранцева // Родина. 2014. № 7. С. 50–51. EDN: SILGRJ.
37. Тюрин Ю. О тех, кто в море // Советская культура. 1987. 15 декабря. С. 4.
38. Базанов П. Н. Местная или всероссийская культура? // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2022. № 3. С. 186–188. DOI: 10.30725/2619-0303-2022-3-186-188. EDN: JJYTWR.
39. Пученков А. С. Омские Форсайты и «Дом Колчака» // Российская история. 2023. № 2. С. 205–208. DOI: 10.31857/S2949124X23020190. EDN: BLVRET.
40. Петин Д. И. К историческим образам интервентов в белой Сибири 1918–1919 гг. // Вестник архивиста. 2023. № 4. С. 1265–1271. DOI: 10.28995/2073-0101-2023-4-1265-1271. EDN: BQBCIY.
41. Сушко А. В., Стельмак М. М. Образ иностранных союзников антибольшевистского движения в периодической печати Западной Сибири (май 1918–декабрь 1919 г.): монография // Отечественные архивы. 2023. № 4. С. 110–114. EDN: CLUQDV.
42. Стельмак М. М. Круглый стол «Адмирал Колчак: ученый, флотоводец, Верховный правитель»: обзор работы // Сибирский архив. 2020. № 1. С. 222–235. EDN: BESYCP.
43. Федотова И. В. Отметив первый юбилей: обзор научных мероприятий в Омске к 10-летию Центра изучения истории Гражданской войны // Сибирский архив. 2022. № 2 (12). С. 179–204. EDN: XRTSNM.
44. Машкевич С. В., Петин Д. И., Сушко А. В. Конференция о Гражданской войне на востоке России: международный научный диалог в Омске // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2024. Т. 11, № 1. С. 175–180. DOI: 10.24147/2312-1300.2024.11(1).175-180. EDN: EDPMOW.

АФАНАСЬЕВ Александр Сергеевич, работник отдела материально-технического и хозяйственного обеспечения Управления вневедомственной охраны Войск национальной гвардии Российской Федерации по Омской области, г. Омск.

SPIN-код: 1982-2289

AuthorID (РИНЦ): 1254896

Адрес для переписки: alex81af@mail.ru

Для цитирования

Афанасьев А. С. К анализу исторического образа А. В. Колчака в советском игровом кино (конец 1950-х – конец 1980-х гг.) // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2025. Т. 10, № 1. С. 63–73. DOI: 10.25206/2542-0488-2025-10-1-63-73. EDN: HFDORQ.

Статья поступила в редакцию 27.08.2024 г.

© А. С. Афанасьев

ON THE ANALYSIS OF THE HISTORICAL IMAGE OF A. V. KOLCHAK IN SOVIET FEATURE FILMS (LATE 1950s–LATE 1980s)

The purpose of the work is to analyze the image transformation of one of the White Movement key leaders — A. V. Kolchak — in Soviet feature films created from the late 1950s to the late 1980s. The basis for the study is in five films about the events of the First World War and the Civil War, in which A. V. Kolchak appears among the film characters. The theoretical basis of the study is a combination of anthropological and cultural approaches with comparative historical and biographical methods. This allow, by analyzing each film by the presence of the main elements (the central idea, the dualistic opposition of «us — them» and the dynamics of development), to understand the director's vision of the Kolchak image in the context of the era (while not excluding existed general ideological attitudes).

Keywords: Soviet cinema, cinematic image, feature film, cinematography, imagology, historical image, cultural anthropology, Civil War, A. V. Kolchak.

References

1. Petin D. I., Tishkina K. A. «Fil'ma dolzhna byt' strogo istoricheskoy...»: diskussiya o s'yemkakh kinokartiny «Kolchakovshchina» v sibirskoy periodike 1929 goda [«The film must be strictly historical...»: A discussion of the filming of «Kolchakovshchina» in a Siberian periodical in 1929]. *Istoricheskiy kur'yer. Historical Courier*. 2022. No. 5. P. 146–155. DOI: 10.31518/2618-9100-2022-5-12. EDN: MSOECJ. (In Russ.).
2. Tishkina K. A., Petin D. I. Prazdnovaniye 10-letiya vosstanovleniya sovetской vlasti v Sibiri v 1929 g. (na primere Omskogo okruga) [Celebration of the 10th anniversary of soviet power restoration in Siberia in 1929 (the example of the Omsk district)]. *Zhurnal frontirnykh issledovaniy. Journal of Frontier Studies*. 2023. Vol. 8, no. 2. P. 81–96. DOI: 10.46539/jfs.v8i2.466. EDN: SPXAOG. (In Russ.).
3. Shmelev A. V. Vneshnyaya politika pravitel'stva admirala Kolchaka (1918–1919 gg.) [Foreign Policy of the Government of Admiral Kolchak (1918–1919)]. Saint Petersburg, 2017. 266 p. EDN: YKUJIT. (In Russ.).
4. Smolin A. V. Vzlet i padeniye admirala Kolchaka [The Rise and Fall of Admiral Kolchak]. Saint Petersburg, 2018. 239 p. EDN: ZCOVUT. (In Russ.).
5. Khandorin V. G. Mify i fakty o Verkhovnom pravitele Rossii [Myths and facts about the supreme ruler of Russia]. Moscow, 2019. 200 p. EDN: FCONBX. (In Russ.).
6. Petin D. I., Stelmak M. M. «Ubity pri vzryve v dome Verkhovnogo pravatelya»: k analizu aktovykh zapisey o smerti chinov konvoya admirala A. V. Kolchaka 27 avgusta 1919 g. [«Killed in An Explosion in the House of the Supreme Ruler»: Concerning the Analysis of Death Records of the Officers of the Admiral A. V. Kolchak's Convoy, August 27, 1919]. *Vestnik arkhivista. Herald of an Archivist*. 2021. No. 3. P. 725–740. DOI: 10.28995/2073-0101-2021-3-725-740. EDN: SYXVX. (In Russ.).
7. Petin D. I. Istoriya omskogo roda Batyushkinykh [The History of the Omsk clan of Batyushkin]. Omsk, 2021. 140 p. EDN: TJZQCR. (In Russ.).
8. Petin D. I., Stelmak M. M. Antibol'shevistskiy Omsk v 1919 g.: istochnikovedcheskiy analiz kinokhroniki frantsuzskikh interventov [Anti-Bolshevik Omsk in 1919: a source study analysis of the French intervention newsreels]. *Vestnik arkhivista. Herald of an Archivist*. 2018. No. 1. P. 48–64. DOI: 10.28995/2073-0101-2018-1-48-64. (In Russ.).
9. Stelmak M. M., Petin D. I. Povsednevnost' belogvardeyskogo Omska v ob'yektive amerikanskoy kinokamery 1919 g.: k voprosu atributsii maloizvestnogo istochnika [Everyday life of white-guard Omsk in the lens of American camera (1919): revisiting attribution of a little-known source]. *Vestnik arkhivista. Herald of an Archivist*. 2019. No. 2. P. 357–374. DOI: 10.28995/2073-0101-2019-2-357-374. EDN: VCYXDA. (In Russ.).
10. Kalekin V. V., Kapustin L. G., Petin D. I. Verkhovnyy pravitel' admiral A. V. Kolchak v poyezdke na Tobol'skiy front: k analizu neizvestnogo fotodokumenta 1919 g. [Supreme Ruler Admiral A. V. Kolchak on His Trip to the Tobolsk Front: Revisiting the Analysis of an Unknown Photo Document (1919)]. *Vestnik arkhivista. Herald of an Archivist*. 2021. No 2. P. 390–404. DOI: 10.28995/2073-0101-2021-2-390-404. EDN: MEQYJK. (In Russ.).
11. Kapustin L. G. Verkhovnyy Pravitel' admiral A. V. Kolchak v inostrannoy kinokhronike (1919): utochneniya i dopolneniya k nauchnoy atributsii foto-videoistochnikov [Supreme Ruler Admiral Kolchak in a foreign newsreel (1919): Rectifications and additions to scientific attribution of photo-video sources]. *Grazhdanskaya voyna na vostoке Rossii: vzglyad skvoz' dokumental'noe nasledie. Civil War in the East of Russia: a Look Through the Documentary Heritage*. Omsk, 2019. P. 108–116. EDN: BMVSPY. (In Russ.).
12. Kapustin L. G. «Admiral proiznes krest'yanam neskol'ko privetstvennykh slov». Novyye kadry kinokhroniki s admiralom A. V. Kolchakom: zametki na polyakh [«The Admiral Said a Few Welcoming Words to the Peasants». New Newsreel Footage with Admiral A. V. Kolchak: Notes in the Margins]. *Grazhdanskaya*

voyna na vostokeye Rossii: vzglyad skvoz' dokumental'noye nasledie. *Civil War in the East of Russia: a Look Through the Documentary Heritage*. Omsk, 2023. P. 149–154. EDN: APTXUG. (In Russ.).

13. Kashin V. V. Blizkoye sluzhebnoye okruzheniye A. V. Kolchaka v Omske: utochneniye daty sovmestnoy fotografii, voyennoy sluzhby i sudeb ofitserov [Close service circle of A. V. Kolchak in Omsk: clarification of the date of the joint photograph, military service and the fates of officers]. *Grazhdanskaya voyna na vostokeye Rossii: vzglyad skvoz' dokumental'noye nasledie. Civil War in the East of Russia: a Look Through the Documentary Heritage*. Omsk, 2023. P. 160–170. EDN: DIRMKZ. (In Russ.).

14. Borodina G. Yu. Obraz admirala A. V. Kolchaka v teatre i kino [The image of Admiral A. V. Kolchak in theater and cinema]. *Grazhdanskaya voyna v Sibiri. Civil War in Siberia*. Omsk, 2013. P. 13–18. (In Russ.).

15. Volkov E. V. «Kolchakovshchina» v sovetskom igrovom kino [«Kolchakovshchina» in Soviet feature films]. *Novyy istoricheskiy vestnik. New Historical Bulletin*. 2013. No. 1. P. 84–108. EDN: PWRHRV. (In Russ.).

16. Volkov E. V. Obrazy A. V. Kolchaka v sovetskom i postsovetskom rossiyskom igrovom kino [Images of Alexander V. Kolchak in Soviet and Post-Soviet Russian Feature Films]. *Mezhdunarodnyy zhurnal issledovaniy kul'tury. International Journal of Cultural Research*. 2020. No. 4. P. 81–93. DOI: 10.52173/2079-1100_2020_4_81. EDN: KIFQGG. (In Russ.).

17. Kondakov Yu. E. Grazhdanskaya voyna na ekrane. Beloye dvizheniye [Civil War on the Screen. White Movement]. Saint Petersburg, 2015. 362 p. EDN: TWEXXD. (In Russ.).

18. Fedorov A. V. Obraz belogo dvizheniya v otechestvennom kinoiskusstve 1960-kh – 1980-kh godov [The Image of the White Movement in Russian Cinematography of the 1960s–1980s]. *Mediaobrazovaniye. Media Education*. 2016. No. 1. P. 78–101. EDN: VLRMML. (In Russ.).

19. Kokoulin V. G. Vasilij Ivanovich Chapayev v istoricheskoy pamyati v sovremennoy Rossii [Vasilij Ivanovich Chapaev in Historical Memory in Modern Russia]. *Grazhdanskaya voyna na vostokeye Rossii: vzglyad skvoz' dokumental'noye nasledie. Civil War in the East of Russia: a Look Through the Documentary Heritage*. Omsk, 2021. P. 147–153. EDN: KJFQPC. (In Russ.).

20. Fedotova I. V. Obraz M. N. Tukhachevskogo v sovetskom igrovom kino [The image of M. N. Tukhachevsky in Soviet feature films]. *Sibirskiy antropologicheskij zhurnal. Siberian Journal of Anthropology*. 2023. Vol. 7. No. 1. P. 84–94. EDN: DNIZFX. (In Russ.).

21. Kokoulin V. G., Samarin I. V., Sidorov R. G. «Zoloto Kolchaka»: mify i dokumenty [«Kolchak's Gold»: Myths and Documents]. *Sibirskiy arkhiv. Siberian Archive*. 2020. No. 4. P. 1–18. EDN: MSCMDH. (In Russ.).

22. Stelmak M. M., Petin D. I. «On nasytil svoje chestolyubiye pri Kolchake»: ministr finansov I. A. Mikhaylov v otsenke sovremennikov [«He fulfilled his ambitions in the presence of Kolchak»: Minister of Finance I. A. Mikhailov as seen by contemporaries]. *Istoricheskiy vestnik. Historical Reporter*. 2022. Vol. 42. P. 36–61. DOI: 10.35549/HR.2022.2022.42.001. EDN: IPQJWP. (In Russ.).

23. Zhanen M. S. missiye v voyuyushchey Rossii. 1916–1917 gg. Moya missiya v Sibiri. 1918–1920 gg. Vospominaniya, dnevniki, stat'i [On a mission to warring Russia. 1916–1917. My mission in Siberia. 1918–1920. Memories, diaries, articles] / Intr., scie. Ed., comp. & comm. by R. G. Gagkuev. Moscow, 2023. 896 p. EDN: YRMPWI. (In Russ.).

24. Petin D. I. S avantyuroy skvoz' zhizn': Mariya Aleksandrovna Grishina-Almazova (Mikhaylova) [With adventure through life: Maria Alexandrovna Grishina-Almazova (Mikhailova)]. *Noveyshaya istoriya Rossii. Modern History of Russia*. 2019. Vol. 9. No. 2. P. 389–405. DOI: 10.21638/11701/spbu24.2019.206. EDN: LFNVAZ. (In Russ.).

25. Petin D. I. «V bor'be uchastiya ne prinimal, v general-mayory proizveden po dolzhnosti...»: Grazhdanskaya voyna v sud'be A. S. Kondrasheva [«He did not take part in the struggle, he was promoted to major general due to his position...»: The Civil War in the Fate of A. S. Kondrashev]. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologiy. Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. 2022. Vol. 18. No. 4. P. 124–132. DOI: 10.21285/2415-8739-2022-4-124-132. EDN: YQNIAF. (In Russ.).

26. Shatov Aleksandr Pavlovich [Shatov Alexander Pavlovich]. URL: <https://gwar.mil.ru/heroes/person2400200> (accessed: 09.08.2024). (In Russ.).

27. Rossiyskiy gosudarstvennyy voyenno-istoricheskiy arkhiv [Russian State Military Historical Archive]. File: 408/1/13427. (In Russ.).

28. Nekrolog [Obituary]. *Vechernyaya Moskva. The Evening Moscow*. 1961. November 5. P. 4. (In Russ.).

29. Grazhdanskaya voyna i voyennaya interventsia v SSSR: Entsiklopediya [Civil War and Military Intervention in the USSR: Encyclopedia] / Ed. by S. S. Khromov. Moscow, 1983. 703 p. (In Russ.).

30. Kuptsov I. V., Buyakov A. M., Yushko V. L. Belyy generalitet na vostokeye Rossii v gody Grazhdanskoy voyny. Biograficheskij spravochnik [White Generals in the East of Russia during the Civil War. Biographical Handbook]. Moscow, 2011. 672 p. EDN: KSBNEP. (In Russ.).

31. Stelmak M. M. Obraz inostrannykh soyuznikov antibol'shevistskogo dvizheniya v periodicheskoy pechati Zapadnoy Sibiri (may 1918–dekabr' 1919 gg.). [The Image of Foreign Allies of the Anti-Bolshevik Movement in the Periodical Press of Western Siberia (May 1918–December 1919)]. Omsk, 2023. 420 p. EDN: WDKDWY. (In Russ.).

32. Malyshevskiy A. G. Rasskazy. Padeniye Daira. Sevastopol' [Stories. The Fall of Dair. Sevastopol'] / Intr. by V. V. Novikov. Moscow, 1985. 446 p. (In Russ.).

33. Dopro Kolchaka [Interrogation of Kolchak] / Ed. and foreword by K. A. Popov. Leningrad, 1925. 244 p. (In Russ.).

34. Gavrilova O. A., Rachkovskiy V. A. Retseziya na monografiyu A. V. Smolina «Dva admirala: A. I. Nepenin i A. V. Kolchak v 1917 g.» [Review of the monograph by A. V. Smolin «Two Admirals: A. I. Nepenin and A. V. Kolchak in 1917»]. *Noveyshaya istoriya Rossii. The Modern History of Russia*. 2013. No. 2. P. 283–287. EDN: QCJEMB. (In Russ.).

35. Smolin A. V. Admiral A. V. Kolchak: stanovleniye politika: (mart iyul' 1917 g.) [Admiral A. V. Kolchak: the formation of a politician: (March–July 1917)] // *Rossiya v XX veke: problemy politicheskoy, ekonomicheskoy i sotsial'noy istorii. Russia in the 20th Century: Problems of Political, Economic and Social History* / Ed. by M. V. Khodyakov. Saint Petersburg, 2008. P. 19–48. EDN: REWLTB. (In Russ.).

36. Ganin A. V. Admiral Kolchak i Uryankhayskiy kray. Iz vospominaniy General'nogo shtaba general-mayora M. A. Inostrantseva [Admiral Kolchak and the Uryankhai Region. From the memoirs of the General Staff Major–General M. A. Inostrantsev]. *Rodina. Homeland*. 2014. No. 7. P. 50–51. EDN: SILGRJ. (In Russ.).

37. Tyurin Yu. O tekh, kto v more [About those Who are at Sea]. *Sovetskaya kul'tura. Soviet Culture*. 1987. December 15. P. 4. (In Russ.).

38. Bazanov P. N. Mestnaya ili vserossiyskaya kul'tura? [Local or national culture?]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury. Bulletin of the St. Petersburg State Institute of Culture*. 2022. No. 3. P. 186–188. DOI: 10.30725/2619-0303-2022-3-186-188. EDN: JJYTWR. (In Russ.).

39. Puchenkov A. S. Omskie Forsaity i «Dom Kolchaka» [Omsk Foresights and Kolchak's House]. *Rossiyskaya istoriya. Russian History*. 2023. No. 2. P. 205–208. DOI: 10.31857/S2949124X23020190. EDN: BLVRET. (In Russ.).

40. Petin D. I. K istoricheskim obrazam interventov v Beloi Sibiri 1918–1919 gg. [Revisiting Historical Images of Interventionists in the white Siberia of 1918–1919]. *Vestnik*

arhivista. *Herald of an Archivist*. 2023. No. 4. P. 1265–1271. DOI: 10.28995/2073-0101-2023-4-1265-1271. EDN: BQBCIY. (In Russ.).

41. Sushko A. V., Stelmak M. M. Obraz inostrannykh soyuznikov antibol'shevistskogo dvizheniya v periodicheskoy pechati Zapadnoy Sibiri (may 1918 – dekabr' 1919 g.): monografiya [Stel'mak M. M. The Image of foreign allies of the anti-Bolshevik movement in the periodical press of Western Siberia (May 1918–December 1919): monography]. *Otechestvennyye arkhivy. Domestic Archives*. 2023. No. 4. P. 110–114. EDN: CLUQDV. (In Russ.).

42. Stelmak M. M. Kruglyy stol «Admiral Kolchak: uchenyy, flotovodets, Verkhovnyy pravitel'»: obzor raboty [Round table «Admiral Kolchak: scientist, naval commander, Supreme ruler»: review of work]. *Sibirskiy arkhiv. Siberian Archive*. 2020. No. 1. P. 222–235. EDN: BESYCP. (In Russ.).

43. Fedotova I. V. Otmetiv pervyy yubiley: obzor nauchnykh meropriyatiy v Omske k 10-letiyu Tsentra izucheniya istorii Grazhdanskoy voyny [Celebrated the first anniversary: review of scientific events in Omsk on the 10th Anniversary of the center for the study history of the Civil War]. *Sibirskiy arkhiv. Siberian Archive*. 2022. No. 2. P. 179–204. EDN: XRTSNM. (In Russ.).

44. Mashkevich S. V., Sushko A. V., Petin D. I. Konferentsiya o Grazhdanskoy voyne na vostokey Rossii: mezhdunarodnyy nauchnyy dialog v Omske [Conference on the Civil War in Eastern Russia: International Scientific Dialogue in Omsk]. *Vestnik*

Omskogo universiteta. Seriya «Istoricheskiye nauki». *Herald of Omsk University. Series «Historical Studies»*. 2024. Vol. 11, no. 1. P. 175–180. DOI: 10.24147/2312-1300.2024.11(1). P. 175–180. EDN: EDPMOW. (In Russ.).

AFANASYEV Alexander Sergeevich, Employee of the Material and Technical and Economic Support Department, Extra-departmental security service of Russian National Guard Troops of the Omsk region, Omsk

SPIN-code: 1982-2289

AuthorID (RSCI): 1254896

Correspondence address: alex81af@mail.ru

For citations

Afanasyev A. S. On the analysis of the historical image of A. V. Kolchak in Soviet feature films (late 1950s–late 1980s). *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2025. Vol. 10, no. 1. P. 63–73. DOI: 10.25206/2542-0488-2025-10-1-63-73. EDN: HFDORQ.

Received August 28, 2024.

© A. S. Afanasyev

ПОЗИЦИИ И А-ПОЗИЦИИ

УДК 179

DOI: 10.25206/2542-0488-2025-10-1-74-79

EDN: EDBJQH

И. Н. КАЗАРИНА

Московский государственный
университет имени М. В. Ломоносова,
г. Москва

ОБЯЗАТЕЛЬСТВО НЕ УДАЛЯТЬ: К ВОПРОСУ О ПРАВАХ ЦИФРОВОЙ ЛИЧНОСТИ ПОСЛЕ СМЕРТИ

В статье рассматривается понятие и область применения дисциплины под названием 'цифровая танатология', которая изучает то, как смерть и умирание продолжают в цифровом пространстве, выходя за пределы физической жизни через сохранение данных, виртуальные мемориалы, чат-боты, системы хранения цифровых следов и останков. Цифровая танатология поднимает важные вопросы о сохранении цифрового наследия после смерти человека, а также онтологические, правовые и этические аспекты обращения с цифровыми останками. Исследуется проект *Augmented Eternity* от MIT, направленный на создание цифровых аватаров, которые могут сохранять личность человека после его физической смерти и продолжать взаимодействие с окружающими. Такая технологическая возможность ставит новые философские вопросы о тождестве личности и значении цифрового бессмертия. Отдельно анализируется утверждение о том, что удаление цифровых останков может трактоваться как вторая смерть, а также моральные обязательства живых перед цифровым наследием умерших.

Ключевые слова: прикладная этика, *death studies*, цифровая танатология, цифровые останки, цифровой двойник, цифровое пространство.

Ноги не подведут меня, и я дойду до финиша.

*О мое сердце! Оно разрывается
от каждого шага, который я делаю.*

*Но я надеюсь, что у ворот мне скажут,
что ты моя.*

Lana Del Rey. «Born to die»

1. Понятие цифровой танатологии. Независимо от нашего происхождения или убеждений, есть то, чего никому из нас не избежать: рано или поздно мы столкнемся с собственной смертью. Смерть является безвозвратным событием, основным и доминирующим экзистенциалом (*Sein-Zum-Tode*), через

который человек осознает себя [1, с. 235–267; также см.: 2–5]. Смерть представляет собой ключевой элемент в формировании мировосприятия человека и общества на различных этапах их развития. Неизбежность и осознание смерти могут заставить человека переосмыслить или изменить приоритеты, начать более осознанно строить свою жизнь и задуматься о том, что останется после его ухода. Осознание смерти — есть то, что отличает человека от других живых существ.

В рамках исторического процесса общество проходило разные стадии отношения к смерти. Так, например, в работе Филиппа Арьеса *Человек пе-*

ред лицом смерти [6] разбирается понятие смерти с европейского раннего Средневековья, где она понималась как нечто естественное, обыденное, положенное по природе и оттого никого особо не тревожащее событие. Пройдя через ряд этапов осознания смерти, в середине XX века формируется такая область исследований, как Death Studies — междисциплинарная область, которая посвящена изучению концепции смерти, умирания и утраты, включая психологию, социологию, антропологию, философию и культурные исследования [7]. Death Studies исследует, как люди и общество понимают, переживают и реагируют на смерть, а также как эти отношения и практики развивались с течением времени. Начиная с 70-х гг. XX века в Северной Америке и Европе стали регулярно появляться исследования о смерти, проводятся дискуссии и TED-конференции, привлекающие значительное внимание, на которых тема смерти обсуждалась как нечто естественное и нормальное [8]. Эти изменения происходили одновременно с технологическим прогрессом, который открыл новые перспективы в различных аспектах человеческой жизни, включая отношение к смерти. Цифровизация, набравшая обороты к началу XXI века, породила новые возможности — онлайн банкинг, удаленная работа, умные дома и интернет вещей (IoT) и, конечно же, социальные сети, объединившие миллионы людей по всему свету.

Соцсети стали мостиком плавного и постепенно перехода человечества к цифровому существованию. Однако, как и любой способ существования, особенно человеческого, социальные сети столкнулись с задачей удаления или сохранения аккаунтов людей, которые скончались. Должны ли мы удалять аккаунты умерших? Что такое цифровая смерть? Кто является субъектом скорби в рамках цифровой смерти? Подобные и многие другие вопросы затрагиваются в исследованиях Death Studies. Хотя исследования подобного рода и редко когда выходят за пределы узкоспециализированных факультетов университетов, эксперты в вопросах смерти встречаются в самых разных сферах, включая похоронную индустрию, хосписы, юридическое и психологическое консультирование, образование и религию, а также медицину, где они занимают позиции в качестве онкологов, медсестер, психиатров и патологоанатомов.

2. Этика и метафизика цифровой танатологии. В XXI веке возникла цифровая танатология — новая дисциплина, изучающая то, как смерть, умирание и переживание утраты продолжают в цифровом пространстве, выходя за пределы физической смерти через сохранение данных, виртуальные мемориалы и цифровое наследие. Этот феномен отражает изменение восприятия жизни и смерти в эпоху технологий, где цифровое присутствие может пережить человека. Цифровая танатология изучает весь спектр эмоций, чувств, действий, в том числе затрагивает правовые и этические аспекты перехода личности в цифровую сферу.

В 1985 г. в американской компании MIT Media Lab (Кембридж, штат Массачусетс) была начата разработка проекта под названием 'Augmented Eternity' (в переводе — 'дополненная вечность'). Сегодня это уникальное исследование на пересечении искусственного интеллекта (ИИ), цифровой идентичности и концепции цифрового наследия [9]. Идея Augmented Eternity заключается в создании цифровых персон (Swappable Identities), кото-

рые могут продолжать взаимодействовать, отвечать и даже 'жить' после физической смерти человека.

Эти цифровые персоны создаются на основе массы данных, которые люди генерируют в течение своей жизни, включая электронную переписку, общение в социальных сетях, мультимедийные файлы и другие цифровые взаимодействия (медицинская онлайн карта, опросы и анкеты, фитнес-приложения и др.). Цель проекта — дать этим цифровым персонам возможность действовать на основе личных исторических данных, которые соответствуют личности человека, его ценностям и стилю принятия решений, таким образом, чтобы позволить им участвовать в разговорах и принимать решения, как если бы человек был все еще жив. Эти персоны предназначены для того, чтобы продолжать предлагать идеи и советы после смерти человека, функционируя как виртуальный консультант или сохраненная версия себя, которая взаимодействует с будущими поколениями. Это может оказаться особенно ценным для продолжения профессиональных ролей, предоставления рекомендаций близким или сохранения идей и мыслей влиятельных людей для будущих поколений.

Пример разработки компании MIT Media Lab поднимает важные этические и метафизические вопросы о тождестве, идентичности, конфиденциальности и способах существования в цифровую эпоху, выводит на передний край вопросы осмысления того, как может развиваться цифровая танатология, как будет расширено присутствие человека в виртуальной форме. В 2013 г. вышел второй сезон сериала Черное зеркало. В первой серии под названием 'Я скоро вернусь' рассказывается история беременной женщины, потерявшей мужа. Не в силах смириться с его смертью, она переносит все цифровые данные и воспоминания о нем в интерактивную модель, созданную на основе программного обеспечения для 3D-аватара. Парадоксально, но иногда кинофильмы и сериалы становятся пророческими, и вот уже на наших глазах технологии достигли заметного прогресса в разработке концепции цифровых аватаров. Эти сущности, созданные ИИ, используют огромные объемы персональных данных (электронная переписка, активность в социальных сетях, записанные разговоры и видео) для имитации личности умершего. Аватары могут продолжать общаться с близкими, предлагая подобие взаимодействия с человеком, который умер. Это одна из развивающихся тенденций цифровой танатологии, цель которой состоит в создании постоянного, интерактивного присутствия, которое отражает сущность человека долгое время после его смерти.

Если в цифровом поле уже присутствуют цифровые персоны (кибер-личности), то какого рода обязательства возникают перед ними у людей, пока продолжающих жить в реальном (физическом) мире?

Перед тем, как ответить на вопрос, определим следующие ключевые понятия:

Моральный агент — физическое лицо, у которого есть права и обязательства перед другими существами.

Цифровые останки (digital remains) — цифровые следы или онлайн-данные, которые человек оставляет после своей смерти. Они могут включать: профили в социальных сетях (сами профили, лайки, комментарии, онлайн-форумы и сообщества); электронную переписку и цифровые записи про-

фессиональной деятельности (видеоконференции, онлайн-совещания); мультимедийные файлы (фотографии, видео, музыкальные плейлисты); покупки и транзакции, включая онлайн банкинг, на личных устройствах и приложениях (фитнес-трекеры, умные часы, геолокации и прочие записи в приложениях смартфона); медицинские электронные карты и любые другие формы данных или контента, созданные человеком в течение его жизни. С этими цифровыми останками можно активно взаимодействовать, сохранять, управлять, продолжать вести от имени или по указаниям умершего.

В своей статье 2015 г. *Deletion as Second Death: The Moral Status of Digital Remains* [10] Патрик Стоукс изучает концепцию цифровых останков, которые относятся к цифровым артефактам, оставленным людьми в социальных сетях и других онлайн-платформах после их смерти. Он обсуждает метафизические и этические вопросы, связанные с тем, как мы можем обращаться с этими цифровыми останками. Один из центральных проблемных пунктов этого обсуждения заключается в том, является ли удаление этих цифровых останков 'второй смертью' для умершего, поскольку это подразумевает стирание их присутствия из цифрового мира. Стоукс интересуется вопросом: существует ли у нас, как у моральных агентов, обязательство сохранять этот вид цифровых останков? Стоукс утверждает, что цифровые останки могут служить способом сохранения памяти и личности умершего, делая их объектами морального долга с нашей стороны. Он считает, что удаление этих данных может навредить умершему, так как сотрет его цифровое присутствие, важное для тех, кто его помнит.

Рассмотрим концепцию 'удаление как вторая смерть' через ее психологические аспекты, которые могут быть связаны либо с бесконечным продлением своего рода квазисуществования личности умершего в цифровых останках, либо с непривычной и несвойственной человеческой сущности ситуацией пролонгации жизни за пределы ее фактического физического существования. В первом случае постоянное присутствие цифровых останков умершего человека может осложнить близкий стадию принятия неизбежного. Об этих стадиях мы знаем из работ американского психолога Элизабет Кюблер-Росс [11]. В них она дает описание того, как человек переживает утрату, сильный стресс или другие трудные обстоятельства, как этап за этапом проходит такие стадии переживания, как отрицание, гнев, торг, депрессия, принятие. Очевидно, что цифровые останки, и в особенности созданный на их основе 3D-аватар, не дадут процессу переживания утраты естественного завершения. Но почему это так? Простая фотография умершего, постоянно находящаяся на видном месте, представляет собой статичный, немой образ, лишенный динамики и способности к взаимодействию. В отличие от фотографии, которая не обладает возможностью воспроизводить речь или реагировать на внешние стимулы, 3D-аватар с интегрированными цифровыми данными предоставляет интерактивную форму присутствия. Фотография остается лишь плоским отображением человека, запечатленным на плотной бумаге, тогда как цифровой аватар, наполненный информацией о личности, способен вступать в более иммерсивное и, условно говоря, 'интенциональное' взаимодействие с окружающими. Такой аватар может, например, симулировать диалог, предоставлять советы или сохранять элементы индивидуаль-

ности умершего, что делает его интерактивным субъектом общения с родственниками, друзьями или коллегами, в отличие от простой фотографии. Легко представить, что потерявшая маленького сына мать готова на все для его возвращения. И в этом случае цифровой аватар умершего ребенка не позволит матери принять и осознать произошедшее, а только облегчит (возможно лишь на некоторое время) страдания. Таким образом, знание того, что наше цифровое присутствие переживет наше физическое, может вселять в некоторых людей тревогу цифрового бессмертия и заставлять их взаимодействовать с цифровыми носителями с осторожностью и даже страхом. С другой стороны, одной из фундаментальных биологических характеристик человека на протяжении всего его существования является и остается его смертность. Психические, физические и эмоциональные состояния человека тесно связаны с осознанием своей смертности. Цифровое бессмертие, предлагая возможность существовать 'вечно' в цифровой форме, может нанести ущерб психике, так как оно противоречит пониманию конечности человеческой природы. Возвращаясь к книге *Человек перед лицом смерти* Филиппа Арьеса, напомним, что в раннем Средневековье грань между живым и неживым практически не существовала, и смерть воспринималась легко и естественно. В наши дни жизнь считается фундаментальной ценностью и есть исследования, что человек генетически и психологически не приспособлен к идее вечного существования, это может вызывать серьезные внутренние конфликты и тревоги [12; 13]. Генетически — поскольку эволюция не предусматривает бессмертия, так как естественный отбор благоприятствует признакам, влияющим на репродуктивный успех и на выживаемость, а не на долголетие. Психологически — по причине того, что человеческий разум за годы развития создал и поддерживает механизмы существования в цикле 'жизнь-смерть', а экзистенциальная ценность нашего опыта заключается в его конечности. Цифровое бессмертие, напротив, разрушило бы осмысленную структуру жизни, что привело бы к психологическим проблемам, таким как скука, отчуждение и чувство бессмысленности [14].

Рассмотрим *онтологический* аспект концепции 'удаления как второй смерти'. Сохранение цифровых останков бросает вызов нашему традиционному пониманию границ между жизнью и смертью, поскольку цифровое присутствие человека может длиться бесконечно, создавая форму цифрового существования. Оно ставит перед нами метафизический вопрос о том, что значит *быть* в мире, где цифровые останки продолжают представлять личность, стирая грань между *физическим существованием* и *цифровым сохранением*. Каков метафизический статус самих этих цифровых останков? Это просто накопленные исторические факты или это форма существования личности? Тот же вопрос можно задать к концепции памяти, тождества, идентичности и цифрового наследия, ведь цифровые останки могут продлить существование человека в квази-пространстве, исказив при этом его прошлую живую физическую сущность и увековечив в пост-человеческом мире уже иную личность. Если наше существование продлевается в интернет-пространство, то и удаление цифровых артефактов возможно будет рассматривать как завершение онлайн-бытия, финал нашего существования — циф-

ровую смерть. Такое положение дел полностью подтверждало бы тезис Патрика Стоукса, что стирание присутствия личности в цифровом поле должно нами приравняться к его второй смерти.

Рассмотрим *правовые* аспекты удаления цифровых останков. В настоящее время личная информация, оставляемая в сети, часто остается вне контроля, то же касается и цифрового следа, который человек оставляет в интернете. В киберпространстве проблема бесконтрольного создания контента сохраняется даже после смерти владельца. Например, чат-боты могут сгенерировать контент от имени умершего. Согласно статье 1112 Гражданского кодекса РФ, в состав наследства входят вещи и имущественные права умершего, но в него не включаются права и обязанности, неразрывно связанные с личностью наследодателя, а также личные неимущественные права и другие нематериальные блага. Таким образом, цифровые останки, являясь нематериальными активами, не подлежат наследованию.

В заключение рассмотрим этические аспекты концепции 'удаления как второй смерти'. Стоукс со ссылкой на современного американского философа, профессора биоэтики и автора работы по философии морали и этики Джеффри Блюстейна, приводит аргумент 'спасения от незначительности' (rescue from insignificance) [15, p. 275]. Ключевая идея данного аргумента заключается в том, что даже после смерти человека мы обязаны уважать его память, сохраняя его цифровые останки (записи, фотографии и прочие артефакты) ради того, чтобы они не забылись и не потеряли значения. Любой человек ценен сам по себе, пишет Блюстейн, и эта ценность даже после смерти должна спасти его от забвения, стирания, от исчезновения из памяти других, то есть от 'незначительности'. Сохраняя память об умершем человеке в форме его цифровых останков, мы поддерживаем значимость его жизни и истории. Продолжающие жить выполняют свой этический долг и сохраняют социальную идентичность через поддержание цифровых останков значимого для себя умершего.

После краткого рассмотрения возможных последствий 'стирания' личности из цифрового пространства возникает естественный вопрос о том, не следует ли нам уже сегодня взять под контроль цифровые следы нашей жизни и стать авторами собственных историй после своего физического ухода? Возможно, уже сегодня стоит начать задумываться над тем, что наши цифровые останки расскажут родным и близким после нашего ухода. Но каким образом мы можем это сделать? Я думаю, что для этого нам как минимум следует предпринять следующие шаги:

— периодически проводить аудит своих цифровых следов, удалять ненужные, сохранять и определять важность имеющихся цифровых активов, которые можно в дальнейшем передать в наследство;

— изучить платформы, которые предлагают функции управления учетными записями после смерти. Например, Google предлагает настроить Inactive Account Manager — механизм, который позволяет определить, что делать с вашим аккаунтом после определенного периода неактивности;

— назначить цифрового 'наследника' и составить план управления своей цифровой собственностью (и при необходимости регулярно его пересматривать).

Таким образом, после того как наши физические останки будут похоронены, цифровые остан-

ки станут историей, которую можно будет рассказывать последующим поколениям, бизнес-партнерам и другим значимым группам и людям.

Вопрос 'Является ли удаление цифровых останков людей их второй смертью?' все еще открыт к осмыслению. Мы рассмотрели лишь некоторые психологические, онтологические, правовые и этические аспекты этого вопроса, делая это с оглядкой на ограниченность традиционных представлений о жизни и смерти. Размышления о том, можем ли мы существовать неопределенно долго благодаря своим цифровым останкам, открывают новые метафизические и этические горизонты для дискуссии. Важно помнить, что контроль над своими цифровыми следами — это не только право, но и обязанность каждого из нас. Уже сейчас нам следует принять стратегические решения о том, как бы мы хотели быть представлены в виртуальном пространстве будущего.

Мы стоим на пороге новой реальности, где концепции жизни, смерти, памяти и наследия приобретают неожиданные значения в условиях постоянной цифровизации. В конечном счете именно наше осознанное отношение к собственным цифровым останкам способно помочь нам определить, что значит быть человеком в современном мире.

Список источников

1. Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В. В. Библихина. М.: Ad Marginem, 1997. 452 с. ISBN 5-88059-021-6.
2. Thomson I. D. Death and Demise in Being and Time // The Cambridge Companion to Heidegger's Being and Time / Ed. M. Wrathall. New York: Cambridge University Press, 2013. P. 260–290. ISBN 978-0-521-89595-8.
3. Niederhauser J. A. Heidegger on Death and Being: An Answer to the Seinsfrage. Cham: Springer, 2021. 269 p. ISBN 978-3-030-51374-0.
4. Tanzer M. Heidegger on Death as a Deficient Mode // Continental Philosophy Review. 2022. Vol. 55, № 1. P. 19–33. DOI: 10.1007/s11007-021-09551-y.
5. Thomson I. D. Rethinking Death in and after Heidegger. Cambridge: Cambridge University Press, 2024. 328 p. ISBN 978-1-009-48008-6.
6. Арьес Ф. Человек перед лицом смерти / пер. с фр. В. К. Ронина. Москва: Издат. группа «Прогресс», 1992. 528 с. ISBN 5-01-003636-3.
7. Еремеева С. А. То, о чем молчим... Почему death studies не популярны в современной России? // Археология русской смерти. 2015. № 1. С. 32–51. EDN: WHLJQF.
8. Еремеева С. А. 'Death studies' — разговор о жизни и о будущем // Новое прошлое / The New Past. 2016. № 4. С. 237–242. DOI: 10.18522/2500-3224-2016-4-237-242.
9. Augmented Eternity and Swappable Identities. URL: <https://www.media.mit.edu/projects/augmented-eternity/overview/> (дата обращения: 17.10.2024).
10. Stokes P. Deletion as Second Death: The Moral Status of Digital Remains // Ethics and Information Technology. 2015. Vol. 17, № 4. P. 237–248. DOI: 10.1007/s10676-015-9379-4.
11. Кюблер-Росс Э. О смерти и умирании / пер. с англ. Москва: Корвет, 2016. 294 с. ISBN 978-5-7312-0356-2.
12. Döbler N. A., Carbon C.-C. Adapting Ourselves, Instead of the Environment: An Inquiry into Human Enhancement for Function and Beyond // Integrative Psychological and Behavioral Science. 2024. Vol. 58, № 2. P. 589–637. DOI: 10.1007/s12124-023-09797-6.
13. Irving M. Why Haven't We Evolved Immortality? The Answer Is in Our Genes. 2017. URL: <https://newatlas.com/evolution-immortality-genes/51392/> (дата обращения: 17.10.2024).

14. Williams B. The Makropulos Case: Reflections on the Tedium of Immortality // Problems of the Self: Philosophical Papers 1956–1972. Cambridge University Press, 1973. P. 82–100.

15. Blustein J. The Moral Demands of Memory. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. 372 p. ISBN 978-0-521-88330-6.

КАЗАРИНА Ирина Николаевна, магистрант гр. 242М философского факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, г. Москва.

Адрес для переписки: Kazarina@hotmail.com

Для цитирования

Казарина И. Н. Обязательство не удалять: к вопросу о правах цифровой личности после смерти // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2025. Т. 10, № 1. С. 74–79. DOI: 10.25206/2542-0488-2025-10-1-74-79. EDN: EDBJQH.

Статья поступила в редакцию 22.10.2024 г.

© И. Н. Казарина

DUTY NOT TO DELETE: TOWARDS THE QUESTION OF THE RIGHTS OF THE DIGITAL PERSON AFTER DEATH

The article examines the concept and scope of a discipline called 'digital thanatology', which explores how death and dying continue in digital space, transcending physical life through data preservation, virtual memorials, chatbots, digital trace and remains storage systems. Digital thanatology prompts consideration of the long-term preservation of digital legacies after human death, as well as the ontological, legal, and ethical implications of managing digital remains. There are explored Augmented Eternity project of MIT, which aims to create digital avatars that can preserve a person's identity after physical death and continue to interact with others. This technological possibility raises new philosophical questions about personal identity and the concept of digital immortality. The claim that the removal of digital remains can be interpreted as a second death is analyzed separately, as well as the moral obligations of the living to the digital legacy of the dead.

Keywords: applied ethics, death studies, digital thanatology, digital remains, digital twin, digital space.

References

1. Heidegger M. *Bytiye i vremya* [Being and Time] / trans. from. Germ. by V. V. Bibikhin. Moscow, 1997. 452 p. ISBN 5-88059-021-6. (In Russ.).
2. Thomson I. D. Death and demise in Being and Time // *The Cambridge Companion to Heidegger's Being and Time* / Ed. M. Wrathall. New York: Cambridge University Press, 2013. P. 260–290. ISBN 978-0-521-89595-8. (In Engl.).
3. Niederhauser J. A. Heidegger on death and being: An answer to the Seinsfrage. Cham: Springer, 2021. 269 p. ISBN 978-3-030-51374-0. (In Engl.).
4. Tanzer M. Heidegger on death as a deficient mode. *Continental Philosophy Review*. 2022. Vol. 55, no. 1. P. 19–33. DOI: 10.1007/s11007-021-09551-y. (In Engl.).
5. Thomson I. D. Rethinking death in and after Heidegger. Cambridge: Cambridge University Press, 2024. 328 p. ISBN 978-1-009-48008-6. (In Engl.).
6. Aries F. *Chelovek pered litsom smerti* [Man facing Death] / trans. from Fr. by V. K. Ronin. Moscow, 1992. 528 p. ISBN 5-01-003636-3. (In Russ.).
7. Eremeyeva S. A. To, o chem molchim... Pochemu death studies ne populyarny v sovremennoy Rossii? [Meaning of silence... why death studies aren't popular in modern Russia?]. *Arkheologiya russkoy smerti. Archeology of Russian Death*. 2015. no. 1. P. 32–51. EDN: WHLJQF. (In Russ.).
8. Eremeyeva S. A. 'Death studies' — razgovor o zhizni i o budushchem [«Death studies» — a conversation about life and future]. *Novoe proshloe. The New Past*. 2016. No. 4. P. 237–242. DOI: 10.18522/2500-3224-2016-4-237-242. (In Russ.).
9. Augmented Eternity and Swappable Identities. URL: <https://www.media.mit.edu/projects/augmented-eternity/overview/> (accessed: 17.10.2024).
10. Stokes P. Deletion as second death: the moral status of digital remains. *Ethics and Information Technology*. 2015. Vol. 17. no. 4. P. 237–248. DOI: 10.1007/s10676-015-9379-4. (In Engl.).
11. Kübler-Ross E. O smerti i umiranii [On death and dying] / trans. from Engl. Moscow, 2016. 294 p. ISBN 978-5-7312-0356-2. (In Engl.).
12. Döbler N. A., Carbon C.-C. Adapting ourselves, instead of the environment: an inquiry into human enhancement for function and beyond. *Integrative Psychological and Behavioral Science*. 2024. Vol. 58. no. 2. P. 589–637. DOI: 10.1007/s12124-023-09797-6. (In Engl.).
13. Irving M. Why haven't we evolved immortality? The answer is in our genes. 2017. URL: <https://newatlas.com/evolution-immortality-genes/51392/> (accessed: 17.10.2024). (In Engl.).
14. Williams B. The Makropulos case: reflections on the tedium of immortality. *Problems of the Self: Philosophical Papers*. 1956–1972. Cambridge University Press, 1973. P. 82–100. (In Engl.).
15. Blustein J. The moral demands of memory. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. 372 p. ISBN 978-0-521-88330-6. (In Engl.).

KAZARINA Irina Nikolaevna, Undergraduate at gr. 242M of the Philosophy Faculty, Lomonosov Moscow State University, Moscow.
Correspondence address: Kazarina@hotmail.com

For citations

Kazarina I. N. Duty not to delete: towards the question of the rights of the digital person after death. *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2025. Vol. 10, no. 1. P. 74–79. DOI: 10.25206/2542-0488-2025-10-1-74-79. EDN: EDBJQH.

Received October 22, 2024.

© I. N. Kazarina

КИБЕРТАНАТОЛОГИЯ: ЗА ПРЕДЕЛАМИ СМЕРТИ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

Преобладание технологий и цифровых связей произвело революцию во всех аспектах социальной жизни людей, в том числе в смерти. Цифровые технологии меняют способы взаимодействия между живыми и мертвыми. Действительно, новые технологии не только внедряются в опыт ухода из жизни, смерти и скорби, но и меняют глобальный контекст, в котором происходят эти явления. И хотя сами взаимодействия между явлениями, связанными со смертью и технологиями, не являются чем-то новым, повсеместное присутствие цифровых пространств резко повысило их значимость и масштабы. Чтобы углубить и структурировать понимание этих взаимодействий, мы вводим понятие кибертанатологии как артикуляции смерти и всех связанных с ней явлений в цифровом пространстве. В свете этой концепции данная работа исследует топологию онлайн поведения, связанного со смертью, а также ряда сопутствующих явлений; рассматривает текущее состояние знаний об онлайн репрезентации смерти и скорби; определяет проблемы, с которыми придется столкнуться в будущем, чтобы оптимальным образом интегрировать понимание явлений, связанных со смертью, в более широкую область киберпсихологии. Развивая диалог между киберпсихологией и исследованиями смерти, кибертанатологические исследования не только приведут к теоретическим достижениям, но и будут способствовать получению практических знаний, которые помогут людям справиться со смертью и скорбью в современную технологическую эпоху.

Ключевые слова: кибертанатология, цифровые поминки, скорбь, траур, присутствие, танатология.

1. Введение. Начиная с первых изображений человека на стенах неолитических пещер, восприятие смерти было опосредовано «технологиями». Действительно, хотя на социальное присутствие мертвых влияют многочисленные социокультурные факторы, такие как, например, религия, коммуникационные технологии играют значительную роль благодаря их важности во взаимодействии между живыми [1]. С древних времен средства коммуникации позволяли взаимодействовать по поводу смерти — и в некоторой степени со смертью — либо через устную речь (например, устное поминовение предков), либо через образные представления (например, статуи, картины), либо через письменность (например, надписи на камнях, *Книга мертвых* в Древнем Египте). Во все времена технологический прогресс — будь то печать, телеграф, фотография, кино или телевидение — поддерживали и сопровождали репрезентации смерти [1, 2]. Цифровые технологии не являются исключением

из этой аксиомы. Однако они еще больше усиливают зависимость репрезентации смерти от технологий, поскольку полностью перестраивают взаимодействие между живыми и мертвыми.

Появление Интернета в последние десятилетия XX века стало переломным моментом в технологической трансформации опыта, связанного со смертью. Интернет возник как универсальный носитель информации, объединивший в себе почти все предыдущие, такие как письмо, речь и фотография. Всемирная сеть позволила возникнуть сообществам, которые могли существовать за пределами физического пространства [3, 4]. В то же время появились новые формы внешней манифестации траурных ритуалов в виде цифровых поминок, таких как киберпохороны (транслируемые в Интернете или проводимые онлайн), виртуальные кладбища [5, 6], а виртуальные сообщества, сконцентрированные вокруг скорби, появились уже в девяностые годы [7]. С ростом преобладания цифровых технологий,

с одной стороны, и старением населения — с другой, оцифрованные пространства все чаще используются для скорби, траура или поминовения [8]. Это перемещение репрезентаций смерти из физического мира в киберпространство ускорило и усугубилось пандемией COVID-19 [9]. Действительно, после мер по физическому дистанцированию, которые были приняты во многих странах мира, использование цифрового пространства стало одной из единственных альтернатив для проведения похоронных ритуалов, получения поддержки или профессиональной помощи [9, 10].

Несмотря на наше утопическое восприятие виртуальных пространств как пространств свободы, они не являются эгалитарными пространствами. На самом деле цифровое неравенство — различия в доступе и использовании технологий — только усилилось во время пандемии COVID-19 и представляет собой один из важнейших вызовов технологической эпохи [9, 11]. Действительно, данные по их использованию свидетельствуют о том, что социально и информационно привилегированные лица смогли сохранить или даже увеличить количество цифрового общения со своей семьей и друзьями во время пандемии, в отличие от обездоленных слоев населения [12]. Поскольку зависимость от технологий растет, существует реальный риск того, что цифровое неравенство будет перенесено на опыт смерти, ее репрезентации и другие аспекты. Более того, с увеличением количества данных в сети и усложнением цифровых идентичностей [13–16] каждая ‘киберсмерть’ — смерть, происходящая в киберпространстве, — оказывает влияние на виртуальные пространства, занимаемые умершим, будь то смерть реального человека или аватара.

В данной статье мы представим концепцию кибертанатологии в качестве операциональной теоретической основы и практического инструмента для понимания и анализа опосредованных технологиями взаимодействий с опытом и репрезентациями смерти. Наша цель — предложить этапы осмысления этой новой реальности. Сначала мы рассмотрим, как новые технологии встраиваются в опыт умирания и скорби и как они меняют глобальный контекст, в котором этот опыт происходит. Затем перейдем к критическому анализу терминологических попыток квалифицировать взаимодействие между танатологией и технологиями, что приведет нас к концепции кибертанатологии. После определения концепции кибертанатологии мы рассмотрим данные явления в контексте трех основных взаимосвязанных тем: цифровой идентичности, ритуалов и сообществ, а также цифрового образования в области смерти и практик медицинских работников. Наконец, мы выявим некоторые из возникающих проблем кибертанатологии, в том числе этические и правовые. И в итоге обсудим, как включение концепции кибертанатологии в определение будущих исследований расширит понимание киберпсихологии, а также обновит и укрепит потенциал области исследований смерти в цифровую эпоху.

2. Смерть и технологии.

2.1. Эволюция отношений между смертью и технологиями. В исторической перспективе представления о смерти и связанных с ней явлениях постоянно развивались вместе с техническим прогрессом. Развитие средств массовой информации в прошлом веке привело к значительным изменениям в способах распространения социальных норм

в обществе [17, 18]. Благодаря появлению газет некрологи стали одним из первых проявлений того, как технология может расширить общественный опыт переживания скорби, сделав публичным то, что в противном случае осталось бы замкнутым в кругу семьи и близких людей [2, 19]. Некрологи, обычно включающие в себя краткую биографию с перечислением основных достижений человека, служили средством оповещения о смерти человека расширенной социальной сети, не обязательно входившей в круг знакомств самого умершего [19]. Однако такая форма мемориализации была доступна не каждому умершему. Общественные деятели или частные лица, умершие при чрезвычайных обстоятельствах, которые часто включали в себя некоторую неожиданность, сенсационность и насилие, с большей вероятностью выиграли бы от такого письменного свидетельства о своем существовании, чем обычные люди [20, 21]. По мере того как благодаря средствам массовой информации чувство общности переходило из локального в космополитическое [22], некрологи продолжали эволюционировать с появлением новых коммуникационных медиатеchnологий, таких как телевидение или Интернет [2], что дало возможность трансформировать их специфические формы и функции как в плане их содержания — теперь в некрологах можно было распространять больше информации, — так и в плане их географического охвата [19]. Некрологи эволюционировали вместе с Интернетом в первом поколении онлайн-мемориалов, размещенных на виртуальных кладбищах, появившихся в 1990-е годы. Онлайн-мемориалы стали еще одним ‘пространством’ для мемориализации или социальной поддержки, выходящим за рамки традиционных ограничений по географическому положению или статусу умершего. Они представляют собой веб-страницы, позволяющие длительное время выражать скорбь, которая включает голос покойного [5, 6, 23], и являются непрямым каналом для обмена личными эмоциями, сохранения памяти об умершем и помощи другим людям, переживающим аналогичный опыт скорби [5], переводя переживание скорби из частной сферы в публичную [24–26]. Они располагались в пространствах — веб-сайтах — отделенных от тех, которые занимают живые, подобно тому, как это происходит на кладбищах [2, 23]. Однако несмотря на то, что первые онлайн-мемориалы расширяли географические границы траурного сообщества, интерактивность все еще оставалась ограниченной.

Хотя с середины XIX века движение спиритуалистов пыталось использовать технологии для общения с умершими с помощью некоторых видов медиа, таких как телеграф, фотография и телефон [2], именно социальные сети совершили коперниканский переворот в социальном присутствии умерших. Добавив интерактивность и непрерывную синхронность, социальные медиа привнесли новые возможности в способы коммуникации, которые произвели революцию в человеческом общении и культурных практиках. Цифровые технологии позволяют людям стать ‘актерами’, а не ‘зрителями’ при взаимодействии с мертвыми, тем самым переопределяя способы посредничества со смертью. Социальные медиа знаменуют собой переломный момент, интегрируя мертвых в пространство, занимаемое живыми [2, 23]. Индивидуальные страницы, созданные при жизни, становятся местами поминовения, где можно выразить скорбь и оплакать умершего [26]. Таким образом, каналы коммуникации

продолжают существовать в той или иной степени и после смерти, позволяя скорбящим поддерживать форму общения с умершим [23]. Очевидно, что этот новый подход оказывает значительное влияние на практики поминовения, поскольку цифровые поминовения — это не просто традиционные ритуалы, перенесенные с помощью технологических средств, но внутренне отличные от них.

2.2. Концептуализация отношений между танатологией и технологиями в цифровую эпоху. Новый способ взаимодействия технологий и восприятия смерти людьми не остался незамеченным учеными. Было предпринято несколько терминологических попыток квалифицировать эти взаимодействия между танатологией и технологиями [7, 27, 28]. И хотя сам по себе термин 'цифровая смерть' относительно понятен [27], его простота, похоже, работает против него. На самом деле 'цифровая смерть' не охватывает всей сложности взаимодействия между технологиями и явлениями, связанными со смертью. Так, например, обстоит дело со скорбью, которое представляет собой важный компонент индивидуального восприятия смерти в цивилизационной перспективе, но которое при этом не охватывается понятием 'цифровая смерть'. Термин 'танатотехнология' также появился в конце девяностых годов и был определен как «технологические механизмы, такие как интерактивные видеодиски и компьютерные программы, которые используются для доступа к информации или помощи в изучении танатологических тем» [7, р. 553]. Чтобы охватить развитие технологий в течение последующих 15 лет, позднее было предложено расширить это определение до «всех видов коммуникационных технологий, которые могут быть использованы в обучении по вопросам смерти, консультировании по вопросам скорби и танатологических исследованиях» [28, р. 3]. Хотя это определение предлагает интересную отправную точку, термин фокусируется на технологическом аспекте, а не на человеческом измерении. Но ведь технологии — это не только ресурсы или инструменты, которые можно использовать в профессиональной практике или в целях цифрового поминовения. Очевидно, что выражение скорби может быть как обеспечено, так и ограничено эволюционирующими техническими возможностями различных платформ [25], да и сами платформы развиваются в соответствии с культурным и социотехническим давлением, оказываемым, в частности, опытом, потребностями и желаниями пользователей. Действительно, технологии являются частью социальной нормативной базы, влияющей на танатологию, и играют контекстуальную роль в том, как скорбь и переживание смерти формируются в обществе [29]. Учитывая, что использование технологий, как и само чувство скорби, можно понять в социальном, экономическом, культурном и глобальном контекстах [9, 30, 31], взаимодействие между связанными со смертью явлениями и технологиями также должно быть встроено в социальные, духовные, институциональные, культурные и исторические контексты.

Взаимодействие между смертью и новыми технологиями выходит за рамки образования по вопросам смерти, консультирования по вопросам скорби или методологического инструмента танатологических исследований, поскольку оно касается не только того, как технологии используются для встречи со смертью, но и того, как смерть теперь происходит в цифровом пространстве. Это означает, что

необходимо сосредоточиться на человеческом измерении, а не на чисто технологическом. В контексте явлений и опыта, связанных со смертью, новые технологии выполняют не только коммуникативную функцию. Напротив, они оказывают непосредственное влияние на то, как смерть и скорбь концептуализируются и понимаются в обществе, что, в свою очередь, приводит к социальным и культурным изменениям, трансформирующим социальные нормы, связанные с переживанием смерти и скорби [2]. Таким образом, приставка «кибер-» представляется более уместной, поскольку она отражает идею киберпространства как пространства, а не технологии как инструмента. Так что адекватное определение данного феномена должно включать в себя это измерение. По этой причине мы предлагаем определить кибертанатологию как артикуляцию смерти и других связанных с ней явлений (-танатология) с помощью цифровой сферы и внутри нее (кибер-). Это определение включает в себя влияние будущих технологических разработок, которые могут выйти за рамки средств коммуникации, таких как искусственный интеллект или дополненная реальность. Кибертанатология — это не просто онлайн-отражение традиционных танатологических тем или подтема танатологии, а скорее место встречи между танатологией и киберпсихологией.

3. Картирование цифровых феноменов, имеющих отношение к смерти.

3.1. Цифровые идентичности и киберсмерть. Киберпространство не является независимым от физического мира [4, 13, 32]. Люди, населяющие киберпространство, являются реальными людьми. Каждый пользователь Интернета оставляет цифровые следы, и накопление данных в киберпространстве создает цифровую идентичность. Эта цифровая идентичность, которую пользователи поддерживают с течением времени, совершая самые разные действия, такие как использование социальных сетей через определенные аккаунты, оставляя комментарии на страницах форумов или поддерживая аватары в онлайн-играх, становится такой же стабильной, как и идентичность, которую человек имеет в физическом мире [13–16].

Учитывая сложность и многокомпонентность цифровой идентичности, возможны различные формы киберсмерти. Первый тип киберсмерти происходит именно в киберпространстве, то есть независимо от смерти в реальной жизни, когда 'умирает' аватар или закрываются аккаунты пользователей социальных сетей или форумов. Например, смерть аватара может произойти в иммерсивных онлайн-мирах, таких как *Second Life*, когда аватар символически убивается своим реальным пользователем или социально умирает в результате длительного отсутствия [33]. Второй тип киберсмерти может произойти одновременно со смертью в реальной жизни. Однако, что интересно, смерть человека в реальной жизни не означает, что его виртуальный аналог прекратит свое существование [2, 34]. В действительности часто имеет место обратная ситуация. На самом деле умершая социальная идентичность не только сохраняется в киберпространстве, но и может постоянно со-конструироваться теми, кто еще жив. Как правило, это происходит в случае с онлайн-мемориалами, где друзья и родственники могут общаться друг с другом по поводу умершего. Это явление может достигать и гораздо больших масштабов. Например, после смерти Кэрри Фишер в Твиттере наблюдались многочисленные реак-

ции фанатов, в том числе многочисленные ссылки на ее роль защитника психического здоровья, что позволило сохранить ее наследие [34]. Возвращаясь к киберсмерти аватаров, следует отметить, что аналогичные явления наблюдаются и в онлайн-играх. Персонажи могут быть увековечены таким образом, чтобы обеспечить непрерывность социальной жизни умершего в игровом мире, например, как неигровой персонаж или как цифровой остаток в гоночной видеоигре в виде автомобиля-призрака, в котором хранится самый высокий результат, набранный покойным [2]. Цифровые идентичности не только продолжают конструироваться, но и, прежде всего, со-конструируются самими еще живущими с помощью свидетельств, мыслей и эмоций, которыми, например, они делятся на своих личных страницах в социальных сетях [2, 26]. Такое непрерывное повествование помогает поддерживать отношения, которые называются 'постоянными узлами' [35]. Хотя некоторые данные свидетельствуют, что это может быть полезно для процесса скорби, множественные повествования от нескольких еще живущих могут дать противоположные или даже противоречащие друг другу точки зрения на умершего, которые могут затруднить процесс переживания утраты [35–37].

С постоянным ростом использования технологий среди населения большой объем данных накапливается годами одним пользователем в виде цифровых документов, фотографий или через аккаунты в социальных сетях [27]. После смерти человек оставляет в наследство цифровое имущество, с которым нужно обращаться так же, как и с другими видами имущества. Такие расширенные и долговременные формы цифровых следов можно назвать цифровым наследием [38]. Цифровое наследие неоднородно и может содержать статические цифровые активы и данные собственности, хранящиеся в облаке или на устройствах, такие как пароли и информация об учетных записях, обрывки от общения (например, частичные или полные архивы электронной почты), цифровые личные вещи (например, фотографии и видео), а также данные, агрегированные как результат взаимодействия с поставщиком цифровых услуг (например, сайтами социальных сетей, интернет-магазинами) [38, 39]. Курирование разных компонентов этого наследия может различаться. Некоторые из них могут рассматриваться так же, как физические личные вещи покойного, поэтому они могут быть унаследованы его преемниками и потенциально храниться как артефакты для поддержания траурного ритуала и переживания скорби. Однако другие компоненты цифрового наследия могут обрести собственную жизнь в киберпространстве и продолжать вносить вклад в развитие цифровой идентичности, даже если первоначально пользователя уже нет в живых. Это потенциально представляет собой еще один способ, с помощью которого умершая личность продолжает существовать в киберпространстве после своей физической смерти. Несмотря на то, что данное явление растет в геометрической прогрессии, существующие нормативные акты скудны, часто противоречат друг другу и не являются общепринятыми [39]. Национальные законы часто с трудом реализуются в цифровом пространстве, особенно в контексте умерших людей, что приводит к значительным проблемам в обеспечении соблюдения любого регулирования [40]. Некоторые поставщики цифровых услуг стали вносить изменения в свою политику, примером мо-

жет служить политика Facebook¹ по увековечению памяти умерших пользователей [39]. Кроме того, возникающие новые компании начали предлагать услуги по управлению учетными записями умерших пользователей. Хотя различия в том, какие варианты предлагают разные сервисы в разных странах и разным людям, все еще сохраняются.

3.2. Ритуалы и сообщества. Как уже говорилось выше, цифровые технологии оказывают непосредственное влияние на общественные нормы, связанные с восприятием смерти и скорби, а также на то, каким образом живые обсуждают взаимоотношения со смертью. Такие обсуждения находят свое отражение в эволюции ритуалов. Цифровое поминовение включает в себя различные ритуальные практики, наподобие онлайн-поминок и киберпохорон (в форме похорон, проходящих в киберпространстве, или онлайн-трансляций и записей похоронных служб), которые также поддерживают опыт скорби в обществе. Хотя большая часть похоронных практик изначально вдохновлена общепринятыми формами поминовения, их 'цифровизация' не является исключительно только лишь продолжением данных траурных форм, просто реализуемым с помощью технологий. Напротив, цифровизация поминовения приводит к появлению совершенно новых форм траурных ритуалов. Онлайн-мемориалы размещаются на различных платформах — на специальных посвященных скорби мемориальных сайтах или на неспецифических мемориальных сайтах [26], причем последняя категория сайтов знаменует собой наибольший отрыв от традиционных форм траура и переживания скорби. Несмотря на отсутствие культурных рамок, регулирующих самовыражение в онлайн-мемориалах, их содержание в основном вращается вокруг нескольких тем: разговор с покойным, повествование о его жизни, эмоциональное выражение скорби, чувства вины или тоски по покойному [5, 6, 19, 24, 41]. Эмоциональные реакции наблюдаются не только в отношении близких, но и незнакомых людей [42, 43], умерших знаменитостей [44, 45] и даже вымышленных персонажей [46, 47]. Визуальная ритуализация через социальные сети, такие как YouTube, часто используется для поминовения трагедии в сообществе [43, 48]. Использование социальных медиа для цифрового поминовения потенциально может изменить считающиеся приемлемыми социальные и культурные нормы, связанные со скорбью и трауром, что приведет к появлению новой модели скорби, которая будет одобрять публичное выражение чувств и демонстрацию эмоциональной уязвимости [19, 41]. Повсеместно преобладающее использование социальных сетей в повседневной общественной жизни увеличило как популярность, так и доступность онлайн-мемориалов [2, 26], позволив цифровым формам поминовения стать привычными культурными практиками [49], несущими альтернативные социальные нормы, в основаниях которых лежит опыт траура и скорби более близкий к реальности.

Благодаря возможности социального взаимодействия онлайн-мемориалы, в особенности те, что находятся на не связанных со скорбью сайтах, предлагают новые формы поддержки пережившим утрату, способствуя формированию неформального, временного, организованного или структурированного сообщества, которое разделяет общий проект, основанный на взаимной поддержке, обмене опытом и взаимопомощи [19, 37, 48]. По всей видимости, люди, пережившие тяжелую утрату,

также ценят чувство принадлежности к обширному онлайн-сообществу людей, переживающих аналогичный опыт, что позволяет им получать эмоциональную поддержку, обмениваться информацией и получать доступ к пространству для мемориализации, в котором оказывается отражен эволюционный характер скорби во времени [50]. В качестве иллюстрации опыта и практики скорби в цифровом сообществе онлайн-игры представляются отличным примером, в частности, благодаря социальности, интерактивности, эстетике и креативности онлайн игровых миров [13, 14]. Цифровое поминовение в онлайн-играх представляет собой уникальное явление, переводящее традиционные формы скорби в повседневную игровую деятельность, опираясь как на игровую культуру, так и на специфические возможности игр, как для игроков/персонажей, так и для создателей игр [2]. Увековечение памяти и мемориализация варьируются от оцифрованных форм обычных траурных символов (например, поминальные службы или виртуальное кладбище для захоронения аватаров или поминовения неигровых персонажей) до инновационных, таких как создание неигровых персонажей с аватаром умершего и с квестами, имитирующими жизнь покойного [2, 33]. Однако эта миграция мемориалов из физических в гибридные (физические и цифровые) пространства привлекает не только сострадательных зрителей. На самом деле не у каждого посетителя онлайн-мемориалов обязательно возникает чувство принадлежности к сообществу, и не все они способствуют созданию поддерживающего нарратива [19, 48]. Помимо луркеров², пассивных по определению, в онлайн-пространствах можно наблюдать и более проблемные формы поведения. Так, некоторые люди пытаются осквернить онлайн-мемориалы, сочетая поведение, представляющее собой онлайн-эквивалент вандализма на реальных могилах, с типичными действиями троллинга в социальных сетях — явление, квалифицируемое как RIP-троллинг [2, 26, 51]. Кроме того, восприятие мемориальных ритуалов в цифровом пространстве нельзя назвать единодушным. Примером отсутствия согласия в отношении природы и функций таких ритуалов может служить массовая многопользовательская онлайн-игра World of Warcraft, когда члены гильдии, собравшиеся для проведения ритуала в память об умершем игроке, увидели, что во время церемонии их аватары были атакованы членами противоположной гильдии [2, 23]. Последовавшие за этим событием дебаты показали поляризацию игрового сообщества по этим вопросам. В целом эти практики демонстрируют сложность взаимодействия между реальным и цифровым пространством, когда речь идет о поминовении и о том, как могут меняться траурные ритуалы при слиянии с онлайн-миром.

Наконец, обсуждая цифровые ритуалы, нельзя обойти стороной тему похоронной индустрии. Если цифровая революция приводит к росту общественных требований, то вместе с ней приходит и более глубокое понимание того, как использовать технологии для поддержки планирования похорон, семей погибших и поминовения усопших [52]. Появляющиеся технологии позволяют дополнить похоронную индустрию различными услугами — от киберпохорон до более инновационных сервисов, таких как соединение надгробия с мемориальной страницей в Интернете с помощью штрих-кодов с использованием дополненной реальности [2]. Однако с более широкой социально-экономиче-

ской точки зрения развитие технологических услуг может быть мотивировано коммерческими интересами [27, 53]. Например, некоторые похоронные бюро используют социальные сети, руководствуясь желанием укрепить чувство общности, при котором данное похоронное бюро становится единственным очевидным выбором похоронных услуг для тех, кто попытается (ре)позиционировать себя в жизни местного сообщества [52]. Это свидетельствует о важности социокультурных последствий расширения ритуалов, связанных со смертью, и включения в них киберпространства в дополнение к физическому.

3.3. Цифровое образование в области смерти и практика медицинских работников. В западном мире смерть стала в значительной степени медицинализированной и чаще всего она настигает людей в институциональных условиях, таких как больницы или учреждения долгосрочного медицинского обслуживания [54, 55]. Таким образом, контекст здравоохранения стал одним из основных компонентов в работе со смертью. Цифровые технологии часто рассматриваются в сфере ухода за умирающими больными в виде инструментов для предоставления услуг, так и для обучения пациентов — и в целом населения. Поскольку все больше семей географически отдалены друг от друга, истории о цифровой помощи близкому человеку в последние минуты его жизни больше не являются исключением [56]. Более того, индивидуальные или групповые сеансы терапии и другие услуги могут быть предложены онлайн [8, 57]. Эти практики требуют адаптации, чтобы вписаться в онлайн-мир. Тем не менее большинство людей, переживших тяжелую утрату, предпочитают обращаться за поддержкой к друзьям и родственникам [58], похоронным организациям или в Интернет [59]. На самом деле, как было показано в разделе выше, цифровые пространства могут обеспечить комфорт и поддержку для скорбящих и умирающих людей в гораздо большей степени, чем это могут сделать системы здравоохранения. Коль скоро скорбь и забота о людях, ожидающих конца своей жизни, больше не являются исключительной обязанностью медицинских работников, аналогичное явление наблюдается также и в том, как Интернет трансформирует распространение информации, связанной со смертью, — другими словами, образование в области смерти.

Образование в области смерти может быть формальным и предоставляться медицинскими работниками, а также специалистами по вопросам смерти, или неформальным, то есть случайным, когда люди сами ищут информацию, либо непосредственно связанную со смертью, либо нет [60]. Интернет расширяет возможности по доступу и производству формальных ресурсов и в то же время поддерживает больше неформальных ресурсов по обучению смерти, чем любое другое средство массовой информации. В то время как формальные источники образования по вопросам смерти существуют в виде онлайн-классов [60], неформальное образование может происходить множеством способов, поскольку Интернет переполнен веб-страницами из различных источников, посвященными скорби, информационной и практической поддержке тех, кто ее переживает [8]. Очевидно, что определение надежности ресурса и относительной полезности предлагаемых там советов имеет большое значение. Однако роль цифровых технологий в образовании по вопросам смерти заключается не просто в пере-

даче знаний, а скорее в распространении социальных норм.

Роль средств массовой информации в распространении социальных норм является центральной. Масс-медиа, включая их интернет-компонент, склонны освещать смерть публичных личностей или людей, погибших при чрезвычайно жестоких или неожиданных обстоятельствах [20, 21]. В таких репрезентациях переживание скорби структурируется с помощью социальных факторов (например, жанра, возраста, статуса и отношений) и изображается как подходящий способ испытывать чувство скорби [21]. Таким образом, социальные нормы, связанные со скорбью, формируются под влиянием сенсационности и журналистских ценностей и представляют собой исключительные ситуации, которые не обязательно отражают реальность [25]. Нормы также могут формироваться под влиянием того, как телесериалы изображают смерть [25, 61]. Свидетельства осведомленности по вопросам смерти также были зафиксированы после смертей знаменитостей, в частности Стива Джобса, когда среди фанатов, в наибольшей степени идентифицирующих себя с ним, резко выросло количество запросов информации о раке поджелудочной железы [62].

Хотя веб-страницы ведущих СМИ по-прежнему составляют значительную часть репрезентаций, с которыми люди знакомятся в поисках информации о скорби и смерти, и оказывают большое влияние на понимание смерти [8], из этого не следует, что все эти люди играют активную роль в конструировании смысла, связанного с переживанием смерти. Интерактивность социальных сетей может размывать границы, поскольку они предоставляют широкие возможности для неформального обучения по вопросам смерти. И действительно, благодаря личным историям, которыми люди делятся в блогах, форумах или социальных сетях, Интернет стал неформальным ресурсом понимания смерти [23] и способствовал созданию общих смыслов, связанных с опытом смерти, которые могут быть ближе к реальности, чем смыслы, репрезентируемые средствами массовой информации. Например, серия квестов 'Крестonosец Брайденбрад' в World of Warcraft была создана в честь Брэдфорда Брайденбекера, который умер после долгой борьбы с раком, и хотя история этих квестов посвящена его жизни, она также несет в себе нарратив смерти, представляя ее как трансформацию, а не как конец [2]. Другие свидетельства способны охватить большое количество людей, как в случае с умершими знаменитостями, когда поклонники делятся в социальных сетях информацией о причине смерти [44] или о делах, за которые они выступали [34, 63]. Онлайн-обсуждения и сообщения могут лежать в основе или поднимать политические, исторические аспекты и вопросы социальной справедливости, например, как в случае с павшими датскими солдатами [43] или движением Black Lives Matter [64, 65]. Таким образом, с точки зрения цифрового образования по вопросам смерти и практики медицинских работников, интерактивность социальных сетей не только обеспечивает социальное взаимодействие, предлагая поддержку и взаимопомощь, но и может нести пропагандистские дискурсы и повышать осведомленность о смерти.

4. Кибертанатология: дальнейшие направления исследований.

4.1. За гранью смерти: новые вызовы кибертанатологии. Что касается кибертанатологии, то эволю-

цию социотехнического контекста следует рассматривать в свете трех аспектов: демографического (в частности, старения населения), социального (роста использования и приемлемости технологий) и технологического (роста преобладания цифровых пространств в человеческой коммуникации). Поскольку опосредованные технологиями преобразования в обществе идут ускоренными темпами, в ближайшие годы непрерывная эволюция процесса цифровизации опыта смерти будет приобретать все большую актуальность. Поэтому определение будущих тенденций и направлений исследований в области кибертанатологии — от фундаментальных до интервенционных³ — имеет решающее значение.

Революционное изменение как содержания, так и характера диалога о смерти и по вопросам смерти приводит к появлению новых популяционных проблем, которые необходимо исследовать. Социальные сети и повсеместное присутствие смартфонов открывают уникальные возможности распространения информации среди граждан по всему миру, радикально отличные от любых технологий, существовавших ранее. Известно, что символические смерти могут вызвать революции (например, смерть Мохамеда Буазизи в 2011 г., транслировавшаяся в социальных сетях и вызвавшая радикальные события в Северной Африке, получившие название 'Арабской Весны'), а недавние события показали, как при столкновении смерти и социальных сетей могут возникнуть международные движения в защиту общества (например, беспорядки в США после смерти Джорджа Флойда). Распространение видеороликов с изображением умирающих людей с помощью смартфонов и социальных сетей влечет за собой этические проблемы, связанные с публичным распространением эмоционально заряженного контента и неприкосновенностью частной жизни соответствующих лиц [66]. Поэтому следует учитывать этические последствия распространения по всему миру в прямом эфире видеозаписей реальной смерти от удущья на смартфонах. Действительно, социальная ответственность за благополучие других людей, связанная с публичным выражением скорби, воспоминаний и личных переживаний [35], порождает множество проблем, которые необходимо решить, а для ряда из них еще и найти им правильное определение. Кроме того, учитывая старение населения, разумно предположить, что ресурсы медицинских работников в какой-то момент окажутся ограниченными — пандемия COVID-19 дала нам представление об такого рода грядущей реальности. По этим причинам люди будут все чаще обращаться к онлайн-информации о смерти, цифровой поддержке и цифровой памяти, чтобы удовлетворить свои потребности. Следовательно, в ближайшие годы кибертанатологические пространства могут оказаться переполненными. Поэтому важно учитывать риск размывания идентичности человека в киберпространстве после смерти, чтобы избежать создания новых форм оцифрованных братских могил.

По мере того, как в социальных системах растет использование и приемлемость технологий, цифровизация смерти и связанных с ней ритуалов будет иметь важные последствия. В связи с перемещением ритуалов смерти, информационной поддержки и услуг, связанных со смертью, из физического пространства в киберпространство, правительствам, системам здравоохранения и похо-

ронным компаниям придется учитывать этот растущий вес технологий в своей повседневной деятельности. Пандемия COVID-19 только ускорила это движение и продемонстрировала важность онлайн-пространства в том, как люди обсуждают вопросы смерти. Во-первых, образ похоронной индустрии, вероятно, будет меняться, поскольку онлайн-сервисы трансформируют традиции [2, 52] и в какой-то момент могут изменить саму индустрию. Действительно, некоторые немногочисленные медиа-инновации предоставляют клиенту больше автономии, и роль похоронного бюро может утратить прежнее значение, как это происходит, например, при разработке программного обеспечения, заменяющего похоронных агентов, или инструментов планирования в формате 'сделай сам' [52]. Во-вторых, молодые поколения будут накапливать данные в течение более длительного периода своей жизни. Поскольку цифровое наследие становится все более распространенным, вопросы кибербезопасности выйдут на первый план, а организация больших коллекций цифрового имущества умерших станет сложной задачей [27]. Хотя сфера управления посмертным цифровым наследием размыта в случаях, когда речь идет о семейном и межличностном уровне, некоторые компании, работающие в сфере цифровых медиа, придерживаются протоколов для решения этих вопросов. Некоторые веб-сайты также предлагают услуги по планированию киберсмерти для управления своим цифровым наследием и процессом наследования [39]. Следует отметить, что социальная приемлемость таких практик должна обсуждаться и, скорее всего, станет ядром жарких общественных споров. Несмотря на то, что правительствам отводится роль в распространении информации об административно-правовых вопросах [8, 27], меняющаяся реальность потребует принятия законодательства о цифровых останках, и эти новые законы должны быть основаны на исследованиях в области кибертанатологии. Существует острая потребность в эмпирических исследованиях того, как социальные нормы, связанные со смертью, скорбью и умиранием, трансформируются в результате интеграции социальных медиа в повседневную жизнь. Поэтому исследования в области кибертанатологии должны продолжать документировать распространенность и влияние цифровых медиа на социальные тенденции и социальные системы и, не ограничиваясь этим, обеспечивать концептуальные рамки для понимания того, как происходят эти изменения.

Несмотря на то, что эти тенденции существуют уже несколько десятилетий, технологическая эволюция достигает новых высот, а это значит, то, что раньше воспринималось как научная фантастика, уже близко. Искусственный интеллект (ИИ) у нас на пороге. Некоторые компании добились успехов в этой области, хотя результаты были отчасти сглажены очень странным ощущением, вызываемым цифровыми клонами или аватарами [2]. Многие считают, что киберпространство обладает потенциалом для достижения бессмертия, предоставляя вечное пространство для мертвых [41], но в этой связи возникают вопросы относительно фактического 'пространства', доступного для конкретного человека в киберпространстве. С теоретически неограниченным виртуальным пространством выражение индивидуальности после смерти не должно вторгаться в живое пространство. Тем не менее одна из самых больших проблем, с которой придется столкнуться кибертанатологии, — это воз-

можность того, что киберпространство в какой-то момент достигнет своего предела в плане хранения информации. Что станет с умершим, если виртуальное пространство окажется ограниченным? Это подводит нас к вопросу о цифровом неравенстве в связанных со смертью контекстах, который мы рассмотрим в следующем разделе.

4.2. Цифровое неравенство за гранью цифровой смерти. Может показаться, что встраивание связанных со смертью явлений в технологии демократизирует опыт смерти и способствует его независимости от традиционных структур. Однако цифровое неравенство может свидетельствовать об обратном [9]. Хотя и были зафиксированы некоторые преимущества онлайн-поддержки, цифрового поминовения и технологий ухода за больными в конце жизни [27, 50], цифровое неравенство подразумевает, что не все получают одинаковую пользу от этого или даже смогут получить к этому доступ [9, 30]. Например, для проведения или участия в поминальной или похоронной службе через платформу, не предназначенную для этого (например, платформу для онлайн-игр), необходимо обладать довольно высоким уровнем цифровой грамотности. Кроме того, удовлетворение от участия в ритуалах зависит от того, какое значение придается самим этим ритуалам, ведь они играют символическую роль. Следовательно, цифровое неравенство имеет и экзистенциальное измерение. Учитывая тот факт, что новые технологии играют важную роль в том, как смерть и скорбь понимаются в обществе, цифровое неравенство также подразумевает и неравную представленность альтернативных репрезентаций смерти и скорби посредством мемориалов, блогов, информационных сайтов и виртуальных сообществ, в отличие от того, что транслируется через новостные СМИ и медицинские учреждения. Таким образом, люди с менее развитыми цифровыми навыками в меньшей степени сталкиваются с более демократизированными формами репрезентации смерти, мемориализации и скорби и вполне могут быть сбиты с толку ненадежными ресурсами. Хотя исключение из цифровых ритуалов и поддержки кажется довольно очевидным последствием, цифровое неравенство может также ограничивать способность понимать гибридизацию социальной динамики, оказывающей формирующее влияние на социальные нормы, действующие в киберпространстве, что в свою очередь влияет на способность людей участвовать в ритуалах социально и культурно приемлемым образом.

Цифровое неравенство влияет не только на использование технологий людьми при их встрече со смертью, но и сохраняется после смерти, оказывая дальнейшее влияние на цифровое наследие умершего. Во-первых, хотя онлайн-мемориалы не отражают неравенство социального статуса в том же масштабе, что и надгробия, дифференцированное использование возможностей веб-мемориалов и число сообщений на веб-мемориалах умерших являются индикаторами цифрового неравенства в мире социальных сетей или ослабляют анонимность социальной жизни покойного. В любом случае это повлияет на социальную идентичность умершего, так как она во многом зависит от онлайн-действий и взаимодействий скорбящих [35]. Во-вторых, поскольку цифровая идентичность сохраняется в сети и после смерти, цифровое неравенство будет оказывать влияние на управление цифровым наследием, что повлечет за собой раз-

личные проблемы кибербезопасности. Несмотря на то, что существует определенное законодательство, защищающее персональные данные от коммерческого использования, в случае с личными данными умерших границы размыты. При рассмотрении юридических вопросов и подготовке к цифровому наследованию необходимо учитывать цифровое неравенство.

Данные о социальных факторах, связанных с цифровым поминовением, скудны, хотя некоторые исследования показывают, что доля участия может быть выше среди женщин и молодых взрослых [5, 24, 41]. Поскольку цифровое неравенство встроено в более широкий макросоциальный контекст, где подобные факторы влияют на индивидуальный доступ и цифровую грамотность [9, 67], исключенные из цифрового пространства люди, по-видимому, подвергаются еще большему риску оказаться обделенными вниманием или подвергнуться стигматизации в цифровых контекстах смерти и скорби. В настоящее время существует острая потребность в эмпирических исследованиях, документирующих новую социальную динамику и цифровое неравенство, в которое она неизбежно встраивается. В частности, речь идет о подробных эпидемиологических портретах участия в цифровых ритуалах поминовения, а также цифровых похоронных услуг и цифровых медицинских услуг.

Хотя киберпространство, казалось бы, демократизирует смерть, скорбь и траур, цифровое неравенство может препятствовать освободительному потенциалу, которым должно обладать цифровое поминовение. Действительно, цифровое неравенство, как правило, не только воспроизводит, но и усиливает традиционное социально-экономическое неравенство [9]. Таким образом, существует — и этот момент нельзя не акцентировать — риск воспроизведения циклов цифрового отчуждения, понижающих индивидуальность в ритуалах поминовения в пользу наиболее социально благополучных слоев населения. Учитывая, что виртуальные возможности вторгаются в процесс умирания, как мы можем предотвратить неравенство в сфере смерти, обусловленное цифровым неравенством? Поскольку проявления смерти не только поддерживаются, но и ограничиваются техническими возможностями платформ и социальными взаимодействиями в сети [2, 25], онлайн-мемориалы развиваются в соответствии с социальными тенденциями, влияющими как на популярность платформ, так и на их конкретное использование, что приводит к изменению и обновлению возможностей платформ для удовлетворения потребностей и запросов пользователей, — при этом важно понимать, что пользователи с самым высоким социально-экономическим статусом и самой высокой цифровой грамотностью с наибольшей вероятностью могут повлиять на эти изменения.

4.3. Обсуждение эволюции танатологии в эпоху развития технологий. Этика уже несколько раз упоминалась в этом тексте. Тем не менее понятие этики является основополагающим аспектом кибертанатологии, начиная с теоретических рассуждений и заканчивая практическими исследованиями. По словам Омана и Флориди, «точно так же, как человеческий труп, наши цифровые останки имеют право на достойное обращение» [53]. Для исследований в области кибертанатологии этические проблемы возникают не только по причине самой тематики, но и в связи с методологическими аспек-

тами. Помимо чисто юридических соображений, исследователи всегда должны оценивать, как используются данные умерших людей, в частности, с точки зрения неприкосновенности частной жизни и конфиденциальности. Поэтому этические соображения должны лежать в основе будущих исследований в этой области, независимо от того, будут ли они проводиться в целях общественного развития (например, изучение репрезентаций смерти в новых медиа) или в интересах здоровья населения (например, использование персональных медицинских данных умерших людей). Отображение феномена смерти в онлайн-пространстве должно быть тщательно изучено в свете тех общественных, социальных и этических трансформационных последствий, которые оно вызывает. Слияние вопросов здоровья и потенциальных экономических интересов всегда приводит к этическим вопросам, особенно в отношении уязвимых групп населения. Это особенно актуально для исследований в области кибертанатологии. Ученые, проводящие исследования в этой области, должны всегда тщательно учитывать влияние своей работы на социальное неравенство в сфере здравоохранения. Цифровая идентичность становится объектом все большего числа исследований, однако еще больше исследование требуется провести по вопросам, связанным с цифровой идентичностью умерших людей.

В отношении цифрового наследия возникают этические вопросы, связанные с прозрачностью, особенно учитывая тот факт, что большинство пользователей, родственников умерших пользователей или людей, назначенных для исполнения воли покойного, не всегда осведомлены о политике различных платформ в отношении управления учетными записями умерших [39]. Несмотря на растущее признание необходимости явной защиты данных умерших, жаркие споры между европейскими странами о том, должны ли законы о защите данных применяться к умершим людям, свидетельствуют, что обязывающее соглашение о характере и защите данных умерших будет достигнуто не скоро [40]. Хотя беспокойство пользователей по поводу управления их цифровым наследием после смерти еще не получила широкого распространения [39], тем не менее курирование цифрового наследия умерших в ближайшем будущем станет общей проблемой общества [39]. Исследователям, работающим с данными умерших, приходится сталкиваться с теми же этическими ограничениями, что и тем, кто занимается онлайн-исследованиями в области здравоохранения [68, 69], а также с рядом дополнительных ограничений, характерных для этого типа 'населения' [70]. Например, даже если человек мертв, важно обеспечить конфиденциальность, поскольку разглашение личности может повлиять на оставшихся в живых [40].

Парадигма образования в области смерти должна быть переосмыслена в пользу так называемого подхода 'общества, грамотного в вопросах скорби' [71], предполагающего, что знания, навыки и ценности, связанные со скорбью, не предназначены только для медицинских работников, обычно реагирующих на острое чувство скорби на индивидуальном уровне, а скорее охватывают все уровни социальной системы, включая компании, правительства и, прежде всего, самих граждан. Очевидно, что в цифровом обществе технологии будут играть решающую роль в достижении этого сдвига, поскольку они встраиваются в социальный контекст, влия-

ющий на переживание скорби и траура. Это также может придать дополнительный вес голосу граждан в ситуациях, связанных со смертью.

Учитывая современные темпы технологического прогресса, можно с уверенностью предположить, что грядущие технологические разработки будут и дальше способствовать эволюции социокультурных практик смерти. С концептуальной точки зрения это имеет серьезные последствия для танатологии как академической дисциплины. Действительно, с этого момента и в дальнейшем будет очень трудно (если не невозможно) отделить изучение танатологии от ее 'кибер' компонентов. Ведь, если смерть встроена в институты, то же самое можно сказать и о новых технологиях, — они встроены в одни и те же системы. И хотя мы могли бы опасаться, что это приведет к сегрегации между исследованиями, посвященными до-Интернет и пост-Интернет эпохам, в действительности можно утверждать, что даже исследования смерти, основанные на материалах до-Интернет эпохи (например, изучение кладбищ или некрологов), должны — и они только выиграют от этого — включать в себя технологическое измерение, будь то использование технологических инструментов для сбора данных или проведение сравнительного анализа с онлайн-материалами. Поэтому кибертанатологию следует рассматривать не как хиазм, а как эволюцию этой области — неизбежную, необходимую и потенциально полезную.

Определение будущего исследований смерти потребует междисциплинарных дискуссий между теми, кто вовлечен в эту академическую область, и учеными, работающими в других академических областях, которые окажутся затронуты технологически расширенной и открытой для диалога областью исследований смерти. По мере старения населения и преобладания киберпространства в самом ближайшем будущем возникнет острая необходимость в том, чтобы изучающие смерть ученые, а также профессионалы в сфере вопросов смерти включили в свою начальную теоретическую подготовку и непрерывное образование очень сильный компонент киберпсихологии, включающий в себя, в частности, основы виртуальной антропологии наряду с уже преподаваемыми традиционными антропологическими компонентами исследований смерти. Этого можно достичь только путем согласованного кросс- и междисциплинарного диалога. В какой-то момент такое обучение реальности населенных людьми цифровых пространств должно будет распространиться и на специалистов в области здравоохранения, от студентов-медиков и медсестер до социальных работников, а также на работников всех социальных структур, от правительственных учреждений до систем здравоохранения. Аналогичным образом ученые-киберпсихологи должны признать не только в своих исследованиях, но и при формировании нового поколения киберпсихологов, общирность и полноту жизненного опыта в сети — опыта, который включает в себя смерть и другие тесно связанные с ней аспекты.

5. Заключение. Как и во многих других областях, изучение смерти уже невозможно в прежнем привычном нам виде. До наступления цифровой эпохи наши отношения со смертью в основном происходили через информационные векторы (от надгробий и некрологов до похоронной индустрии). В отличие от этого, сейчас мы живем в мире, который характеризуется интерактивностью средств коммуникации. Причем интерактив-

ность эта распространяется не только на живых, но, как мы показали в этом тексте, и на мертвых. Сегодня практически невозможно рассматривать исследования смерти, не принимая во внимание ее технологическое измерение. С этой точки зрения, нам необходима кардинальная смена парадигмы, меняющая наше представление о том, что киберпространство — это просто комбинация цифровых медиа, и, как следствие, то, что происходит сейчас, есть лишь просто переход от традиционных медиа к новым. На самом деле оцифрованные пространства, образующие киберпространство, — это новые пространства жизни, поддерживаемые технологиями.

Влияние новых технологий многие считают разрушительным, причем во многих областях. Концепция кибертанатологии, предложенная в данной статье, представляет собой шаг к осуществлению необходимой нам смены парадигмы и консолидации всех заинтересованных в этом участников — от исследователей и профессионалов до простых граждан. Термин 'кибертанатология' и определение, которое для этого термина мы предлагаем, должны быть более устойчивыми к различным временным изменениям и технологической эволюции, обеспечивая основу для более глобального понимания социокультурного контекста, связанного с переживанием и восприятием смерти, траура и скорби в XXI веке. Концепция кибертанатологии, вероятно, будет стимулировать разработку новых теорий и моделей для понимания и объяснения роли новых технологий в процессе скорби и формировании культурных норм, связанных со смертью и скорбью, а также для поиска новых идей и решения возникающих вопросов. Кибертанатология для исследований смерти — это не враг, а новая реальность, с которой приходится иметь дело. Для изучения киберповедения кибертанатология — это способ вернуть киберпсихологию в более широкий социокультурный контекст и учесть изменения этого контекста под влиянием Интернета.

Разработка концепции кибертанатологии также должна восприниматься как призыв к действию для исследователей, занимающихся киберпсихологией и изучением Интернета, с одной стороны, и тех, кто занимается изучением смерти, с другой, — рассмотреть широкий спектр взаимодействий, которые происходят в среде новых коммуникационных технологий, и область пересечения понятий, лежащих в основе этих дисциплин. Кибертанатология — это операциональная концепция, имеющая общественное значение. Помимо теоретического вклада, исследования в области кибертанатологии должны генерировать практические знания, которые помогут людям справиться со смертью и скорбью в современную технологическую эпоху. Вопрос о том, как воспринимается смерть, является центральным во взаимодействии людей. В определенной степени ответ именно на этот вопрос определяет то, чем является цивилизация, в которой мы живем. Цифровой опыт, связанный со смертью, более не является маргинальным, что говорит о трансформации социокультурных норм, связанных со смертью и скорбью. В ближайшие годы этот феномен, вероятно, станет еще более заметным, поскольку использование технологий демонстрирует рост во всем мире. Однако, поскольку не все люди в одинаковой мере затронуты артикуляцией в киберпространстве связанных со смертью явлений, любая тема, вопрос или размышление в области кибертанатологии должны

учитывать цифровое неравенство. Исследователям нужно вести работу над ростом осведомленности, чтобы исключенные из цифрового пространства люди не оказались 'на обочине' глобальной цифровой среды скорби.

Благодарности

Элизабет Бонойер является стипендиатом Vanier Canada Graduate Scholarship.

Примечания переводчика

¹ Социальная сеть Facebook признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации.

² Слэнговым словом 'луркер' (lurker) принято называть таких пользователей социальных сетей, которые, состоя в некотором сообществе, только наблюдают за его деятельностью и участниками (читают новости сообщества, иногда даже делают репосты, но не вносят никакого вклада в контент и развитие сообщества).

³ 'Интервенционные исследования' — термин медицинской науки. В отличие от наблюдательных исследований, с их помощью проверяют (или испытывают) последствия определенного медицинского вмешательства (экспериментального лекарства, медицинского устройства или процедуры) на людях. Подобного рода исследования также часто называют клиническими испытаниями.

Список источников

1. Walter T. Communication Media and the Dead: From the Stone Age to Facebook¹ // *Mortality*. 2015. Vol. 20, № 3. P. 215–232. DOI: 10.1080/13576275.2014.993598.
2. Arnold M., Gibbs M., Kohn T. [et al.]. *Death and Digital Media*. New York: Routledge, 2018. 188 p. ISBN 978-1-138-91795-8.
3. Rheingold H. *The Virtual Community: Homesteading on the Electronic Frontier*. Reading: Addison-Wesley, 1993. 304 p. ISBN 0-201-60870-7.
4. Wellman B., Gulia M. *Virtual Communities as Communities // Communities in Cyberspace* / Eds. P. Kollock, M. Smith. New York: Routledge, 1999. P. 167–193.
5. Roberts P., Vidal L. A. *Perpetual Care in Cyberspace: A Portrait of Memorials on the Web* // *Omega — The Journal of Death and Dying*. 2000. Vol. 40, № 4. P. 521–545. DOI: 10.2190/3BPT-UYJR-192R-U969.
6. Roberts P. *Here Today and Cyberspace Tomorrow: Memorials and Bereavement Support on the Web* // *Generations: Journal of the American Society on Aging*. 2004. Vol. 28, № 2. P. 41–46.
7. Sofka C. J. Social Support 'Internetworks' Caskets for Sale, and More: Thanatology and the Information Superhighway // *Death Studies*. 1997. Vol. 21, № 6. P. 553–574. DOI: 10.1080/074811897201778.
8. Beaunoyer E., Hiracheta Torres L., Maessen L., Guitton M. J. *Grieving in the Digital Era: Mapping Online Support for Grief and Bereavement* // *Patient Education and Counseling*. 2020. Vol. 103, № 12. P. 2515–2524. DOI: 10.1016/j.pec.2020.06.013.
9. Beaunoyer E., Dupere S., Guitton M. J. *COVID-19 and Digital Inequalities: Reciprocal Impacts and Mitigation Strategies* // *Computers in Human Behavior*. 2020. Vol. 111. P. 1–9. DOI: 10.1016/j.chb.2020.106424.
10. Amy T., Doka K. *A Call to Action: Facing the Shadow Pandemic of Complicated Forms of Grief* // *Omega — The Journal of Death and Dying*. 2021. Vol. 83, № 1. P. 164–169. DOI: 10.1177/0030222821998464.
11. Nguyen M. H., Gruber J., Fuchs J., Marler W., Hunsaker A., Hargittai E. *Changes in Digital Communication During the COVID-19 Global Pandemic: Implications for Digital Inequality*

and Future Research // *Social Media + Society*. 2020. Vol. 6, № 3. P. 1–6. DOI: 10.1177/2056305120948255.

12. Nguyen M. H., Hargittai E., Marler W. *Digital Inequality in Communication During a Time of Physical Distancing: The Case of COVID-19* // *Computers in Human Behavior*. 2021. Vol. 120. P. 1–10. DOI: 10.1016/j.chb.2021.106717.

13. Guitton M. J. *The Immersive Impact of Meta-Media in a Virtual World* // *Computers in Human Behavior*. 2012. Vol. 28, № 2. P. 450–455. DOI: 10.1016/j.chb.2011.10.016.

14. Guitton M. J. *Living in the Hutt Space: Immersive Process in the Star Wars Role-Play Community of Second Life* // *Computers in Human Behavior*. 2012. Vol. 28, № 5. P. 1681–1691. DOI: 10.1016/j.chb.2012.04.006.

15. Guitton M. J. *Swimming with Mermaids: Communication and Social Density in the Second Life Merfolk Community* // *Computers in Human Behavior*. 2015. Vol. 48. P. 226–235. DOI: 10.1016/j.chb.2015.02.004.

16. Saramaki J., Leicht E. A., Lopez E., Roberts S. G. B., Reed-Tsochas F., Dunbar R. I. M. *Persistence of Social Signatures in Human Communication* // *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*. 2014. Vol. 111, № 3. P. 942–947. DOI: 10.1073/pnas.1308540110.

17. McLuhan M. *Understanding Media: The Extension of Man*. London: Routledge, 1964. 318 p. ISBN 978-0451627650.

18. German K., Drushel B. E. *Introduction: Emerging Media: A View Downstream* // *The Ethics of Emerging Media: Information, Social Norms, and New Media Technology* / Eds. B. E. Drushel, K. German. New York: The Continuum International Publishing Group, 2011. P. 1–9.

19. Carroll B., Landry K. *Logging On and Letting Out: Using Online Social Networks to Grieve and to Mourn* // *Bulletin of Science, Technology & Society*. 2010. Vol. 30, № 5. P. 341–349. DOI: 10.1177/0270467610380006.

20. Barry E. *From Epitaph to Obituary Death and Celebrity in Eighteenth-Century British Culture* // *International Journal of Cultural Studies*. 2008. Vol. 11, № 3. P. 259–275. DOI: 10.1177/1367877908092584.

21. Walter T., Littlewood J., Pickering M. *Death in the News: The Public Investigation of Private Emotion* // *Sociology*. 1995. Vol. 29, № 4. P. 579–596. DOI: 10.1177/0038038595029004002.

22. Clark D. B. *The Concept of Community: A Re-Examination* // *The Sociological Review*. 1973. Vol. 21, № 3. P. 397–416. DOI: 10.1111/j.1467-954X.1973.tb00230.x.

23. Hutchings T. *Wiring Death: Dying, Grieving and Remembering on the Internet* // *Emotion, Identity and Death: Mortality Across Disciplines* / Eds. D. Davies, C.-W. Park. New York: Routledge, 2012. P. 43–58.

24. De Vries B., Rutherford J. *Memorializing Loved Ones on the World Wide Web* // *Omega — The Journal of Death and Dying*. 2004. Vol. 49, № 1. P. 5–26. DOI: 10.2190/DR46-RU57-UY6P-NEWM.

25. Gibson M. *Death and Mourning in Technologically Mediated Culture* // *Health Sociology Review*. 2007. Vol. 16, № 5. P. 415–424. DOI: 10.5172/hesr.2007.16.5.415.

26. Walter T., Hourizi R., Moncur W., Pitsillides S. *Does the Internet Change How We Die and Mourn? Overview and Analysis* // *Omega — The Journal of Death and Dying*. 2012. Vol. 64, № 4. P. 275–302. DOI: 10.2190/OM.64.4.a.

27. Sas C., Schreiter M., Büscher M., Gamba F., Coman A. *Futures of Digital Death: Past, Present and Charting Emerging Research Agenda* // *Death Studies*. 2019. Vol. 43, № 7. P. 407–413. DOI: 10.1080/07481187.2019.1647643.

28. Sofka C. J., Cupit I. N., Gilbert K. R. *Preface* // *Dying, Death and Grief in an Online Universe: For Counselors and Educators* / Eds. C. J. Sofka, I. N. Cupit, K. R. Gilbert. New York: Springer, 2012. P. xv–xvi.

29. Chapple H. S., Bouton B. L., Chow A. Y. M., Gilbert K. R., Kosminsky P., Moore J., Whiting P. P. *The Body of Knowledge in Thanatology: An Outline* // *Death Studies*. 2017. Vol. 41, № 2. P. 118–125. DOI: 10.1080/07481187.2016.1231000.

30. Baum F., Newman L., Biedrzycki K. Vicious Cycles: Digital Technologies and Determinants of Health in Australia // *Health Promotion International*. 2014. Vol. 29, № 2. P. 349–360. DOI: 10.1093/heapro/das062.
31. Obst K. L., Due C., Oxlad M., Middleton P. Men's Grief Following Pregnancy Loss and Neonatal Loss: A Systematic Review and Emerging Theoretical Model // *BMC Pregnancy and Childbirth*. 2020. Vol. 20, № 1. P. 1–17. DOI: 10.1186/s12884-019-2677-9.
32. Ward K. The Emergence of the Hybrid Community: Re-Thinking the Physical/ Virtual Dichotomy // *Space and Culture*. 1999. Vol. 2. № 4/5. P. 71–86. DOI: 10.1177/120633120000100405.
33. Gibson M. Grievable Lives: Avatars, Memorials, and Family 'Plots' in Second Life // *Mortality*. 2017. Vol. 22, № 3. P. 224–239. DOI: 10.1080/13576275.2016.1263941.
34. Park S., Hoffner C. A. Tweeting about Mental Health to Honor Carrie Fisher: How #InHonorOfCarrie Reinforced the Social Influence of Celebrity Advocacy // *Computers in Human Behavior*. 2020. Vol. 110. P. 1–11. DOI: 10.1016/j.chb.2020.106353.
35. Bell J., Bailey L., Kennedy D. 'We do it to keep him alive': Bereaved Individuals' Experiences of Online Suicide Memorials and Continuing Bonds // *Mortality*. 2015. Vol. 20, № 4. P. 375–389. DOI: 10.1080/13576275.2015.1083693.
36. Brubaker J. R., Hayes G. R., Dourish P. Beyond the Grave: Facebook¹ as a Site for the Expansion of Death and Mourning // *The Information Society*. 2013. Vol. 29, № 3. P. 152–163. DOI: 10.1080/01972243.2013.777300.
37. Gamba F. Coping with Loss: Mapping Digital Rituals for the Expression of Grief // *Health Communication*. 2018. Vol. 33, № 1. P. 78–84. DOI: 10.1080/10410236.2016.1242038.
38. Bassett D. J. Who Wants to Live Forever? Living, Dying and Grieving in Our Digital Society // *Social Sciences*. 2015. Vol. 4, № 4. P. 1127–1139. DOI: 10.3390/socsci4041127.
39. Cerrillo-i-Martinez A. How Do We Provide the Digital Footprint with Eternal Rest? Some Criteria for Legislation Regulating Digital Wills // *Computer Law & Security Report*. 2018. Vol. 34, № 5. P. 1119–1130. DOI: 10.1016/j.clsr.2018.04.008.
40. Erdos D. Dead Ringers? Legal Persons and the Deceased in European Data Protection Law // *Computer Law & Security Report*. 2021. Vol. 40. P. 1–21. DOI: 10.1016/j.clsr.2020.105495.
41. Irwin M. D. Mourning 2.0 — Continuing Bonds Between the Living and the Dead on Facebook¹ // *Omega — The Journal of Death and Dying*. 2015. Vol. 72, № 2. P. 119–150. DOI: 10.1177/0030222815574830.
42. DeGroot J. M. 'For Whom the Bell Tolls': Emotional Rubbernecking in Facebook¹ Memorial Groups // *Death Studies*. 2014. Vol. 38, № 2. P. 79–84. DOI: 10.1080/07481187.2012.725450.
43. Knudsen B. T., Stage C. Online War Memorials: YouTube as a Democratic Space of Commemoration Exemplified Through Video Tributes to Fallen Danish Soldiers // *Memory Studies*. 2013. Vol. 6, № 4. P. 418–436. DOI: 10.1177/1750698012458309.
44. Cohen E. L., Hoffner C. Finding Meaning in a Celebrity's Death: The Relationship Between Parasocial Attachment, Grief, and Sharing Educational Health Information Related to Robin Williams on Social Network Sites // *Computers in Human Behavior*. 2016. Vol. 65. P. 643–650. DOI: 10.1016/j.chb.2016.06.042.
45. Hoe-Lian Goh D., Sian Lee C. An Analysis of Tweets in Response to the Death of Michael Jackson // *ASLIB Proceedings: New Information Perspectives*. 2011. Vol. 63, № 5. P. 432–444. DOI: 10.1108/00012531111164941.
46. Beaunoyer E., Guitton M. J. When Popular Culture Phenomena Provide Experimental Grounds for Science: The Example of Death's Perception, Bereavement and Mourning // *Journal of Science & Popular Culture*. 2018. Vol. 1, № 2. P. 171–175. DOI: 10.1386/jspc.1.2.171_3.
47. Daniel E. S., Westerman D. K. *Valar Morghulis* (All Parasocial Men Must Die): Having Nonfictional Responses to a Fictional Character // *Communication Research Reports*. 2017. Vol. 34, № 2. P. 143–152. DOI: 10.1080/08824096.2017.1285757.
48. Gamba F. Faire le deuil par l'image: Les idiographies rituelles de commémoration sur YouTube // *Revue des sciences sociales*. 2015. № 54. P. 72–79. DOI: 10.4000/revss.2311.
49. Maddrell A. Online Memorials: The Virtual as the New Vernacular // *Bereavement Care*. 2012. Vol. 31, № 2. P. 46–54. DOI: 10.1080/02682621.2012.710491.
50. Robinson C., Pond D. R. Do Online Support Groups for Grief Benefit the Bereaved? Systematic Review of the Quantitative and Qualitative Literature // *Computers in Human Behavior*. 2019. Vol. 100. P. 48–59. DOI: 10.1016/j.chb.2019.06.011.
51. Marwick A., Ellison N. B. 'There Isn't Wifi in Heaven!' Negotiating Visibility on Facebook¹ Memorial Pages // *Journal of Broadcasting & Electronic Media*. 2012. Vol. 56, № 3. P. 378–400. DOI: 10.1080/08838151.2012.705197.
52. Nansen B., Kohn T., Arnold M., Van Ryn L., Gibbs M. Social Media in the Funeral Industry: On the Digitization of Grief // *Journal of Broadcasting & Electronic Media*. 2017. Vol. 61, № 1. P. 73–89. DOI: 10.1080/08838151.2016.1273925.
53. Öhman C., Floridi L. The Political Economy of Death in the Age of Information: A Critical Approach to the Digital Afterlife Industry // *Minds and Machines*. 2017. Vol. 27, № 4. P. 639–662. DOI: 10.1007/s11023-017-9445-2.
54. Field D. Palliative Medicine and the Medicalization of Death // *European Journal of Cancer Care*. 1994. Vol. 3, № 2. P. 58–62. DOI: 10.1111/j.1365-2354.1994.tb00014.x.
55. Northcott H. C., Wilson D. M. *Dying and Death in Canada*. Ontario: University of Toronto Press, 2017. 336 p. ISBN 978-1442634565.
56. Moore J. Being There: Technology at the End of Life // *Dying, Death and Grief in an Online Universe* / Eds. C. J. Sofka, I. C. Noppe, K. R. Gilbert. New York: Springer, 2012. P. 78–87.
57. Neimeyer R. A., Noppe-Brandon G. Attachment at Distance: Grief Therapy in the Virtual World // *Dying, Death and Grief in an Online Universe* / Eds. C. J. Sofka, I. C. Noppe, K. R. Gilbert. New York: Springer, 2012. P. 103–118.
58. Li J., Chen S. A New Model of Social Support in Bereavement (SSB): An Empirical Investigation with a Chinese Sample // *Death Studies*. 2016. Vol. 40, № 4. P. 223–228. DOI: 10.1080/07481187.2015.1127296.
59. Aoun S. M., Breen L. J., Howling D. A., Rumbold B., McNamara B., Hegney D. Who Needs Bereavement Support? A Population Based Survey of Bereavement Risk and Support Need // *PLoS One*. 2015. Vol. 10, № 3. P. 1–14. DOI: 10.1371/journal.pone.0121101.
60. Noppe I. N., Sofka C. J., Gilbert K. R. *Death Education* // *Dying, Death and Grief in an Online Universe* // Eds. C. J. Sofka, I. C. Noppe, K. R. Gilbert. New York: Springer, 2012. P. 163–182.
61. Bryant M. Grieving with Buffy 20 Years On // *British Journal of General Practice*. 2017. Vol. 67, № 658. 222. DOI: 10.3399/bjgp17X690701.
62. Myrick J. G., Noar S. M., Willoughby J. F., Brown J. Public Reaction to the Death of Steve Jobs: Implications for Cancer Communication // *Journal of Health Communication*. 2014. Vol. 19, № 11. P. 1278–1295. DOI: 10.1080/10810730.2013.872729.
63. Brown W. J., Basil M. D., Bocarnea M. C. Social Influence of an International Celebrity: Responses to the Death of Princess Diana // *Journal of Communication*. 2003. Vol. 53, № 4. P. 587–605. DOI: 10.1111/j.1460-2466.2003.tb02912.x.
64. Mundt M., Ross K., Burnett C. M. Scaling Social Movements Through Social Media: The Case of Black Lives Matter // *Social Media + Society*. 2018. Vol. 4, № 4. DOI: 10.1177/2056305118807911.
65. Kates S., Terechshenko Z., Linder F., Nagler J., Bonneau R., Vakiliifathi M., Tucker J. A. Online Issue Politicization: How the Common Core and Black Lives Matter Discussions Evolved on Social Media // *Center for Social Media and Politics*. 2020. URL: https://csmmapnyu.org/assets/publications/2020_09_04_CC_BLM_Evolved.pdf (дата обращения: 10.10.2024).
66. Cumiskey K. M., Hjorth L. 'I Wish They Could Have Answered Their Phones': Mobile Communication in Mass

Shootings // *Death Studies*. 2019. Vol. 43, № 7. P. 414–425. DOI: 10.1080/07481187.2018.1541940.

67. Robinson L., Cotten S. R., Ono H., Quan-Haase A., Mesch G., Chen W., Schulz J., Hale T. M., Stern M. J. Digital Inequalities and Why They Matter // *Information, Communication & Society*. 2015. Vol. 18, № 5. P. 569–582. DOI: 10.1080/1369118X.2015.1012532.

68. Whitehead L. C. Methodological and Ethical Issues in Internet-Mediated Research in the Field of Health: An Integrated Review of the Literature // *Social Science & Medicine*. 2007. Vol. 65, № 4. P. 782–791. DOI: 10.1016/j.socscimed.2007.03.005.

69. Moreno M. A., Goniú N., Moreno P. S., Diekema D. Ethics of Social Media Research: Common Concerns and Practical Considerations // *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*. 2013. Vol. 16, № 9. P. 708–713. DOI: 10.1089/cyber.2012.0334.

70. Tasse A. M. The Return of Results of Deceased Research Participants // *Journal of Law Medicine & Ethics*. 2011. Vol. 39, № 4. P. 621–630. DOI: 10.1111/j.1748-720X.2011.00629.x.

71. Breen L. J., Kawashima D., Joy K., Cadell S., Roth D., Chow A., Macdonald M. E. Grief Literacy: A Call to Action for Compassionate Communities // *Death Studies*. 2022. Vol. 46, № 2. DOI: 10.1080/07481187.2020.1739780.

Сведения о переводчике

АНТИПОВ Алексей Владимирович, кандидат философских наук, научный сотрудник сектора гумани-

тарных экспертиз и биоэтики Института философии РАН, г. Москва.

SPIN-код: 7782-1854

Адрес для переписки: nelson02@yandex.ru

Источник перевода: Beaunoyer E., Guitton M. J. *Cyberthanatology: Death and Beyond in the Digital Age* // *Computers in Human Behavior*. 2021. Vol. 122. P. 1–9. DOI: 10.1016/j.chb.2021.106849.

Ссылка на полный текст статьи:

<https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0747563221001722>

Для цитирования

Бонойер Э., Гиттон М. Кибертанатология: за пределами смерти в цифровую эпоху = Beaunoyer E., Guitton M. J. *Cyberthanatology: Death and beyond in the digital age* / пер. с англ. А. В. Антипова // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2025. Т. 10, № 1. С. 80–94. DOI: 10.25206/2542-0488-2025-10-1-80-94. EDN: ХОГСОВ.

Статья поступила в редакцию 24.10.2024 г.

© А. В. Антипов

CYBERTHANATOLOGY: DEATH AND BEYOND IN THE DIGITAL AGE

The preponderance of technology and digital connectedness has revolutionized every aspect of humans' social life, including death. Digital technologies are reshaping how the interactions between the living and the dead are negotiated. Indeed, emerging technologies are not only embedded in end-of-life, death, and grief experiences, they are also changing the global context in which these phenomena take place. Although interactions between death-related phenomena and technologies are not new, the ubiquitous presence of digitalized spaces drastically increased the salience and the magnitude of these interactions. To further and structure the understanding of these interactions, we introduce the concept of cyberthanatology as the articulation of death and all related phenomena with and within the digital space. In the light of this framing concept, this paper explores the topology of online death-related behaviors and phenomena, reviews the current state of knowledge on the online representation of death and grief, and identifies the challenges that will have to be faced in the future in order to optimally integrate the understanding of death-related phenomena in the larger field of cyberpsychology. By promoting and nurturing the dialog between the fields of cyberpsychology and death studies, cyberthanatology research will not only result in theoretical advances but also contribute to generate practical knowledge to help people deal with death and grief in the modern technological age.

Keywords: cyberthanatology, digital commemoration, grief, mourning, presence, thanatology.

Acknowledgements

Elisabeth Beaunoyer is supported by a Vanier Canada Graduate Scholarship.

References

1. Walter T. Communication media and the dead: From the Stone Age to Facebook¹. *Mortality*. 2015. Vol. 20, no. 3. P. 215–232. DOI: 10.1080/13576275.2014.993598. (In Engl.).
2. Arnold M., Gibbs M., Kohn T., Meese J., Nansen B. *Death and digital media*. New York: Routledge, 2018. 188 p. ISBN 978-1-138-91795-8. (In Engl.).
3. Rheingold H. *The virtual community: homesteading on the electronic frontier*. Reading: Addison-Wesley, 1993. 304 p. ISBN 0-201-60870-7. (In Engl.).
4. Wellman B., Gulilia M. Virtual communities as communities // *Communities in cyberspace* / Eds. P. Kollock, M. Smith. New York: Routledge, 1999. P. 167–193. (In Engl.).
5. Roberts P., Vidal L. A. Perpetual care in cyberspace: a portrait of memorials on the web. *Omega — The Journal of Death and Dying*. 2000. Vol. 40, no. 4. P. 521–545. DOI: 10.2190/3BPT-UYJR-192R-U969. (In Engl.).
6. Roberts P. Here today and cyberspace tomorrow: memorials and bereavement support on the web. *Generations: Journal of the American Society on Aging*. 2004. Vol. 28, no. 2. P. 41–46. (In Engl.).
7. Sofka C. J. Social support 'internetworks' caskets for sale, and more: thanatology and the information superhighway. *Death Studies*. 1997. Vol. 21, no. 6. P. 553–574. DOI: 10.1080/074811897201778. (In Engl.).
8. Beaunoyer E., Hiracheta Torres L., Maessen L., Guitton M. J. Grieving in the digital era: mapping online support for grief and bereavement. *Patient Education and Counseling*. 2020. Vol. 103, no. 12. P. 2515–2524. DOI: 10.1016/j.pec.2020.06.013. (In Engl.).
9. Beaunoyer E., Dupere S., Guitton M. J. COVID-19 and digital inequalities: reciprocal impacts and mitigation strategies. *Computers in Human Behavior*. 2020. Vol. 111. P. 1–9. DOI: 10.1016/j.chb.2020.106424. (In Engl.).
10. Amy T., Doka K. A call to action: facing the shadow pandemic of complicated forms of grief. *Omega — The Journal*

of Death and Dying. 2021. Vol. 83, no. 1. P. 164–169. DOI: 10.1177/0030222821998464. (In Engl.).

11. Nguyen M. H., Gruber J., Fuchs J., Marler W., Hunsaker A., Hargittai E. Changes in digital communication during the COVID-19 global pandemic: implications for digital inequality and future research. *Social Media + Society*. 2020. Vol. 6, no. 3. P. 1–6. DOI: 10.1177/2056305120948255. (In Engl.).

12. Nguyen M. H., Hargittai E., Marler W. Digital inequality in communication during a time of physical distancing: the case of COVID-19. *Computers in Human Behavior*. 2021. Vol. 120. P. 1–10. DOI: 10.1016/j.chb.2021.106717. (In Engl.).

13. Guitton M. J. The immersive impact of meta-media in a virtual world. *Computers in Human Behavior*. 2012. Vol. 28, no. 2. P. 450–455. DOI: 10.1016/j.chb.2011.10.016. (In Engl.).

14. Guitton M. J. Living in the hutt space: immersive process in the Star Wars role-play community of Second Life. *Computers in Human Behavior*. 2012. Vol. 28, no. 5. P. 1681–1691. DOI: 10.1016/j.chb.2012.04.006. (In Engl.).

15. Guitton M. J. Swimming with mermaids: communication and social density in the Second Life merfolk community. *Computers in Human Behavior*. 2015. Vol. 48. P. 226–235. DOI: 10.1016/j.chb.2015.02.004. (In Engl.).

16. Saramaki J., Leicht E. A., Lopez E., Roberts S. G. B., Reed-Tsochias F., Dunbar R. I. M. Persistence of social signatures in human communication. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*. 2014. Vol. 111, no. 3. P. 942–947. DOI: 10.1073/pnas.1308540110. (In Engl.).

17. McLuhan M. *Understanding media: the extension of man*. London: Routledge, 1964. 318 p. ISBN 978-0451627650. (In Engl.).

18. German K., Drushel B. E. Introduction: emerging media: a view downstream // *The ethics of emerging media: information, social norms, and new media technology* / Eds. B. E. Drushel, K. German. New York: The Continuum International Publishing Group, 2011. P. 1–9. (In Engl.).

19. Carroll B., Landry K. Logging on and letting out: using online social networks to grieve and to mourn. *Bulletin of Science, Technology & Society*. 2010. Vol. 30, no. 5. P. 341–349. DOI: 10.1177/0270467610380006. (In Engl.).

20. Barry E. From epitaph to obituary death and celebrity in eighteenth-century british culture. *International Journal of Cultural Studies*. 2008. Vol. 11, no. 3. P. 259–275. DOI: 10.1177/1367877908092584. (In Engl.).

21. Walter T., Littlewood J., Pickering M. Death in the news: the public investigation of private emotion. *Sociology*. 1995. Vol. 29, no. 4. P. 579–596. DOI: 10.1177/0038038595029004002. (In Engl.).

22. Clark D. B. The concept of community: a re-examination. *The Sociological Review*. 1973. Vol. 21, no. 3. P. 397–416. DOI: 10.1111/j.1467-954X.1973.tb00230.x. (In Engl.).

23. Hutchings T. Wiring death: dying, grieving and remembering on the internet // *Emotion, identity and death: mortality across disciplines* / Eds. D. Davies, C.-W. Park. New York: Routledge, 2012. P. 43–58. (In Engl.).

24. De Vries B., Rutherford J. Memorializing loved ones on the world wide web. *Omega — The Journal of Death and Dying*. 2004. Vol. 49, no. 1. P. 5–26. DOI: 10.2190/DR46-RU57-UY6P-NEWM. (In Engl.).

25. Gibson M. Death and mourning in technologically mediated culture. *Health Sociology Review*. 2007. Vol. 16, no. 5. P. 415–424. DOI: 10.5172/hesr.2007.16.5.415. (In Engl.).

26. Walter T., Hourizi R., Moncur W., Pitsillides S. Does the internet change how we die and mourn? Overview and analysis. *Omega — The Journal of Death and Dying*. 2012. Vol. 64, no. 4. P. 275–302. DOI: 10.2190/OM.64.4.a. (In Engl.).

27. Sas C., Schreiter M., Büscher M., Gamba F., Coman A. Futures of digital death: past, present and charting emerging research agenda. *Death Studies*. 2019. Vol. 43, no. 7. P. 407–413. DOI: 10.1080/07481187.2019.1647643. (In Engl.).

28. Sofka C. J., Cupit I. N., Gilbert K. R. Preface // *Dying, death and grief in an online universe: for counselors and educators* /

Eds. C. J. Sofka, I. N. Cupit, K. R. Gilbert. New York: Springer, 2012. P. xv–xvi. (In Engl.).

29. Chapple H. S., Bouton B. L., Chow A. Y. M., Gilbert K. R., Kosminsky P., Moore J., Whiting P. P. The body of knowledge in thanatology: an outline. *Death Studies*. 2017. Vol. 41, no. 2. P. 118–125. DOI: 10.1080/07481187.2016.1231000. (In Engl.).

30. Baum F., Newman L., Biedrzycki K. Vicious cycles: digital technologies and determinants of health in Australia. *Health Promotion International*. 2014. Vol. 29, no. 2. P. 349–360. DOI: 10.1093/heapro/das062. (In Engl.).

31. Obst K. L., Due C., Oxlad M., Middleton P. Men's grief following pregnancy loss and neonatal loss: a systematic review and emerging theoretical model. *BMC Pregnancy and Childbirth*. 2020. Vol. 20, no. 1. P. 1–17. DOI: 10.1186/s12884-019-2677-9. (In Engl.).

32. Ward K. The emergence of the hybrid community: re-thinking the physical/ virtual dichotomy. *Space and Culture*. 1999. Vol. 2, no. 4/5. P. 71–86. DOI: 10.1177/120633120000100405. (In Engl.).

33. Gibson M. Grievable lives: avatars, memorials, and family 'plots' in Second Life. *Mortality*. 2017. Vol. 22, no. 3. P. 224–239. DOI: 10.1080/13576275.2016.1263941. (In Engl.).

34. Park S., Hoffner C. A. Tweeting about mental health to honor Carrie Fisher: how #InHonorOfCarrie reinforced the social influence of celebrity advocacy. *Computers in Human Behavior*. 2020. Vol. 110. P. 1–11. DOI: 10.1016/j.chb.2020.106353. (In Engl.).

35. Bell J., Bailey L., Kennedy D. 'We do it to keep him alive': bereaved individuals' experiences of online suicide memorials and continuing bonds. *Mortality*. 2015. Vol. 20, no. 4. P. 375–389. DOI: 10.1080/13576275.2015.1083693. (In Engl.).

36. Brubaker J. R., Hayes G. R., Dourish P. Beyond the grave: Facebook¹ as a site for the expansion of death and mourning. *The Information Society*. 2013. Vol. 29, no. 3. P. 152–163. DOI: 10.1080/01972243.2013.777300. (In Engl.).

37. Gamba F. Coping with loss: mapping digital rituals for the expression of grief. *Health Communication*. 2018. Vol. 33, no. 1. P. 78–84. DOI: 10.1080/10410236.2016.1242038. (In Engl.).

38. Bassett D. J. Who wants to live forever? Living, dying and grieving in our digital society. *Social Sciences*. 2015. Vol. 4, no. 4. P. 1127–1139. DOI: 10.3390/socsci4041127. (In Engl.).

39. Cerrillo-i-Martínez A. How do we provide the digital footprint with eternal rest? Some criteria for legislation regulating digital wills. *Computer Law & Security Report*. 2018. Vol. 34, no. 5. P. 1119–1130. DOI: 10.1016/j.clsr.2018.04.008. (In Engl.).

40. Erdos D. Dead ringers? Legal persons and the deceased in european data protection law. *Computer Law & Security Report*. 2021. Vol. 40. P. 1–21. DOI: 10.1016/j.clsr.2020.105495. (In Engl.).

41. Irwin M. D. Mourning 2.0 — continuing bonds between the living and the dead on Facebook¹. *Omega — The Journal of Death and Dying*. 2015. Vol. 72, no. 2. P. 119–150. DOI: 10.1177/0030222815574830. (In Engl.).

42. DeGroot J. M. 'For whom the bell tolls': emotional rubbernecking in Facebook¹ memorial groups. *Death Studies*. 2014. Vol. 38, no. 2. P. 79–84. DOI: 10.1080/07481187.2012.725450. (In Engl.).

43. Knudsen B. T., Stage C. Online war memorials: YouTube as a democratic space of commemoration exemplified through video tributes to fallen danish soldiers. *Memory Studies*. 2013. Vol. 6, no. 4. P. 418–436. DOI: 10.1177/1750698012458309. (In Engl.).

44. Cohen E. L., Hoffner C. Finding meaning in a celebrity's death: the relationship between parasocial attachment, grief, and sharing educational health information related to Robin Williams on social network sites. *Computers in Human Behavior*. 2016. Vol. 65. P. 643–650. DOI: 10.1016/j.chb.2016.06.042. (In Engl.).

45. Hoe-Lian Goh D., Sian Lee C. An analysis of tweets in response to the death of Michael Jackson. *ASLIB Proceedings: New Information Perspectives*. 2011. Vol. 63, no. 5. P. 432–444. DOI: 10.1108/00012531111164941. (In Engl.).

46. Beaunoyer E., Guitton M. J. When popular culture phenomena provide experimental grounds for science: the example of death's perception, bereavement and mourning. *Journal of Science & Popular Culture*. 2018. Vol. 1, no. 2. P. 171–175. DOI: 10.1386/jspc.1.2.171_3. (In Engl.).
47. Daniel E. S., Westerman D. K. *Valar morghulis* (all parasocial men must die): having nonfictional responses to a fictional character. *Communication Research Reports*. 2017. Vol. 34, no. 2. P. 143–152. DOI: 10.1080/08824096.2017.1285757. (In Engl.).
48. Gamba F. Faire le deuil par l'image: les idiographies rituelles de commémoration sur YouTube. *Revue des sciences sociales*. 2015. No. 54. P. 72–79. DOI: 10.4000/revss.2311. (In Fr.).
49. Maddrell A. Online memorials: the virtual as the new vernacular. *Bereavement Care*. 2012. Vol. 31, no. 2. P. 46–54. DOI: 10.1080/02682621.2012.710491. (In Engl.).
50. Robinson C., Pond D. R. Do online support groups for grief benefit the bereaved? Systematic review of the quantitative and qualitative literature. *Computers in Human Behavior*. 2019. Vol. 100. P. 48–59. DOI: 10.1016/j.chb.2019.06.011. (In Engl.).
51. Marwick A., Ellison N. B. 'There isn't wifi in heaven' negotiating visibility on Facebook¹ memorial pages. *Journal of Broadcasting & Electronic Media*. 2012. Vol. 56, no. 3. P. 378–400. DOI: 10.1080/08838151.2012.705197. (In Engl.).
52. Nansen B., Kohn T., Arnold M., Van Ryn L., Gibbs M. Social media in the funeral industry: on the digitization of grief. *Journal of Broadcasting & Electronic Media*. 2017. Vol. 61, no. 1. P. 73–89. DOI: 10.1080/08838151.2016.1273925. (In Engl.).
53. Öhman C., Floridi L. The political economy of death in the age of information: a critical approach to the digital afterlife industry. *Minds and Machines*. 2017. Vol. 27, no. 4. P. 639–662. DOI: 10.1007/s11023-017-9445-2. (In Engl.).
54. Field D. Palliative medicine and the medicalization of death. *European Journal of Cancer Care*. 1994. Vol. 3, no. 2. P. 58–62. DOI: 10.1111/j.1365-2354.1994.tb00014.x. (In Engl.).
55. Northcott H. C., Wilson D. M. *Dying and death in Canada*. Ontario: University of Toronto Press, 2017. 336 p. ISBN 978-1442634565. (In Engl.).
56. Moore J. Being there: technology at the end of life // *Dying, death and grief in an online universe* / Eds. C. J. Sofka, I. C. Noppe, K. R. Gilbert. New York: Springer, 2012. P. 78–87. (In Engl.).
57. Neimeyer R. A., Noppe-Brandon G. Attachment at distance: grief therapy in the virtual world // *Dying, death and grief in an online universe* / Eds. C. J. Sofka, I. C. Noppe, K. R. Gilbert. New York: Springer, 2012. P. 103–118. (In Engl.).
58. Li J., Chen S. A new model of social support in bereavement (SSB): an empirical investigation with a chinese sample. *Death Studies*. 2016. Vol. 40, no. 4. P. 223–228. DOI: 10.1080/07481187.2015.1127296. (In Engl.).
59. Aoun S. M., Breen L. J., Howting D. A., Rumbold B., McNamara B., Hegney D. Who needs bereavement support? A population based survey of bereavement risk and support need. *PLoS One*. 2015. Vol. 10, no. 3. P. 1–14. DOI: 10.1371/journal.pone.0121101. (In Engl.).
60. Noppe I. N., Sofka C. J., Gilbert K. R. Death education // *Dying, death and grief in an online universe* // Eds. C. J. Sofka, I. C. Noppe, K. R. Gilbert. New York: Springer, 2012. P. 163–182. (In Engl.).
61. Bryant M. Grieving with Buffy 20 years on. *British Journal of General Practice*. 2017. Vol. 67, no. 658. 222. DOI: 10.3399/bjgp17X690701. (In Engl.).
62. Myrick J. G., Noar S. M., Willoughby J. F., Brown J. Public reaction to the death of Steve Jobs: implications for cancer communication. *Journal of Health Communication*. 2014. Vol. 19, no. 11. P. 1278–1295. DOI: 10.1080/10810730.2013.872729. (In Engl.).
63. Brown W. J., Basil M. D., Bocarnea M. C. Social influence of an international celebrity: responses to the death of princess Diana. *Journal of Communication*. 2003. Vol. 53, no. 4. P. 587–605. DOI: 10.1111/j.1460-2466.2003.tb02912.x. (In Engl.).
64. Mundt M., Ross K., Burnett C. M. Scaling social movements through social media: the case of black Lives Matter. *Social Media + Society*. 2018. Vol. 4, no. 4. DOI: 10.1177/2056305118807911. (In Engl.).
65. Kates S., Terechshenko Z., Linder F., Nagler J., Bonneau R., Vakiliifathi M., Tucker J. A. Online issue politicization: how the common core and Black Lives Matter discussions evolved on social media // Center for Social Media and Politics. 2020. URL: https://csmapnyu.org/assets/publications/2020_09_04_CC_BLM_Evolved.pdf (accessed: 10.10.2024). (In Engl.).
66. Cumiskey K. M., Hjorth L. 'I wish they could have answered their phones': mobile communication in mass shootings. *Death Studies*. 2019. Vol. 43, no. 7. P. 414–425. DOI: 10.1080/07481187.2018.1541940. (In Engl.).
67. Robinson L., Cotten S. R., Ono H., Quan-Haase A., Mesch G., Chen W., Schulz J., Hale T. M., Stern M. J. Digital inequalities and why they matter. *Information, Communication & Society*. 2015. Vol. 18, no. 5. P. 569–582. DOI: 10.1080/1369118X.2015.1012532. (In Engl.).
68. Whitehead L. C. Methodological and ethical issues in internet-mediated research in the field of health: an integrated review of the literature. *Social Science & Medicine*. 2007. Vol. 65, no. 4. P. 782–791. DOI: 10.1016/j.socscimed.2007.03.005. (In Engl.).
69. Moreno M. A., Goniou N., Moreno P. S., Diekema D. Ethics of social media research: common concerns and practical considerations. *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*. 2013. Vol. 16, no. 9. P. 708–713. DOI: 10.1089/cyber.2012.0334. (In Engl.).
70. Tasse A. M. The return of results of deceased research participants. *Journal of Law Medicine & Ethics*. 2011. Vol. 39, no. 4. P. 621–630. DOI: 10.1111/j.1748-720X.2011.00629.x. (In Engl.).
71. Breen L. J., Kawashima D., Joy K., Cadell S., Roth D., Chow A., Macdonald M. E. Grief literacy: a call to action for compassionate communities. *Death Studies*. 2022. Vol. 46, no. 2. DOI: 10.1080/07481187.2020.1739780. (In Engl.).

About the translator

ANTIPOV Aleksei Vladimirovich, Candidate of Philosophical Sciences, Researcher of the Humanitarian Expertise and Bioethics Department, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow. SPIN-code: 7782-1854
Correspondence address: nelson02@yandex.ru

For citations

Beaunoyer E., Guitton M. J. Cyberthanatology: death and beyond in the digital age / trans. from Engl. A. V. Antipov. *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2025. Vol. 10, no. 1. P. 80–94. DOI: 10.25206/2542-0488-2025-10-1-80-94. EDN: XOGCOB.

Received October 24, 2024.

© E. Beaunoyer, M. J. Guitton

УДК 171 + 111

DOI: 10.25206/2542-0488-2025-10-1-95-103

EDN: MYESDL

А. М. КАРДАШ

Институт философии
Национальной академии наук Беларуси,
г. Минск, Беларусь

ОБНОВЛЕНИЕ И МЕРЕОРГАНИЧЕСКАЯ ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ

В статье проясняется свойство мереорганической преемственности, а также демонстрируется его применимость не только в вопросе о выживании и тождестве личности, но и в вопросе демаркации реконструкции и реставрации. Автор также отвечает на реплики и критику Романа Кочнева и Константина Морозова, связанные с публикацией его прошлой статьи.

Ключевые слова: мереорганическая преемственность, искусство, реставрация, тождество объектов, онтология обновления, тождество личности, выживание.

Реальность выдумки. В небольшом эссе под названием «Выдумка» Роберт Нозик приводит рассуждения персонажа «Роберта Нозика» о том, каким образом он существует и в каких отношениях находится с автором произведения [1]. Статья завершается репликой автора, который указывает, что мы будем воспринимать основной текст либо как философское эссе (нон-фикшн), либо как художественный (фикшн) в зависимости от того, отождествит ли он (автор) себя с персонажем или нет. Нозик делает акцент на постановке необычного скептического сценария о том, а решил ли возможный автор нашего мира, описал ли он реальность или только выдумку?

Но на основании чего можно считать, что автор имеет полную власть над тем, принадлежит ли написанное ему или только персонажу, который им придуман? Основанием может послужить определенное представление автора о собственной личности. Если он сторонник психологического понимания личности, то в известной мере он выбирает, отражает ли он в описании персонажа свои психические состояния или нет. Если же автор сторонник нарративного подхода к личности, то он ещё более произвольно выбирает, является ли этот персонаж частью его личной истории или отдельной историей.

Но что, если представить персонажа «Роберта Нозика» радикально отделенным от автора Роберта Нозика несколько сложнее, чем думает последний? Хотя художественная жизнь персонажа всецело зависит от написанного рукой автора, было бы ошибкой считать, что акт письма находится в полном сознательном контроле пишущего. Я имею в виду, например, идиолект — характерные языковые осо-

бенности письма Нозика, выработанные им в ходе его вполне реальной жизни. Поскольку в «Выдумке» жизнь персонажа эксплицитно заявляется тем, что существует через письмо автора (хотя персонаж и допускает собственную «тайную жизнь» в ненаписанном), то тогда получается, что между персонажем и автором как минимум есть каузальная и вместе с тем лингвистическая связь. И если мы считаем, что идиолект Роберта Нозика — это часть (по-видимому, и контингентная, а не необходимая или достаточная) его личности, то этот же идиолект, выраженный в конкретном тексте, одновременно с этим является и выражением личности автора. Иначе говоря, получившийся текст включает в качестве своей части нечто, что является, было или производно от части того, что составляет личность автора в широком смысле слова. Схожим образом Моррис Мерло-Понти анализировал живопись Сезанна, показывая, что смысл его работ возникал в ходе их воплощения, характер которого, в свою очередь, определялся обстоятельствами жизни художника [2].

Означает ли это, что между автором и его произведением существует мереорганическая преемственность? Однако вряд ли на основании этого можно считать эти объекты тождественными, равно как и вообще несвязанными. Пользуясь иной метафорой Нозика, можно сказать, что его идиолект — это радиоактивно помеченные молекулы сока, вылитые в океан, коим является литературный мир персонажа «Нозика»; это очевидно связывает Нозика с «Нози́ком», но необязательно делает первого владельцем (не)реальности второго [3, с. 233].

Украденные гаметы. Так или иначе, ответ на поставленный вопрос зависит от прояснения того,

что подразумевается под самим понятием, как и от рассмотрения возникшей рецепции и критики (читатель, заинтересованный исключительно в первом, но не во втором, полагаю, может смело перейти к третьему разделу этой статьи). Собственно, «мереограническая преемственность» — это словосочетание, которое я использовал в тексте «Телепорт и оригами», чтобы обозначить определенную цепочку или тип связей между частями одного объекта [4]. Конкретно в той статье я говорил о мереогранической преемственности между клетками «тела, в котором обновляются клетки», а поэтому оно «всегда содержит более старые клетки, которые присутствовали в этом теле тогда, когда в нем были ещё более старые клетки, и так далее до первых моментов развития человеческого организма» [4, с. 104].

Однако только клетками примеры такого отношения не исчерпываются, что в рамках той статьи можно увидеть на примере разбора случая с кораблем Тесея и характера употребления самого словосочетания¹.

За выходом «Телепорта и оригами» последовало обсуждение². Сначала в тексте «Телепорт и другие неприятности» Роман Кочнев предложил критический взгляд на изложенный в моем тексте подход к вопросу выживания в телепорте в целом, который включал не только апелляцию к мереогранической преемственности, но и критику дуалистической посылки в мысленном эксперименте Парфита, аргумент дотошного воспроизведения и рассуждение о мотивации «нерожденного» сохранять психологическое тождество с персоной, которая тождество с собой в некотором смысле навязывает [5]. Значение мереогранической преемственности критикуется посредством мысленного эксперимента о телепортации гамет. Так, условные Боб и Сэнди отправляют гаметы в парфитианский телепорт, который уничтожает объект в точке А и восстанавливает из биологического материала в точке Б, чтобы те были искусственно оплодотворены на Марсе. Аргумент строится следующим образом:

P1. Если бы Боб и Сэнди завели ребенка на земле, то любой генетический тест показал бы, что его генетические родители — Боб и Сэнди.

P2. Чтобы некто был чьим-то родителем в широком или обыденном смысле этого слова, необходимо, чтобы некто был чьим-то генетическим родителем³.

P3. Парфитианская телепортация лишает земные гаметы мереогранической преемственности с марсианскими, которые тем не менее являются генетически тождественными первым.

P3.5. Генетически тождественное = биологически тождественное.

P4. Любой генетический тест покажет, что генетические родители марсианского ребенка — Боб и Сэнди.

C1. Боб и Сэнди — родители марсианского ребенка в том же самом смысле, в котором они были бы родителями возможного земного ребенка.

C2. Отношения мереогранической преемственности не влияют на то, выживает ли личность в парфитианском телепорте, поскольку и марсианский ребенок, рожденный из телепортированных гамет, и земной ребенок — это ребенок, родителями которого стоит считать Боба и Сэнди.

Далее Константин Морозов в статье «Украденные гаметы и мереограническая преемственность» предложил критику аргументов Кочнева, сделав акцент на отстаивании мереогранической преем-

ственности [6]. Разберемся с тем, как именно он это делает.

Морозов верно отмечает, что посылки аргумента о телепортации гамет опираются на понимание родительства в узком генетическом смысле (P1; P4), но вывод (C1) делается о родительстве в широком или обыденном смысле этого слова. В реконструкции выше это отождествление отражено в виде P2.

Далее Морозов показывает необходимость не только генетического совпадения, но и каузальной связи между действиями родителей и возникновением ребенка. В обсуждаемых рамках фантастических сценариев он приводит альтернативный разворот мысленного эксперимента Кочнева, где злой ученый перехватывает гаметы Сэнди и некоего Патрика, чтобы создать ребенка, родителями которого по критериям Кочнева должны быть Сэнди и Патрик, которые не были знакомы и буквально ничего не делали, чтобы завести совместного ребенка. Иначе говоря, здесь опровергается и C1, и C2, поскольку «мереограническая преемственность гамет, произведенных организмом родителя, с гаметами, использованными в зачатии, является необходимым детектором такой каузальной связи, необходимой для родительства» [6]. Подчеркну, что генетическое родительство (и его сохранение по отношению к «ребенку из телепорта») в обсуждаемом мысленном эксперименте вводится просто по условию, а поэтому действительная ставка аргументации — это родительство в любом более широком смысле слова. В ином случае можно просто сослаться на то, что парфитианской телепортации не существует, а все актуальные примеры генетического родительства предполагают мереограническую преемственность детей по отношению к родителям.

Также Морозов предлагают две модификации своего сценария, чтобы подчеркнуть странность и неприемлемость концепции родительства, согласно которой люди становятся родителями, ничего для этого не предпринимая (причем настолько в сильном смысле недеяния, что они даже не оказываются в ситуации случайного зачатия). В первой модификации ученый уже ничего не похищает, но рекомбинирует последовательности ДНК, чтобы получить гаметы для зачатия ребенка. По совпадению полученный генетический материал соответствует тому, что есть у двух реальных людей (Юджина и Пенелопы), которые даже и не задумывались о зачатии ребенка через парфитианский телепорт, поскольку не были знакомы. По критериям Кочнева Юджин и Пенелопа являются родителями ребенка, созданного ученым, в том же смысле, в котором они являлись бы родителями ребенка, которого они могли бы завести, если бы познакомились и развили бы своё общение соответствующим образом. Удобная посылка о сохранении генетического родительства по отношению к «ребенку из телепорта» оборачивается крайне контринтуитивным следствием о том, что третье лицо при определенных обстоятельствах (пускать и фантастических) может легитимно принудить незнакомых мужчину и женщину быть родителями ребенка, в процессе зачатия и рождения которого они не принимали участия.

Во второй модификации Морозов предлагает сценарий, где даже нет третьего лица, поскольку случайное генетическое совпадение происходит в ходе естественной эволюции. Всё это ещё раз раскрывает важный аспект всей изложенной аргументации — биологическое совпадение, конечно, яв-

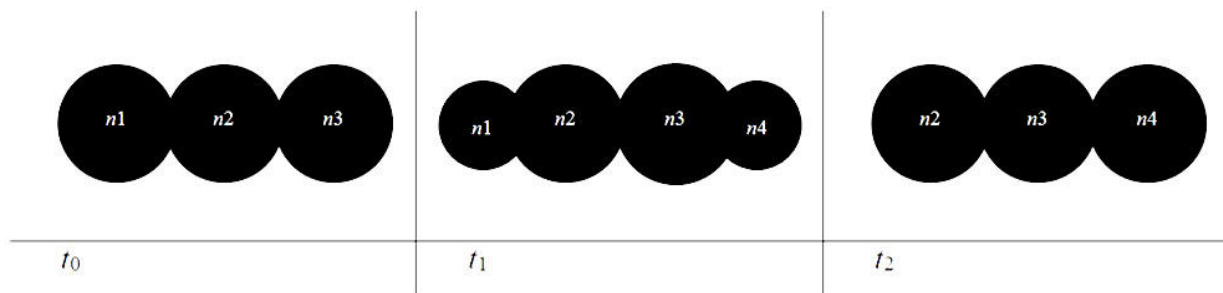

Рис. 1. Обновление частей в рамках единого целого

ляется важным критерием родительства, но только тогда, когда оно не является следствием космической случайности.

Отдельно замечу, что помимо **P2** у Кочнева также есть дополнительная скрытая посылка, обозначенная мной как **P3.5**, о том, что «генетически тождественное = биологически тождественное»⁴. Он пишет, что «между организмами [возможного земного ребенка и марсианского ребенка из телепорта] не будет никакого биологического различия» [5, с. 108]. Но разница в фенотипе — это также форма биологического различия. Гипотетическое тождество генотипов двух организмов не означает, что они будут тождественны фенотипически. Условно говоря, иные условия внешней среды на Марсе по сравнению с Землей могут обеспечить приобретение «ребенком из телепорта» иного фенотипа, что станет его биологическим отличием (сверх разницы в мереорганической преемственности) от своей возможной земной версии.

В тексте «Телепортация Парфита или работа над ошибками» Кочнев признает убедительность доводов Морозова, как и предлагает новую критику мереорганической преемственности [8]. На мой взгляд, в его второй статье окончательно стало заметным смещение в видении мереорганической преемственности, которую Кочнев связывает с «длящейся совокупностью каузальных связей между клетками тела» или «всеми причинно-следственными связями организма», тогда как я и Морозов, по-видимому, понимаем под ней не столь специфичное (в смысле связанное только с организмом и телом) отношение [5, с. 107; 6].

Наверное, самая главная разница оказывается в том, что Кочнев, по-видимому, считает, что я и Морозов воспринимаем мереорганическую преемственность как критерий или детектор выживания личности, тогда как, с нашей точки зрения, нарушение мереорганической преемственности — критерий или детектор не-выживания⁵.

Мереорганическая преемственность не является ответом на вопрос о том, почему личность выживает, поскольку она является вариантом ответа на вопрос о том, почему личность в определенных случаях не выживает. В «Телепорте и оригами» введение мереорганической преемственности проистекает из необходимости артикулировать разницу, которую не замечает Хавьер Идальго, когда считает, что ничто не отличает ситуацию «полета в анабиозе, где тело изменяется естественным образом посредством обновления клеток, и телепорта, который медленно сжигает и восстанавливает вас за то же самое время из новой органической материи» [9]. Собственно, разница и состоит в потере клетками тела человека, медленно сожженного и восстанов-

ленного в телепорте, того типа отношений между ними и организмом, который сохраняется в случае с полетом в анабиозе. Этим отношением является мереорганическая преемственности, и состоит она в том, что на выходе из телепорта клетки тела человека уже не являются теми же клетками, которые были в его теле, когда в нем были уже отмершие, и т.д. По крайней мере, в оригинальной формулировке мной не подразумевается, что клеточная мереорганическая преемственность является важнейшим критерием для сохранения личности (одновременно с этим явно подразумевается, что она является необходимым условием сохранения тела в актуальных нефантастических сценариях), но говорится, что её нарушение является одним из способов уничтожения личности, непосредственно связанным с уничтожением её тела.

Ввиду этого я хочу попытаться ещё раз прояснить обсуждаемый тип связи и, по возможности, не на примерах клеток, личностей и их тел, чтобы показать потенциальную значимость этой идеи в более широком контексте. На мой взгляд, наиболее очевидный контекст применения этой идеи — это вопрос тождества и его нарушения в случае обновляющихся объектов. Далее по тексту я постараюсь задействовать доводы Кочнева и Морозова, хотя и перенося их в иной контекст, чтобы лучше артикулировать сходства и отличия нашего понимания.

Мереорганическая преемственность. Представим объект, который состоит из некоторого количества частей. Допустим, он должен состоять не менее чем из трех и не более чем из четырех частей, чтобы оставаться тем же самым объектом⁶. Природа этого объекта такова, что его части постепенно обновляются — одни «отмирают», а другие заменяют их.

Мы можем визуализировать такой объект, как анимированную фигуру, состоящую в исходном состоянии из трех соприкасающихся окружностей. Крайне левая окружность постепенно уменьшается вплоть до того момента, пока не исчезнет. Справа же появляется точка, которая постепенно приобретает форму исходных окружностей. По мере возникновения и исчезновения крайних окружностей всё, что находится между ними движется влево. Сама фигура остается одной и той же, хотя в какой-то момент все её изначально наблюдаемые части сменяются.

Здесь нас интересует следующее свойство. Допустим, изначально фигура состоит из частей $n1$, $n2$, $n3$. Часть $n1$ начинает исчезать, и этот же момент справа формируется новая часть $n4$. Следовательно, в какой-то момент и на некоторый миг фигура будет состоять из частей $n2$, $n3$, $n4$; а после

из исчезающего p_2 , стабильного p_3 и p_4 , а также за-рождающегося p_5 . Спустя некоторое время мы за-станем эту же фигуру, но состоящую уже из частей p_{68} , p_{69} , p_{70} (Рис. 1).

Нас интересует следующий факт — отдельно взятая часть p_{70} являлась частью фигуры в тот же момент, когда её частью были предшествующие ча-сти p_{69} , p_{68} и p_{67} . Аналогичное верно и для каждой другой части, кроме самой первой. Каждая часть этой фигуры была частью целого в момент, когда другой частью этого целого была более старая часть или части.

Совокупность таких фактов формирует инте-ресное свойство — части такого целого сохраня-ют преемственность с частями, которые это целое некогда составляли. Эту преемственность можно обозначить так, что был момент времени t , ког-да отдельная часть составляла такое целое вместе с частями, которые в свою очередь составляли это целое с другими (уже «отмершими») частями, и так далее до первых мгновений существования такого составного объекта.

Данное свойство и является *мереорганической преемственностью*. Как я полагаю, оно может быть актуально не только для живых организмов, но и для обновляемых объектов в целом. Уместно также предложить дополнительный термин — *рено-вационную связь* или *связь обновления*, которая воз-никает между объектом и его обновленной версией за счет непрерывной преемственности обновля-ющихся частей такого объекта. Причем реноваци-онная связь может сохраниться между объекта-ми, которые мы по каким-то иным критериям уже не считаем тождественными. Возможно, мереорга-ническая преемственность и является тем послед-ним остатком, который характеризует обновляемый объект как тот же самый, насколько радикальными не были бы его обновления. К схожей мысли подо-шел и Роман Кочнев [8].

Теперь же, если взглянуть на то, как мереор-ганическая преемственность была передана в ре-цепции, то мы увидим следующее: в своей первой статье Роман Кочнев связал её с «сохранением всех причинно-следственных связей в рамках ор-ганизма» и проблемой дотошного воспроизведения; Константин Морозов определил её как «такого рода преемственность, которая сохраняется в каком-ли-бо объекте в том случае, если при замене какой-то его части существуют другие части, которые вхо-дили в состав предшествующих темпоральных вер-сий этого объекта»; во второй статье Роман Кочнев определил её «как длящуюся совокупность каузаль-ных связей между клетками тела в разные моменты времени», а также отдельно в трёх тезисах выразил то, что он считает принципом мереорганической преемственности, который также описывается как теория выживания. Как уже было упомянуто ранее, я и Морозов склонны понимать мереорганическую преемственность как свойство обновляемого объ-екта (мереорганическая преемственность клеток — частный случай проявления такого свойства), тогда как Кочнев понимает её как свойство конкретно клеток (или организма) и относит к её принципам тезисы, непосредственно не составляющие само это свойство.

Теперь же о принципах, которые Кочнев свя-зывает с обсуждаемым свойством. Первый фор-мулируется так: «Выживание личности зависит от выживания тела». Это неверное представление, которое проистекает из невнимания к оригинально-

му контексту обсуждения мысленного эксперимен-та Идальго, где такой постулат действительно при-сутствует (см. четвертое примечание настоящего текста, где указывается, что мереорганическая пре-емственность необходима для идентичности тел).

Так и следующий постулат о том, что «выжива-ние тела зависит от мереорганической преемствен-ности» является явным усилением изначального те-зиса. Если этот тезис понять так, что обсуждаемое свойство является необходимым, но не достаточным критерием выживания тела, то я бы мог даже с ним согласиться, однако, что важно, этот теоретический вывод не относится к тому, что собой представляет мереорганическая преемственность.

Последний тезис гласит, что «мереорганическая преемственность зависит от непрерывности вну-тренних каузальных связей между клетками тела». Я бы сказал, что это свойство составляет подобную непрерывность или реновационную связь между состояниями объекта, однако у неё есть свои степе-ни, что мы и обсудим далее.

Реконструкция и реставрация. Как ни странно, но внимание к мереорганической преемственно-сти имеет значение не только в рамках дискуссии о (не)выживании в телепорте. Благодаря этому свойству мы можем провести разницу между ре-конструкцией (воссозданием) и реставрацией объекта искусства. Возможность проводить такую разницу в обычной жизни может свидетельствовать в пользу определенной интуитивности понимания мереорганической преемственности как значимо-го аспекта процесса обновления одного и того же объекта.

Допустим, что некий художник в XV в. нари-совал картину и она успешно сохранилась до на-ших дней. За прошедшее время на ней возникли различные дефекты: часть красок отошла, потемнел лак, возникла патина и т.д. Если современный нам художник просто создаст из аналогичных художе-ственных материалов точную до малейших деталей копию, полностью соответствующую задумке ху-дожника, то конвенционально это будет называться воссозданием или реконструкцией картины. Крите-рий воссоздания очень прост — получившийся арт-объект не имеет никакой материальной мереорга-нической преемственности с оригиналом. Иначе говоря, между оригиналом и воссозданной карти-ной не будет реновационной связи, хотя тождество идей, форм, художественных средств и других не-материальных аспектов картины (если признать, что они полностью независимы от аспектов матери-альных) сохранится.

Реставрация же, в свою очередь, предполагает сохранение реновационной связи за счет сохране-ния частей оригинала, которые нам видятся суще-ственными, сверх которых в общем-то и добавля-ются современные (обновленные) части картины. Поскольку мереорганическая преемственность между частями может иметь ту или иную степень отдаленности, то можно заметить, что в случае реставрации мастера стараются достигнуть мини-мально возможной отдаленности, поскольку просто перерисовка картины поверх уже имеющейся так-же подразумевала бы сохранение преемственности, однако слишком отдаленной от частей, нанесенных автором. Можно сказать, что в случае с абиотиче-скими объектами для нас имеют культурное значе-ние первоначальные части объекта искусства, нали-чие которых (даже, видимо, в экстремально малом процентном соотношении) позволяет говорить, что

это тот же, но обновленный объект, а не новая или производная работа.

Так или иначе, наиболее интересным оказывается понятие производной работы. Так, можно занять ригидную позицию в отношении обновления, заявляя, что даже сохранность 0,01 % частей начального целого позволяет ему сохраниться в обновленном виде (в отношении искусства схожий взгляд можно обнаружить здесь [10, 11]⁷). Производным, соответственно, тогда будет лишь что-то, созданное по мотивам. Также можно занять *медианную позицию*, согласно которой, если обновится более 50 % частей начального целого, то мы получим не обновленный и тот же самый, а новый и производный объект. Но можно занять и *сигнификативную позицию*, предполагая, что начальное целое обладает неким значимым минимумом частей и, если они не будут его составлять, то даже при условии сохранения более 50 % начального целого вообще, мы получим новый производный объект.

Последний взгляд является наиболее смутным и, как кажется, наиболее близким к нашим интуитивным представлениям об обновлениях вещей. По крайней мере, он явно выражен в некоторых работах, исследующих цели реставрации объектов искусства, где можно даже встретить утверждения о том, что объекты искусства не «переживают» постепенной замены частей, которую «переживает» корабль Тесея [12, р. 7, 11; 13⁸; 14–16]. Ориентируясь на анализ и утверждения Рафаэля де Клерка, ригидные и медианные позиции характерны для актуальных организаций, занимающихся сохранением объектов искусства [12, р. 14]. В пользу осмысленности сигнификативной интуиции можно привести следующее соображение: если человек играет в некоторую компьютерную игру, которая получает обновления, и в какой-то момент весь игровой процесс изменится, но за счет обновления только 20 % кода, то игрок, скорее всего, посчитает эту игру другой именно на основании изменения значимого минимума того, что составляет эту игру (то бишь кода, от которого зависит геймплей).

Как бы то ни было, если реновационная связь в принципе не имеет значения, то тогда разница между отреставрированным оригиналом и воссозданной копией работы можно объяснить только нашим произволом. Как мне видится, излагаемые Кочевым аргументы против мереорганической преемственности — это во многом аргументы против значимости реновационной связи, против значимости разницы между реконструкцией и реставрацией. В пользу этого говорит его аргумент, согласно которому реставрация тела человека из его небольшой части ничем не отличается от воссоздания его же из новых биологических материалов [7]. Дело в том, что даже если мы не считаем, что для реставрации достаточно малой части исходного объекта, то разница между производным и новым, реконструированным, объектом представляется вполне ощутимой.

Следовательно, рассуждение о «парфитианском выживании» подразумевает концептуальную цену, которая состоит в необходимости признания, что разница между воссозданием и реставрацией личности не так уж и важна. Но зачем нам её уплачивать? Более того, соглашаясь рассуждать в контексте, где между реконструкцией и реставрацией нет разницы, полагая, было бы уместно дополнить такую позицию представлением о том, почему она важна в случае арт-объектов или, пользуясь при-

мерами в духе телепорта, покритиковать сложившуюся традицию реставрации. Иначе говоря, неясно, почему мы должны в качестве самоочевидной посылки принимать тезис о том, что реставрация и воссоздание — это одно и то же как минимум, когда дело касается личностей.

Роль идеи. Рассуждая о картине, мы можем заметить, что её задумка или идея — это также неотъемлемая часть работы. Более того, актуальная реставрация объектов искусства (и философское осмысление этого явления) зачастую происходит с оглядкой на то, что хотел выразить автор (и, например, снятие выцветшего лака обосновывается тем, что он нарушает задуманную автором палитру цветов для выражения такой-то идеи) [12, р. 5].

Так или иначе, задумку можно выразить отдельно, воссоздав работу⁹. Почему нас тогда вообще должен волновать материальный субстрат? Полагаю, что по той причине, что в некоторых областях искусства трудно игнорировать связь между задумкой и её материальной реализацией¹⁰. В ряде случаев с изобразительным искусством материальная реализация сама по себе может быть задумкой.

Не менее трудно игнорировать и то, что материя приобретает форму искусства не в согласии с идеальными повелениями автора, а в соответствии с его скромными или нескромными способностями придать ей подобную форму. Всегда разумно допустить, что какая-то часть материальной реализации творческой идеи — это то, что возникло контингентно, а не ввиду сознательного усилия автора. Уже сама мысль о существовании смысла, задумок или идей в искусстве может быть рассмотрена как удобная посылка для объяснения того, что остается от искусства, если убрать из него любой потенциально контингентный элемент материальной реализации.

Для целей текущего обсуждения допустим эту простую схему о том, что в творчестве есть идея и её реализация, хотя мне более близок взгляд, согласно которому «смысл не предшествует реализации» [2]. Проблема, связанная с этой схемой, в том, что постфактум мы не можем извлечь из головы автора полный отчет о том, что было сделано намеренно, а что стало контингентным элементом арт-объекта. Мы можем только предполагать на основании того, что видим. Поскольку авторская задумка и предположение о ней — это разные вещи, то реставрация от реконструкции отличается именно попыткой сохранить реновационную связь обновленного объекта с его оригинальным (задуманым и одновременно получившимся) состоянием¹¹. Обратите внимание, что разница между реставрацией и реконструкцией сохраняет значение даже тогда, когда мы не концентрируемся исключительно на материальной стороне вопроса.

И я не зря упомянул о контингентных частях арт-объекта, поскольку в ситуации, когда мы не можем выяснить, что с необходимостью является материальной реализацией идеи, а что только контингентным фактором, то мы сталкиваемся с тем, что реновационная связь в этом специфическом аспекте слепа к задумке или любому нематериальному аспекту объекта. В прошлой статье я говорил о проблеме дотошного воспроизведения — очевидно, что дотошность повышает степень реновационной связи, но необязательно передает необходимый, а не контингентный материальный элемент объекта. Задумка или идея для арт-объекта — это то, что можно назвать его вне-материальной частью

(что, конечно же, не значит, что она существует как-либо, кроме как в форме той или иной материальной реализации). Если такие вне-материальные части и составляют некий объект, то они, платонически взятые сами по себе, не участвуют в процессе его обновления и не изменяются вместе с ним (такой взгляд представлен в [16] и [17]). Скорее на какой-то степени обновлений эта часть может быть утеряна, если замене подвергнутся части, предположительно ответственные за реализацию задумки.

Если же перебрасывать логику сказанного на людей, то старение приводит некоторых к тому, что они теряют свой разум. Иначе говоря, их тела в 20 и 80 сохраняют реновационную связь, однако необязательно психологическое тождество. Важно, что естественных примеров сохранения психологического тождества личности без реновационной связи у нас нет. И если личность уподоблять идее в искусстве, то мы заметим, что она в конце концов даже в интересующем сторонников такой идеи психологическом или нарративном аспекте зависит от материальной реализации — и если реконструкция не воссоздает тот же самый объект искусства, то парфитианская телепортация не воссоздает ту же самую личность.

Имперсональное выживание. В своей статье Роман Кочнев упоминает идею Эрнеста Сосы об имперсональном выживании личности [18]. Такой же сюжет нам знаком и по миру искусства, где автор может умереть, но его идеи или труды будут жить в веках, переносясь из одной головы в другую. При этом мало кто настолько радикален, чтобы назвать это буквальным выживанием. Пожалуй, описанное не будет и парфитианским выживанием. Возможно, его стоит назвать сверх-парфитианским выживанием, поскольку, если обычное парфитианское выживание только предполагает выживание личности вне зависимости от её тела, то сверх-парфитианское выживание шагает дальше, предполагая выживание какого-то продукта активности личности вне зависимости от неё самой. Как ни странно, но некоторые люди, желающие оцифровать свою личность, видимо, согласны даже сверх-парфитианское выживание счесть выживанием.

Такое доведение до абсурда — это прямое развитие пафоса о том, что «всё важное для выживания не может зависеть от незначительного количества клеток» [8]. Действительно, но становится ли ситуация лучше, если «всё важное» зависит от незначительных (при должных масштабах) периодов ясной психической активности?

Поскольку Кочнев согласен с экзистенциальной окраской темы тождества личности, то я полагаю, что он не будет отрицать определенной противоречивости в самой формулировке «имперсонального выживания». Как вообще кому-то реагировать на предложение выжить имперсональным способом? Боюсь, что «имперсональное выживание» в целом звучит как эвфемизм для «персонального не-выживания». Причем это удобная оптика для манипулирования другими людьми в целях, собственно, персонального выживания. Нетрудно представить властного и достаточно оригинального агента, который может обеспечить все условия для имперсонального выживания тем, кто послужит его целям.

Кочнев говорит о разнице и интуициях, и я полагаю, что рассмотрение не личностей, а арт-объектов позволяет зафиксировать важную разницу. Одно

дело воспринимать выживание личности как реконструкцию, а другое дело — как реставрацию. На мой взгляд, выживание как реконструкция — это допустимая философская концепция, но она вообще не о том, о чем волнуются люди, не являющиеся философами, но заинтересованные в персональном выживании или в выяснении природы персональной идентичности.

Когда же мы смотрим на выживание личности как на реставрацию, то с необходимостью признаем значение отношения мереорганической преемственности, которое является необходимым, но необязательно достаточным критерием сохранения реновационной связи между объектами (или их состояниями). Действительно, если у нас останется только малая часть одного объекта (пара клеток некоего тела или нить от полотна мастера), то, совместив эту часть с другими (новым телом или воссозданной картиной), мы не получим целого (если мы только не сторонники того, что выше было обозначено как ригидная позиция), сохраняющего полноценную реновационную связь с изначальным объектом, хотя мереорганическая преемственность между этими объектами формально сохранится.

Проще говоря, здесь важен взгляд не только изнутри, обращающий внимание на характер отношений внутри некоего целого, но и извне, обращающий внимание на то, как вообще это целое выглядит. Я полагаю, что по отдельности ни того, ни другого взгляда недостаточно не только для понимания выживания личности, но и понимания того, почему реставрация картины — это обновление одного и того же объекта, а создание новой картины на основании малой части старой — это создание нового объекта. Примером здесь может служить «Стертый рисунок Де Кунинга» Роберта Раушенберга, который путём уменьшения реновационной связи между исходным и получившимся объектом создал производный, но отдельный арт-объект. Что интересно, получившийся объект мы можем считать производным только, по-видимому, с сигнификативной позиции, поскольку Раушенберг не столько обновил исходное целое, сколько убрал минимально значимую для исходного целого часть, оставив все остальное.

Заключая, что мереорганическая преемственность частей необходима для конституирования обновляемого целого, я, однако, заключаю, что целое конституируется не только ею. По-видимому, во многих контекстах действительно имеет смысл говорить о том, что определенные части составляют некоторый необходимый минимум, который точно не должен быть утерян. Соответственно, если этот минимум утерян, но с сохранением частей, имеющих мереорганическую преемственность с частями необходимого минимума, то, несмотря на это, реновационная связь определенным образом все равно нарушается или, лучше сказать, истощается. То или иное истощение реновационной связи между состояниями обновляемого объекта позволяет говорить о реновационной связи как в сильном смысле, когда сохраняется мереорганическая преемственность ключевого минимума частей, так и в слабом смысле, когда сохраняется хотя бы что-то, относящееся к начальному состоянию оригинального целого.

Учитывая это, можно вернуться к начальному рассуждению об авторе (личности) и персонаже (производном от его личности). Слабая реновационная связь между автором и его трудами сохраняется

ровно до тех пор, пока последние не только будут преданы забвению, но и не будут окончательно уничтожены. В этом смысле сверх-парфитианское выживание выглядит даже более реалистичным, чем парфитианское, если уточнить, что «выживает» не личность как таковая, а часть некоторого объекта, имеющая слабую реновационную связь с личностью за счет того, что этот объект относится к результатам интеллектуальной и творческой деятельности личности.

Фактически мы можем увидеть, что люди воспринимают сохранение такой связи в качестве чего-то важного, но почему именно? Не думаю, что на этот вопрос можно ответить ясно и отчётливо. Некоторую подсказку и вдохновение для этого я вижу в теме родительства, затронутой и моей апелляцией к «нерожденным», и мысленным экспериментом Кочнева, и аргументами Морозова. Возможно, артефакты, сохраняющие слабую реновационную связь с их создателем, формируют специфический расширенный фенотип, способствующий тому, что новые личности, возникающие в мире подобных артефактов, будут разделять определенные сходства с создателями таких артефактов.

Благодарности

Автор благодарен Константину Морозову и Роману Кочневу за обсуждение вопросов, связанных с содержанием данной статьи.

Примечания

¹ С моей стороны было бы лукавством делать вид, что на момент написания той статьи я широко задумывался о мереорганической преемственности в каком-либо смысле, кроме как в смысле преемственности между клетками организма, хотя сам дизайн концепта явно не предполагает ограничения исключительно этим смыслом.

² Далее я упоминаю только две статьи Романа Кочнева и статью Константина Морозова. Когда подготовка этого текста уже была на финальной стадии, то я получил возможность ознакомиться ещё и с драфтом статьи Андрея Нехаева, которая далее не рассматривается и не рассматривалась мной до завершения этого текста. Как мне видится, это создало уже для читателя интересную возможность увидеть две параллельные реакции (мою и Нехаева) на сложившуюся дискуссию. Не менее примечательно и то, что важной частью обеих статей является прояснение значения самого концепта мереорганической преемственности. Разница в характере и методах этих прояснений, полагаю, уже сама по себе показательна и заслуживает отдельного осмысления.

³ Включение этой посылки стоит прояснить, поскольку в тексте Романа Кочнева присутствует ненамеренная двусмысленность с апелляцией к родительству. С одной стороны, автор не утверждает, что родительство сводится исключительно к генетическому родительству. С другой стороны, единственный явный смысл, в котором по тексту говорится о родительстве, — это родительство в генетическом смысле. Поскольку у нас нет оснований считать, что Кочнев отрицает возможность небологического родительства, то критерий генетического родства может быть только вариантом необходимого критерия. Соответственно, тогда получится, что у нас есть зонтичная концепция родительства (в широком или быденном смысле, как я пишу об этом в тексте) и есть её различные спецификации, как, например, биологическое родительство. Чтобы не усложнять текст дополнительными деталями и не отходить от той версии аргумента Романа, которую рассматривает Константин, я выбрал более простую формулировку этой посылки.

⁴ В литературе существует альтернативный генетическому критерий биологического родительства. Речь о гестационном критерии (то есть связанном с тем, кто именно вынашивал и рожал ребенка), в пользу предпочтительности которого приводятся моральные аргументы, связанные с отстаиванием прав суррогатных матерей [7]. То есть те, которые Кочнев считает важными в теме тождества личности, а вследствие, видимо, и родства.

⁵ Кочнев пишет, что «Кардаш также уточняет, что именно такая преемственность “обеспечивает выживание тела... являясь крайне важной частью каузальной истории”» [8]. Вероятно, смещение, о котором я говорю, станет более понятным, если привести полную версию предложения, которое цитируется: «Если идентичность тел имеет значение для выживания личности, то мереорганическая преемственность оказывается крайне важной частью каузальной истории, которая не производится в процессе телепортации, как он описан по условиям мысленного эксперимента» [4, с. 106].

⁶ Такое ограничение устанавливается только в целях простоты иллюстрации. Важным является именно наличие некоторого минимума частей, необходимых для того, чтобы целое продолжало существовать. Верхний предел частей, которое может включать в себя целое, не столь важен, однако теоретически можно предположить ситуацию, где частей слишком много, чтобы целое продолжало существовать в виде обновляющегося объекта.

⁷ Стоит заметить, что к ригидным или медианным позициям будут, по-видимому, относиться все сторонники «прямой реставрации», которая противопоставляется «пуристской» (о ней смотри в следующей сноске). Прямая реставрация предполагает, что части объекта искусства можно заменять или добавлять к ним новые в соответствии с авторской задумкой.

⁸ Поскольку в случае искусства довольно трудно понять, что именно является значимым минимумом, то на основании сигнификативной позиции можно вывести нормативную позицию, называемую в соответствующей литературе пуристской реставрацией, смысл которой в том, что реставрация не должна подразумевать добавления новых частей к имеющимся или замены имеющихся на новые. Как мы заметили ранее, прямая реставрация как нормативная позиция лучше совместима с ригидной или медианной позицией относительно онтологии обновляемых объектов.

⁹ Восстановление задумки здесь можно воспринять как аналогию пресловутого выживания сознания без тела в мысленном эксперименте Парфита.

¹⁰ Например, в музыке это игнорировать проще, поскольку записанная на бумаге нота лишь очерчивает спектр вариантов того, как именно она может быть сыграна.

¹¹ Ситуация не станет сильно лучше даже если у нас будут прямые высказывания автора о задуманном, поскольку если мы доверяем ему и не воспринимаем его как картезианского субъекта, отчётливо и точно знающего всё о себе, то без этих допущений у нас всё ещё будут поводы для сомнения в том, насколько он сам понимал, что именно делал. Другой нюанс состоит в том, что мы не всегда ценим искусство только из-за того, что задумал автор, а иногда и вопреки тому, что он задумал. Известный пример расхождения задуманного и оцененного — это случай Патрика Бейтмана из «Американского психопата», чей образ полюбился части зрителей в альтернативной по отношению к авторской трактовке. Интересный пример оценки контингентных факторов в искусстве был указан Константином Морозовым. И зрители, и профессиональные критики ценят «Апокалипсис сегодня» в первую очередь за монологи полковника Курца, сыгранного Марлоном Брандо. Поскольку есть информация о том, что актер не учил своих реплик, появлялся на площадке в нетрезвом виде и импровизировал, то есть вероятность, что некоторые из культовых монологов Курца — не часть задумки сценариста или режиссёра, а случайная пьяная импровизация актёра.

1. Nozick R. Fiction // Ploughshares. 1980. Vol. 6, № 3. P. 74–78. URL: <http://www.jstor.org/stable/40348521> (дата обращения: 28.07.2024).
2. Мерло-Понти М. Сомнения Сезанна // (Пост)феноменология: новая феноменология во Франции и за ее пределами / сост.: С. Шолохова, А. Ямпольская. Москва: Академический проект: Гаудеамус, 2014. С. 102–118. EDN: SFGEND.
3. Нозик Р. Анархия, государство и утопия // пер. с англ. Б. Пинскера; под ред. Ю. Кузнецова, А. Куряева. Москва: ИРИСЭН, 2008. 424 с.
4. Кардаш А. М. Телепорт и оригами // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2024. Т. 9, № 1. С. 102–107. DOI: 10.25206/2542-0488-2024-9-1-102-107. EDN: LQDSOS.
5. Кочнев Р. А. Телепорт и другие неприятности // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2024. Т. 9, № 2. С. 106–111. DOI: 10.25206/2542-0488-2024-9-2-106-111. EDN: EGQNVC.
6. Морозов К. Е. Украденные гаметы и мереорганическая преемственность // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2024. Т. 9, № 3. С. 110–117. DOI: 10.25206/2542-0488-2024-9-3-110-117. EDN: OKVBBV.
7. Gheaus A. Biological Parenthood: Gestational, Not Genetic // Australasian Journal of Philosophy. 2017. Vol. 96, № 2. P. 225–249. DOI: 10.1080/00048402.2017.1354389.
8. Кочнев Р. А. Телепортация Парфита или работа над ошибками // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2024. Т. 9, № 4. С. 106–111. DOI: 10.25206/2542-0488-2024-9-2-106-111. EDN: XGENCJ.
9. Идальго Х. Выживание при телепортации = Hidalgo J. You Survive Teletransportation / пер. с англ. А. В. Нехаева // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2023. Т. 9, № 1. С. 97–101. DOI: 10.25206/2542-0488-2024-9-1-97-101. EDN: RAUEJE.
10. Scott David A. Art Restoration and Its Contextualization // Journal of Aesthetic Education. 2017. Vol. 51, № 2. P. 82–104. DOI: 10.5406/jaesteduc.51.2.0082.
11. Wreen M. The Restoration and Reproduction of Works of Art // Dialogue. 1985. Vol. 24, № 1. P. 91–100. DOI: 10.1017/S001221730004600X.
12. De Clercq R. The Metaphysics of Art Restoration // British Journal of Aesthetics. 2013. Vol. 53, № 3. P. 261–275. DOI: 10.1093/aesthj/ayt013.
13. Sagoff M. On Restoring and Reproducing Art // Journal of Philosophy. 1978. Vol. 75, № 9. P. 453–470. DOI: 10.2307/2025386.
14. Wollheim R. Art and Its Objects. Cambridge: Cambridge University Press, 1980. 288 p.
15. Budd M. The Aesthetic Appreciation of Nature: Essays on the Aesthetics of Nature. Oxford: Oxford University Press, 2005. 172 p.
16. Savile A. The Rationale of Restoration // The Journal of Aesthetics and Art Criticism. 1993. Vol. 51, № 3. P. 463–474.
17. Lamarque P. Work and Object: Explorations in the Metaphysics of Art. Oxford: Oxford University Press, 2010. 264 p.
18. Sosa E. Surviving Matters // Noûs. 1990. Vol. 24, № 2. P. 297–322. DOI: 10.2307/2215530.

КАРДАШ Алексей Михайлович, аспирант отдела теории познания и методологии науки Института философии Национальной академии наук Беларуси, г. Минск, Беларусь.
 SPIN-код: 8810-5990
 AuthorID (РИНЦ): 1145532
 ORCID: 0000-0002-9683-0601
 ResearcherID: AGN-9675-2022
 Адрес для переписки: krdwalexei@gmail.com

Для цитирования

Кардаш А. М. Обновление и мереорганическая преемственность // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2025. Т. 10, № 1. С. 95–103. DOI: 10.25206/2542-0488-2025-10-1-95-103. EDN: MYESDL.

Статья поступила в редакцию 28.12.2024 г.
 © А. М. Кардаш

RENOVATION AND MEREORGANIC CONTINUITY

The author clarifies nature of the property of merorganic continuity and demonstrates its applicability not only to the question of survival and personal identity, but also to the question of demarcation of reconstruction and restoration. The author also responds to the remarks and criticisms of Roman Kochnev and Konstantin Morozov related to the publication of his previous article.

Keywords: merorganic continuity, art, restoration, objects identity, ontology of renovation, personal identity, survival.

References

1. Nozick R. Fiction. *Ploughshares*. 1980. Vol. 6, no. 3. P. 74–78. URL: <http://www.jstor.org/stable/40348521> (accessed: 28.07.2024). (In Engl.).
2. Merleau-Ponty M. Somnieniya Sezanna [Cezanne's doubts] // (Post)fenomenologiya: novaya fenomenologiya vo Frantsii i za eye predelami. (Post)Phenomenology: a New phenomenology in France and beyond / comp.: S. Sholokhova, A. Yampolskaya. Moscow, 2014. P. 102–118. EDN: SFGEND. (In Russ.).
3. Nozick R. Anarkhiya, gosudarstvo i utopiya / trans. from Engl. by B. Pinsker; ed. by Yu. Kuznetsov, A. Kuryayev. Moscow, 2008. 424 p. (In Russ.).
4. Kardash A. M. Teleport i origami [Teletransporter and Origami]. *Omskiy nauchnyy vestnik. Ser. Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'*. *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2024. Vol. 9, no. 1. P. 102–107. DOI: 10.25206/2542-0488-2024-9-1-102-107. EDN: LQDSOS. (In Russ.).
5. Kochnev R. L. Teleport i drugie nepriyatnosti [Teletransporter and Other Troubles]. *Omskiy nauchnyy vestnik. Ser. Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'*. *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2024. Vol. 9, no. 2. P. 106–111. DOI: 10.25206/2542-0488-2024-9-2-106-111. EDN: EGQNV. (In Russ.).
6. Morozov K. E. Ukradennyye gamety i mereorganicheskaya preymstvennost' [Stolen gametes and mereorganic continuity]. *Omskiy nauchnyy vestnik. Ser. Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'*. *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2024. Vol. 9, no. 2. P. 106–111. DOI: 10.25206/2542-0488-2024-9-2-106-111. EDN: OKVBBV. (In Russ.).
7. Gheaus A. Biological Parenthood: Gestational, Not Genetic. *Australasian Journal of Philosophy*. 2017. Vol. 96, no. 2. P. 225–249. DOI: 10.1080/00048402.2017.1354389. (In Engl.).
8. Kochnev R. L. Teleportatsiya Parfita ili rabota nad oshibkami [Parfitian Teleportation or Error Managemen]. *Omskiy nauchnyy vestnik. Ser. Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'*. *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2024. Vol. 9, no. 2. P. 106–111. DOI: 10.25206/2542-0488-2024-9-2-106-111. EDN: XGEHCJ. (In Russ.).
9. Hidalgo J. Vyzhivaniye pri teleportatsii [You Survive Teletransportation] / trans. from Engl. by A. V. Nekhaev. *Omskiy nauchnyy vestnik. Ser. Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'*. *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2024. Vol. 9, no. 1. P. 97–101. DOI: 10.25206/2542-0488-2024-9-1-97-101. EDN: RAUEJE. (In Russ.).
10. Scott David A. Art Restoration and Its Contextualization. *Journal of Aesthetic Education*. 2017. Vol. 51, no. 2. P. 82–104. DOI: 10.5406/jaesteduc.51.2.0082.11. (In Engl.).
11. Wreen M. The Restoration and Reproduction of Works of Art. *Dialogue*. 1985. Vol. 24, no. 1. P. 91–100. DOI: 10.1017/S001221730004600X. (In Engl.).
12. De Clercq R. The Metaphysics of Art Restoration. *British Journal of Aesthetics*. 2013. Vol. 53, no. 3. P. 261–275. DOI: 10.1093/aesthj/ayt013. (In Engl.).
13. Sagoff M. On Restoring and Reproducing Art. *Journal of Philosophy*. 1978. Vol. 75, no. 9. P. 453–470. DOI: 10.2307/2025386. (In Engl.).
14. Wollheim R. Art and Its Objects. Cambridge: Cambridge University Press, 1980. 288 p. (In Engl.).
15. Budd M. The Aesthetic Appreciation of Nature: Essays on the Aesthetics of Nature. Oxford: Oxford University Press, 2005. 172 p. (In Engl.).
16. Savile A. The Rationale of Restoration. *The Journal of Aesthetics and Art Criticism*. 1993. Vol. 51, no. 3. P. 463–474. (In Engl.).
17. Lamarque P. Work and Object: Explorations in the Metaphysics of Art. Oxford: Oxford University Press, 2010. 264 p. (In Engl.).
18. Sosa E. Surviving Matters. *Noûs*. 1990. Vol. 24, no. 2. P. 297–322. DOI: 10.2307/2215530. (In Engl.).

KARDASH Aleksey Mikhaylovich, Graduate Student of the Theory of Cognition and Methodology of Science Department, Institute of Philosophy, National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
SPIN-code: 8810-5990
AuthorID (RSCI): 1145532
ORCID: 0000-0002-9683-0601
ResearcherID: AGN-9675-2022
Correspondence address: krdwalexei@gmail.com

For citations

Kardash A. M. Renovation and mereorganic continuity. *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2025. Vol. 10, no. 1. P. 95–103. DOI: 10.25206/2542-0488-2025-10-1-95-103. EDN: MYESDL.

Received December 28, 2024.
© A. M. Kardash

УДК 1(091)+81

DOI: 10.25206/2542-0488-2025-10-1-104-107

EDN: ZPTUFX

К. МАКГИНН

Колледж Иисуса,
Оксфордский университет,
Оксфорд, Великобритания

Перевод с английского

Д. А. БОРОДА

Институт философии
Национальной академии наук Беларуси,
г. Минск, Беларусь

ПРОТИВ ЯЗЫКОВЫХ ИГР

В эссе представлена критика витгенштейнианской концепции языковых игр. Проводится различие между техническим и буквальным употреблением термина 'игра' в рамках философии языка Витгенштейна. Демонстрируется, что концепция языковых игр выстраивается по аналогии с играми, которые в буквальном смысле подразумевают использование языковых выражений. Приводится аргументация, призванная показать, что 'игра' является неудачной аналогией для использования языка. С одной стороны, она демонстрирует активную и неоднородную природу языка, что достижимо посредством других сравнений (например, со спортом или танцами). С другой стороны, она упускает, что в ряде контекстов использование языка не является игрой.

Ключевые слова: игра, языковые игры, техническая деятельность, Людвиг Витгенштейн, философия языка, природа языка.

Впервые Витгенштейн вводит понятие языковой игры в седьмом параграфе *Философских исследований* и затем неоднократно использует его на протяжении всей книги. Очевидно, что для него это очень важное понятие, и в дальнейшем оно становится частью философского словаря. Он пишет: «К тому же весь процесс употребления слов в языке (2)¹ можно представить и в качестве одной из тех игр, с помощью которых дети овладевают родным языком. Я буду называть эти игры 'языковыми играми' и говорить иногда о некоем примитивном языке как о языковой игре. Процессы наименования камней и повторения слов за кем-то также можно назвать языковыми играми. Вспомни о многократных употреблении слов в приговорах к играм-хороводам². 'Языковой игрой' я буду называть также единое целое: язык и действия, с которыми он переплетен» [1, с. 83]. Рассмотрим данный отрывок более детально.

Витгенштейн использует здесь слово 'игра' двумя способами: в его обычном разговорном буквальном смысле для обозначения игр, в которые играют дети; а также в новом техническом смысле для обозначения использований языка, которые мы при нормальных условиях не сочли бы играми в пре-

дыдущем смысле этого слова³. Игра-хоровод — это, несомненно, игра в ее традиционном понимании, в то время как использование языка для описания, к примеру, места преступления не является игрой в буквальном смысле. Витгенштейн, по всей видимости, считает, что дети осваивают родной язык (частично или полностью), играя в языковые игры в буквальном смысле, полагая, что выкрикивать названия камней и приносить их в ответ — это тоже своего рода игра (хотя и не дает нам ее названия). Тем самым он считает, что мы овладеваем 'языковыми играми' (в техническом смысле), играя в них (в буквальном смысле).

Для лучшего представления обсуждаемого понятия полезно привести больше примеров буквальных языковых игр (Витгенштейн как пример упоминает только игру-хоровод). Я полагаю, что в качестве таковых подойдут игры наподобие Шпиона⁴, Скрабла⁵, кроссвордов, орфографических конкурсов и игр в рифмы. Все это — игры, в которые мы играем посредством использования языка, и они соответствуют определению игры Бернарда Сьютса в смысле использования неэффективных средств для достижения цели [5, р. 37–39]. Иными словами, Витгенштейн считает, что (а) такие игры игра-

ют важную роль в изучении языка и (b) что они формируют хорошую модель для других способов использования языка (не являющихся в буквальном смысле языковыми *играми*). Утверждение (a) — это эмпирический тезис о том, как дети на самом деле учатся говорить, и он кажется мне неправдоподобным и необоснованным: такое использование языка было бы слишком сложным, чтобы быть базовым для изучения языка, и, конечно же, дети могли бы изучать язык, не играя с ним ни в какие игры. Однако меня больше интересует концептуальное утверждение (b): является ли использование языка в (реальных) языковых играх подходящей моделью для использования языка за их пределами?

Но это не так, по одной очень простой причине: другие способы использования языка *не являются играми*. Если я использую язык для описания места преступления, написания статьи по физике или юридического документа, я вовсе не играю в игры, а занимаюсь тем, что Сьютс называет 'технической деятельностью', — деятельностью, направленной на максимально эффективное достижение определенной цели [5, р. 37]. Чисто интуитивно такое техническое использование языка даже отдаленно ничем не похоже на игру — точно так же, как смертельная битва на поле боя не является своего рода игрой (в отличие, скажем, от игры в ковбоев и индейцев). Не все виды человеческой деятельности являются играми, и не все виды использования языка — языковыми играми. На самом деле они могут быть связаны между собой только по той причине, что мы не используем язык в игровой манере, когда занимаемся деятельностью, которая в явном виде не является игрой. Есть действительно серьезные занятия, которые резко контрастируют с играми, и то же самое касается использования языка. Не все 'языковые игры' являются языковыми *играми*. Если все это задумывалось как простая метафора, то она крайне неудачная, а если как буквальная истина⁶, то она откровенно неверна.

Витгенштейн не приводит никаких аргументов или оснований для описания всех случаев использования языка как языковых игр; он просто заявляет, что будет говорить о них именно так. Но мы вправе спросить, что мы получим, если так сделаем (учитывая буквальную ложность подобных утверждений). Кто-то может сказать, что это всего лишь вольная метафора, призванная подчеркнуть активную природу языка, — нам не стоит относиться к ней слишком серьезно. Я представил бы три замечания по поводу данного высказывания. Во-первых, сам Витгенштейн явно относится к ней очень серьезно, полагая, что она раскрывает глубокую истину о природе языка. Во-вторых, что бы мы сказали, если бы пишущий о познании философ объявил, что он собирается называть способы приобретения знаний 'играми в знания'? Он мог бы указать на то, что дети часто приобретают знания посредством игр, таких как викторины и угадки, и затем заявить, что все становится на свои места, если мы будем моделировать процесс приобретения всех знаний на основе таких игр. Разумеется, мы вправе возразить: «В приобретении исторических, научных или математических знаний нет ничего похожего на игру!» Это просто безответственное и вводящее в заблуждение использование понятия игры. Или предположим, что философ науки предложил бы говорить о 'научных играх' по аналогии с реальными играми. Разве это не странный и ошибочный способ говорить о науке? Наука — это

не игра! Называть биологию и химию 'играми' — значит, исказить их суть и предполагать, что наука — это что-то несерьезное или легкомысленное, некая форма развлечения.

В-третьих, почему Витгенштейн выбирает именно понятие игры, чтобы подчеркнуть активную и неоднородную природу языка? Это верно, что он ссылается на предполагаемое семейное сходство⁷, заложенное в самом понятии игры, чтобы смоделировать свою концепцию языка по семейному сходству, но все же есть множество других (предполагаемых) понятий с семейным сходством, которые он мог бы выбрать взамен этого. Если он просто хотел указать на то, что существует множество неоднородных типов использования языка, не имеющих общей основы, он вполне мог бы сравнить язык с чем-то наподобие следующего: лицами, числами, искусством, наукой, танцами, музыкальными композициями, прическами, спортом, мебелью и еще многим другим. Все они демонстрируют большое разнообразие в своих проявлениях, и можно утверждать, что у них нет общей сущности (по крайней мере, Витгенштейн утверждал бы именно так). Почему же он не сравнивает язык с этими вещами? Почему использует именно основанное на семейном сходстве понятие *игры*? Почему бы не говорить о 'языковом спорте', 'языковых танцах' или 'языковых искусствах'? Видимо, он считал, что помимо прочего игры представляют собой наилучшую аналогию для множественных способов использования языка, и тщетно пытаться искать в его тексте какие-либо обоснования такого решения. Очевидно одно — большинство случаев использования языка совсем не похоже на игры, если брать понятие игры в его буквальном смысле. Они похожи на игры не более чем рубка дров.

Можем ли мы заполнить пробел в рассуждениях Витгенштейна? В языковых играх как правило нет побед и поражений, нет никаких ненужных преград, нет никакого игрового инвентаря вроде бит и мячей, нет фолов и штрафных ударов. Верно, что оба вида деятельности регулируются правилами, но ведь ими также регулируются и многие другие (судопроизводство, королевский этикет, манеры поведения за столом, религиозные обряды и т.д.); да и правила грамматики не похожи на правила типичных игр вроде шахмат, ведь там нет правил, которые устанавливают условия победы. Кажется, использование предложений не похоже на игру ни в каком интересном смысле. Язык не более игра, чем наука, искусство или промышленное производство: вот почему мы не говорим о 'научных играх', 'художественных играх' или 'промышленных играх'. Почему же мы уделяем столько внимания 'языковым играм' Витгенштейна? Почему бы нам прямо не заявить: «Язык — это не игра!». Мы могли бы признать, что использование языка является чем-то очень неоднородным, как и сами игры, не предполагая при этом, что это какая-то разновидность игры. И мы также могли бы принять тот факт, что иногда играем в игры с языком, не считая, что любое использование языка похоже на игру (если бы вы вздумали использовать язык в игровой форме на заседании суда, то судья, скорее всего, тут же сделал бы вам замечание: «Это не игра!»).

Так почему же Витгенштейн использует именно такую аналогию и почему его читатели склонны с ним соглашаться? Отдельно он нигде это не обсуждает и на этот счет у меня нет хороших предположений, но, возможно, это как-то связано с под-

сознательным ощущением того, что использование языка не является чем-то *практическим* в том же самом смысле, что и нелингвистическое поведение, — то есть слова сами по себе не имеют практического эффекта. Язык состоит из 'просто слов', а не из имеющих последствия действий («Палки и камни могут сломать мне кости, но слова никогда не причинят мне вреда»⁸). Использование языка похоже на игру, так как отделено от реальной практической жизни. Если это является основанием для использования метафоры игры, то оно кажется мне слабым и ошибочным, а также философски поверхностным. И если для этого нет никакого другого основания, разговоры о языковых играх бессмысленны и лишь вводят в заблуждение. Их следует отбросить. Мы можем говорить о разных типах языка, или о разных языковых формах, или о разных языковых практиках, но мы не должны использовать понятие языковой игры для характеристики общей природы языка. Не *существует* никаких языковых игр за исключением тех, что являются ими в буквальном смысле этого слова⁹.

Примечания

¹ Речь здесь идет о введенном во втором параграфе примере со строителями и их способами употребления слов 'блок', 'колонна', 'плита' и 'балка'.

² Игра-хоровод (ring-a-ring-a-roses game) — детская игра наиболее популярна в Англии. Чаще всего в нее играют в детском саду, где дети берутся за руки и водят хоровод, напевая стихотворение: «Ring a ring o' roses, A pocket full of posies, Atishoo! Atishoo! We all fall down», — и затем должны последовать стихотворению и упасть. Существует версия, что игра олицетворяет события, происходящие во время чумы [примечание переводчика. — Д. Б.].

³ Справедливости ради, следует заметить, что апологеты понятия языковых игр (Sprachspiele) часто ссылаются на тот факт, что семантическое поле немецкого слова 'Spiele' в целом шире, чем у английского слова 'Game' или у русского слова 'Игра' [2, р. 55]. Среди прочего оно, в частности, включает в себя такие значения, как игра, пьеса, соревнование, дело, действие, воспроизведение, исполнение и т.д.). В немецком языке почти любое занятие (не только игру-хоровод, но и даже простое бесцельное подбрасывание мяча в воздух) можно назвать 'Spiel' [также дополнительно о мотивах введения Витгенштейном понятия языковых игр см.: 3, р. 199–201; 4, р. 159–164; примечание переводчика. — Д. Б.].

⁴ Шпион (I Spy) — английская игра, где необходимо выбрать объект, который находится в поле зрения и произнести: «I spy with my little eye something...». Подсказкой может быть цвет, размер или первая буква. Другой человек должен угадать, что это такое [примечание переводчика. — Д. Б.].

⁵ Скрабл (Scrabble) — игра, заключающаяся в составлении взаимосвязанных по принципу кроссворда слов на игровом поле [примечание переводчика. — Д. Б.].

⁶ Среди попыток дать некоторое неметафорическое истолкование содержания понятия языковых игр отдельно стоит отметить исследования, в которых они рассматриваются как тип сигнальных игр [6, р. 122–159] и эволюционных игр [7–9; примечание переводчика. — Д. Б.].

⁷ Согласно Витгенштейну, вещи и явления относятся к одному типу не потому, что они разделяют некое общее для них эссенциальное свойство, а потому, что они обладают характерными сходствами друг с другом, которые тем не менее не воплощаются с необходимостью в любом явлении, относящемся к определенному типу [примечание переводчика. — Д. Б.].

⁸ Детская поговорка (Sticks and stones may break my bones, but words can never hurt me), назначение которой в том, чтобы

показать, что людям нельзя нанести физический вред неприятными словами [примечание переводчика. — Д. Б.].

⁹ Характеризовать весь язык посредством понятия игры — это то же самое, что характеризовать с его помощью культуру целиком (все имеющиеся в ней обычаи, институты и общественные структуры). Несомненно, игры составляют часть культуры, но было бы крайне ошибочным думать (если только не допустить появления какой-то невероятной новой теории), будто вся культура состоит из игр. Ведь мы могли бы задаться резонным вопросом, чем подкласс 'игр', обычно так называемых, отличается от всех других видов деятельности, которые были подведены под это понятие. Антрополог, просто объявивший, что он собирается называть каждый аспект культуры 'культурной игрой', вызвал бы недоумение и протест.

Список источников

1. Витгенштейн Л. Философские исследования / пер. с нем. М. С. Козловой, Ю. А. Асеева // Философские работы. Москва: Гнозис, 1994. Ч. 1. С. 75–319.
2. Savickey B. Playing Language Games // Wittgensteinian (adj.): Looking at the World from the Viewpoint of Wittgenstein's Philosophy / Eds. S. Wuppuluri, N. da Costa. Cham: Springer, 2020. P. 55–66.
3. Travis C. The Proposition's Progress // The Oxford Handbook of Wittgenstein / Eds. O. Kuusela, M. McGinn. Oxford: Oxford University Press, 2011. P. 182–213.
4. Gerrard S. A Philosophy of Mathematics Between Two Camps // The Cambridge Companion to Wittgenstein / Eds. H. Sluga, G. Stern. Cambridge: Cambridge University Press, 2018. P. 152–179.
5. Suits B. The Grasshopper: Games, Life, and Utopia. Calgary: Broadview Press, 2005. 180 p.
6. Lewis D. Convention: A Philosophical Study. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1969. 213 p.
7. Skyrms B. Presidential Address: Signals // Philosophy of Science. 2008. Vol. 75, № 5. P. 489–500. DOI: 10.1086/594501.
8. Barrett J. A., Skyrms B. Self-Assembling Games // The British Journal for the Philosophy of Science. 2017. Vol. 68, № 2. P. 329–353. DOI: 10.1093/bjps/axv043.
9. Barrett J. A., VanDrunen J. Language Games and the Emergence of Discourse // Synthese. 2022. Vol. 200, № 2. P. 1–15. DOI: 10.1007/s11229-022-03645-7.

Сведения о переводчике

БОРОДА Дарья Андреевна, магистр культурологии, аспирант Института философии Национальной академии наук Беларуси, г. Минск, Беларусь.

ORCID: 0009-0000-8142-9754

ResearcherID: LMN-9082-2024

Адрес для переписки: darya.boroda.00@mail.ru

Источник перевода: McGinn C. Against Language-Games // Philosophical Provocations: 55 Short Essays. Cambridge, MA: The MIT Press, 2017. P. 75–78.

Ссылка на полный текст эссе:

https://www.google.ru/books/edition/Philosophical_Provocations/OAQxDwAAQBAJ?hl=ru&gbpv=1&dq

Для цитирования

МакГинн К. Против языковых игр = McGinn C. Against Language Games / пер. с англ. Д. А. Бороды // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2025. Т. 10, № 1. С. 104–107. DOI: 10.25206/2542-0488-2025-10-1-104-107. EDN: ZPTUFX.

Статья поступила в редакцию 12.10.2024 г.

© Д. А. Борода

AGAINST LANGUAGE GAMES

The essay presents a critique of the Wittgensteinian concept of language-games. A distinction is made between the technical and literal use of the term 'game' within Wittgenstein's philosophy of language. It is demonstrated that the concept of language-games is constructed by analogy with games that literally involve the use of linguistic expressions. Arguments are given to show that 'game' is an unfortunate analogy for language use. On the one hand, it is intended to show the active and heterogeneous nature of language, which is achievable through other comparisons (e.g. with sport or dance). On the other hand, it misses the point that in a few contexts language use is not a game.

Keywords: game, language-games, technical activity, Ludwig Wittgenstein, philosophy of language, nature of language.

References

1. Wittgenstein L. *Filosofskiye issledovaniya* [Philosophical Investigations] / trans. from Germ. M. S. Kozlova, Ju. A. Aseev // *Filosofskiye raboty* [Philosophical Works]. Moscow, 1994. Part 1. P. 75–319. (In Engl.).
2. Savickey B. Playing Language Games // Wittgensteinian (*adj.*): Looking at the World from the Viewpoint of Wittgenstein's Philosophy / Eds. S. Wuppuluri, N. da Costa. Cham: Springer, 2020. P. 55–66. (In Engl.).
3. Travis C. The Proposition's Progress // *The Oxford Handbook of Wittgenstein* / Eds. O. Kuusela, M. McGinn. Oxford: Oxford University Press, 2011. P. 182–213. (In Engl.).
4. Gerrard S. A Philosophy of Mathematics Between Two Camps // *The Cambridge Companion to Wittgenstein* / Eds. H. Sluga, G. Stern. Cambridge: Cambridge University Press, 2018. P. 152–179. (In Engl.).
5. Suits B. *The Grasshopper: Games, Life and Utopia*. Calgary: Broadview Press, 2005. 180 p. (In Engl.).
6. Lewis D. *Convention: A Philosophical Study*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1969. 213 p. (In Engl.).
7. Skyrms B. Presidential Address: Signals. *Philosophy of Science*. 2008. Vol. 75, no. 5. P. 489–500. DOI: 10.1086/594501. (In Engl.).
8. Barrett J. A., Skyrms B. Self-Assembling Games. *The British Journal for the Philosophy of Science*. 2017. Vol. 68, no. 2. P. 329–353. DOI: 10.1093/bjps/axv043. (In Engl.).

9. Barrett J. A., VanDrunen J. Language Games and the Emergence of Discourse. *Synthese*. 2022. Vol. 200, no. 2. P. 1–15. DOI: 10.1007/s11229-022-03645-7. (In Engl.).

About the translator

BORODA Darya Andreyevna, Master Degree in Cultural Studies, Graduate Student, Institute of Philosophy, National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
ORCID: 0009-0000-8142-9754
ResearcherID: LMN-9082-2024
Correspondence address: darya.boroda.00@mail.ru

For citations

McGinn C. Against language games / trans. from Engl. D. A. Boroda. *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2025. Vol. 10, no. 1. P. 104–107. DOI: 10.25206/2542-0488-2025-10-1-104-107. EDN: ZPTUFX.

Received October 12, 2024.

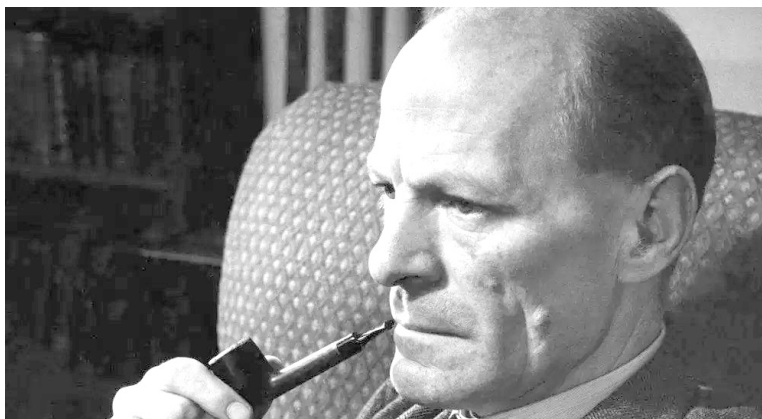
© C. McGinn

ГИЛБЕРТ РАЙЛ (19.08.1900—6.10.1976)

В 2025 году мы празднуем 125-летие замечательного британского философа Гилберта Райла. Родился он в небольшом английском прибрежном курортном городке Брайтоне в многодетной семье врача. По воспоминаниям Райла, его отец имел в своей жизни две страсти — астрономию и философию¹. Разумеется, интерес отца Райла к философии предполагал наличие хорошей библиотеки, в которой маленький Гилберт с удовольствием проводил почти все свободное время. По его собственным словам, в то время он «был всеядным читателем» [1, р. 1]. Вероятно, отчасти это повлияло на то, что в будущей академической карьере Гилберт Райл всегда уделял очень много времени изучению трудов великих философов прошлого — Платона, Аристотеля, Декарта, Локка, Юма и Канта.

В 1919 году Райл поступает в Куинз-колледж Оксфорда, где берет различные курсы по истории, философии и литературе классической древности, проявляя особое рвение при изучении логики. В 1924 году он с отличием завершает свое обучение в Куинз-колледже и становится преподавателем еще одного колледжа Оксфорда — Крайст-Чёрча. В автобиографии Райл отмечает, что философия в Оксфорде в тот период времени находилась в крайнем упадке. Были лишь «две ветви философии, в которых теплилась хоть какая-то жизнь» — этика и теория чувственного восприятия [1, р. 4]. Неудивительно, что некоторые молодые преподаватели, «проявляя, — как пишет Райл, — героическое хладнокровие» перебирались из Оксфорда в аспирантуру Кембриджа [1, р. 4]. Но постепенная философская атмосфера Оксфорда начинала меняться. Молодые оксфордские преподаватели стали регулярно посещать ежегодные совместные сессии Ассоциации журнала *Mind* и Аристотелевского общества, где они встречались, дискутировали и обменивались идеями со своими коллегами из Кембриджа, университетов Лондона и Шотландии. В частности, в 1929 году на одной из таких встреч Райл знакомится со звездой тогдашней кембриджской философии Витгенштейном². Кроме того, молодые философы Оксфорда организовывают и собственный неформальный клуб под ироничным названием 'Крошечные чаепития' (*Wee Teas*)³, на встречах которого яростно обсуждают самые разные философские новинки.

Вернувшись в родной Оксфорд после окончания Второй мировой войны, где он был офицером разведки, Райл берется за работу над своимopus magna — *The Concept of Mind*⁴ — и в 1949 году от-

правляет его в печать [3]. А в 1948 году происходит еще одно очень важное событие в академической карьере Райла — он становится главным редактором журнала *Mind*, сменив на этом почетном посту звезду ранней кембриджской философии Джорджа Мура. Бессменным главным редактором этого журнала Райл пробудет более 20 лет (1948–1971 гг.) и своей редакторской работой (обычно остающейся никем не замеченной) он сделает огромный вклад в развитие мировой академической философии.

На протяжении юбилейного 2025 года в рамках нашей специальной рубрики IN MEMORIA CLASSICA мы будем публиковать самые разные материалы, посвященные философии Гилберта Райла (переводы его работ, критические и аналитические комментарии к ним, биографические и библиографические обзоры) и приглашаем всех заинтересованных авторов принять в этом активное участие.

Примечания

¹ По свидетельству Райла, страсть отца к философии была столь сильна, что еще только на заре становления Аристотелевского общества он выступал перед его участниками с двумя докладами [1, р. 1].

² В автобиографии Райл неоднократно признается, что из оказавших на него влияние философских работ, благодаря которым во многом формировался его собственный метод, *Tractatus Logico-Philosophicus* Витгенштейна занимает особое место. В числе других важных для него работ он указывает ранний труд Рассела *The Principles of Mathematics* (1903 г.), а также исследование Гуссерля *Logische Untersuchungen* (1901 г.).

³ Название этого небольшого философского клуба, собиравшегося раз в две недели, где после скромного ужина один из участников выступал с докладом, вокруг которого затем велась дискуссия, призвано было, как вспоминает Райл, символизировать контраст с весьма чопорным и официозным еженедельным собранием оксфордских преподавателей фи-

лософии, известным как «Чай по четвергам» (Thursday Teas) [1, p. 5].

⁴ Существует перевод этой работы на русский язык [2].

Список источников

1. Ryle G. Autobiographical // Ryle / Eds. O. P. Wood, G. Pitcher. London: Macmillan, 1970. P. 1–15.

2. Райл Г. Понятие сознания / пер. с англ. Е. Крупениной, В. Селиверстова, Д. Симонова, З. Сокулер. Москва: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999. 408 с.

3. Ryle G. The Concept of Mind. New York: Barnes & Noble Books, 1949. 334 p.

Главный редактор
А. В. НЕХАЕВ

УДК 101.1
DOI: 10.25206/2542-0488-2025-10-1-109-114
EDN: VZHTKS

Г. РАЙЛ

Колледж Магдалины,
Оксфордский университет,
Оксфорд, Великобритания

Перевод с английского

А. В. НЕХАЕВ

Омский государственный
технический университет,
г. Омск

ДОКАЗАТЕЛЬСТВА В ФИЛОСОФИИ

В эссе рассматриваются характерные черты философской аргументации. Цели и структура философской аргументации противопоставляются целям и структуре логических и математических доказательств. На примерах понятий удовольствия Платона и числа Фреге демонстрируются особенности практики философского исследования.

Ключевые слова: Гилберт Райл, методы философии, концептуальный анализ, доказательства, аргументы, правила аргументации, философское исследование.

Философы не предоставляют доказательств, а теннисисты не забивают голов. Теннисисты не пытаются, пусть и тщетно, забивать голы. Но ведь и философы не пытаются, пусть тоже тщетно, предоставить доказательства; в этом смысле их нельзя считать людьми неумелыми или неопытными в вопросах доказательств. Голы просто не являются частью игры в теннис, а доказательства — философии.

Разумеется, некоторые философы также были математиками, например, такие как Декарт, Лейбниц и Фреге, а некоторые формальными логиками — Аристотель, Фреге и Рассел. Философам не запрещено доказывать теоремы в математике и формальной логике, так же как теннисистам забивать голы зимой. Но сильные и слабые стороны Аристотеля или Фреге в дискуссии по философским вопросам отличаются от их сильных и слабых сторон в вопросах доказательства теорем формальной логики или математики. Могут существовать люди, превосходящие Аристотеля в доказательстве теорем формальной логики, которых, тем не менее, мы все равно обязаны ранжировать ниже Аристотеля как философа.

Но говорить, что философы ничего не доказывают или даже не пытаются что-либо доказать,

было бы слишком жестоко по следующим двум причинам. (1) С одной стороны, некоторые философы, например Спиноза, сознательно пытались сделать для ряда философских вопросов то же самое, что Евклид сделал для геометрических. Попытками доказать существование Бога и бессмертие души завалены хроники философии от Платона до 1953 года. Я не хочу тратить ваше время на обсуждение того, следует ли относить такие попытки к особому типу философствования, или к плохому философствованию, или к нефилософским занятиям, предпринятым людьми, которые в других областях своей деятельности были настоящими философами. Поэтому я выскажусь чуть более осторожно: некоторые из типично философских результатов ряда наших лучших философов в любом случае не были ни доказательствами, ни квази-доказательствами, ни псевдо-доказательствами, ни даже потенциальными доказательствами.

(2) Однако, с другой стороны, было бы также слишком жестоким говорить, что некоторые типичные и превосходные образцы философствования в принципе не являются ни хорошими, ни плохими попытками доказательства. Это звучит как утверждение, что хорошее философствование по своему характеру подобно большей части поэзии или про-

поведей, а именно — не содержит в себе никакой аргументации и не является чем-то рациональным. Напротив, я считаю, что лучшие произведения лучших философов в полной мере аргументированы, более того, они не просто аргументированы, но и сами являются аргументами. Именно за силу и оригинальность аргументов философ заслуживает уважение со стороны своих коллег.

Все эти сильные аргументы не являются строгими доказательствами, но они также не являются и нестрогими доказательствами. Фреге, например, использует очень сильные аргументы в своих философских дискуссиях о понятии числа¹, но они как не уступают, так и не превосходят предложенные им же доказательства теорем в основной части *Grundgesetze*². Это нельзя считать упражнениями в одном жанре и претендентами на одни почести.

Когда я говорю, что философский аргумент, используемый, скажем, Фреге или Платоном, силен, я не имею в виду, что он лишь риторически убедителен. Платон в целом риторически намного более искусен, чем Аристотель, однако мы должны провести различие между вопросом о том, является ли определенный аргумент Аристотеля более или менее сильным, чем соответствующий аргумент Платона, и вопросом, является ли изложение одного из них более или менее убедительным, чем другого. Философские аргументы могут быть или могут не быть логически сильными, — 'логически' в смысле, тесно связанном с тем, в каком доказательство может быть или может не быть логически строгим. Но почему тогда я утверждаю, что некоторые типичные философские аргументы в любом случае не являются доказательствами?

Теоремы можно изучать, понимать и применять независимо от доказательств. Иногда пропозиция, для которой еще не существует доказательства, может быть интуитивно очевидной, вследствие чего знание истинности этой пропозиции предшествует ее доказательству. Ничего подобного нет в случае с философскими аргументами. Было бы абсурдным пытаться рассказать студенту о результатах платоновских размышлений над понятиями знания и ложного убеждения, не познакомив его с самими этими размышлениями; или заставить его зазубрить наизусть и использовать данное Фреге объяснение понятия числа, освободив его от необходимости оценивать стоящую за ним аргументацию. По той же причине не может быть и перечня философских результатов, полученных Аристотелем или Кантом. Не существует никаких философских теорем, даже самых расплывчатых или туманных.

Иногда подобное отсутствие перечня философских теорем, я думаю, неверно диагностируется. Подразумевается, что в идеале такие 'перечислимые' теоремы должны существовать, хотя на деле их нет, потому что философ, к сожалению, вынужден оперировать нечеткими и неясными понятиями, позаимствованными им из повседневного нетехнического дискурса, тогда как математик оперирует четкими, ясными, техническими понятиями. Но такого рода апология ошибочна. Понятие числа, которому Фреге дал философское объяснение, было четким и ясным понятием, используемым при счете и вычислении, — и тем не менее, его философские аргументы совершенно не похожи на логические теоремы. Понятия *бесконечно малого* и *точки*, которые волновали таких философов, как Зенон, Аристотель, Беркли и Уайтхед, в свою очередь, были понятиями нетехнического дискурса, и они факти-

чески и весьма эффективно использовались математиками в рамках их далеко не бесплодной работы.

Еще один важный момент, о котором я должен упомянуть: там, где существуют доказательства, существуют и послышки. Доказательство неудовлетворительно, если, помимо всего прочего, остается неясным, какие послышки для него были использованы, и если есть сомнения в их истинности. Философские аргументы не излагаются подобным образом, а когда, в благочестивом желании подражать *Началам* Евклида или *Principia Mathematica*³, философы все же притворяются, что демонстрируют нам наборы необходимых и достаточных посылок, дискуссия просто отступает на шаг назад. Философский смысл дискуссии, о котором здесь идет речь, по всей видимости, заключается не в том, как эти предпосылки были использованы философом, а в самих этих мнимых посылах. Картезианцы любили провозглашать '*cogito, ergo sum*' в качестве посылок к некоторым обещанным ими философским теоремам. Мур, я думаю, в ряде случаев рассматривал здравый смысл как основного поставщика философских посылок. Но реакция философов всегда была критической: «Мы не желаем ничего основывать на этих посылах». На самом же деле их реакция, я полагаю, должна быть следующей: «Нам вообще не нужны послышки, потому что нам не нужны теоремы». Просто мы стеснялись заявлять что-либо подобное, потому что невольно считали, что любой аргумент для того, чтобы он обладал хоть какой-то логической силой, должен иметь форму доказательства в виде набора посылок и теорем.

Итак, что же можно сказать об аргументах, которые мы обычно ожидаем найти в спорах хороших философов и получить в наших собственных дискуссиях? Я не собираюсь делать широких обобщений или предлагать какой-либо свод правил. Я рассмотрю только одну вещь, которую нам иногда приходится аргументировать в ходе некоторых философских дискуссий. Вопрос же о том, в какой мере она для них является типичной или нет, мной обсуждаться не будет.

Для начала позвольте мне напомнить о хорошо всем известном различии между техниками и технологиями, или же методами и методологиями, скажем, между музыкой и музыковедением. Одно дело — научиться делать что-то правильно или хорошо; совсем другое — уметь рассказать, как это делать правильно или хорошо. Хирург, выучивший или придумавший искусный прием, может без какого-либо труда его выполнить, но ему может не хватать совсем другого навыка — умения формулировать словесные инструкции, подсказывающие остальным хирургам, что необходимо делать и чего, напротив, следует избегать при выполнении этого искусного приема.

Между примитивным выполнением этого искусного приема и таким сложным делом, как формулирование словесных инструкций по его выполнению, есть и промежуточное занятие, менее примитивное, чем первое, и менее сложное, чем второе, а именно: демонстрация или показ этого искусного приема — пошаговое повторение всех составляющих его действий, осуществляемое открыто и на виду остальных хирургов с намеренно сниженной скоростью.

Предположим теперь, что хирург самостоятельно пытается сформулировать словесные инструкции или рецепт для выполнения этого искусного приема. Как ему проверить собственные инструкции? Как убедиться, что предложенный им рецепт

соответствует или же, напротив, не соответствует той последовательности действий, из которых состоит этот искусный прием и которые сам он без труда умеет выполнять? Он должен проделать свой искусный прием так, как он это умеет, но при этом он должен повторить его, ориентируясь на соответствующие пункты предложенного им рецепта. Он должен пошагово продемонстрировать последовательность действий своего искусного приема, чтобы сопоставить ее с порядком и набором действий, предложенным им в инструкции; а это не так-то просто, особенно если учесть, что первый предложенных им словесный рецепт или инструкция-формула будет, разумеется, лишь очень схематичным наброском.

А теперь применим сказанное к рассматриваемой нами проблеме.

Одно дело — уметь считать, складывать, вычитать и умножать, то есть уметь оперировать числами. Это умеют делать и школьники. Совсем другое дело — сформулировать словесные рецепты или инструкции для правильных операций с числами. Школьникам не нужно пытаться делать эти новые, сложные вещи, но вот некоторым взрослым для определенных целей это делать приходится. Им приходится, так сказать, пытаться кодифицировать правила работы с числовыми выражениями, наподобие того, как законодателям примитивного племени приходится пытаться кодифицировать правила поведения, которые их племя соблюдает, но открыто не провозглашает. То, что верно в отношении числовых выражений, верно почти для всех выражений, — нетехнических, технических или политехнических. Прежде чем браться за словесные инструкции по работе с этими выражениями, мы учимся последовательно и систематически ими оперировать. Например, сначала мы должны научиться правильно задавать с их помощью вопросы, на которые можно ответить, отдавать приказы, которые можно выполнить, делать поддающиеся проверке утверждения и так далее. В дальнейшем, возможно, нам придется задуматься о кодификации таких ранее некодифицированных, но все же подчиняющихся правилам практик. Как иногда не очень удачно выражаются, нам придется сделать явной неявную 'логику' их применения. Это значит, что перед нами встанет определенного рода проблема соответствия, подобная проблеме описанного мной выше хирурга, а именно — соответствия уже хорошо освоенных операций с этими выражениями некоторым предложенным для работы с ними более или менее схематичным инструкциям. В частности, мы должны будем воспроизвести аргументы, в фокусе которых будут находиться эти выражения, чтобы установить их соответствие более или менее грубо очерченным аргументационным паттернам, которые кодируют предложенные инструкции. Заметьте, что здесь, в отличие от случая с хирургом, рассматриваемая процедура сама по себе является набором операций с выражениями. Мы пытаемся кодифицировать с помощью слов одного уровня правила, соблюдаемые при использовании слов другого уровня. Приведу два примера. Платону необходимо было обсудить место удовольствия в жизни человека; и по этой причине ему, грубо говоря, нужно было сказать, что это за вещь — удовольствие. Он заметил, что в числе вещей, которые приносят нам наслаждение, есть такие, как еда, в случаях, когда мы голодны, и питье, в случаях, когда испытываем жажду. Еда и питье —

это процессы, а именно переходы от недостатка к насыщению. Это процессы восполнения. Далее он предположил, что удовольствие от еды и питья, получаемое нами от них наслаждение, являются такими же процессами или, точнее, переходами из одного состояния в другое⁴. В свою очередь Аристотель против этого выдвинул следующего вида возражение. Если бы наше наслаждение чем-либо было процессом или переходом из одного состояния в другое, то из этого следовало бы, что человек вполне мог бы начать наслаждаться чем-либо, но затем по каким-то причинам не закончить, вроде того, как он мог бы начать свой обед, но потом кто-то или что-то помешало бы ему его закончить. Однако, хотя человек и может наслаждаться чем-либо короткое или долгое время, он не может наслаждаться этим только наполовину. Наслаждение может быть большим или малым, но никак не дробным. Это разрушает попытки Платона подвести понятия удовольствия под более общий тип понятий процесса или перехода⁵. Аристотель показал, что серия элементарных аргументационных операций, правомерных в случае с процессуальными выражениями, такими как 'обедать', не может быть выполнена с выражениями типа 'наслаждаться'. Однако нельзя сказать, что этим он не сделал ничего конструктивного, а лишь разрушил утверждения Платона. Напротив, он добавил новый ингредиент в формулировку нужного рецепта. Он нашел конкретный недостаток в предложенной Платоном кодификации и этим действием укрепил ее позитивный элемент. Исправлять — значит улучшать.

Далее давайте рассмотрим то, что было сделано Фреге. Ряд мыслителей, столь же компетентных в вопросах простой арифметики, как и Фреге, предположили, что такие прилагательные, как 'один', 'два' и 'три', подобно прилагательным 'зеленый', 'квадратный' и 'честный', обозначают качества вещей — возможно, немного загадочные качества, но все же качества.

Фреге, если я все правильно помню, разрушил это предположение при помощи следующего аргумента. Если мужчины в этой комнате являются честными, то и я, находящийся в этой комнате, честен. Но если мужчин в этой комнате тридцать пять, из этого не следует, что и я тридцать пять. Более того, я не только не число 35, но даже не число 1 или любое другое число. Число оксфордских профессоров в этой комнате — 1, и оксфордский профессор в этой комнате — я и никто другой. Однако, в отличие от 'честный', 'число 1' не является тем предикатом, который может меня характеризовать. Он может характеризовать только такие объекты, как 'оксфордские профессора в этой комнате'. Числовые выражения не проходят через все те же петли выводов, что и выражения о качествах объектов⁶. Так что предлагаемое между ними соответствие рушится. Хотя взамен возникает и нечто позитивное: мы теперь можем что-то сказать о логическом поведении числовых выражений, что-то схожее по своим чертам с выражениями о существовании.

Обратите внимание, что в этих двух моих примерах предлагаемые словесные рецепты были сформулированы посредством классификационных слов логиков, таких как 'процесс' и 'качество'. Но существует и множество других способов, с помощью которых можно сформулировать наши кодификации методов вывода понятий.

Я предполагаю, что теперь мы можем видеть причину, из-за которой некоторые типичные фило-

софские аргументы в любом случае не являются наборами теорем и посылок. Они представляют собой операции не с посылками и заключениями, а операции над операциями с посылками и заключениями. Доказывая что-либо, мы пропускаем пропозиции сквозь петли выводов. В некоторых философских аргументах мы сопоставляем петли, сквозь которые проходят определенные наборы пропозиций, со словесным рецептом, устанавливающим то, сквозь какие петли они обязаны проходить. Доказательство — это одноуровневое занятие; а вот философская аргументация, во всяком случае, иногда — межуравное.

Более того, чтобы что-то доказать, мы должны иметь истинные посылки. Для философа же важно не то, истинна ли конкретная пропозиция, включающая в себя некоторое (небесмысленное) понятие, допустим, *удовольствия*, а только то, что ее подтверждало бы, что опровергало бы и т.д. Он, так сказать, не делает реальных выводов, а только повторно выполняет их для своих собственных целей сопоставления. Аналогичным образом хирург, который обучает остальных своим искусным приемам, путем их пошаговой демонстрации с намеренно сниженной скоростью, не пытается незамедлительно извлечь аппендикс у больного. В еще меньшей степени он пытается этим заниматься в случаях, когда сопоставляет придуманный им искусный прием с некоторыми предложенными словесными инструкциями к нему. Он просто *повторно выполняет* свой искусный прием для новой неклинической цели.

И последнее, что я хочу сказать. Проблемы философов, как правило, а может быть, даже и никогда в принципе, не возникают из-за затруднений, связанных с отдельными понятиями, например, такими как *удовольствие* или *число*. Они скорее возникают так, как и проблемы у инспектора дорожного движения, когда потоки разнородных концептуальных транспортных средств, движущихся в разных направлениях, встречаются на некотором концептуальном перекрестке. Для порядка дорожного движения все или хотя бы многие из них должны быть под совместным контролем. Вот почему на ранних стадиях философский спор кажется ученым и математикам столь беспорядочным делом. Он беспорядочен, поскольку представляет собой затор, с которым не могут справиться отдельные водители, пусть даже и умело управляющие своими транспортными средствами.

Примечания переводчика

¹ В данном случае речь идет о труде *Die Grundlagen der Arithmetik: eine logisch-mathematische Untersuchung über den Begriff der Zahl* [1], опубликованном в 1884 г., в котором Фреге представил собственный анализ структурных особенностей оснований математики. Позднее во многом именно на его основе формировалась программа логицизма, включающая в себя два базовых принципа: (i) все понятия математики необходимо определить с помощью понятий логики, благодаря чему все утверждения математики можно будет преобразовать в утверждения логики; (ii) в результате такого преобразования все математические истины должны стать истинами логики. На русском языке есть перевод этого труда [2].

² Имеется в виду масштабный двухтомный труд *Grundgesetze der Arithmetik: Begriffsschriftlich abgeleitet*, первый том которого был опубликован в 1897 г. [3], а второй — в 1903 г. [4]. В нем Фреге представил валидное по форме доказательство (средствами логики второго порядка) фунда-

ментальных положений арифметики. Оно было выведено на основе так называемого 'принципа Юма': число объектов со свойством *F* равно числу объектов со свойством *G* тогда и только тогда, когда существует взаимно-однозначное соответствие (биективное отображение) между теми объектами, которые являются *F*, и теми объектами, которые являются *G*. На русский язык ни один из томов не переводился.

³ Незаконченный трехтомный труд по философии математики Альфреда Норта Уайтхеда и Бертрана Рассела, первый том которого был опубликован в 1910 г. [5], второй — в 1912 г. [6], а третий — в 1913 г. [7]. Изначально планировавшийся к написанию четвертый том, посвященный логическим основаниям геометрии, так и не был написан. Ключевая задача *Principia Mathematica* — поставить программу логицизма на прочные основания путем демонстрации того, что вся математика может быть сведена к логике с помощью ограниченного набора аксиом и основных понятий. На русском языке существует перевод всех трех томов этого труда [8–10].

⁴ Теория удовольствия как результата, возникающего в процессе восполнения недостатка (*anaplerōsis*), обычно иллюстрируемая примерами насыщения в ходе удовлетворения разного рода телесных appetitov (еда, питье и секс), встречается во многих диалогах Платона [например, см.: 11, с. 534–540 | 494b–497e], но в наиболее развернутой и детальной форме она излагается и защищается в диалоге *Филеб* [12, с. 31–33, 61–63 | 31a–32e, 53c–54e; см. также: 13, р. 129–142; 14, р. 178–185].

⁵ Критика платоновской теории удовольствия в наиболее прямой своей форме дается Аристотелем в *Никомаховой этике* [15, с. 271 | 1173b7–1173b20; см. также: 13, р. 193–224; 14, р. 185–196; 16, р. 240–264].

⁶ Райл здесь воспроизводит аргументацию Фреге из § 21–22 его раннего труда *Die Grundlagen der Arithmetik: eine logisch-mathematische Untersuchung über den Begriff der Zahl* [1, с. 27–29; 2, с. 48–49].

Список источников

1. Frege G. Die Grundlagen der Arithmetik: eine logisch-mathematische Untersuchung über den Begriff der Zahl. Breslau: Verlag von Wilhelm Koebner, 1884. 120 s.
2. Фреге Г. Основоположения арифметики: логико-математическое исследование о понятии числа / пер. с нем. В. А. Суровцева. Томск: Водолей, 2000. 128 с.
3. Frege G. Grundgesetze der Arithmetik: Begriffsschriftlich abgeleitet. Band I. Jena: Verlag von Hermann Pohle, 1893. 254 s.
4. Frege G. Grundgesetze der Arithmetik: Begriffsschriftlich abgeleitet. Band II. Jena: Verlag von Hermann Pohle, 1903. 266 s.
5. Whitehead A. N., Russell B. Principia Mathematica. In 3 vols. Cambridge: at the University Press, 1910. Vol. I. 658 p.
6. Whitehead A. N., Russell B. Principia Mathematica. In 3 vols. Cambridge: at the University Press, 1912. Vol. II. 772 p.
7. Whitehead A. N., Russell B. Principia Mathematica. In 3 vols. Cambridge: at the University Press, 1913. Vol. III. 491 p.
8. Уайтхед А. Н., Рассел Б. Основания математики: в 3 т. / пер. с англ. Ю. Н. Радаева, И. С. Фролова. Самара: Самарский университет, 2005. Т. I. 722 с.
9. Уайтхед А. Н., Рассел Б. Основания математики: в 3 т. / пер. с англ. Ю. Н. Радаева, А. В. Ершова. Самара: Самарский университет, 2006. Т. II. 738 с.
10. Уайтхед А. Н., Рассел Б. Основания математики: в 3 т. / пер. с англ. Ю. Н. Радаева, А. В. Ершова, Р. А. Ревинского, И. С. Фролова. Самара: Самарский университет, 2006. Т. III. 460 с.
11. Платон. Горгий / пер. с др.-греч. С. П. Маркиша // Сочинения: в 4 т. Москва: Мысль, 1990. Т. 1. С. 477–574.
12. Платон. Филеб / пер. с др.-греч. Н. В. Самсонова // Сочинения: в 4 т. Москва: Мысль, 1994. Т. 3. С. 7–78.
13. Gosling J. C. B., Taylor C. C. W. The Greeks on Pleasure. Oxford: Clarendon Press, 1982. 498 p.

14. Price A. V. *Varieties of Pleasure in Plato and Aristotle* // *Oxford Studies in Ancient Philosophy* / Ed. V. Caston. Oxford: Oxford University Press, 2017. Vol. LII. P. 177–208.

15. Аристотель. Никомахова этика / пер. с др.-греч. Н. В. Брагинской // *Сочинения: в 4 т.* Москва: Мысль, 1983. Т. 4. С. 53–293.

16. Taylor C. C. W. *Pleasure, Mind, and Soul: Selected Papers in Ancient Philosophy*. Oxford: Clarendon Press, 2008. 368 p.

Сведения о переводчике

НЕХАЕВ Андрей Викторович, доктор философских наук, доцент (Россия), профессор кафедры «История, философия и социальные коммуникации» Омского государственного технического университета, г. Омск; профессор департамента «Философия, медиа и журналистика» Тюменского государственного университета, г. Тюмень.

SPIN-код: 5844-9381

AuthorID (РИНЦ): 394939

ORCID: 0000-0003-1358-743X

AuthorID (SCOPUS): 57211853279

ResearcherID: M-7208-2016

Адрес для переписки: avnehaev@omgtu.ru

Источник перевода: Ryle G. *Proofs in Philosophy* // *Revue Internationale de Philosophie*. 1954. Vol. 8. No 27/28 (1/2). P. 150–157.

Ссылка на полный текст эссе: <https://www.jstor.org/stable/i23936950>

Для цитирования

Райл Г. Доказательства в философии = Ryle G. *Proofs in philosophy* / пер. с англ. А. В. Нехаева // *Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность*. 2025. Т. 10, № 1. С. 109–114. DOI: 10.25206/2542-0488-2025-10-1-109-114. EDN: VZHTKS.

Статья поступила в редакцию 13.01.2025 г.

© Г. Райл

PROOFS IN PHILOSOPHY

The essay examines the characteristic features of philosophical argumentation. The aims and structure of philosophical argumentation are contrasted with the aims and structure of logical and mathematical proofs. The examples of Plato's notions of pleasure and Frege's notions of number are used to demonstrate the peculiarities of the philosophical inquiry practice.

Keywords: Gilbert Ryle, methods of philosophy, conceptual analysis, proofs, arguments, rules for argumentation, philosophical enquiry.

References

1. Frege G. Die Grundlagen der Arithmetik: eine logisch-mathematische Untersuchung über den Begriff der Zahl. Breslau: Verlag von Wilhelm Koebner, 1884. 120 s. (In Germ.).
2. Frege G. Osnovopolozheniya arifmetiki: logiko-matematicheskoye issledovaniye o ponyatii chisla [The foundations of arithmetic: a logic-mathematical enquiry into the concept of number] / trans. from Germ. V. A. Surovtsev. Tomsk: Vodoley, 2000. 128 p. (In Russ.).
3. Frege G. Grundgesetze der Arithmetik: Begriffsschriftlich abgeleitet. Band I. Jena: Verlag von Hermann Pohle, 1893. 254 s. (In Germ.).
4. Frege G. Grundgesetze der Arithmetik: Begriffsschriftlich abgeleitet. Band II. Jena: Verlag von Hermann Pohle, 1903. 266 s. (In Germ.).
5. Whitehead A. N., Russell B. Principia Mathematica. In 3 vols. Cambridge: at the University Press, 1910. Vol. I. 658 p. (In Engl.).
6. Whitehead A. N., Russell B. Principia Mathematica. In 3 vols. Cambridge: at the University Press, 1912. Vol. II. 772 p. (In Engl.).
7. Whitehead A. N., Russell B. Principia Mathematica. In 3 vols. Cambridge: at the University Press, 1913. Vol. III. 491 p. (In Engl.).
8. Whitehead A. N., Russell B. Osnovaniya matematiki: v 3 t. [Principia mathematica. In 3 vols.] / trans. from Engl. Yu. N. Radayev, I. S. Frolov. Samara, 2005. Vol. I. 722 p. (In Russ.).
9. Whitehead A. N., Russell B. Osnovaniya matematiki: v 3 t. [Principia mathematica. In 3 vols.] / trans. from Engl. Yu. N. Radayev, A. V. Ershov. Samara, 2006. Vol. II. 738 p. (In Russ.).
10. Whitehead A. N., Russell B. Osnovaniya matematiki: v 3 t. [Principia mathematica. In 3 vols.] / trans. from Engl. Yu. N. Radayev, A. V. Ershov, R. A. Revinskiy, I. S. Frolov. Samara, 2006. T. III. 460 p. (In Russ.).
11. Plato. Gorgiy [Gorgias] / trans. from Old Gr. S. P. Markish // Sochineniya: v 4 t. [Works: in 4 vols.]. Moscow, 1990. Vol. 1. P. 477–574. (In Russ.).

12. Plato. Fileb [Philebus] / trans. from Old Gr. N. V. Samsonov // Sochineniya: v 4 t. [Works: in 4 vols.] Moscow, 1994. Vol. 3. P. 7–78. (In Russ.).

13. Gosling J. C. B., Taylor C. C. W. The Greeks on Pleasure. Oxford: Clarendon Press, 1982. 498 p. (In Engl.).

14. Price A. V. Varieties of Pleasure in Plato and Aristotle // Oxford Studies in Ancient Philosophy / Ed. V. Caston. Oxford: Oxford University Press, 2017. Vol. LII. P. 177–208. (In Engl.).

15. Aristotle. Nikomakhova etika [Nicomachean ethics] / trans. from Old Gr. N. V. Braginskaya // Sochineniya: v 4 t. [Works: in 4 vols.]. Moscow, 1983. Vol. 4. P. 53–293. (In Russ.).

16. Taylor C. C. W. Pleasure, Mind, and Soul: Selected Papers in Ancient Philosophy. Oxford: Clarendon Press, 2008. 368 p. (In Engl.).

About the translator

NEKHAEV Andrei Viktorovich, Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Professor of the History, Philosophy and Social Communications Department, Omsk State Technical University, Omsk; Professor of the Philosophy, Media and Journalism Department, Tyumen State University, Tyumen.

SPIN-code: 5844-9381

AuthorID (RSCI): 394939

ORCID: 0000-0003-1358-743X

AuthorID (SCOPUS): 57211853279

ResearcherID: M-7208-2016

Correspondence address: avnehaev@omgtu.ru

For citations

Ryle G. Proofs in philosophy / trans. from Engl. A. V. Nekhaev. *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2025. Vol. 10, no. 1. P. 109–114. DOI: 10.25206/2542-0488-2025-10-1-109-114. EDN: VZHTKS.

Received January 13, 2025.

© G. Ryle

УДК 332:338:608:63
DOI: 10.25206/2542-0488-2025-10-1-115-128
EDN: ZWHKDF

Е. В. ЛЕУН¹
С. Е. ПЧЕЛКИН²
Т. Н. ГУПАЛОВА²

¹АО «НПО Лавочкина»,
г. Химки

²Российский государственный
аграрный университет —
МСХА имени К. А. Тимирязева,
г. Москва

ИССЛЕДОВАНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ ИННОВАЦИОННОЙ АКТИВНОСТИ ОРГАНИЗАЦИЙ В ОТРАСЛЯХ ЖИВОТНОВОДСТВА В 2003—2023 гг. С УЧЕТОМ АНАЛИЗА ПАРАМЕТРОВ РЕЗУЛЬТАТОВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье анализируются особенности инновационной активности организаций на основе результатов интеллектуальной деятельности России, США и Европейского союза в трех отраслях животноводства, а именно сельскохозяйственных молокопитающих, птицеводства и пчеловодства. Для России отмечается так называемый эффект «недопатентования», ухудшающий отчетность организаций, для компенсации которого предложено ввести и использовать два таких параметра, а именно патентно-научный задел (потенциал, запас, резерв) Z и высокотехнологический задел Z_{HT} , определяемые на основе патентов и результатов НИР, НИОКР, НИОКТР, представленных в диссертациях. Представлены методики для расчета обоих параметров. Проведены расчеты значений параметров инновационной активности в течение 2003—2023 гг. для США, Европейского союза и России с учетом использования для нее вновь введенных параметров.

Ключевые слова: инновационная активность, результат интеллектуальной деятельности, патент, диссертация, животноводство, сельскохозяйственные молокопитающие, птицеводство, пчеловодство.

С учетом текущей политической ситуации вопросы продовольственной безопасности, технологического суверенитета и импортозамещения в агропромышленном комплексе (АПК) актуальны для экономики России. Это предполагает повышение информативности (прозрачности) отчетности организаций за счет исследования особенностей их инновационной активности (ИА), в частности, в трех отраслях животноводства, а именно сельскохозяйственных молокопитающих (в дальнейшем —

с/х молокопитающие), птицеводства и пчеловодства. Одним из способов достижения этого может быть изучение всех аспектов ИА за счет анализа параметров результатов интеллектуальной деятельности (РИД) [1–3], в т.ч. в виде патентов и диссертаций. Подобные вопросы для направлений общего земледелия и растениеводства [4], а также рыбоводства и рыболовства ранее были рассмотрены в [5]. Для полноты картины требуется изучение других отраслей животноводства, а именно для с/х

млекопитающих, птицеводства и пчеловодства. Поэтому цель данной работы — определение общих и текущих тенденций, трендов, специфики, отличительных черт и функциональных зависимостей ИА организаций за счет поиска и рассмотрения РИД в виде патентов России, США и Европейского союза (в дальнейшем — Евросоюз) и диссертаций России в отраслях с/х млекопитающих, птицеводства и пчеловодства в 2003 — 2023 гг.

1. Общие исходные данные для исследования.

В разделе рассматриваются вопросы особенностей предметной области, связанной с тремя отраслями животноводства, а именно с/х млекопитающих, птицеводства и пчеловодства, открытых источников информации для поиска РИД, особенности выбора патентной и научной информации.

1.1. Особенности предметной области. Предметом исследования являются три отрасли животноводства, кратко представленные далее. С/х млекопитающие — это домашние животные, содержащиеся человеком для получения продуктов питания (мясо, молоко), жира, сырья производства (шерсть, мех), щетины, кожи, костей, а также выполняющие транспортные и рабочие функции (тяговые, вьючные). К ним можно отнести крупный рогатый скот (коровы, бизоны, буйволы и т.п., а также их гибриды), мелкий рогатый скот (козы, овцы, свиньи, северные олени), верблюды, ламы, альпака, а также лошади, ослы, их гибриды, кролики, грызуны: нутрии, шиншиллы, морские свинки и хищные (соболя, норки и др.).

Птицеводство и пчеловодство — древние отрасли сельского хозяйства, занимающиеся производством мяса птицы, пищевых яиц, пуха/пера и получением мёда и других сопутствующих продуктов (воск, маточное молочко, перга, прополис, пчелиный яд, забрус и др.) соответственно.

1.2. РИДы, используемые для исследования, и открытые источники информации для их поиска. В подобных исследованиях обычно используется патентная информация в виде найденных из существующих в открытых российских и международных источниках патентов России P_{ru} , США P_{us} , ЕС P_{eu} . Для расчетов патенты России P_{ru} разбиваются на три типа: стандартные (standard) патенты P_{st} , высокотехнологические (high-tech) P_{ht} и коммерциализированные (commercialized) P_{com} . Последние два параметра из них формируют вторую и третью группу РИД. Также применяется научная информация в виде диссертаций D , созданных в процессе НИР, НИОКР, НИОКТР (в дальнейшем — НИР), образующую четвертую группу РИД.

К лучшим для поиска патентной и научной информации можно отнести следующие три ресурса: два патентных с поиском по международной патентной классификации (МПК) и один по российским диссертациям.

1. Информационно-поисковая система на сайте Федерального института промышленной собственности (ФИПС): www1.fips.ru позволяет получить информацию по российским патентам (RU).

2. Международная поисковая патентная база Espacenet espacenet.com дает возможность найти патентную информацию США (US) и Евросоюза (EP).

3. Электронный каталог на сайте Российской государственной библиотеки (РГБ) www.rsl.ru предоставляет информацию по российским диссертациям.

1.3. Особенности выбора патентной информации. Согласно МПК и с учетом технических огра-

ничений в доступных и открытых информационно-поисковой системе сайта ФИПС и поисковой патентной базе Espacenet выбраны следующие тематические подклассы (без более мелкого разбиения).

Патенты по четырем подгруппам МПК, из которых две первые подгруппы можно отнести к с/х млекопитающим.

Первая подгруппа: A01K1 — стойловое содержание животных, оборудование помещений для этого; A01K3 — оборудование пастбищ, например, устройства для привязи, сетчатые ограждения, электрифицированные проволоочные ограждения (за исключением электрических схем или устройств для подачи электрического тока к проволочным ограждениям); A01K5 — кормушки для домашних или диких животных; A01K7 — поилки для домашних или диких животных; A01K9 — сосковые устройства для вскармливания молодняка; A01K11 — метка животных (за исключением меток домашних или других птиц); A01K13 — приспособления для надзора и ухода за животными, например, скребницы, кольца, предохраняющие щеточные суставы лошадей, хвостодержатели (за исключением, если они являются частью сбруи), приспособления, предотвращающие прикуску, устройства для мытья животных, защита от непогоды и укусов насекомых; A01K14 — удаление шерсти с живых овец или подобных животных (за исключением ручных стригальных машин или бритв с множеством режущих лезвий, специально предназначенных для шерстеносных пород животных, например, овец); A01K15 — приспособления для укрощения животных, например, ноздревые кольца или путы, устройства для опрокидывания животных, устройства для дрессировки или тренировки, станы для случки.

Вторая подгруппа: A01K17 — инструменты для удаления рогов, устройства для выправления рогов; A01K19 — устройства для отлучения молодняка от матери; A01K21 — устройства для предотвращения произвольного спаривания или для оказания помощи при нем; A01K23 — приспособления для улавливания экскрементов и мочи; A01K25 — намордники; A01K27 — ошейники и поводки, например для собак; A01K29 — прочие устройства для животноводства.

Третья подгруппа (для птицеводства): A01K31 — птичники; A01K33 — подкладные яйца; A01K35 — метка домашних или других птиц; A01K37 — ограничение движения птиц, например зажимы для крыльев; A01K39 — кормушки или поилки для домашних или других птиц; A01K41 — инкубаторы для домашней птицы; A01K43 — проверка, сортировка и очистка яиц (за исключением исследования или анализа яиц); A01K45 — прочие устройства для птицеводства, например приспособления для прощупывания яиц перед яйцекладкой.

Четвертая подгруппа (для пчеловодства): A01K47 — ульи; A01K49 — ящики для выращивания пчелиного молодняка, клетки для переноса и подсадки пчелиной матки; A01K51 — устройства для ухода за ульями, например для очистки или дезинфекции; A01K53 — кормушки и поилки для пчел; A01K55 — дымари для пчеловодов, принадлежности для пчеловодов, например сетки; A01K57 — устройства для обеспечения роения, предотвращения отлета и для поимки роев, устройства для ловли трутней; A01K59 — сбор меда.

Кроме того, для более эффективного анализа для найденных по четырем тематическим подгруп-

пам МПК используется дополнительное разделение российских патентов на три вида: стандартные, высокотехнологические P_{ht} и коммерциализированные P_{com} , особенности поиска которых описаны в [5, 6].

Высокотехнологическими P_{ht} можно считать патенты, выбранные из вышеуказанных подклассов при одновременном наличии у них класса МПК G — Физика [5, 6]. В таких технически продвинутых патентах применяются разные современные физические способы и устройства, основанные на принципах измерений, испытаний, оптики, управления, регулирования, обработки данных, вычислений, счета, сигнализации.

Коммерциализированными P_{com} считаются патенты, патентообладатели которых готовы их применить как товар с гражданином или организацией России, первыми изъявившими желание его приобрести или коммерчески использовать. Их можно считать наиболее завершёнными с возможностью коммерчески выгодного использования и высоким влиянием на ИА. Их выбор осуществляется для всех вышеупомянутых подгрупп МПК с соответствующей дополнительной опцией информационно-поисковой системы ФИПС.

Стандартными P_{st} следует считать патенты из всего числа найденных по вышеуказанным четырем подгруппам МПК, за исключением высокотехнологических P_{ht} и коммерциализированных P_{com} .

1.4. Особенности выбора научной информации. Поиск диссертации осуществлялся в открытом электронном каталоге РГБ в соответствии с номенклатурой научных специальностей. Она утверждалась и периодически обновлялась соответствующими приказами Министерства науки и высшего образования РФ (с учетом многочисленных прежних переименований его названий) по следующим научным специальностям:

1. По приказу № 24 от 28.02.1995 г.:

1.1. 06.02.01 — Разведение, селекция, генетика и воспроизводство сельскохозяйственных животных;

1.2. 06.02.02 — Кормление сельскохозяйственных животных и технология кормов;

1.3. 06.02.03 — Звероводство и охотоведение;

1.4. 06.02.10 — Частная зоотехния, технология производства продуктов животноводства;

2. По приказам № 59 от 25.02.2009 г. и № 1027 от 23.10.2017 г.:

2.1. 06.02.07 — Разведение, селекция и генетика сельскохозяйственных животных;

2.2. 06.02.08 — Кормопроизводство, кормление сельскохозяйственных животных и технология кормов;

2.3. 06.02.09 — Звероводство и охотоведение;

2.4. 06.02.10 — Частная зоотехния, технология производства продуктов животноводства;

3. По приказу № 118 от 24.02.2021 г. (с учетом введения в силу приказа в течение 18 месяцев):

3.1. 4.2.4 — Частная зоотехния, кормление, технологии приготовления кормов и производства продукции животноводства;

3.2. 4.2.5 — Разведение, селекция, генетика и биотехнология животных.

2. Параметры РИД, используемые для исследования ИА. Ранее в [4, 5] при проведении подобных исследований в качестве параметров, оценивающих РИД, использовались коэффициент патентной активности, коэффициент относительной патентной активности, показатели жизненного цикла инноваций (детство, зрелость и старость), коэффи-

циент высокотехнологических патентов (КВТП), коэффициент коммерциализированных патентов, отношение патенты/диссертации (англ. Ratio Patent/Dissertation (RPD) K_{rpd}

$$K_{rpd} = \frac{P}{D}. \quad (1)$$

Представляется, что расширение номенклатуры параметров РИД и использование их совместно с частью из вышеперечисленных параметров могут сделать исследование более информативным и полным.

Значение ИА I , традиционно рассчитываемые для разных стран при использовании коэффициента патентной активности, учитывающего их население, можно отнести к относительным параметрам, свойственным в основном для мирного времени. Однако особенности текущей политической ситуации, в т.ч. характеризующиеся негласным противостоянием России со странами т.н. «коллективного Запада» во главе с США, обуславливают оценивать ИА по «абсолютной шкале», т.е. по абсолютному потенциалу экономик в прямой зависимости от количества патентов, независимо от количества населения:

$$I = k_{pa} \cdot P, \quad (2)$$

позволяя записать систему уравнений для России I_{ru} , США I_{us} и Евросоюза I_{eu} :

$$\begin{cases} I_{ru} = k_{pa} P_{ru}; \\ I_{us} = k_{pa} P_{us}; \\ I_{eu} = k_{pa} P_{eu}; \end{cases} \quad (3)$$

где k_{pa} — «абсолютный» патентный (patent) коэффициент, (1/патент).

Китай не рассматривается в работе, т.к. не участвует в противостоянии, а нюансы т.н. «китайского чуда», обусловленные переносом туда в начале 2000-х годов многих западных производств, имеют мало общего со спецификой России.

2.1. Введение и использование запела Z и высокотехнологического запела Z_{ht} . Ранее отмечалась особенность ИА организаций России, заключающаяся в т.н. «недопатентовании» [5, 6], когда патентованию новшеств по разным причинам не уделяется должного внимания и/или количество патентов не полностью отражает текущий технический, технологический потенциал. Для его компенсации предлагается ввести и использовать искусственный параметр в виде патентно-научного запела (потенциала, «багажа», запаса) Z (в дальнейшем — запел) оцениваемыми единицами измерения — патент за счет учета российских РИД: трех видов патентов: стандартных (standard) P_{st} , коммерциализированных (commercialized) P_{com} и высокотехнологичных (high-tech) P_{ht} , а также диссертаций D , созданных в результате проведения НИР [5, 6].

Тогда в первой группе РИД расчет ИА для США и ЕС будет осуществляться по-прежнему по формуле (2), а для расчета ИА России вместо патентов P_{ru} будет использоваться запел Z и для России формулу (2) можно переписать при переходе от I_{ru} к I_z следующим образом:

$$I_z = k_{pa} \cdot Z. \quad (4)$$

Выражение для расчета задела Z имеет вид [5, 6]:

$$\begin{aligned} Z &= k'P_{ru} + k''D = \\ &= k_{p1} \cdot P_{st} + k_{p2} \cdot P_{ht} + k_{p3} \cdot P_{com} + k_d \cdot D, \end{aligned} \quad (5)$$

где k' и k'' — коэффициенты вкладов патентов и диссертаций, k_{p1} , k_{p2} , k_{p3} и $k'' = k_d$ — коэффициенты вклада стандартных P_{st} , коммерциализированных P_{com} и высокотехнологичных P_{ht} патентов соответственно, а также диссертаций D .

Для российских высокотехнологичных патентов также характерен эффект «недопатентования». Поэтому во второй группе РИД аналогично следует ввести и использовать для расчетов и анализа ИА вместо параметра P_{ruht} показатель в виде т.н. высокотехнологичного задела Z_{ht} , определяемого суммой высокотехнологичных патентов P_{ruht} и соответствующего вклада диссертаций D :

$$Z_{ht} = P_{ruht} + k'_d D, \quad (6)$$

где k'_d — коэффициент вклада диссертаций в высокотехнологичный задел Z_{ht} .

Как видно для расчетов задела Z и высокотехнологичного задела Z_{ht} по формулам (5) и (6) соответственно, нужны значения коэффициентов k_{p1} , k_{p2} , k_{p3} , k_d , а также k'_d , методики определения которых представлены далее.

2.2. Определение соотношений для расчета параметров первой группы РИД. Для расчета задела Z можно задать значение $k_{p1} = 1$ (1/патент) для стандартных патентов, а для высокотехнологичных и коммерциализированных, как более продвинутых для коммерчески эффективного использования, можно принять $k_{p2} = k_{p3} = 3$ (1/патент).

С учетом этого формула (6) изменится к виду [5, 6]:

$$Z = P_{ru} + 2P_{ruht} + 2P_{com} + k_d D. \quad (7)$$

Ее использование предполагает определение значений k_d с индивидуальными значениями для каждой отрасли экономики России, которые могут быть рассчитаны с учетом следующих допущений. В зависимости от специфики естественным образом формируется среднее отношение патенты/диссертации K_{rpd} , индивидуальное для каждой отрасли. Однако, считая, что диссертации, ориентируясь в первую очередь на научные вопросы, все-таки обычно включают «незапатентованную» информацию, долю которой можно примерно оценить как $\approx 40\%$, то искомый коэффициент вклада диссертаций k_d в «недопатентование» может составить до $\approx 40\%$ от K_{rpd} , формируя выражение для расчета в рассматриваемом интервале t_z (для периода 2003–2023 гг. $t_z = 21$):

$$k_d = 0,4K_{rpd} = 0,4 \frac{P_{ru}}{D} = \frac{0,4}{21} \sum_{i=1}^{21} \frac{P_{ru}(T_i)}{D(T_i)}. \quad (8)$$

Значения k'_d за весь рассматриваемый период могут быть определены в виде усредненного значения и/или аппроксимирующей функции $k'_d(T)$.

Таким образом, можно сформировать систему трех уравнений по расчету ИА для России I_z , США I_{us} и ЕС I_{eu} , сравнивая их ежегодные абсолютные значения:

$$\begin{cases} I_z = k_{pa} Z = \\ = k_{pa} (P_{ru} + 2P_{ruht} + 2P_{com} + k_d D); \\ I_{us} = k_{pa} P_{us}; \\ I_{eu} = k_{pa} P_{eu}. \end{cases} \quad (9)$$

Кроме того, важно определить коэффициент увеличения k_z при переходе от использования патентов P_{ru} к заделу Z :

$$k_z = \frac{I_z}{I_{ru}} = \frac{Z}{P_{ru}} = \frac{P_{ru} + 2P_{ht} + 2P_{com} + k_d D}{P_{ru}}. \quad (10)$$

Значения k_z за весь рассматриваемый период могут быть определены в виде усредненного значения и/или аппроксимирующей функции $k_z(T)$.

Также следует знать превышение ИА США I_{us} как ведущей мировой технологической державы, над Россией I_{ru} — отношение США/Россия (англ. USA/Russia ratio — URR) k_{urr} :

$$K_{urr} = \frac{I_{us}}{I_{ru1}} = \frac{P_{ru}}{Z} = \frac{P_{us}}{P_{ru} + 2P_{ht} + 2P_{com} + k_d D}. \quad (11)$$

Результат расчета k_{urr} в виде усредненного значения и/или аппроксимирующей функции $k_{urr}(T)$ может дать уточненную информацию о специфике ИА в трех вышеупомянутых отраслях животноводства в двух странах.

2.2. Определение соотношений для расчета параметров второй группы РИД. Для расчета высокотехнологичного задела Z_{ht} нужно знать значение k'_d , которое можно определить с помощью следующего допущения. Высокотехнологичный задел Z_{ht} всегда меньше задела Z , и поэтому вклад диссертаций D в высокотехнологичный задел Z_{ht} меньше вклада диссертаций D в задел Z , составляя лишь его долю. И эта доля $\frac{k'_d}{k_d}$ соответствует доле высокотехнологичных патентов P_{ruht} в общем количестве патентов P_{ru} : $\frac{P_{ruht}}{P_{ru}}$, которая фактически является коэффициентом высокотехнологических патентов (КВТП) K' [5]:

$$\frac{k'_d}{k_d} \approx \frac{P_{ruht}}{P_{ru}} = K'. \quad (12)$$

Тогда искомая формула может быть записана подобно выражению (8) с учетом дополнительного введения в правую часть среднего значения за рассматриваемый интервал КВТП.

Поэтому уравнение для k'_d можно записать в следующем виде:

$$k'_d = K'k_d = \frac{1}{t_z} \sum_{i=1}^{t_z} \frac{P_{ruht}(T_i)}{P_{ru}(T_i)} \cdot \frac{0,4}{t_z} \sum_{i=1}^{t_z} \frac{P_{ru}(T_i)}{D(T_i)}, \quad (13)$$

где t_z — количество лет в рассматриваемом интервале. Так, для периода 2003–2023 гг. $t_z = 21$.

Далее можно сформировать систему трех уравнений по расчету ИА высокотехнологичному заделу России I'_{ru} , а также высокотехнологичных патентов США I'_{us} и ЕС I'_{eu} , сравнивая их ежегодные абсолютные значения:

Таблица 1

Количество патентов, диссертаций и значения параметров РИД России в отраслях с/х млекопитающих, птицеводства и пчеловодства за период 2003–2023 гг.

№	Параметр	Годы																				
		2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
1	$P_{пат1}$ патент	49	63	48	54	49	65	52	55	52	54	78	105	111	101	80	93	81	88	88	98	79
2	$P_{пат2}$ патент	12	18	22	21	21	20	27	25	13	11	24	20	24	23	25	30	28	27	17	33	25
3	$P_{пат3}$ патент	32	36	34	33	28	33	30	36	44	41	34	31	25	16	29	28	42	36	21	21	24
4	D_1 Дисс.	361	549	467	310	256	218	342	159	265	195	208	70	104	98	126	101	91	83	79	86	69
5	D_2 Дисс.	47	42	48	37	29	31	57	17	3	36	46	24	27	25	13	15	12	30	22	36	27
6	D_3 Дисс.	5	10	7	11	4	5	10	2	6	6	5	2	5	6	2	2	0	2	3	5	2
7	$K_{пат1}$ пат./Дис	0,14	0,11	0,10	0,17	0,19	0,30	0,15	0,35	0,20	0,28	0,38	1,50	1,07	1,03	0,63	0,92	0,89	1,06	1,11	1,14	1,14
8	$K_{пат2}$ пат./Дис	0,26	0,43	0,46	0,57	0,72	0,65	0,47	1,47	4,33	0,31	0,52	0,83	0,89	0,92	1,92	2,00	2,33	0,90	0,77	0,92	0,93
9	$K_{пат3}$ пат./Дис	6,40	3,60	4,86	3,00	7,00	6,60	3,00	18,00	7,33	6,83	6,80	15,50	5,00	2,67	14,50	14,00		18,00	7,00	4,20	12,00
10	$P_{пат1}$ патент	0	4	0	1	2	3	1	0	4	0	1	2	3	3	3	2	3	5	6	4	1
11	$P_{пат2}$ патент	1	1	0	0	0	1	1	1	0	0	0	0	0	0	3	0	3	4	3	3	1
12	$P_{пат3}$ патент	0	1	0	1	1	0	0	0	0	2	0	0	1	0	0	0	2	1	1	0	2
13	$P_{пат2}$ патент	1	6	0	2	3	4	2	1	4	2	1	2	4	3	6	2	8	10	10	7	4
14	$P_{ком1}$ патент	0	0	2	2	0	0	3	2	2	1	0	0	4	0	0	0	0	0	0	0	0
15	$P_{ком2}$ патент	0	1	1	1	0	1	1	0	0	0	0	0	2	0	0	0	0	0	0	0	0
16	$P_{ком3}$ патент	0	0	0	0	0	1	4	2	2	0	2	3	1	0	1	1	1	0	2	0	0
17	Z_1 патент	139,25	208,25	168,75	137,5	117	125,5	145,5	98,75	130,25	104,75	132	126,5	151	131,5	117,5	122,25	109,75	118,75	119,75	127,5	98,25
18	Z_2 патент	16,15	26,3	27,01	27,73	22,72	26,15	35,3	27,86	15,58	13,58	26,15	20,86	30,15	25,58	31,86	30,86	34	35,86	24,29	41,15	27,86
19	Z_3 патент	48,65	71,3	57,31	71,63	43,32	51,65	71,3	46,66	67,98	64,98	54,65	43,66	45,65	35,98	37,66	36,66	48	44,66	36,99	37,65	34,66
20	Z_4 патент	204,2	305,9	253,1	236,8	183	203,4	252,1	173,4	213,9	183,4	212,9	191,1	226,9	193,1	187,1	189,9	191,8	199,4	181,1	206,4	160,9
21	k_{z_1}	2,842	3,306	3,516	2,546	2,388	1,931	2,798	1,795	2,505	1,940	1,692	1,205	1,360	1,302	1,469	1,315	1,355	1,349	1,361	1,301	1,244
22	k_{z_2}	1,346	1,461	1,228	1,320	1,082	1,308	1,307	1,114	1,198	1,235	1,090	1,043	1,256	1,112	1,274	1,029	1,214	1,328	1,429	1,247	1,114
23	k_{z_3}	1,520	1,981	1,686	2,171	1,547	1,565	2,377	1,296	1,545	1,585	1,607	1,408	1,826	2,249	1,299	1,309	1,143	1,241	1,761	1,793	1,444
24	$Z_{пат1}$ патент	2,65	8,02	3,42	3,27	3,88	4,60	3,51	1,17	5,94	1,43	2,52	2,51	3,76	3,72	3,92	2,74	3,67	5,61	6,58	4,63	1,51
25	$Z_{пат2}$ патент	1,91	1,82	0,93	0,72	0,56	1,60	2,11	1,33	0,06	0,70	0,89	0,47	0,52	0,49	3,25	0,29	3,23	4,58	3,43	3,70	1,52
26	$Z_{пат3}$ патент	0,31	1,62	0,43	1,68	1,25	0,31	0,62	0,12	0,37	2,37	0,31	0,12	1,31	0,37	0,12	0,12	2,00	1,12	1,18	0,31	2,12
27	$Z_{пат2}$ патент	4,87	11,46	4,79	5,67	5,69	6,51	6,23	2,62	6,37	4,50	3,73	3,10	5,60	4,57	7,30	3,16	8,90	11,31	11,19	8,64	5,15
28	k'_{z_2}	4,87	1,91		2,83	1,90	1,63	3,12	2,62	1,59	2,25	3,73	1,55	1,40	1,52	1,22	1,58	1,11	1,13	1,12	1,23	1,29
29	K'_{z_2} %	2,38	3,75	1,89	2,39	3,11	3,20	2,47	1,51	2,98	2,45	1,75	1,62	2,47	2,37	3,90	1,66	4,64	5,67	6,18	4,19	3,20

Таблица 2

Количество патентов и значения параметров РИД США в отраслях с/х млекопитающих, птицеводства и пчеловодства за период 2003–2023 гг.

№	Параметр	Годы																
		2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
1	P_{pat} , патент	1105	1133	1302	1095	998	1028	974	1056	1134	1234	1187	1265	1440	1628	1810	1637	1845
2	P_{pat}^* , патент	256	229	216	202	169	145	149	131	152	146	130	184	182	183	208	180	222
3	P_{pat}^{**} , патент	19	13	10	13	12	11	13	15	14	15	17	32	27	42	32	47	43
4	P_{pat}^{***} , патент	1380	1375	1528	1310	1179	1184	1136	1202	1300	1395	1334	1481	1649	1853	2050	1864	2110
5	P_{pat}^{****} , патент	108	129	143	107	109	108	90	113	131	150	95	138	195	259	380	374	407
6	P_{pat}^{*****} , патент	23	22	20	21	19	21	25	14	18	11	24	15	20	24	24	34	30
7	P_{pat}^{*****} , патент	1	1	1	1	1	0	0	1	0	2	1	1	3	1	4	6	1
8	P_{pat}^{*****} , патент	132	152	164	129	129	129	115	128	149	163	120	154	218	284	408	414	438
9	K'_{pat} , %	9,57	11,05	10,73	9,85	10,94	10,90	10,12	10,65	11,46	11,68	9,00	10,40	13,22	15,33	19,90	22,21	20,76
10	k_{pat1}	7,93	5,44	7,71	7,96	8,53	8,19	6,69	10,69	8,70	11,77	8,99	10,00	9,54	12,38	15,40	13,39	16,80
11	k_{pat2}	15,80	8,71	8,00	7,29	7,44	5,53	4,22	4,70	9,74	10,74	4,96	8,80	6,03	7,15	6,52	5,83	6,53
12	k_{pat3}	0,39	0,18	0,17	0,18	0,28	0,21	0,18	0,32	0,21	0,23	0,31	0,73	0,59	1,17	0,85	1,28	0,90
13	K'_{pat} , %	9,57	11,05	10,73	9,85	10,94	10,90	10,12	10,65	11,46	11,68	9,00	10,40	13,22	15,33	19,90	22,21	20,76

Таблица 3

Количество патентов и значения параметров РИД Евросоюза в отраслях с/х млекопитающих, птицеводства и пчеловодства за период 2003–2023 гг.

№	Параметр	Годы																
		2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
1	P_{pat1} , патент	415	440	427	382	318	380	349	367	329	392	403	422	496	566	672	601	604
2	P_{pat2} , патент	76	64	51	63	54	56	45	52	52	53	66	71	68	82	90	124	94
3	P_{pat3} , патент	10	9	6	3	7	10	8	10	12	11	9	15	15	23	25	22	22
4	P_{pat4} , патент	501	513	484	448	379	446	402	429	393	456	478	508	579	671	787	747	720
5	P_{pat5} , патент	46	49	52	27	42	33	39	40	36	39	34	39	48	76	100	84	104
6	P_{pat6} , патент	8	10	9	3	9	12	5	7	5	6	9	8	12	15	14	20	20
7	P_{pat7} , патент	0	0	0	0	0	0	1	1	0	0	0	1	0	0	0	1	1
8	P_{pat8} , патент	54	59	61	30	51	45	45	48	41	45	43	48	60	91	114	105	125
9	K'_{pat} , %	10,78	11,50	12,60	6,70	13,46	10,09	11,19	11,19	10,43	9,87	9,00	9,45	10,36	13,56	14,49	14,06	17,36
10	k_{pat1}	2,98	2,11	2,53	2,78	2,72	3,03	2,40	3,71	2,52	3,74	3,05	3,34	3,28	4,30	5,72	4,91	5,50
11	k_{pat2}	4,69	2,43	1,89	2,27	2,38	2,14	1,27	1,86	3,33	3,90	2,52	3,40	2,25	3,20	2,82	4,01	2,76
12	k_{pat3}	0,21	0,13	0,10	0,04	0,16	0,19	0,11	0,21	0,18	0,17	0,16	0,34	0,33	0,64	0,66	0,60	0,46
13	K'_{pat} , %	10,78	11,50	12,60	6,70	13,46	10,09	11,19	11,19	10,43	9,87	9,00	9,45	10,36	13,56	14,49	14,06	17,36

$$\begin{cases} I'_z = k_{pa} Z_{ht} = k_{pa} (P_{ruht} + k'_d D); \\ I'_{us} = k_{pa} P'_{usht}; \\ I'_{eu} = k_{pa} P'_{euht}. \end{cases} \quad (14)$$

Для малого количества высокотехнологических патентов P_{ruht} удобно использовать измененное выражение (12) для расчета КВТП K'_z с отношением суммарного высокотехнологического задела по трем отраслям $Z_{ht1} + Z_{ht2} + Z_{ht3}$ к аналогичному суммарному заделу $Z_1 + Z_2 + Z_3$:

$$K'_z \approx \frac{\sum_{i=1}^3 \frac{Z_{hti}}{Z_i}}{\sum_{i=1}^3 \frac{P_{ruhti} + k'_d D_i}{P_{ru} + 2P_{ruht} + 2P_{com} + k_d D_i}} = \frac{Z_{ht1} + Z_{ht2} + Z_{ht3}}{Z_1 + Z_2 + Z_3} \quad (15)$$

Также полезно знать коэффициент увеличения k'_z при переходе от использования высокотехнологических патентов P_{ruht} и ИА I'_{ru} к высокотехнологичному заделу Z_{ht} и I'_z соответственно:

$$k'_z = \frac{I'_z}{I'_{ru}} = \frac{Z_{ht}}{P_{ruht}} = \frac{P_{ruht} + k'_d D}{P_{ruht}}. \quad (16)$$

Значения k'_z по каждой отрасли за весь период могут быть рассчитаны в виде усредненного значения и/или аппроксимирующей функции $k'_z(T)$.

Превышение ИА по высокотехнологическим патентам США I'_{usht} над высокотехнологичным заделом Z_{ht} России I'_z определяется коэффициентом k'_{urr} :

$$k'_{urr} = \frac{I'_{us}}{I'_{ru1}} = \frac{P'_{us}}{Z_{ht}} = \frac{P'_{usht}}{P_{ruht} + k'_d D}. \quad (17)$$

Результат расчета k'_{urr} в виде усредненного значения и/или аппроксимирующей функции $k'_{urr}(T)$ может дать уточненную информацию об особенностях и степени различий в подходах к ИА в трех вышеупомянутых отраслях животноводства в двух странах.

Для исследуемых исходных данных общее количество параметров РИД может быть более 40, превышая объем данного исследования, поэтому для расчетов и дальнейшего анализа выбраны наиболее важные параметры, максимально эффективно отражающие разные соотношения между разными РИД.

3. Расчет и анализ параметров четырех групп РИД. Для рассматриваемых отраслей с/х млекопитающих, птицеводства и пчеловодства за период 2003–2023 гг. из вышеупомянутых источников была собрана информация по ежегодному количеству патентов России, США и Евросоюза, представленная в строках 1–3 табл. 1–3 соответственно, а также диссертаций для России (строки 4–6 табл. 1).

Рассчитанные значения параметров РИД России, США и Евросоюза сведены в табл. 1–3 соответственно.

3.1. Расчет и анализ параметров первой группы РИД. Как следует из раздела 2.2, расчет и анализ задела Z возможен при определении значений вкладов диссертаций. На основе собранных данных патентов и диссертаций России были определены

ежегодные значения $K_{rpd1} - K_{rpd3}$, на основе которых по формуле (8) рассчитаны значения коэффициентов $k_{d1} - k_{d3}$ для с/х млекопитающих, птицеводства и пчеловодства, составившие 0,25, 0,43 и 3,33 соответственно. Это позволяет адаптировать выражение (7) для каждой отрасли следующим образом: для с/х млекопитающих

$$Z_1 = P_{ru1} + 2P_{ruht1} + 2P_{com1} + 0,25D_1; \quad (18)$$

для птицеводства

$$Z_2 = P_{ru2} + 2P_{ruht2} + 2P_{com2} + 0,43D_2; \quad (19)$$

для пчеловодства

$$Z_3 = P_{ru3} + 2P_{ruht3} + 2P_{com3} + 3,33D_3. \quad (20)$$

Тогда анализ рассчитанных значений ИА, полученных с помощью этих уравнений, показывает следующее:

1. Для отрасли с/х млекопитающих:

1.1. (строка 17 табл. 1) в России задел Z_1 уменьшился с 139 до 98 патентов со средним темпом спада ≈ 2 патента в год с максимумом и минимумом 208 и 98 патентов в 2004 году и в 2023 году соответственно;

1.2. (строка 1 табл. 2) в США количество патентов P_{us1} выросло с 1105 до 1573 со средним темпом роста ≈ 22 патента в год с максимумом и минимумом 1855 и 974 патентов в 2020 году и в 2009 году соответственно;

1.3. (строка 1 табл. 3) в Евросоюзе количество патентов P_{eu1} выросло с 415 до 611 со средним темпом роста ≈ 9 патентов в год с максимумом и минимумом 672 и 329 патентов в 2017 году и в 2011 году соответственно.

2. Для отрасли птицеводства:

2.1. (строка 18 табл. 1) в России задел Z_2 вырос с 16 до 28 патентов со средним темпом роста $\approx 0,6$ патентов в год с максимумом и минимумом 41 и 14 патентов в 2022 и 2012 годах соответственно;

2.2. (строка 2 табл. 2) в США количество патентов P_{us2} снизилось с 256 до 145 со средним темпом спада $\approx 5,3$ патента в год с максимумом и минимумом 256 и 130 патентов в 2003 и 2013 годах соответственно;

2.3. (строка 2 табл. 3) в Евросоюзе количество патентов P_{eu2} выросло с 76 до 80 со средним темпом роста $\approx 0,2$ патента в год с максимумом и минимумом 124 и 45 патентов в 2018 и 2009 годах соответственно.

3. Для отрасли пчеловодства:

3.1. (строка 19 табл. 1) в России задел Z_3 снизился с 50 до 35 патентов со средним темпом роста $\approx 0,7$ патентов в год с максимумом и минимумом 72 и 36 патентов в 2006 и 2016 годах соответственно;

3.2. (строка 3 табл. 2) в США количество патентов P_{us3} выросло с 19 до 62 со средним темпом спада ≈ 2 патента в год с максимумом и минимумом 65 и 10 патентов в 2021 и 2005 годах соответственно;

3.3. (строка 3 табл. 3) в Евросоюзе количество патентов P_{eu3} выросло с 10 до 27 со средним темпом роста $\approx 0,8$ патента в год с максимумом и минимумом 40 и 3 патентов в 2022 и 2006 годах соответственно.

Результаты расчетов ИА по формулам системы уравнений (9) в виде графиков показаны на рис. 1–3 и представлены системами уравнений для трех рассматриваемых отраслей:

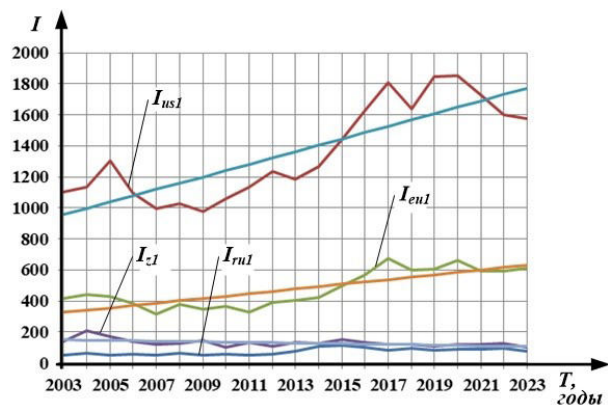

Рис. 1. Графики ежегодных значений ИА в отрасли с/х млекопитающих: для США I_{us1} , Евросоюза I_{eu1} и России с учетом задела Z I_{z1} и патентов I_{ru1} (прямыми линиями являются графики аппроксимирующих функций для I_{us1} , I_{eu1} и I_{z1})

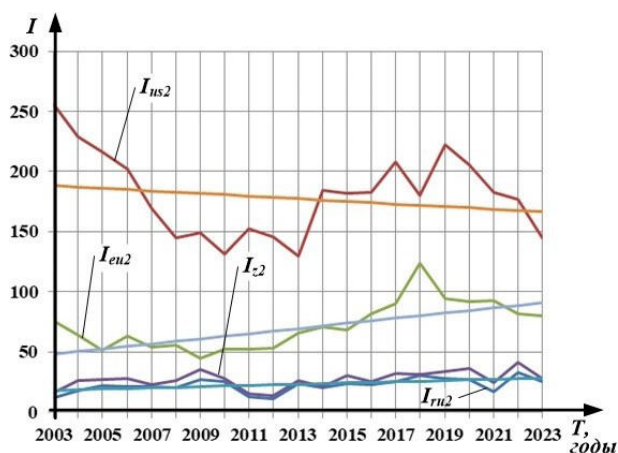

Рис. 2. Графики ежегодных значений ИА в птицеводстве: для США I_{us2} , Евросоюза I_{eu2} и России с учетом задела Z I_{z2} и патентов I_{ru2} (прямыми линиями являются графики аппроксимирующих функций для I_{us2} , I_{eu2} и I_{z2})

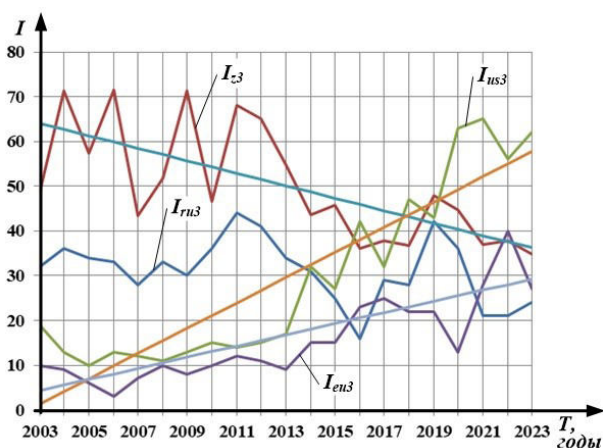

Рис. 3. Графики ежегодных значений ИА в отрасли пчеловодства: для США I_{us3} , Евросоюза I_{eu3} и России с учетом задела Z I_{z3} и патентов I_{ru3} (прямыми линиями являются графики аппроксимирующих функций для I_{us3} , I_{eu3} и I_{z3})

с/х млекопитающих

$$\begin{cases} I_{z1} = -2,17T + 4496,16 = -2,17(T - 2002) + 153,90; \\ I_{us1} = 40,75T - 80657,79 = 40,75(T - 2002) + 914,61; \\ I_{eu1} = 15,24T - 30190,76 = 15,24(T - 2002) + 309,84, \end{cases} \quad (21)$$

в птицеводстве

$$\begin{cases} I_{z2} = 0,51T - 1003,53 = 0,51(T - 2002) + 21,39; \\ I_{us2} = -1,09T + 2371,44 = -1,09(T - 2002) + 192,64; \\ I_{eu2} = 2,13T - 4218,23 = 2,13(T - 2002) + 48,37, \end{cases} \quad (22)$$

в пчеловодстве

$$\begin{cases} I_{z3} = -1,39T + 2853,37 = -1,39(T - 2002) + 65,39; \\ I_{us3} = 2,82T - 5651,27 = 2,82(T - 2002) - 1,47; \\ I_{eu3} = 1,25T - 2499,47 = 1,25(T - 2002) + 1,73. \end{cases} \quad (23)$$

Как видно, для трех отраслей по ИА Россия уступает и США, и Евросоюзу. Коэффициенты пропорциональности аппроксимирующих функций $I_{z1} - I_{z3}$ имеют отрицательные значения или близки к нулю, отражая спад или слабое развитие этих отраслей в России.

В соответствии с формулой (10) и помощью решателя [7] определены аппроксимирующие (усредненные) функции для коэффициентов увеличения k_z двумя выражениями для каждой из трех отраслей:

для с/х млекопитающих k_{z1} со средней ошибкой аппроксимации 16,5 %

$$k_{z1} = -0,1025T + 208,33 = -0,1025(T - 2002) + 3,06; \quad (24)$$

для птицеводства k_{z2} со средней ошибкой аппроксимации 8,12 %

$$k_{z2} = -0,0045T + 10,3 = -0,0045(T - 2002) + 1,27; \quad (25)$$

для пчеловодства k_{z3} со средней ошибкой аппроксимации 15,87 %

$$k_{z3} = -0,0173T + 36,41 = -0,0173(T - 2002) + 1,83; \quad (26)$$

где T — годы рассматриваемого периода 2003 — 2023 гг.

При внимательном рассмотрении графика k_{z1} на рис. 4 можно заметить, что, начиная примерно с 2014 года и в течение 10 лет, график колеблется вокруг примерно одного значения. И только для этого участка были определены две аппроксимирующие функции со средней ошибкой 4,1 %, принявшие следующий вид:

$$k_{z1} = -0,0005T + 2,30 = -0,0005(T - 2013) + 1,33. \quad (27)$$

Расчет и анализ показывают, что введение и использование задела Z по формуле (7) приводит к улучшению показателя по патентованию для отраслей с/х млекопитающих (для интервала 2014 — 2023 гг.), птицеводства и пчеловодства на ≈ 33 %, ≈ 27 % и ≈ 83 % соответственно.

На основе собранных данных были рассчитаны значения функций отношения США/Россия (рис. 5) $k_{urr}(T)$. Их анализ показал, что для с/х млекопитающих, птицеводства и пчеловодства соответствующие значения $k_{urr}(T)$ изменились с 7,93 до 16 со средним темпом роста $\approx 0,4$ в год; 15,8 до 5,2 со средним темпом $\approx -0,5$ в год и с 0,39 до 1,79 со средним темпом $\approx 0,07$ в год соответственно.

Итак, технологическое превосходство США над Россией за прошедший 21 год в отрасли с/х млекопитающих только укрепилось (рис. 5). В птицеводстве, несмотря на снижение технологического превосходства США над Россией, оно остается еще большим. Для пчеловодства на графике (рис. 5)

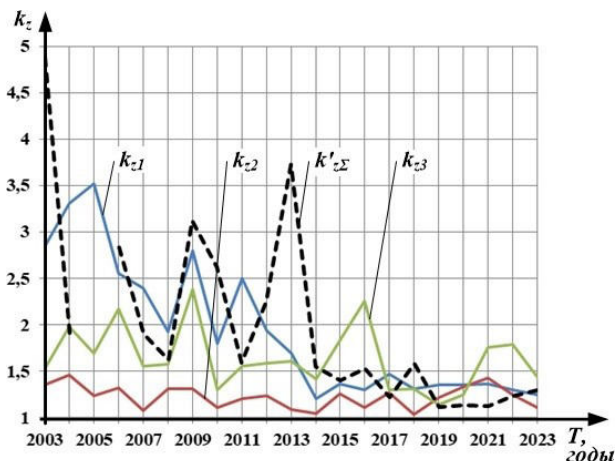

Рис. 4. Графики ежегодных значений коэффициентов увеличения k_z от использования задела Z для с/х млекопитающих k_{z1} , птицеводства k_{z2} и пчеловодства k_{z3} , а также коэффициента увеличения k'_z от использования высокотехнологического задела Z_{ht} суммарно по всем трем отраслям. Значение k'_z в 2005 году невозможно определить из-за полного отсутствия высокотехнологических патентов суммарно по всем трем отраслям

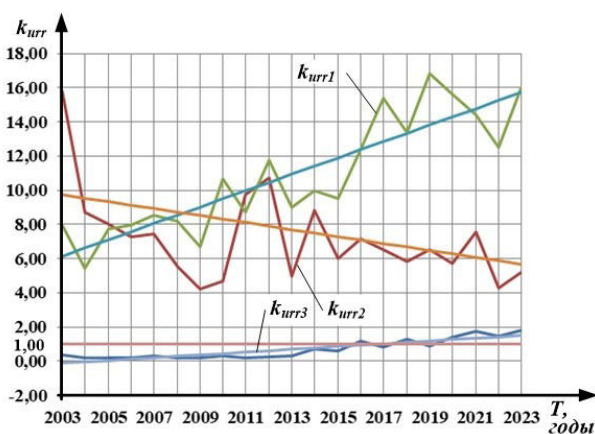

Рис. 5. Графики ежегодных значений отношения США/Россия k_{urr} для с/х млекопитающих k_{urr1} , птицеводства k_{urr2} и пчеловодства k_{urr3} (прямыми линиями являются графики аппроксимирующих функций для k_{urr1} , k_{urr2} и k_{urr3})

видно, что у функции $k_{urr3}(T)$ просматривается слабый рост отрасли в США, достигая уровня России и немного превышая его, лишь в 2016–2020 гг. Для зависимостей $k_{urr1}(T) - k_{urr3}(T)$ были рассчитаны три аппроксимирующие функции:

для с/х млекопитающих:

$$k_{urr1}(T) = 0,48T - 948,19 = 0,48(T - 2002) + 5,65; \quad (28)$$

для птицеводства:

$$\begin{aligned} k_{urr2}(T) &= -0,204T + 418,352 = \\ &= -0,204(T - 2002) + 9,42; \end{aligned} \quad (29)$$

для пчеловодства:

$$k_{urr3}(T) = 0,081T - 163,167 = 0,081(T - 2002) - 0,199. \quad (30)$$

3.2. Особенности второй группы РИД, расчет и анализ ее параметров. В разделе представлены три современных российских высокотехнологических патента в отраслях с/х млекопитающих, пти-

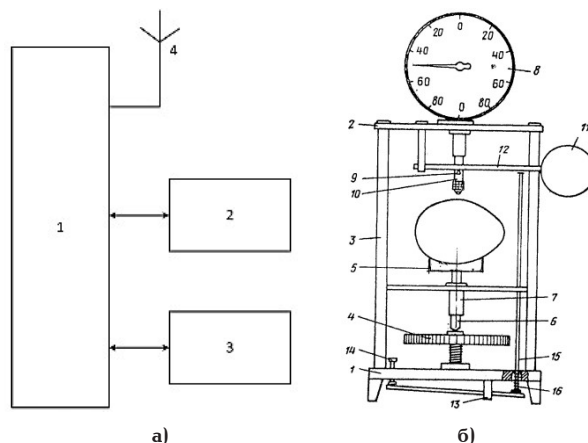

Рис. 6. Два примера высокотехнологических патентов: активная ушная бирка для животных с функцией измерения температуры и движения, основанная на протоколе TI 15.4-Stack [8] (а), и устройство для измерения упругой деформации яиц [9] (б)

цеводства и пчеловодства, а также результаты расчета и анализа параметров второй группы РИД.

3.2.1. Особенности конструкций второй группы РИД. Особенности конструкции высокотехнологических патентов видны на следующих примерах. В области с/х млекопитающих следует выделить высокотехнологический патент, посвященный активной ушной бирке для животных с функцией измерения температуры и движения, основанной на протоколе TI 15.4-Stack [8]. Устройство может быть использовано для контроля состояния здоровья, фертильности и/или благополучия крупного рогатого скота (КРС). Оно обеспечивает контроль температуры тела и активности животного за счет использования активной ушной бирки для животных, содержащей датчик ускорения, датчик температуры, систему на кристалле, содержащую микропроцессор с приемо-передающим устройством (рис. 6а). Осуществляется сбор, преобразование и передача по радиосвязи, посредством протокола TI 15.4-Stack, данных о температуре тела и активности КРС на базовую станцию. Устройство передает информацию о состоянии особи по радиоканалу с определенной частотой и посылает сигнал о возможных отклонениях в состоянии животного, обеспечивает своевременную реакцию специалиста на изменения поведения животного, дает возможность предупредить заболевание животного или изолировать его во избежание распространения очага на других особей стада.

В области птицеводства оригинальным можно считать устройство для измерения упругой деформации яиц [9] (рис. 6б), которое относится к приборам для оценки качества яиц и предназначено для косвенного определения главным образом прочности скорлупы без нарушения ее целостности. От качества скорлупы зависит величина потери от боя яиц, способность к продолжительному хранению и жизнеспособность развивающихся в яйце эмбрионов. Оно содержит верхнюю и нижнюю панели, жестко соединенные штангами, причем на нижней панели установлен винт-маховик, в центре которого размещен стержень, на верхней части которого закреплен подъемный столик с опорной поверхностью для размещения яйца, а на верхней панели установлен микроиндикатор с опорной призмой на измерительном стержне, связанным по-

средством рычага с грузом. Опорная поверхность подъемного столика для размещения яйца имеет форму овала.

В области пчеловодства можно отметить устройство для контроля массы сотовых рамок улья [10]. Оно обеспечивает повышение точности измерения массы сотовых рамок улья и содержит корпус с двойной стенкой из фанеры, поддоном и сотовыми рамками. Устройство также включает контроллер пасеки и микроконтроллер улья, тензометрические датчики, соединенные с микроконтроллером улья, и беспроводной канал передачи данных от микроконтроллера улья на контроллер пасеки. Тензометрические датчики установлены попарно в поддоне под сотовыми рамками и снабжены стержнями, выполненными из чувствительного материала к весовым нагрузкам, которые расположены в стенке улья. При этом один конец стержня соединен с тензометрическим датчиком, а другой расположен в месте опоры рамки на стенку улья.

3.2.2. Расчет и анализ параметров второй группы РИД. Для высокотехнологического задела каждой из трех отраслей $Z_{ht1} - Z_{ht3}$ из уравнений (6) были рассчитаны по формуле (13) параметры $k'_{d1} - k'_{d3}$: значения которых составили 0,00733, 0,01944 и 0,06159. Это позволило записать три искомые выражения для $Z_{ht1} - Z_{ht3}$:

для с/х млекопитающих

$$Z_{ht1} = P_{ruht1} + 0,00733D_1; \quad (31)$$

для птицеводства

$$Z_{ht2} = P_{ruht2} + 0,01944D_2; \quad (32)$$

для пчеловодства

$$Z_{ht3} = P_{ruht3} + 0,06159D_3; \quad (33)$$

где $D_1 - D_3$ и $P_{ruht1} - P_{ruht3}$ — количество диссертаций и высокотехнологических патентов для с/х млекопитающих, птицеводства и пчеловодства соответственно.

В связи с малым количеством высокотехнологических патентов в каждой из трех рассматриваемых отраслей дальнейшие расчеты и анализ проведены для суммарного количества по этим трем отраслям.

Расчет и анализ доли высокотехнологических патентов КВТП $K'(T)$ для США $K'_{us}(T)$, Евросоюза $K'_{eu}(T)$ и России $K'_z(T)$ показал следующее. Функция $K'_{us}(T)$ близка по форме «ступеньке» (рис. 7), и она аппроксимирована тремя функциями для трех интервалов: двух лагов в 2003–2014 гг., 2017–2023 гг. и одного «подъема» в 2014–2017 гг. соответственно:

$$K'_{us}(T) = \begin{cases} 0,013T - 15,67 = 0,013(T - 2002) + 10,44; & 2003 - 2014 \text{ гг.}; \\ 3,061T - 6154,73 = 3,061(T - 2002) - 26,61; & 2014 - 2017 \text{ гг.}; \\ 0,076T - 132,64 = 0,076(T - 2002) + 20,37; & 2017 - 2023 \text{ гг.} \end{cases} \quad (34)$$

Для двух лагов в 2003–2014 гг. и 2017–2023 гг. средние арифметические значения КВТП равны $\approx 10,5\%$ и $\approx 21,75\%$ соответственно с ростом примерно в 2 раза. Нельзя не отметить, что начало перехода от одного лага к другому четко соответствует т.н. «крымским событиям» в 2014 году. Подобное

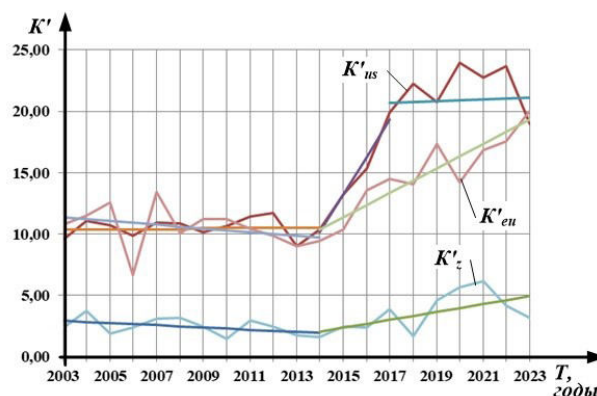

Рис. 7. Графики ежегодных значений КВТП K' суммарно для трех рассматриваемых отраслей США K'_{us} , Евросоюза K'_{eu} и России K'_z (прямыми линиями являются графики аппроксимирующих функций для K'_{us} , K'_{eu} и K'_z)

совпадение вряд ли можно считать случайным, т.к. аналогичный резкий рост доли высокотехнологических патентов в США также наблюдается примерно в это время и в отраслях рыбоводства и рыболовства [5]. И, как и ранее, подобное можно отнести только лишь к невоенному политическому ответу в виде ускоренного стремления к еще большему технологическому доминированию США в отраслях экономики.

Расчеты значения $K'_{eu}(T)$ показали, что для Евросоюза аналогичная зависимость состоит из двух явно выраженных участков (рис. 7): ниспадающего до 2014 года и возрастающего после 2014 года, позволяя ее записать с помощью двух аппроксимирующих функций:

$$K'_{eu}(T) = \begin{cases} -0,15T + 314,89 = \\ = -0,15(T - 2002) + 11,51; & 2003 - 2014 \text{ гг.} \\ T - 1998,21 = \\ = (T - 2002) - 1,67; & 2014 - 2023 \text{ гг.} \end{cases} \quad (35)$$

Как видно, в Евросоюзе также имеется четкий рост доли высокотехнологических патентов, начинающийся синхронно с США и т.н. «крымскими событиями» в 2014 году.

Для подобной зависимости России $K'_z(T)$ (рис. 7), так же как и для Евросоюза, просматривается два участка: ниспадающий до 2014 года и возрастающий после 2014 года, позволяя ее записать с помощью двух аппроксимирующих функций:

$$K'_z(T) = \begin{cases} -0,09T + 178,17 = \\ = -0,09(T - 2002) + 3,03; & 2003 - 2014 \text{ гг.} \\ 0,32T - 652,12 = \\ = 0,32(T - 2002) - 1,77; & 2014 - 2023 \text{ гг.} \end{cases} \quad (36)$$

Можно сказать, что для России т.н. «крымские события» стимулировали рост высокотехнологических патентов. Как видно, во всех случаях дата начала изменений явно совпадает с «крымскими событиями», что вряд ли является простым совпадением. При этом наиболее быстрые изменения происходят в США, а далее с уменьшением в Евросоюзе и России.

Расчет и анализ коэффициента увеличения k'_z показал следующее. Для трех рассматриваемых отраслей имеется очень малое количество высокотехнологических патентов, поэтому определялись

значения коэффициента увеличения $k'_{z\Sigma}$ от использования высокотехнологического задела $Z_{h\Omega}$ суммарно по трем отраслям по формуле (15). Результаты приведены в строке 28 табл. 1. Построен график этой функции на рис. 4. Значение $k'_{z\Sigma}$ в 2005 году невозможно определить из-за полного отсутствия высокотехнологических патентов суммарно по всем трем отраслям. Общий ее вид подобен и графикам функций ежегодных значений коэффициентов увеличения $k_{z1} - k_{z3}$ от использования задела Z , имея большие значения и разброс, уменьшающиеся в интервале 2014–2023 гг. до среднего значения $\approx 1,3$.

3.3. Анализ параметров третьей группы РИД. Анализ третьей группы РИД, состоящей из коммерциализированных патентов $P_{com1} - P_{com3}$, показывает, что для рассматриваемых отраслей их количество достаточно мало. Так, для отраслей с/х млекопитающих, птицеводства и пчеловодства (строки 14–16 табл. 1) их количество достигает максимума $P_{com1} = 4$ шт. в 2015 году, $P_{com2} = 2$ шт. в 2015 году и $P_{com3} = 4$ шт. в 2009 году соответственно. Не имеют вообще подобных патентов первые две отрасли после 2015 года, а третья — начиная с 2022 года. При этом в первых двух отраслях, а именно с/х млекопитающих и птицеводства подобное отсутствие интереса в коммерческой реализации новшеств вероятно можно объяснить ухудшением условий рынка после т.н. «крымских событий». В пчеловодстве ситуация немного лучше и, возможно, определяется тем, что новшества в среднем более доступны в т.ч. для частных лиц и меньше зависят от общих внешних условий рынка.

3.4. Расчет и анализ параметров четвертой группы РИД. Собранные данные по количеству диссертаций показывают следующее:

— в отрасли с/х млекопитающих D_1 уменьшилось с 361 в 2003 году до 69 в 2023 году, достигая максимума 549 в 2004 году и минимума 69 в 2023 году;

— в отрасли птицеводства D_2 с 47 в 2003 году до 27 в 2023 году, достигая максимума 57 в 2009 году и минимума 3 в 2011 году;

— в отрасли пчеловодства D_3 уменьшилось с 5 в 2003 году до 2 в 2023 году, достигая максимума 11 в 2006 году и минимума 0 в 2019 году.

Как видно, эти данные отражают неутешительные тенденции в исследуемых отраслях.

Заключение

1. Проведено исследование особенностей ИА в России, США и Евросоюзе в трех отраслях животноводства, а именно с/х млекопитающих, птицеводства и пчеловодства в 2003–2023 гг. с учетом анализа параметров РИД.

2. Особенности современной политической ситуации обуславливают оценивать ИА по «абсолютной шкале», по абсолютному потенциалу экономик в прямой зависимости от количества патентов, независимо от количества населения.

3. Для повышения точности расчетов за счет компенсации т.н. эффекта «недопатентования» в России исследование проведено при использовании в качестве РИД искусственных параметров патентно-научного задела Z и высокотехнологического $Z_{h\Omega}$, основанных на комплексном учете патентно-научной информации.

4. По большинству параметров РИД проявляется превосходство ИА в США и Евросоюза над Россией. Такая особенность среди прочего включает в себя политическую составляющую. Особенно наглядно это проявляется на примере доли высоко-

технологических патентов суммарно по всем трем рассматриваемым отраслям, резкий рост которых в США почти в два раза по времени почти точно совпадает с т.н. «крымскими событиями» в 2014 году. Во многом похожая ситуация наблюдается и в Евросоюзе. Это можно оценивать невоенным политическим ответом в виде ускоренного стремления к еще большему технологическому доминированию «коллективного Запада» во главе с США над Россией в рассматриваемых отраслях экономики.

Благодарности

Работа выполнена в инициативном порядке.

Список источников

1. Шепелев Р. Е. Использование патентной информации для повышения конкурентоспособности предприятий нефтегазового комплекса: дис. ... канд. экон. наук. Санкт-Петербург, 2021. 223 с.
2. Рябokonь М. С., Скуйбин Б. Г., Щеглов Д. К. Патентные исследования как инструмент анализа рынка технических решений // Управленческое консультирование. 2019. № 11 (131). С. 155–162. DOI: 10.22394/1726-1139-2019-11-155-162. EDN: VZGSBU.
3. Мингалева Ж. А. Влияние активности патентной деятельности на инновационное развитие национальной экономики // Экономика региона. 2010. № 4 (24). С. 71–77. DOI: 10.17059/2010-4-8. EDN: NCWFRZ.
4. Леун Е. В., Пчелкин С. Е., Романов А. Ю. Анализ инновационной активности в организациях АПК в области общего земледелия и растениеводства за период 2003–2022 годов с учетом особенностей динамики результатов интеллектуальной деятельности // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2023. Т. 8, № 3. С. 147–158. DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-3-147-158. EDN: LWNYPE.
5. Леун Е. В., Пчелкин С. Е., Гупалова Т. Н. Исследование особенностей инновационной активности организаций в области рыбоводства и рыболовства в 2003–2022 годах с учетом анализа параметров результатов интеллектуальной деятельности // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2024. Т. 9, № 1. С. 108–119. DOI: 10.25206/2542-0488-2024-9-1-108-119. EDN: DAWLTL.
6. Пчелкин С. Е., Леун Е. В., Гупалова Т. Н. Метод определения инновационной активности организаций России на основе результатов интеллектуальной деятельности с учетом патентно-научного задела // Экономика, менеджмент, сервис: современные проблемы и перспективы: материалы VI Всерос. науч.-практ. конф. Омск: Изд-во ОмГТУ, 2024. С. 250–255.
7. Аппроксимация функции одной переменной. URL: <https://planetcalc.ru/5992/> (дата обращения: 09.01.2025).
8. Пат. 203609 Российская Федерация, МПК A01K 11/00, G01V 15/00 Активная ушная бирка для животных с функцией измерения температуры и движения, основанная на протоколе TI 15.4-Stack / Шамаев Е. В., Назаров С. А., Артемов С. А., Фуфаев В. С. № 2020135142; заявл. 27.10.2020; опубл. 14.04.2021. Бюл. № 11.
9. Пат. 171121 Российская Федерация, МПК G01N 33/08, A01K 43/00 Устройство для измерения упругой деформации яиц / Куляков Г. В., Урбан В. Г., Яшин А. В. № 2016122129; заявл. 03.06.2016; опубл. 22.05.2017. Бюл. № 15.
10. Пат. 2692919 Российская Федерация, МПК A01K 47/00, G01G 17/00. Устройство для контроля массы сотовых рамок улья / Лебедев Д. В., Матишев Д. А., Матишев А. А. [и др.]. № 2018122189, заявл. 15.06.2018; опубл. 28.06.2019. Бюл. № 19.

ЛЕУН Евгений Владимирович, кандидат технических наук, ведущий инженер АО «НПО Лавочкина», г. Химки.

SPIN-код: 6060-8056

AuthorID (РИНЦ): 367560

AuthorID (SCOPUS): 57200722184

Адрес для переписки: stankin1999@mail.ru

ПЧЕЛКИН Сергей Евгеньевич, аспирант кафедры «Экономическая безопасность и право» Российского государственного аграрного университета – МСХА имени К. А. Тимирязева (РГАУ – МСХА имени К. А. Тимирязева), г. Москва.

SPIN-код: 2977-0598

Адрес для переписки: ser13765@mail.ru

ГУПАЛОВА Татьяна Николаевна, кандидат экономических наук, и. о. заведующего кафедрой «Экономическая безопасность и право» РГАУ – МСХА имени К. А. Тимирязева, г. Москва.

SPIN-код: 7921-1764

AuthorID (РИНЦ): 306082

Адрес для переписки: gupalova@rgau-msha.ru

Для цитирования

Леун Е. В., Пчелкин С. Е., Гупалова Т. Н. Исследование особенностей инновационной активности организаций в отраслях животноводства в 2003–2023 гг. с учетом анализа параметров результатов интеллектуальной деятельности // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2025. Т. 10, № 1. С. 115–128. DOI: 10.25206/2542-0488-2025-10-1-115-128. EDN: ZWHKDF.

Статья поступила в редакцию 09.01.2025 г.

© Е. В. Леун, С. Е. Пчелкин,

Т. Н. Гупалова

RESEARCH OF THE INNOVATION FEATURES OF THE ORGANIZATION'S IN THE SECTORS OF BREEDING LIVESTOCK IN 2003–2023, CONSIDERING THE ANALYSIS OF THE INTELLECTUAL ACTIVITY RESULTS

The article analyses the peculiarities of the organizations' innovation activity on the basis of the results of the Russian, the USA and the European Union intellectual activity in three branches of animal breeding, as agricultural mammals, poultry farming and beekeeping.

The so-called 'under-patenting' effect is noted for Russia, which affects the organizations' reporting. In order to compensate, it is proposed to introduce and use parameters in the form of patent and scientific Z_{inf} backlog (potential, stock, reserve) and high-tech Z_{ht} backlog, determined on the basis of patents and the results of R&D, R&D, R&DCTD and presented in dissertations.

The authors demonstrate methods for calculating both parameters. Calculations of the innovation efficiency parameter during 2003–2023 for the USA, the European Union and Russia are carried out, considering the application of the newly implemented parameters.

Keywords: innovation activity, result of intellectual activity, patent, dissertation, animal breeding, agricultural mammals, poultry farming, beekeeping.

Acknowledgement

The work was carried out on a self-initiated basis.

References

1. Shepelev R. E. Ispol'zovaniye patentnoy informatsii dlya povysheniya konkurentosposobnosti predpriyatiy neftegazovogo kompleksa [Use of patent information to increase petroleum enterprises' competitiveness]. Saint Petersburg, 2021. 223 p. (In Russ.).
2. Ryabokon' M. S., Skuybin B. G., Shcheglov D. K. Patentnyye issledovaniya kak instrument analiza rynka tekhnicheskikh resheniy [Patent research as a tool for analysis of the technical solutions market]. Upravlencheskoye konsul'tirovaniye. *Administrative Consulting*. 2019. No. 11 (131). P. 155–162. DOI: 10.22394/1726-1139-2019-11-155-162. EDN: VZGSBU. (In Russ.).
3. Mingaleva Zh. A. Vliyaniye aktivnosti patentnoy deyatel'nosti na innovatsionnoye razvitiye natsional'noy ekonomiki [The influence of patent activity on innovation development of the national economy]. *Ekonomika regiona. Economy of Region*. 2010. No. 4 (24). P. 71–77. DOI: 10.17059/2010-4-8. EDN: NCWFRZ. (In Russ.).
4. Leun E. V., Pchelkin S. E., Romanov A. Yu. Analiz innovatsionnoy aktivnosti v organizatsiyakh APK v oblasti obshchego zemledeliya i rasteniyevodstva za period 2003–2022 godov s uchetom osobennostey dinamiki rezul'tatov intellektual'noy deyatel'nosti [Analysis of innovative activity in agricultural organizations in the field of general farming and crop production for the period 2003–2022 taking into account the peculiarities of the dynamics of the results of intellectual activity]. *Omskiy nauchnyy vestnik. Ser. Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'. Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2023. Vol. 8, no. 3. P. 147–158. DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-3-147-158. EDN: LWNYPE. (In Russ.).
5. Leun E. V., Pchelkin S. E., Gupalova T. N. Issledovaniye osobennostey innovatsionnoy aktivnosti organizatsiy v oblasti rybovodstva i rybolovstva v 2003–2022 godakh s uchetom analiza parametrov rezul'tatov intellektual'noy deyatel'nosti [The study of innovative activity features of organizations in the field of fish farming and fishing in 2003–2022 taking into account the analysis of parameters results of intellectual activity]. *Omskiy nauchnyy vestnik. Ser. Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'. Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2024. Vol. 9, no. 1. P. 108–119. DOI: 10.25206/2542-0488-2024-9-1-108-119. EDN: DAWLTL. (In Russ.).

6. Pchelkin S. E., Leun E. V., Gupalova T. N. Metod opredeleniya innovatsionnoy aktivnosti organizatsiy Rossii na osnove rezul'tatov intellektual'noy deyatel'nosti s uchetoм patentno-nauchnogo zadela [Method for determining the innovation activity of Russian organizations based on the results of intellectual activity, considering patent and research backlogs] // *Ekonomika, upravleniye, servis: sovremennyye problemy i perspektivy. Economics, Management, Service: Modern Problems and Prospects*. Omsk, 2024. P. 250–255. (In Russ.).

7. Approksimatsiya funktsii odnoy peremennoy [Approximation of a one variable function]. URL: <https://planetcalc.ru/5992/> (accessed: 09.01.2025). (In Russ.).

8. Patent 203609 Russian Federation, IPC A01K 11/00, G01V 15/00 Aktivnaya ushnaya birka dlya zhivotnykh s ogranicheniyem izmereniya temperatury i dvizheniya, osnovannaya na protokole TI 15.4-Stack [Active ear tag for animals with temperature and movement measurement function based on the TI 15.4-Stack protocol] / Shamayev E. V., Nazarov S. A., Artemov S. A., Fufayev V. S. No. 2020135142. (In Russ.).

9. Patent 171121 Russian Federation, IPC G01N 33/08, A01K 43/00 Ustroystvo dlya izmereniya uprugoy deformatsii yaits [Device for measuring the egg elastic deformation] / Kulyakov G. V., Urban V. G., Yashin A. V. No. 2016122129. (In Russ.).

10. Patent 2692919 Russian Federation, IPC A01K 47/00, G01G 17/00 Ustroystvo dlya kontrolya massy sotovykh ramok ul'ya [Device for controlling the weight of honeycomb hive frames] / Lebedev D. V., Matishev D. A., Matishev A. A. [et al.]. No. 2018122189. (In Russ.).

LEUN Evgeny Vladimirovich, Candidate of Technical Sciences, Lead Engineer, Lavochkin Association, Khimki.

SPIN-code: 6060-8056

AuthorID (RSCI): 367560

AuthorID (SCOPUS): 57200722184

Correspondence address: stankin1999@mail.ru

PCHELKIN Sergey Evgenievich, Graduate Student of the Economic Security and Law Department, Russian State Agrarian University—Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Moscow.

SPIN-code: 2977-0598

Correspondence address: ser13765@mail.ru

GUPALOVA Tat'yana Nikolayevna, Candidate of Economic Sciences, Acting Head of the Economic Security and Law Department, Russian State Agrarian University—Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Moscow.

SPIN-code: 7921-1764

AuthorID: 306082

Correspondence address: gupalova@rgau-msha.ru

For citations

Leun E. V., Pchelkin S. E., Gupalova T. N. Research of the innovation features of the organization's in the sectors of breeding livestock in 2003–2023, considering the analysis of the intellectual activity results. *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2025. Vol. 10, no. 1. P. 115–128. DOI: 10.25206/2542-0488-2025-10-1-115-128. EDN: ZWHKDF.

Received January 09, 2025.

© E. V. Leun, S. E. Pchelkin,

T. N. Gupalova

РАЗРАБОТКА И ОПЕРАЦИОНАЛИЗАЦИЯ СТРАТЕГИИ УНИВЕРСИТЕТА

В статье рассматривают методы и подходы к постановке стратегических целей вуза и их каскадирования в конкретные, измеримые проекты, мероприятия и действия с четкими показателями результативности, что позволяет выстроить ясную цепочку от видения и миссии университета к понятию результативности конкретных действий и процессов. Указанные процессы способствуют эффективности управления и мониторинга.

Авторы рассматривают особенности построения стратегий для вузов, которые являются крупными по своим масштабам и зарегулированными организациями, вынужденными осуществлять стратегическое планирование в условиях очень длительной предиктивности.

Авторы выделяют проблему эффективной операционализации стратегии вузов и предлагают механизм развертывания целей и смешанный подход к написанию стратегий, совмещение которых позволяет максимально вовлечь коллектив вуза в процесс стратегирования. Научной новизной статьи является описание и апробация гибридного подхода к написанию стратегии вуза, который благодаря вовлечению управленцев вуза и сотрудников, позволяет сформировать уникальное стратегическое позиционирование.

Основные методы исследования: изучение опыта ведущих вузов страны, через анализ их стратегий и программ развития; анализ исследований изучающих проблематику написания стратегий вузов; апробация предложенных подходов при разработке стратегии развития Омского государственного технического университета.

Ключевые слова: операционализация стратегии, программа развития вуза, система сбалансированных показателей (ССП), подход к разработке стратегии «сверху-вниз», подход к разработке стратегии «снизу-вверх», показатели эффективности деятельности вузов, рейтинговая система оценки.

В настоящее время учебные заведения сталкиваются с различными вызовами, среди которых, например, смена вектора развития и переформатирование существующей системы высшего образования, направленной на трансформацию высших учебных заведений и способствующей их интеграции с предприятиями реального сектора экономики. При этом вузы должны становиться более бизнес-ориентированными, чтобы иметь возможность развиваться. Для решения этих задач университетам необходимо научиться мыслить как бизнес и научиться строить бизнес внутри университета, что, в свою очередь, влечет за собой необходимость заимствования управленческих инструментов, которые успешно применяются в бизнесе, конечно, трансформировав их под особенности контекста, в котором существует вуз, и особенности специфики конкретного высшего учебного заведения с целью достижения максимальной эффективности деятельности [1]. Это возможно только при обеспечении максимального вовлечения коллектива университета в достижение целевых показателей вуза, создания коллективной нацеленности на конечный результат за счет справедливого материального сти-

мулирования исполнителей за достижение показателей эффективности.

Многие вузы, в особенности те, которые имеют статус автономных, чтобы стать успешными и эффективными организациями, трансформируют успешные бизнес-практики управления под специфику высших учебных заведений. Применение бизнес-методологий и подходов к целеполаганию является ярким примером такого заимствования. Стратегии развития вузов и программы развития вуза — это главные документы, устанавливающие вектор развития, формулирующие главную цель, конкретные шаги и дорожные карты по её достижению. Университеты формулируют способы достижения долгосрочных целей, позиционирования в различных нишах высшего образования и представляют приоритеты в своей деятельности по отношению к различным группам заинтересованных сторон [2].

С другой стороны, управление в высшем учебном заведении осуществляется в большой степени на федеральном уровне и имеет высокий уровень контроля и, несмотря на то, что российские высшие учебные заведения могут иметь собственную кон-

цепцию развития, они прочно вписаны в систему государственного управления. Таким образом, стратегии для российских вузов во многом определяют-ся извне. Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что стратегия вуза должна быть гармонизирована со стратегиями научно-технического развития РФ; пространственного развития РФ; социально-экономического развития соответствующих субъектов РФ, а также учитывать приоритеты, прописанные в национальных проектах. Так как дополнительное финансирование, привлекаемое в вуз благодаря участию в национальных проектах, является не только ресурсом для развития, то дополнительное финансирование дает некоторую свободу действий руководящему органу вуза, а принятый стратегический документ является легитимным основанием для принятия решений и изменений.

В описанном выше контексте стратегии вузов могут дрейфовать в сторону церемониальных документов, призванных продемонстрировать регулятору, что организация внедряет эффективные и современные практики управления, при этом не воспринимает стратегию как главный инструмент, определяющий развитие и успешность вуза. Изучению данного вопроса посвящено множество исследований, в частности, исследователи Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) в своей статье задаются вопросом о том, как реализация стратегии в российских вузах связана с воспринимаемыми изменениями сотрудниками на оперативном уровне [3].

В своем исследовании авторы изучали взаимосвязь показателей эффективности вузов и результаты опросов менеджеров среднего звена этих вузов, деканов, директоров институтов и заведующих кафедрами. Данные опросов отражали степень удовлетворенности этой категории сотрудников ходом реализации стратегии, влиянии на операционную деятельность, а также степень их погруженности и вовлеченности в реализацию стратегических задач.

Результаты анализа показывают, что вузы, в которых руководители подразделений отмечают положительное влияние стратегии на различные аспекты своей деятельности, в среднем характеризуются относительно более высокими темпами роста показателей эффективности. Чаще всего статистически значимые различия наблюдаются в показателях, отражающих продуктивность исследований, — объем научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР) на одного преподавателя и количество публикаций.

Однако, как показывает анализ с использованием данных опроса руководителей подразделений, зачастую стратегия является формальным документом и не связана с восприятием изменений различных процессов, происходящих в вузе. Рассматривая различные аспекты деятельности вуза, от 33 до 80 % руководителей подразделений не наблюдают никаких изменений в вузе после разработки стратегического плана. Следовательно, можно утверждать, что в ситуации, когда регулятор стимулирует университеты внедрять стратегии как инструменты управления, университеты реагируют на это формально, разрабатывая документ, который не влечет за собой никаких существенных изменений в их деятельности. Рост административной нагрузки, упомянутый менеджерами среднего звена, подтверждает это соображение. Другими словами, университеты

пытаются имитировать использование «эффективных» практик управления, чтобы привлечь больше государственных ресурсов и построить внешнюю легитимность. Общая бюрократизация управления высшим образованием и спешка с разработкой и внедрением стратегий могут влиять на то, что у менеджеров нет времени ощущать существенные изменения, кроме административной нагрузки. Это характерно для модели управления университетами, которая работает в среде управления сверху вниз. Если это так, то разработка стратегии может предполагать большую вовлеченность менеджеров в процесс написания стратегии, а не просто подготовку документации с жесткими сроками, предоставляя пространство для инициатив.

Тогда одной из ключевых задач стратегического управления в вузе является обеспечение перехода от общего долгосрочного видения развития, представленного в стратегической цели, к последовательности конкретных решений и действий на операционном уровне. Содержание программы развития университета, утвержденное Постановлением Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2021 г. № 2547 [4] и «Методическими рекомендациями по разработке программ развития образовательных организаций высшего образования» [5], абсолютно четко предполагает операционализацию до конкретных проектов и мероприятий. Однако в условиях неопределенности высоки риски возникновения разрывов между стратегией и операционной деятельностью, которые нередко приводят к невыполнению отдельных стратегических целей, а иногда и к провалам стратегий в целом. Существует обширная литература, охватывающая различные аспекты разработки стратегии в университетах и обсуждающая мотивы разработки стратегии, различные части стратегий, такие как формулировка миссии, конкретные инструменты стратегического планирования и управления. Однако не так много рекомендаций относительно того, как осуществить переход от целеполагания к практической реализации, обеспечив вовлеченность сотрудников.

Для решения вышеописанной проблематики можно выделить две основные задачи:

- выбор методики каскадирования стратегической цели до конкретных мероприятий и проектов;
- выбор подхода к написанию стратегии, который бы обеспечил вовлечение коллектива управленцев среднего звена в проработку перечня мероприятий.

Решая первую задачу, целесообразно рассмотреть опыт ведущих университетов мира. В последние годы зарубежные и российские вузы стали активно внедрять систему сбалансированных показателей [6].

Сбалансированная система показателей (ССП) — методика общей оценки деятельности предприятия, предназначенная для анализа эффективности работы компании по достижению стратегических целей. Система включает в себя четыре составляющие:

1. Финансовая составляющая.
2. Клиентская составляющая.
3. Составляющая внутренних бизнес-процессов.
4. Составляющая обучения и развития персонала [6].

Одним из главных достоинств этой концепции является четко прописанный алгоритм каскадирования стратегических целей в конкретные, согласованные и, самое главное, измеримые мероприя-

тия и действия. Такая конкретизация способствует пониманию реалистичности поставленных целей и формирует у коллектива системное представление о стратегии, а также понимание веса вклада каждого подразделения. Такое понимание формирует внутреннюю мотивацию у сотрудников.

Несмотря на универсальность данной концепции, при реализации ее принципов в вузе необходимо учесть ряд факторов и особенностей. Ключевым моментом будет то, что ряд показателей эффективности деятельности вуза являются обязательными, например, такие как доход на одного научно-педагогического работника (НПР), средняя заработная плата профессорско-преподавательского состава (ППС), процент сотрудников в возрасте до 39 лет и т.д. Указанные показатели, входящие в отчетность каждого вуза, должны быть вписаны в систему. Также есть и ряд показателей, которые будут зависеть от специфики вуза и его финансового положения, а также от ресурсов, которыми университет располагает. Формирование перечня мероприятий и целевых значений для данной группы показателей потребует проведения большой аналитической работы, так как именно они имеют критическое значение для создания и обеспечения устойчивого конкурентного преимущества.

Для большей эффективности данная система должна быть интегрирована в уже адаптированную практику использования рейтинговой оценки показателей эффективности университета, предполагающей стимулирующие выплаты за результаты деятельности [7].

Следующей важной задачей является включение коллектива университета в разработку программы развития. Для решения данной задачи необходимо выбрать подход к стратегическому планированию, который позволял бы максимально включить коллектив вуза в разработку стратегии. Учитывая тот фактор, что все вузы имеют четкую вертикальную, иерархическую структуру, эта задача становится сложной в реализации и требует большой продуманности выбора того, какую категорию сотрудников и на каком этапе разработки подключать к стратегированию. Выбор этот лежит между существующими бизнес-подходами «сверху-вниз», «снизу-вверх» или выстраиванием комбинированного подхода [8].

Подход планирования «сверху-вниз» является для российских вузов традиционным и понятным. Сложившаяся управленческая культура вуза такова, что верхнеуровневое стратегическое планирование — это прерогатива высшего руководства, а менеджеры среднего звена лишь включаются в реализацию четко поставленных перед ними целей. В этом контексте применение подхода «снизу-вверх» в чистом виде для вуза является сложным и нецелесообразным, но применение отдельных его элементов является оправданным. Данный подход обладает неоспоримым преимуществом возможности включения и вовлечения сотрудников, которые на местах напрямую задействованы в реализации бизнес-процессов и имеют четкое представление об имеющихся ресурсах и возможных рисках. Как правило, именно эта категория сотрудников напрямую взаимодействует с главными потребителями услуг и продуктов вуза и располагает полной информацией о проблематике, которая существует и/или может у них возникнуть, а эти знания могут стать главной креативной основой стратегии. Организация эффективного взаимодействия сотрудников для обмена идеями и обсуждения иници-

Рис. 1. Блок-схема с распределением ответственности на разных этапах стратегирования

атив — сложный процесс ввиду масштабов вузов, а поскольку подобное взаимодействие предполагает еще и итерации, то могут возникнуть риски временного затягивания процесса и снижения синергетического эффекта от совмещения реализации принципа лидерства руководства и вовлеченности сотрудников.

В данной статье описывается опыт совмещения этих двух подходов в ОмГТУ таким образом, что они компенсируют недостатки друг друга и укрепляют сильные аспекты. Все недостатки, присущие подходу «сверху-вниз», возможно компенсировать своевременным включением менеджеров среднего звена в процесс формирования стратегии. Таким образом, происходит вовлечение деканов факультета и заведующих кафедр на конкретизации мероприятий, направленных к достижению стратегических целей, что способствует реалистичным, достижимым и согласованным целевым показателям (рис. 1).

Высшее руководство в приведенном алгоритме отвечает за системное стратегическое позиционирование и постановку стратегических задач, а также за определение стратегических направлений, целей по направлениям и основных индикаторов их достижения. Аналитической основой для стратегирования служит анализ профиля среды, который учитывает все экономические, социальные, политические, технологические и природные факторы, а также оценивает их с точки зрения степени влияния на организацию. Оценка стейкхолдеров, которыми для вуза будут являться граждане, бизнес (индустриальные партнеры), другие вузы и государство, транслирующее стратегические за-

Рис. 2. Итерационный цикл уточнения целевых показателей развития вуза

дачи страны через стратегию научно-технического развития [9] и стратегию социально-экономического развития региона [10], позволит идентифицировать конкретные группы стейкхолдеров и их позицию, т.е. степень заинтересованности. SWOT-анализ [11], который позволяет проанализировать сильные и слабые стороны, возможности и угрозы и, сопоставив их, сформировать поле силы, определяющее главные конкурентные преимущества, позволяет сформулировать ключевые риски и угрозы, а также проанализировать, как с помощью существующих возможностей компенсировать слабые стороны организации. Модель силового поля позволит определить и сфокусировать внимание на основных движущих и сдерживающих силах [12], что поможет выработать основные стратегические альтернативы развития вуза с учетом всего внешнего контекста и специфики организации.

Из вышеприведенной схемы следует, что программа развития вуза в значительной части базируется на программах развития факультетов и кафедр. Итеративное рассмотрение инициатив и креативных идей, которые рождаются внутри подразделений вуза, позволяет обогатить стратегию, так как именно в подразделениях вуза, находящихся в постоянном прямом контакте с главными заинтересованными сторонами (студентами и индустриальными партнерами), могут сформироваться инициативы относительно главных мероприятий и проектов, направленных на достижение стратегического преимущества. Итеративные циклы стратегических сессий позволяют сформулировать перечень измеримых мероприятий и их показателей с максимальной вовлеченностью коллектива в обсуждение их значения и достижимости (рис. 2).

Таким образом, при постановке и каскадировании целей Омского государственного технического университета используется смешанный подход, когда цели вуза устанавливает руководство, а нижестоящие подразделения определяют свои цели, а также участвуют в формировании целевых показателей и высказывают креативные идеи в рамках заданного стратегического направления. Организованный подобным образом процесс согласования целей внутри университета обеспечивает то, что руковод-

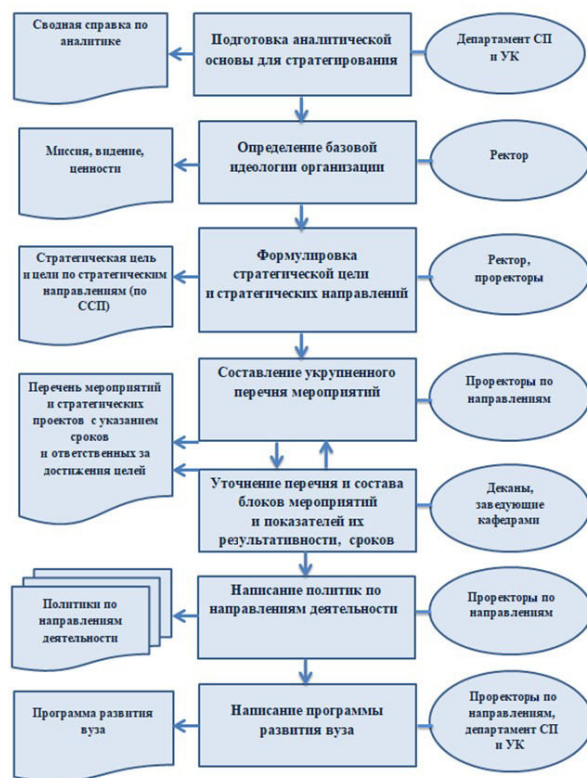

Рис. 3. Блок-схема этапов с распределением ответственности

ство и сотрудники разделяют цели и понимают их значение для вуза. Такой метод дает возможность объединить планирование, контроль и мотивацию в сложной области человеческих ресурсов, а также помогает преодолеть некоторые отрицательные воздействия контроля на сотрудников (рис. 3).

При разработке стратегии и написании программы развития можно выделить следующие этапы:

1. Формулировка миссии.
2. Формулировка ценностей.
3. Формулировка видения.
4. Подготовка аналитической основы для стратегии, включающей анализ внешней и внутренней среды организации (PEST-анализ, анализ стейкхолдеров, анализ конкурентов, организационная диагностика и SWOT-анализ).
5. Формулировка стратегической цели и стратегических направлений.
6. Разработка целей по каждому направлению по ССП.
7. Составление укрупненного перечня мероприятий.
8. Итерационное уточнение перечня и состава блоков мероприятий и показателей их результативности, сроков достижения; анализ экономической обоснованности и целесообразности; расстановка приоритетов за счет работы с факультетами.
9. Написание политик по направлениям деятельности.
10. Написание программ развития вуза и факультетов.

Промежуточный результат использования вышеперечисленных методик и подходов размещен на официальном сайте Омского государственного технического университета [13].

Следовательно, совмещение предложенных методик и подходов, применительно к стратегическому планированию, а также адаптация методов

под специфику конкретного вуза, позволили установить стратегические цели с учетом существующих ресурсов и заложить в стратегию их эффективное использование, что должно существенно повысить успешность реализации стратегии. Предлагаемый смешанный подход к написанию стратегии вуза, интегрированный и гармонизированный с методикой разворачивания стратегических целей по системе сбалансированных показателей, позволит мотивировать и вовлечь сотрудников в процесс разработки перечня мероприятий и стратегических проектов. Более того, указанный подход поможет провести правильную приоритизацию, обеспечить эффективную коммуникацию в процессе разработки стратегии и минимизировать риски сопротивления изменениям, способствуя эффективному процессу операционализации.

Список источников

1. Егоров А. А. Оценка эффективности деятельности университетов на основе их производственных функций // Университетское управление: практика и анализ. 2020. Т. 24, № 4. С. 87–99. DOI: 10.15826/umpra.2020.04.037. EDN: AHQUEF.
2. Сундукова Г. М., Бобылева Н. В., Деревягина Л. Н. Стратегическое управление вузом в условиях цифровой экономики // Вестник Евразийской науки. Т. 11, № 3. С. 27. EDN: WGTNDR.
3. Egorov A., Platonova D. Perception of strategies by university middle managers: is there any relationship with actual universities' operations? // Tertiary Education and Management. 2023. Vol. 29. P. 411–427. DOI: 10.1007/s11233-022-09107-6.
4. Об утверждении требований к структуре и содержанию программы развития образовательных организаций высшего образования: Постановление Правительства РФ от 29.12.2021 № 2547. Доступ из справочно-правовой системы «Гарант».
5. О направлении методических рекомендаций (вместе с «Методическими рекомендациями по разработке программ развития образовательных организаций высшего образования, подведомственных Министерству науки и высшего образования Российской Федерации: письмо Минобрнауки России от 12.01.2023 № МН-7/102 (ред. от 28.02.2024). Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Ревина С. Ю., Горлова О. С., Балашова С. А. Система сбалансированных показателей как инструмент стратегического управления вузом // Наука и бизнес: пути развития. 2019. № 2 (92). С. 93–97. EDN: YUTCWT.
7. Матвеев В. В., Соболева Ю. П. Управление процессом мотивации персонала вузов с использованием стратегического подхода // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2020. № 3. С. 28–41. DOI: 10.22394/2079-1690-2020-1-3-28-41. EDN: HNNLZZ.
8. Янченко С. С. Анализ и сравнительная оценка подходов к формированию стратегии компании «снизу-вверх» и «сверху-вниз» в контексте современных экономических

реалий // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2023. № 9. С. 248–253. DOI: 10.23672/SAE.2023.9.9.035. EDN: UKZEPN.

9. О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 28 февраля 2024 г. № 145. Доступ из справочно-правовой системы «Гарант».

10. О Стратегии социально-экономического развития Омской области до 2030 года: Постановление Правительства Омской области от 12.10.2022 № 543-п (ред. от 22.03.2023). URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/5500202210130019> (дата обращения: 18.12.2024).

11. Ибрашева Б. С., Шарапова В. М. Анализ факторов для разработки стратегии вуза на основе SWOT-анализа // Образование и право. 2019. № 8. С. 258–263. EDN: HYYZQU.

12. Гайворонская Т. В., Верменникова Л. В., Чабанец Е. А., Рыкова А. А. Применение анализа поля сил и модели организационных изменений К. Левина для повышения эффективности реализации концепции «бережливый вуз» в студенческой среде // Кубанский научный медицинский вестник. 2021. Т. 28, № 1. С. 152–165. DOI: 10.25207/1608-6228-2021-28-1-152-165. EDN: NGKXZE.

13. И. о. ректора Павел Корчагин представил стратегические ориентиры развития ОмГТУ до 2030 года. URL: <https://www.omgtu.ru/news/?eid=95764> (дата обращения: 24.12.2024).

ХОДОРЕВА Елена Викторовна, кандидат технических наук, доцент кафедры «Нефтегазовое дело, стандартизация и метрология» Омского государственного технического университета (ОмГТУ), г. Омск.

AuthorID (ПИНЦ): 591427

AuthorID (SCOPUS): 56610293100

Адрес для переписки: l.khodoreva@yandex.ru

ШАЛАЙ Виктор Владимирович, доктор технических наук, профессор (Россия), заведующий кафедрой «Нефтегазовое дело, стандартизация и метрология» ОмГТУ, г. Омск.

SPIN-код: 2322-6820

AuthorID (ПИНЦ): 9913

ORCID: 0000-0003-0635-4849

AuthorID (SCOPUS): 35792469000

AuthorID (SCOPUS): 56755298300

AuthorID (SCOPUS): 57190972363

ResearcherID: P-8233-2015

Для цитирования

Ходорева Е. В., Шалай В. В. Разработка и операционализация стратегии университета // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2025. Т. 10, № 1. С. 129–135. DOI: 10.25206/2542-0488-2025-10-1-129-135. EDN: VWZRXX.

Статья поступила в редакцию 25.12.2024 г.

© Е. В. Ходорева, В. В. Шалай

DEVELOPMENT AND OPERATIONALIZATION OF THE UNIVERSITY STRATEGY

The article considers methods and approaches to setting strategic goals of the university and their cascading into specific, measurable projects, activities and actions with clear performance indicators, which allows building a clear chain from the vision and mission of the university to the concept of performance of specific actions and processes. These processes contribute to the effectiveness of management and monitoring.

The authors consider the specifics of strategy building for higher education institutions, which are large in scale and are regulated by organisations that have to conduct strategic planning in a highly long-range predictive situation. The authors identify the problem of effective operationalization of the strategy of universities and propose a mechanism for deploying goals and a mixed approach to writing a strategy, the combination of which makes it possible to maximize the involvement of the university staff in the strategizing process, which helps to increase motivation and employee engagement. The scientific innovation of the article is the description and approbation of the hybrid approach to creating strategy, which allows creating a unique strategic positioning due to the involvement of university managers and employees.

The main research methods are the research of the experience of the leading universities in the country, through the analysis of their strategies and development programs; the analysis of the problems of writing strategies of universities; approbation of the proposed approaches in the strategy development of Omsk State Technical University.

Keywords: strategy operationalisation, higher education institution development programme, balanced scorecard (BSC), top-down approach to strategy development, bottom-up approach to strategy development, university performance indicators, rating system of evaluation.

References

1. Egorov A. A. Otsenka effektivnosti deyatelnosti universitetov na osnove ikh proizvodstvennykh funktsiy [University efficiency evaluation based on educational production functions]. *Universitetskoye upravleniye: praktika i analiz. University Management: Practice and Analysis*. 2020. Vol. 24, no. 4. P. 87–99. DOI: 10.15826/umpa.2020.04.037. EDN: AHQUEF. (In Russ.).

2. Sundukova G. M., Bobyleva N. V., Derevyagina L. N. Strategicheskoye upravleniye vuzom v usloviyakh tsifrovoy ekonomiki [Strategic university management in a digital economy]. *Vestnik Evraziyskoy nauki. The Eurasian Scientific Journal*. 2019. Vol. 11, no. 3. P. 27. EDN: WGTNDR. (In Russ.).

3. Egorov A., Platonova D. Perception of strategies by university middle managers: is there any relationship with actual universities' operations? *Tertiary Education and Management*. 2023. Vol. 29. P. 411–427. DOI: 10.1007/s11233-022-09107-6. (In Engl.).

4. Ob utverzhdenii trebovaniy k strukture i sodержaniyu programmy razvitiya obrazovatel'nykh organizatsiy vysshego obrazovaniya: Postanovleniye Pravitel'stva RF ot 29.12.2021. No. 2547 [On approval of the requirements for the structure and content of the program for the development of higher education organizations: RF Government Resolution of 29.12.2021. No. 2547]. Available at Garant. (In Russ.).

5. O napravlenii metodicheskikh rekomendatsiy» (vmeste s «Metodicheskimi rekomendatsiyami po razrabotke programm razvitiya obrazovatel'nykh organizatsiy vysshego obrazovaniya, podvedomstvennykh Ministerstvu nauki i vysshego obrazovaniya Rossiyskoy Federatsii: Pis'mo Minobrnauki Rossii ot 12.01.2023 № MN-7/102 (red. ot 28.02.2024) [On the direction of methodological recommendations» (together with the «Methodological recommendations for the development of programs for educational organizations of higher education subordinate to the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation: Letter of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation dated 12.01.2023 № MN-7/102 (as amended on 28.02.2024)]. Available at ConsultantPlus. (In Russ.).

6. Revinova S. Yu., Gorlova O. S., Balashova S. A. Sistema sbalansirovannykh pokazateley kak instrument strategicheskogo upravleniya vuzom [Balanced scorecard as a tool for strategic university management]. *Nauka i biznes: puti razvitiya. Science and Business: Development Ways*. 2019. No. 2 (92). P. 93–97. EDN: YYTCWT. (In Russ.).

7. Matveev V. V., Soboleva Yu. P. Upravleniye protsessom motivatsii personala vuzov s ispol'zovaniyem strategicheskogo podkhoda [Managing the process of motivating university staff using a strategic approach]. *Gosudarstvennoye i munitsipal'noye upravleniye. Uchenyye zapiski. State and Municipal Management*.

Scholar Notes. 2020. No. 3. P. 28–41. DOI: 10.22394/2079-1690-2020-1-3-28-41. EDN: HNNLZZ. (In Russ.).

8. Yatsenko S. S. Analiz i sravnitel'naya otsenka podkhodov k formirovaniyu strategii kompanii «snizu-vverkh» i «sverkhu-vniz» v kontekste sovremennykh ekonomicheskikh realiy. [Analysis and comparative assessment of bottom-up and top-down approaches to the formation of company strategy in the context of modern economic realities]. *Gumanitarnyye, sotsial'no-ekonomicheskiye i obshchestvennyye nauki. Humanities, Social-Economic and Social Sciences*. 2023. No. 9. P. 248–253. DOI: 10.23672/SAE.2023.9.9.035. EDN: UKZEPN. (In Russ.).

9. O Strategii nauchno-tekhnologicheskogo razvitiya Rossiyskoy Federatsii: Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 28 fevralya 2024 g. № 145 [On the Strategy of Scientific and Technological Development of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation of 28 February 2024. No. 145]. Available at Garant. (In Russ.).

10. O Strategii sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Omskoy oblasti do 2030 goda: Postanovleniye Pravitel'stva Omskoy oblasti ot 12.10.2022 No. 543-p (red. ot 22.03.2023) [On the Strategy for Socioeconomic Development of the Omsk Region until 2030: Resolution of the Government of the Omsk Region dated 12.10.2022 No. 543-p (as amended on 22.03.2023)]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/5500202210130019> (accessed: 18.12.2024). (In Russ.).

11. Ibrasheva B. S., Sharapova V. M. Analiz faktorov dlya razrabotki strategii vuza na osnove SWOT-analiza [Analysis of factors for developing a university strategy based on a SWOT-analysis]. *Obrazovaniye i pravo. Education and Law*. 2019. No. 8. P. 258–263. EDN: HYYZQU. (In Russ.).

12. Gaivoronskaya T. V., Vermennikova L. V., Chabanets E. A., Rykova A. A. Primeneniye analiza polya sil i modeli organizatsionnykh izmeneniy K. Levina dlya povysheniya effektivnosti realizatsii kontseptsii «berezhlivyy vuz» v studencheskoy srede [Force field analysis and K. Lewin's change model as leverages of "lean university" principles in student environment]. *Kubanskiy nauchnyy meditsinskiy vestnik. Kuban Scientific Medical Bulletin*. 2021. Vol. 28, no. 1. P. 152–165.

DOI: 10.25207/1608-6228-2021-28-1-152-165. EDN: NGKXZE. (In Russ.).

13. I. o. rektora Pavel Korchagin predstavil strategicheskiye oriyentiry razvitiya OmGTU do 2030 goda [Acting rector Pavel Korchagin presented the strategic guidelines for OmSTU development until 2030]. URL: <https://www.omgtu.ru/news/?eid=95764> (accessed: 24.12.2024). (In Russ.).

KHODOREVA Elena Viktorovna, Candidate of Technical Sciences, Associate Professor of the Oil and Gas Storage, Standardization and Certification Department, Omsk State Technical University (OmSTU), Omsk.

AuthorID (RSCI): 591427

AuthorID (SCOPUS): 56610293100

Correspondence address: l.khodoreva@yandex.ru

SHALAY Viktor Vladimirovich, Doctor of Technical Sciences, Professor, Head of the Oil and Gas Storage, Standardization and Certification Department, OmSTU, Omsk.

SPIN-code: 2322-6820

AuthorID (RSCI): 9913

ORCID: 0000-0003-0635-4849

AuthorID (SCOPUS): 35792469000

AuthorID (SCOPUS): 56755298300

AuthorID (SCOPUS): 57190972363

ResearcherID: P-8233-2015

For citations

Khodoreva E. V., Shalay V. V. Development and operationalization of the university strategy. *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2025. Vol. 10, no. 1. P. 129–135. DOI: 10.25206/2542-0488-2025-10-1-129-135. EDN: VWZRXW.

Received December 25, 2024.

© E. V. Khodoreva, V. V. Shalay

ГЕНЕЗИС И ДАЛЬНЕЙШЕЕ СТАНОВЛЕНИЕ ОРГАНИЗАЦИОННЫХ КУЛЬТУР ДИДЖИТАЛ-СООБЩЕСТВ

Современные управленцы уже осознали и приняли тот факт, что основным определяющим фактором развития организаций, действующих в настоящее время, являются люди и основные аспекты их эффективного функционирования и взаимодействия внутри и вне этих организаций. Также всеобъемлющей тенденцией современности становится лавинообразное распространение разнообразных диджитал-групп, в том числе в рамках реальных организаций.

Данная статья носит теоретико-методологический характер и посвящена некоторым вопросам поэтапного совершенствования организационных культур виртуальных групп как одного из инструментов повышения результативности их функционирования. На основании поэтапного исследования понятийного аппарата обосновывается возможность синонимичного использования фигурируемых в данном контексте терминов. Исходя из актуальности постоянного совершенствования культур организации в период инновационного развития общества, а также опираясь на исследование генезиса диджитал-сообществ, в статье охарактеризованы основные элементы организационных культур реальных и виртуальных групп, типичных и свойственных для различных периодов их становления.

В результате теоретических исследований, предложенных в настоящей статье, в сводной таблице обобщены и сгруппированы характеристики рассмотренных элементов организационных культур. Предложенная систематизация может быть успешно использована в практической деятельности при формировании и регулировании корпоративных культур виртуальных групп, как важнейшего коммуникационного звена современного этапа развития общества, что в целом будет способствовать повышению результатов их функционирования и эффективности деятельности организаций.

Ключевые слова: организационная культура, корпоративная культура, виртуальное сообщество, интернет-сообщество, диджитал-группа, киберсообщество, социальная сеть.

Введение. Различные концепции организационных и корпоративных культур начали укореняться в области организационных и управленческих исследований ещё в конце 70-х годов прошлого столетия. В середине 80-х годов XX века исследования вышеупомянутых феноменов значительно актуализировались и привлекали уже более широкое научное внимание. Большинство учёных того периода, не только теоретиков, но и практиков, утвердились во мнении, что каждая отдельная организация обладает свойственной именно ей уникальной культурой, которая олицетворяет некий набор общих ценностей, правил, норм и убеждений, которые направляют действия и отношения участников коллектива.

В современных условиях хозяйствования, когда для ведения бизнес-процессов особую важность имеет конкурентоспособность компании, для большинства руководителей и управленцев очевидно, что одним из инструментов повышения конкурентоспособности организации и, как следствие, эффективности её деятельности на рынке, становится организационная культура.

Данный факт обусловлен тем, что уникальная культура конкретной организации оказывает значительное влияние на ценностно-нормативное поведение сотрудников, на качество выполнения персоналом своего трудового функционала, на выстраивание внутриорганизационных и внешних коммуникативных процессов, тем самым преобразуя коллектив предприятия в единую сплоченную команду, что способствует достижению положительного синергетического эффекта. Более того, организационная культура оказывает непосредственное влияние на имидж компании в глазах партнеров, потребителей и конкурентов, формирует индивидуальный бренд работодателя на рынке труда и в общественно-социальном поле в целом.

Ещё одним актуальным социокультурным последствием постиндустриализации и новейшей технологической революции становится повсеместное распространение различного рода диджитал-сообществ, которые проникают практически во все аспекты современной жизни: экономические, политические, социальные, культурные

и другие. Процессы информатизации, которые уже давно приобрели лавинообразный характер, предъявляют серьезные требования к нашей реальной действительности, мотивируя и призывая отдельных индивидов и целые компании «поспевать» за динамикой развития всеобъемлющего информационного пространства. На современном этапе развития человеческое сознание уже смирилось с мыслью о том, что социально-культурная жизнь кардинально изменилась, частично переместившись в виртуальное пространство, для кого-то уже привычное и комфортное, а для кого-то новое, неизведанное, неконтролируемое и зачастую эфемерное.

В пользу дальнейшего «захвата» виртуального пространства и развития диджитал-сообществ, характерных практически для всех современных аспектов человеческой жизни, также говорят систематические исследования и анализ распространения пандемии COVID-19 в нашей стране, учитывающие наличие и/или отсутствие взаимосвязей между регионами и результаты применения стратегий изоляции различных групп населения [1].

Исходя из того, что социальные сети, цифровые группы, киберсообщества и т.д. стали неотъемлемой частью нашей реальности и факторами социальных и культурных изменений, очевидна актуальность исследовательского интереса теоретиков и практиков различных научных направлений к таким феноменам, как развитие и распространение интернет-сообществ и формирование их организационных культур.

Целью проведения настоящего исследования является систематизация основных элементов организационных культур и уточнение их характеристик, способствующее формированию и совершенствованию корпоративных культур современных диджитал-сообществ как фундамента для роста их конкурентоспособности и повышения эффективности деятельности компаний в целом.

Для достижения поставленной цели необходимо решить ряд задач: рассмотреть понятие организационной культуры; проанализировать терминологию и генезис диджитал-сообществ; выявить основные свойства и элементы реальных и виртуальных социокультурных сообществ; сравнить и сгруппировать некоторые элементы организационных культур реальных и виртуальных групп в различные периоды своего развития.

Основная часть. Информация и воображение, став важнейшими, по мнению Э. Тоффлера, факторами формирования постиндустриальной цивилизации «третьей волны», практически полностью адаптировавшись в социокультурные и интеллектуальные процессы общества, однако всё ещё требуют дальнейшей научной проработки [2]. Следовательно, прямо или косвенно являясь аспектами информатизации современного общества, диджитал-сообщества и их культуры, предполагают не менее пристальный научный интерес. Данный факт послужил мотивом для выбора вектора нашего научного исследования.

В настоящем научном исследовании считаем допустимым анализировать генезис организационной культуры цифровых сообществ, в том числе опираясь на её основные элементы. В связи с этим изначально необходимо обратиться к общепринятому «классическому» понятийному аппарату интересующих нас терминов.

Теоретические основы организационной культуры начали своё формирование в трудах Эдгара

Шейна, американского профессора швейцарского происхождения. Его авторству принадлежит следующая трактовка: «это модель поведенческих норм, разделяемых всеми, которая была использована в прошлом и признана правильной и, следовательно, должна быть передана для усвоения новым членам организации как единственно правильный способ восприятия, представления и отношения» [3, с. 29].

Автор книги «Корпоративная культура Toyota. Уроки для других компаний» и один из крупнейших в мире специалистов по бережливому производству Дж. Лайкер определяет исследуемый феномен как «многоуровневое явление, уходящее корнями в глубинные и не всегда осознанные убеждения» [4, с. 16].

Профессор Йоркского университета в Торонто, создатель концепции «организационной метафоры» и автор книги «Имиджи организации: восемь моделей организационного развития» Гарет Морган рассматривает организационную культуру как комплекс правил поведения, символов, ритуалов, традиций и ценностей, которые принимаются в компании и являются обязательными для всех ее сотрудников [5, с. 59].

Исходя из вышеуказанных определений, организационная культура является объединяющим звеном для ряда элементов, основными из которых являются ценности, правила, нормы, формы и средства коммуникаций, история, традиции, ритуалы, имиджевые средства и другие.

Дополнительно заметим, что в современной научной литературе параллельно с понятием «организационная культура» часто используются термины «корпоративная культура», «культура компании» и другие, которые во многих случаях трактуются очень схоже с первым. Ранее нами было проведено исследование о возможных вариантах синонимичного использования данных категорий в статье «Некоторые теоретические аспекты тождественности употребления терминов «корпоративная культура» и «организационная культура» [6]. В данной научно-исследовательской работе считаем допустимым использовать вышеупомянутые понятия в качестве синонимов как способа избегания тавтологии или чрезмерных повторов в тексте.

Также нами уже упоминалось, что одной из ярких тенденций и кросс-культурных явлений современности становится уже неоспоримый факт активного развития различного рода сетевых сообществ, которые зарекомендовали себя в качестве актуального предмета научной рефлексии, в том числе при междисциплинарном подходе.

Следовательно, есть необходимость в дальнейшем совершенствовании теоретико-методологического инструмента, применяемого для анализа «классических» для современной науки явлений (в нашем случае организационной культуры) в аспекте переноса их в виртуальное пространство.

Существует мнение, что «зарождением» первых «сетевых сообществ» можно считать период появления за рубежом в конце 70-х годов прошлого столетия первых открытых электронных досок объявлений. В этом аспекте 80-е годы привнесли дальнейшее развитие в исследуемый феномен появлением уже неких групп рассылки электронных сообщений и чат-форумов.

Скорость развития подобных технологий росла в геометрической прогрессии, и уже к 90-м годам XX века средства коллективной сетевой связи были адаптированы в поисковые системы компьютера,

а посетители глобальной сети Интернет могли случайно или целенаправленно попадать и заходить в различные сетевые группы и всё дольше задерживаться в них.

Таким образом, активное становление на тот период нового коммуникационно-информационного пространства, такого как Интернет, стало одним из генеральных факторов формирования сетевых сообществ.

Исследуя понятийный аппарат, отметим, что для описания изучаемых социокультурных виртуальных групп авторами используется очень широкий терминологический арсенал.

Чураковым А. Н. при исследовании диджитал-групп используется термин «комьюнитис», предполагая под ним некое сообщество людей с общими, благодаря сети Интернет, интересами и прочными связями. В связи с этим в современной научной литературе также используются такие понятия, как «виртуальное сообщество» (англ. «virtual community»), конкретизируя виртуальный характер и интерактивность общения индивидов в киберпространстве. В свою очередь, Паринов С. А. именует подобные группы «онлайн-сообществами» (англ. «on-line community»). А К. Пайдж и Дж. Подольны трактуют схожие объединения лиц в количестве более двух человек, имеющие длительные обменные, повторяющиеся связи между собой, как «сетевые формы организации».

Отметим, что понятие «комьюнити» в научной литературе тесно пересекается с понятием «коммуникация», предполагающее некие информационные средства взаимодействия отдельных людей, предприятий, стран и территорий.

Широкое распространение в описываемом аспекте получило понятие «социальная сеть» (англ. «social network»), определяемое по аналогии с компьютерной сетью, набором людей или организаций, связанных между собой некими социально-культурными, производственно-экономическими и иными отношениями, например, совместной трудовой деятельностью, дружбой, информационной и кросс-культурным обменом.

Благодаря исследователям М. Кастельсу, В. Ю. Нестерову, Г. Рейнгольду, наряду с «социальной сетью» научный интерес и массовое применение

нашли такие термины, как «сетевое сообщество», «сетевой социум» и «виртуальное сообщество» [7].

Отметим, что по аналогии с определением «организационная культура», вышеуказанные термины, связанные с характеристикой и описанием сетевых групп, в данной работе будем употреблять в качестве синонимов только лишь с целью избегания лингвистических повторов в тексте.

На современном этапе социально-экономического развития общества виртуальные сообщества являются его неотъемлемой частью и позиционируются как некоторые культурные объединения, целостные организации пользователей «всемирной паутины». Как и традиционные организации, действующие в режиме off-line, диджитал-сообщества характеризуются некоторыми свойствами, актуальными для обеих групп взаимодействия и представленными в табл. 1.

В целом на начальных этапах активного становления интернет-объединений в начале XX века, когда преобладал стихийный характер их формирования, для современных реалий становится характерным эволюционное структурирование исследуемых сообществ и формирование нормативно-культурной базы виртуальных групп, что по ряду свойств, описанных в табл. 1, приближает их к реальным организациям.

Предполагаем, что подобную аналогию можно провести, основываясь на стадии жизненного цикла диджитал-группы, когда по мере её становления происходит и совершенствование нормативно-культурных принципов её деятельности как существенных элементов организационной культуры и в соответствии с уже существующими этикетными нормами сетевого общения.

Таким образом, процесс объединения участников в виртуальные группы все ещё носит децентрализованный характер.

Возвращаясь к теме статьи и исследованию генезиса организационных культур, рассмотрим некоторые элементы культур, характерные для сетевых групп начала XX века, и сравним их с подобными элементами организационных культур виртуальных сообществ, существующих в настоящем периоде времени.

1. Нормативно-правовая база организаций.

Таблица 1

Основные свойства социокультурного сообщества

№	Свойство	Off-line сообщество	On-line сообщество
1.	Присутствие участников группы	Реальное членство в организации	Пользователи интернет-ресурсов
2.	Наличие рабочего (социального) пространства	«Физический» офис с реальным адресом	Виртуальный офис или его отсутствие
3.	Критерии членства в организации	Наличие формального или неформального договора (трудовой договор)	Наличие доступа в сеть интернет
4.	Иерархия, совокупность предписанных ролей	Определяется организационной структурой и локальными нормативными документами	Определяется администраторами группы (поставщиками контента), участниками чата и т.д.
5.	Организационная культура	Регулируется нормативными документами, корпоративным кодексом, стандартами и т.д.	Регулируется неформальными (неписанными) нормами и правилами поведения членов сообщества
6.	Взаимодействие с другими организациями	Прямое, оказывающее взаимное влияние друг на друга, в том числе при формировании организационной культуры	Практически не взаимодействуют и воздействуют друг на друга, предполагая формирование массы различных «виртуальных культур»

Изначально процесс объединения участников в виртуальные комьюнитис носил децентрализованный характер. Не были разработаны обязательные для исполнения единые нормы и правила пользования сетью Интернет в целом, а для отдельных групп не существовало документально зафиксированных стандартов. С течением времени для регулирования деятельности посетителей сети стали формироваться культурные нормы и этикетные правила общения, которые определялись конкретно владельцами интернет-ресурсов и пока не имели формы организационно-правового документа, а чаще носили неформальный характер.

На современном этапе развития ни в одной из стран мира пока нет конфиденциального законодательства, регулирующего правоотношения в сети Интернет, однако существуют нормативно-правовые акты, которые регулируют частные стороны функционирования в сети. К ним относятся, например, такие как предоставление отдельных услуг и линий связи, вопросы подключения к сети через поставщиков и т.п.

Согласно статье 24 Конституции РФ, каждый человек имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом. Также Конституция РФ гарантирует свободу массовой информации и запрещает цензуру (ст. 29) [8]. Дополнительно отметим, что в соответствии с пунктом 1 статьи 10 «Конвенции о защите прав человека и основных свобод» каждый индивид имеет право свободно выражать свое мнение, в том числе путем распространения информации, без вмешательства властей и независимо от границ государств.

Государство вправе прервать любую частную электросвязь только в том случае, если она представляет угрозу безопасности государства или противоречит его законам (ст. 34 Устава Международного союза электросвязи).

Таким образом, несмотря на существование определённой нормативно-правовой базы (например, Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»), организационная культура сетевых сообществ и формирование её основных элементов всё ещё находятся в руках владельцев групп и иных интернет-ресурсов, а в некоторых случаях — в руках постоянной аудитории сообщества, его «костяка», считающего себя главой данного виртуального пространства. Однако не исключена практическая и техническая возможность усиления государственного контроля за поведением участников интернет-сообществ [9].

2. Цель посещения (создания) чата.

Исходя из вышеизложенного вырисовывается еще один немаловажный и существенный элемент организационных культур виртуальных групп — это цель их создания или посещения чата. Очевидно, что посещение или участие в группе индивидов основывается всё же на целях, которые преследуют создатели интернет-сообщества, поэтому первичной будем считать цель создания группы.

В начале XX века, когда популярность диджитал-групп только набирала обороты, одной из целей было создание платформы для удовлетворения потребностей людей в различного рода коммуникациях и/или комфортном общении в компании единомышленников и друзей.

С течением времени стала намечаться тенденция в переходе инициативы в создании диджитал-

групп от частных организаторов в руки социальных заказчиков. Выявив явные преимущества виртуального общения, такими социальными заказчиками становились средства массовой информации, политические партии и отдельные политические деятели, рекламные агентства, торгово-коммерческие организации и иные клиенты.

В настоящее время, когда виртуальный мир стал практически неотъемлемой частью жизни большинства населения, цели создания диджитал-групп стали многоаспектными. Несмотря на то, что большинство создателей как реальных, так и виртуальных организаций преследуют коммерческие цели, наблюдается значительное расширение виртуального контента, что отражается и в миссиях исследуемых комьюнитис. В настоящий момент широко известны интернет-сообщества, созданные с целью передачи и распространения информации, обучающие, банковские, спортивно-развлекательные и иные услуговые платформы, площадки для торговли и обмена, общественные, религиозные и другие объединения. Таким образом, высокие темпы роста информационно-цифрового контента, наблюдаемые нами в современных условиях развития общества, объясняют активный рост популярности создания и посещения диджитал-групп и, как следствие, увеличение в геометрической прогрессии количества их участников.

3. Самопрезентация личности.

Анализ традиционной, «off-line» организационной культуры, часто начинают, опираясь на культуру личности или индивидуальную культуру. Исходя из этого, немаловажным в аспекте диджитал-групп является виртуальная самопрезентация личности, которая вносит весомый вклад в формирование организационной культуры сообщества, в том числе за счёт культурной идентичности, принадлежности или противопоставления себя комьюнитис, участником которого она является.

В настоящее время наблюдается тенденция использования нескольких аккаунтов одним индивидом. В таких случаях, в зависимости от цели посещения или участия в группе, один человек может играть несколько «виртуальных ролей», каждая из которых обретает свою собственную культурную идентичность, иногда и негативную, например, за счёт девиантного поведения, развивая конфликтные ситуации и привлекая дополнительное внимание. В свою очередь, противоположная «виртуальная роль» этого же индивида может выполнять миротворческую миссию, делая героем, лидером, авторитетом обладателя «ника» (англ. «nickname» — прозвище).

4. Культурная идентичность членов сообщества.

Ещё одной чертой общения через виртуальные «ники» является стирание неких барьеров, возникающих в рамках организационных культур при «off-line» коммуникациях. К таким препятствиям можно отнести служебное положение, половозрастные характеристики индивидов, социальный статус, семейное положение и т.д. Внедряясь в виртуальную организационную культуру, человек получает свободу в сотворении себя как личности, что свидетельствует о том, что зачастую в виртуальных сообществах могут общаться не реальные люди, а вымышленные образы.

Одной из основных характеристик культуры любого сообщества является культурная идентичность его членов или степень вовлечённости индивидов в жизнедеятельность группы. Исходя из того, что

посетители и участники диджитал-групп могут использовать псевдонимы для общения в чатах, правильно говорить не о культурной идентичности реальных людей, а о культурной идентичности виртуальных личностей или образов с конкретным характером, ценностным набором, стереотипом поведения, темпераментом.

5. Эмоциональные контакты.

Когда мы говорим об участии в каком-либо виртуальном сообществе, мы предполагаем не физические коммуникации реальных людей, а некие эмоциональные контакты, на основании которых люди знакомятся, общаются, становятся друзьями, тем самым стирая границы между «реальностью» и «виртуальностью». Несмотря на отсутствие физического контакта, можно выделить значительные преимущества общения через Интернет, к которым относятся такие, как вероятность анонимного общения; возможность расширения круга и поддержания отношений с людьми, находящимися в других городах и странах; простота, свобода и лёгкость в установлении новых контактов; взаимодействие с несколькими участниками одновременно, не меняя своей географии.

6. История чата (смена поколений чата).

Важным элементом любого и реального, и виртуального комьюнити является наличие и осознание участниками собственной истории сообщества. Основываясь, в том числе, на продолжительности нахождения в виртуальной группе и собственной включенности в её жизнедеятельность, индивиды могут скучать по участникам, покинувшим чат; ностальгировать по ушедшим временам, забытым традициям, ритуалам; слагать легенды о «героях» и «старожилах» сообщества.

Таким образом, для виртуальных групп начала XXI века было свойственно знать социокультурные элементы сообщества, его историю, традиции, правила и нормы поведения в группе, часто посещать чат, знать большинство участников диджитал-групп и узнавать их, в том числе по псевдонимам и манере виртуального общения.

Очевидно, что смена участников и поколений виртуальных сообществ может происходить гораздо быстрее, чем в реальных организациях. Данное предположение можно объяснить наличием лишь эмоциональных связей между участниками и отсутствием физического контакта, что в ряде случаев может снижать потребность в длительном взаимодействии в целом.

В настоящее время часто становится характерным участие в жизни интернет-сообщества даже без эмоциональной привязанности, а в силу необходимости своевременного получения информации (группы в социальных сетях школ и детских садов, спортивных секций, группы товариществ собственников жилья и т.д.). История таких виртуальных сообществ коротка и часто однотипна. Данный феномен объясняется тем, что в таких группах, во-первых, идёт уравнивание статусов и ролей участников, поэтому после, например, окончания ребёнка детского сада или переезда нет потребности во взаимодействии и сохранении виртуального общения. А, во-вторых, количество таких виртуальных групп на одного человека может достигать до нескольких десятков, поэтому узнать историю группы и достигнуть эмоциональной привязанности со всеми участниками, которых конкретный индивид может даже не знать, и сообществами просто невозможно и бессмысленно.

7. Формы общения и коммуникаций внутри группы.

Формы общения и коммуникаций внутри диджитал-групп, как элементы организационной культуры сообществ, также постоянно развиваются. Для начала XXI века наиболее популярными были такие формы общения в сети Интернет, как чаты, телеконференции, виртуальные ролевые игры, переписка по электронной почте, различающиеся по степени интерактивности. Большинство форм коммуникаций обладали такой характерной чертой, как анонимность в связи с их опосредованностью компьютером.

В настоящий момент вышеуказанные формы не утратили своей актуальности, а наоборот, эволюционировали, приобретая новые возможности. Сейчас распространение получили такие формы интернет-коммуникаций, как форумы, социальные сети, тематические группы и каналы, блоги и влоги. Данный факт объясняется популяризацией мобильных устройств, а именно планшетов и смартфонов, с экранов которых просматривается значительная часть интернет-контента.

8. Средства общения в диджитал-группе.

Средства общения внутри диджитал-группы, также относящиеся к важным элементам, характеризующим организационную культуру, на заре нашего века были крайне скудны, что являлось одной из основных проблем, которые препятствовали общению в виртуальном пространстве. В отличие от реальной организации, где, в первую очередь, взаимодействуют физические тела, которые в соединении со «словом» создают образ человека, в виртуальной группе наблюдалось отсутствие телесности, т.е. люди могли быть представлены друг другу и общаться только через тексты. Кроме этого, участники сетевых групп были практически полностью лишены дополнительных паралингвистических средств общения, таких как тембр голоса и речи, дикция, эмоциональная окраска, мимика, жесты и другие. Несмотря на то, что изложенные выше средства общения могли стать и серьезным коммуникационным барьером при реальном общении (например, заикание или невнятная дикция), по результатам научных исследований невербальные коммуникации играют огромную роль, определяя до 55 % конечного результата, достигаемого при общении.

Глобальная нехватка невербальных средств при виртуальном общении была частично компенсирована введением «смайликов» — типизированных эмоциональных реакций. Несмотря на такую компенсацию эмоционального дефицита, всё ещё актуальной оставалась проблема ошибочного и/или неадекватного восприятия членами цифровой группы друг друга.

Недавние исследования, проводимые доцентом Гарвардской школы бизнеса Джоном М. Яхимо-вичем, свидетельствуют о том, что невербальные средства общения играют огромную роль и в культурах реальных организаций. По его мнению, более страстные сотрудники организации, в отличие от более отчуждённых, «склонны больше демонстрировать свои чувства, используя такие сигналы, как оживленные выражения лица», мимика и жесты [10].

В современном киберконтинууме невербальные средства общения, влияющие на смысл и результат коммуникации, сделали значительный шаг вперёд за счёт совершенствования и распространения цифровых технологий и, как следствие, медиа. В на-

Основные элементы организационных культур реальных и виртуальных групп в различные периоды времени

№	Основные элементы организационной культуры	Характеристика элемента			
		Off-line сообщество	On-line сообщество начала XXI века	On-line сообщество 20-х гг. XXI века	
1	Нормативно-правовая база организации	Регулирование деятельности на основании выбранной и зарегистрированной организационно-правовой формы	Определяется владельцами интернет-ресурсов	Определяется владельцами интернет-ресурсов с тенденцией усиления государственного контроля за поведением участников	
2	Цель создания, вступления в сообщество	Чаще всего коммерческая цель (прибыль, заработная плата)	Платформа для удовлетворения потребностей людей в коммуникациях и/или комфортном общении в компании единомышленников и друзей	Расширение количества социальных заказчиков на создание цифровых групп и их многоцелевой характер, удовлетворяющий социально-коммерческие цели	
3	Самопрезентация личности	Основывается на индивидуальной культуре участников	Основывается на социально-культурном образе, оформленном по желанию владельца «ника», полная свобода в сотворении себя. Распространены анонимность и игровой, «карнавальный» характер самопрезентации	Использование нескольких социально-культурных образов одним индивидом в рамках одной или нескольких групп. В зависимости от целей посещения очень часто нет необходимости использования анонимности	
4	Культурная идентичность членов сообщества	Определяется на этапе подбора и набора персонала, формируется в ходе совместной деятельности	Стирание коммуникационных барьеров (социальный статус, пол, возраст...). Свобода самопрезентации, анонимность и игровой характер предполагают культурную идентичность не реальных людей, а вымышленных образов	Стирание коммуникационных барьеров (социальный статус, пол, возраст...). Тенденция ухода от анонимности часто предполагает высокую степень вовлечённости в жизнедеятельность сообщества реальных личностей	
5	Эмоциональные контакты	Регулируются в рамках формальных и неформальных организационных культур (правила, нормы, социально-психологический климат, традиции...)	Простота установления, вероятность анонимного общения, возможность расширения круга и поддержания отношений с людьми, находящимися в других городах и странах; лёгкость в установлении новых контактов; взаимодействие с несколькими участниками одновременно, не меняя своей геопозиции	Расширение возможностей установления эмоциональных контактов по сравнению с началом XXI века за счёт развития цифровых технологий, форм и средств общения	
6	История сообщества (смена поколений сообщества)	Отражается в традициях, ритуалах, мифах и легендах компании. Более длительный стаж нахождения участников в социальной группе, медленная смена поколений по сравнению с диджитал-группами	Большинству участников известны социокультурные элементы сообщества, его история, традиции, правила и нормы поведения в группе. Высокая частота посещения чата. Участники знакомы и узнают друг друга по «никам» и манере виртуального общения. Смена участников и поколений быстрее, чем в реальных группах	История большого количества сообществ коротка и часто однотипна. Участие в группе без эмоциональной привязанности, а в силу необходимости своевременного получения информации. Идёт уравнивание статусов и ролей участников. Большое количество виртуальных групп на одного человека. Смена участников и поколений быстрее, чем в on-line группах начала XXI века	
7	Формы общения и коммуникаций внутри группы	Реальное и виртуальное общение в зависимости от степени развития цифровых технологий и элементов формальных и неформальных организационных культур	Чаты, телеконференции, виртуальные ролевые игры, переписка по электронной почте, различающиеся по степени интерактивности	Дополнительно к формам общения on-line сообщества начала XXI века: форумы, социальные сети, тематические группы и каналы, блоги и влоги	
8	Средства общения в комьюнитис	Реальное, в том числе при помощи цифровых технологий, взаимодействие физических тел, которые в соединении со «словом» создают образ человека	Отсутствие телесности, люди представлены друг другу и общаются только через тексты и типизированные эмоциональные реакции «смайлики»	Современный чат-контент представлен в различных видах: текстовом, графическом, видео, аудио и ином мультимедийном формате. Кроме текстов и «смайликов» доступны изображения, GIF-анимация, голосовые сообщения, музыка, видеосообщения и т.п.	
9	Половозрастная характеристика участников	Определяется внутренними и внешними факторами (например, вид деятельности, организационная структура, кадровая политика, население в окрестностях предприятия и т.д.)	Представители молодежной среды и участники наиболее активных социальных групп. Гендерная характеристика определялась тематикой сообщества. Пользователи Интернета — 7 % мирового населения	В связи с развитием целей и мотивов посещения диджитал-групп изменился возрастной состав в сторону его расширения, начиная от младших школьников и заканчивая людьми пенсионного возраста. 2/3 мирового населения имеют доступ в сеть Интернет	

шем контексте медиа — обширное понятие, включающее в себя весь спектр технологических средств и приёмов коммуникации, которые способствуют передаче конкретному потребителю информационного сообщения в том или ином виде. Современный чат-контент может быть представлен в различных видах: текстовом, графическом, видео, аудио и ином мультимедийном формате. Таким образом, сейчас кроме текстов и «смайликов» обитателям диджитал-групп доступны изображения, GIF-анимация, голосовые сообщения, музыка, видеосообщения, on-line трансляции (конференции), что дополнительно способствует решению проблем адекватности восприятия членами группы друг друга.

9. Половозрастная характеристика участников.

Половозрастная характеристика участников группы также играет немаловажную роль при анализе и оценке организационных культур. Охват виртуальных групп начала XXI века состоял в основном из представителей молодежной среды и наиболее активных участников социальных групп. Гендерную характеристику можно было оценить тематикой сообщества. Однако о количественном охвате значительной части населения говорить было рано. По данным исследований в 2002 году было зарегистрировано около полумиллиарда пользователей сети Интернет, что составляло порядка 7 % мирового населения. Постепенно интеграция человека в виртуальное пространство становилась неотъемлемой частью его жизнедеятельности. Сеть стала выступать фактором культурной идентификации личности; у населения стирались комплексы отчуждения от процессов глобального развития; снималось ментальное раздражение и напряжение, вызванные, в том числе, «страхами» выхода в сеть. Данные социологического общероссийского опроса, проведённого в марте 2017 года, в том числе, свидетельствующие о повышении доверия к онлайн-СМИ, также подтверждают факт постоянного роста количества участников разнообразных интернет-сообществ [11, с. 117].

Статистика свидетельствует о том, что на начало 2023 года практически 5,5 миллиарда человек, или 68 % от общей численности мирового населения пользуются мобильными телефонами, 5,2 миллиарда человек — активные интернет-пользователи, из них 4,8 миллиарда человек — действующие пользователи социальных сетей. Тенденции таковы, что к концу 2023 года более 2/3 населения имеют доступ в сеть Интернет и в последующем эти цифры будут увеличиваться.

Кроме того, глобально изменился не только количественный, но и качественный охват участников. Как уже говорилось ранее, сейчас значительно расширились цели и мотивы посещения виртуальных комьюнитис. В связи с этим на современном этапе очевидны изменения и возрастного состава участников диджитал-групп в сторону его расширения, начиная от младших школьников и заканчивая людьми пенсионного возраста.

Методы. Таким образом, знание генезиса и дальнейшей трансформации элементов организационной культуры диджитал-групп, их анализ и учёт при формировании культур исследуемых сообществ, может стать платформой для создания благоприятной внутренней среды сообщества, комфортного социально-психологического климата, что, как и в реальной организации, будет способствовать достижению целей группы и отдельных её участников как ценностного ресурса всей компании.

При разработке и решении поставленных задач, наряду с теоретическими и эмпирическими методами, применялись такие методы, как группировка, детализация, систематизация, методы научной абстракции, обобщение, методы аналогий и сравнений. При решении определённых задач использовались методы общенаучного исследования, методы логического, функционального и системного анализа, а также табличное представление анализируемых категорий.

Используя перечисленные выше методы, предлагаем систематизировать основные элементы организационных культур реальных и виртуальных групп в различные периоды времени в сводной табл. 2.

Результаты и обсуждение. Данная систематизация, предполагающая и конкретизацию, и сравнение характеристик элементов реальных и виртуальных сообществ, может стать основой для разработки практических рекомендаций по формированию и регулированию деятельности организационных культур современных диджитал-групп, которые зачастую являются неотъемлемой частью современных реальных организаций. В свою очередь, мероприятия, разработанные с учётом предложенных выше характеристик основных элементов, могут способствовать достижению целей, стоящих перед изучаемыми группами, и повышению эффективности их деятельности, в том числе в рамках реальных организаций.

Однако исходя из того, что эволюция анализируемых сообществ предполагает и изменение целей их создания, подобная сравнительная характеристика элементов является достаточно обобщённой и может быть применима как для регулирования организационных культур виртуальных групп, преследующих коммерческие цели, так и для сетевых сообществ, созданных для достижения общественно-социальных и иных подобных целей. Следовательно, используя предложенную систематизацию в практической деятельности, рекомендуется вносить корректирующие действия в процессы совершенствования организационной культуры конкретной группы в зависимости от характеристики элементов, особенностей и целей исследуемого online сообщества, что даст более эффективные результаты при формировании и совершенствовании корпоративной культуры группы.

Список источников

1. Zubarev A., Kirillova M. Modeling COVID-19 spread in the Russian Federation using global VAR approach // *Applied Econometrics*. 2022. Vol. 65. P. 117–138. DOI: 10.22394/1993-7601-2022-65-117-138.
2. Тоффлер Э. Третья волна / пер. с англ. К. Ю. Бурмистрова [и др.]. Москва: АСТ Москва, 2009. 795 с. ISBN 978-5-403-02493-8.
3. Шейн Эдгар. Организационная культура и лидерство / пер. с англ. С. Жильцов. Санкт-Петербург: Питер, 2011. 330 с. ISBN 978-5-4237-0194-9.
4. Лайкер Дж. Корпоративная культура Toyota: уроки для других компаний. Москва: Альпина Паблишер, 2016. 354 с. ISBN 978-5-9614-1356-4.
5. Кудряшов В. С., Кружалин В. И. Сущность и значение понятия корпоративная культура организации // *Open Innovation: сб. ст. XI Междунар. науч.-практ. конф.* Пенза: Наука и просвещение, 2019. С. 59–61. EDN: KXFKQT.
6. Лапкина А. Г. Некоторые теоретические аспекты тождественности употребления терминов «корпоративная

культура» и «организационная культура» // Организационно-управленческие аспекты экономического развития предприятий и регионов: материалы всерос. науч.-практ. конф. Омск, 25 мая 2023 года. Омск: Изд-во ОмГТУ, 2023. С. 19–25. EDN: FKVEYN.

7. Тальнишних Н. К. Культура «сетевых сообществ»: автореф. дис. ... канд. философ. наук. Ростов-на-Дону, 2004. 22 с. EDN: NHTWPD.

8. Конституция Российской Федерации: с изменениями, одобренными общероссийским голосованием 1 июля 2020 г.: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. URL: <https://docs.cntd.ru/document/9004937> (дата обращения: 18.05.2024).

9. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федер. закон № 149-ФЗ; принят Государственной Думой 8 июля 2006 г.; одобрен Советом Федерации 14 июля 2006 г. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

10. Rand B. Is Your Workplace Biased Against Introverts? Working knowledge. Business Research for Business Leaders. URL: <https://hbswk.hbs.edu/item/is-your-workplace-biased-against-introverts> (дата обращения: 01.08. 2024).

11. Malakhov D. Internet usage and TV and online media trust: case of Russia // Applied Econometrics. 2018. Vol. 50. P. 67–89.

ЛАПКОВА Анна Геннадьевна, старший преподаватель кафедры «Организация и управление наукоемкими производствами» Омского государственного технического университета, г. Омск.

SPIN-код: 8310-7792

AuthorID (РИНЦ): 596522

Адрес для переписки: annalapkova@yandex.ru

Для цитирования

Лапкова А. Г. Генезис и дальнейшее становление организационных культур диджитал-сообществ // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2025. Т. 10, № 1. С. 136–145. DOI: 10.25206/2542-0488-2025-10-1-136-145. EDN: JEHUGU.

Статья поступила в редакцию 11.09.2024 г.

© А. Г. Лапкова

GENESIS AND FURTHER DEVELOPMENT OF ORGANIZATIONAL CULTURES OF DIGITAL COMMUNITIES

Modern managers realized and accepted the fact that the main determining factor in the development of organizations operating are people and their effective functioning and interaction inside and outside these organizations. Moreover, the avalanche-like spread of various digital groups is becoming a comprehensive trend of our time.

Therefore, the article is theoretical and methodological in origin and is devoted to some aspects of element-by-element improvement of the organizational cultures of virtual groups as one of the means of efficiency improvement of their functioning. A stepwise research of the conceptual system is applied to explain the possibility of synonymous use of the terms. Proceeding from the relevance of continuous improvement of organizational cultures in the period of the innovative society development, as well as based on the study of the digital communities genesis, the article describes the main elements of organizational cultures of real and virtual groups, typical and peculiar for different periods of their formation.

As a result of the theoretical research suggested in this article, the features of the considered organizational culture elements are summarised and grouped in the table. The proposed grouping can be used effectively in the formation and regulation of corporate cultures of virtual groups as the most important communication link of the modern stage of society development, thus generally contributing to the improvement of the functioning results and the organizations' performance efficiency.

Keywords: organizational culture, corporate culture, virtual community, internet communities, digital group, cyber community, social network.

References

1. Zubarev A., Kirillova M. Modeling COVID-19 spread in the Russian Federation using global VAR approach. *Applied Econometrics*. 2022. Vol. 65. P. 117–138. DOI: 10.22394/1993-7601-2022-65-117-138. (In Engl.).
2. Toffler Alvin. Tret'ya volna [The third wave] / trans. by K. Yu. Burmistrova [et al.]. Moscow, 2009. 795 p. ISBN 978-5-403-02493-8. (In Russ.).
3. Shane E. Organizatsionnaya kul'tura i liderstvo [Organizational culture and leadership] / trans. by S. Zhiltsov. Saint Petersburg, 2011. 330 p. ISBN 978-5-4237-0194-9. (In Russ.).
4. Liker J. Korporativnaya kul'tura Toyota: uroki dlya drugih kompaniy [Toyota's corporate culture: lessons for other companies]. Moscow, 2016. 354 p. ISBN 978-5-9614-1356-4. (In Russ.).
5. Kudryashov V. S., Kruzhalin V. I. Sushchnost' i znachenie ponyatiya korporativnaya kul'tura organizatsii [The essence and meaning of the concept of corporate culture of the organization]. *Open Innovation*. 2019. P. 59–61. EDN: KXFKQT. (In Russ.).
6. Lapkova A. G. Nekotoryye teoreticheskiye aspekty tozhestvennosti upotrebleniya terminov «korporativnaya kul'tura» i «organizatsionnaya kul'tura» [Some theoretical aspects of the identity of the use of the terms «corporate culture» and «organizational culture»] // *Organizatsionno-upravlencheskiye Aspekty Ekonomicheskogo Razvitiya Predpriyatiy i Regionov*. Omsk, 2023. P. 19–25. EDN: FKVEYH. (In Russ.).
7. Talnishnih N. K. Kul'tura «setevykh soobshchestv»: avtoref. diss. na soiskaniye uchenoy stepeni kand. filosof. nauk [Culture of «network communities»: abstract of a dissertation for the Candidate Degree of Philosophical Sciences]. Rostov-on-Don, 2004. 22 p. EDN: NHTWPD. (In Russ.).
8. Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii: s izmeneniyami, odobrennymi obshcherossiyskim golosovaniyem 1 iyulya 2020 g.: prinyata vsenarodnym golosovaniyem 12 dekabrya 1993 g. [Constitution of the Russian Federation: with amendments approved by the all-Russian vote on July 1, 2020; adopted on December 12, 1993]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/9004937> (accessed: 18.05.2024). (In Russ.).
9. Ob informatsii, informatsionnykh tekhnologiyakh i o zashchite informatsii: Federal'nyy zakon No. 149-FZ: prinyat Gosudarstvennoy Dumoy 8 iyulya 2006 g.; odobren Sovetom Federatsii 14 iyulya 2006 g. [Federal law No. 149-FZ «On Information, Information Technologies and Information Protection»: adopted by the State Duma on July 8, 2006; approved by the Federation Council on July 14, 2006]. Available at ConsultantPlus. (In Russ.).
10. Rand B. Is Your Workplace Biased Against Introverts? Working knowledge. Business Research for Business Leaders. URL: <https://hbswk.hbs.edu/item/is-your-workplace-biased-against-introverts> (accessed: 01.08. 2024). (In Engl.).

11. Malakhov D. Internet usage and TV and online media trust: case of Russia. *Applied Econometrics*. 2018. Vol. 50. P. 67–89. (In Engl.).

LAPKOVA Anna Gennadievna, Senior Lecturer of the Organization and Management of Knowledge-Intensive Production Department, Omsk State Technical University, Omsk.

SPIN-code: 8310-7792

AuthorID (RSCI): 596522

Correspondence address: annalapkova@yandex.ru

For citations

Lapkova A. G. Genesis and further development of organizational cultures of digital communities. *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2025. Vol. 10, no. 1. P. 136–145. DOI: 10.25206/2542-0488-2025-10-1-136-145. EDN: JEHUGU.

Received September 11, 2024.

© A. G. Lapkova

Институт экономики и управления
Федерального государственного
автономного образовательного
учреждения высшего образования
«Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского»,
г. Симферополь, Республика Крым,

ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОГРАНИЧЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ВЫЗОВЫ И ВОЗМОЖНОСТИ В КОНТУРЕ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Проводится анализ внешнеэкономических ограничений Российской Федерации, которые оказывают многоуровневое воздействие на российскую экономику в условиях санкционного давления. Рассматриваются ключевые вызовы и возможности, возникающие вследствие санкционных режимов, а также пути цифровой трансформации бизнеса и национальной экономики. Подчеркивается важность цифровизации и внедрения инноваций как факторов повышения конкурентоспособности и устойчивости к внешним воздействиям. Приводятся примеры успешного применения цифровых технологий в различных секторах экономики с акцентом на их роли в преодолении санкционных барьеров. Кроме того, раскрываются механизмы адаптации и структурных преобразований, направленные на снижение зависимости от внешних экономических факторов, укрепление внутреннего рынка и развитие отечественных технологических решений.

Ключевые слова: Российская Федерация, внешнеэкономические ограничения, цифровая трансформация, национальная экономика, импортозамещение, технологические инновации, структурные преобразования.

Постановка проблемы. В условиях нарастающей геополитической напряженности и введения масштабных внешних ограничений Российская Федерация сталкивается с необходимостью переосмысления стратегий экономического развития и механизмов ассимиляции в глобальное цифровое пространство. Цифровая трансформация выступает ключевым инструментом преодоления негативных последствий санкционного давления, с одной стороны, формируя новейшие цепочки добавленной стоимости, а с другой — оптимизируя внутренние бизнес-процессы и повышая конкурентоспособность национальной экономики в целом. Однако ограниченный доступ к передовым технологиям, капитальным ресурсам и международным рынкам обуславливает потребность в разработке инновационных подходов к имплементации цифровых инноваций, адаптированных к специфике российской экономической модели и институциональной среды. В этой связи актуализируются вопросы комплексного исследования влияния внешних ограничений на процессы цифровизации в Российской Федерации, идентификации стратегических возможностей и рисков, а также разработки механизмов адапта-

ции и обеспечения устойчивого развития в сложившихся геэкономических условиях.

Принимая во внимание значимость цифровых технологий как катализатора экономического развития и необходимость реагирования на внешние вызовы, изучение данной проблематики способствует выработке научно обоснованных направлений государственной политики, ориентированных на укрепление экономического суверенитета и повышение конкурентоспособности Российской Федерации в глобальном цифровом пространстве.

Анализ последних исследований и публикаций. Вопросами цифровой трансформации и адаптации российской экономики в условиях санкционного давления занимались такие отечественные исследователи, как В. М. Вазагов и М. Б. Мирошниченко [1], которые изучали ключевую роль цифровизации в повышении устойчивости национальной экономики. Н. Ю. Ахапкин [2] акцентировал внимание на необходимости разработки инновационных подходов к модернизации экономических систем. А. Г. Пылин [3] и Г. Р. Вазигатова [4] исследовали важность импортозамещения и развитие отечественных технологий, сформулировав вывод

Рис. 1. Реализация возможностей активизации структурных преобразований в национальной экономике*
*Составлено автором по материалам [2]

о необходимости активного стимулирования национального ИТ-сектора. И. В. Байракова [5] на основании выявленных причин роста кибератак отмечает важность усиления информационной безопасности в условиях санкционной составляющей.

А. А. Гайсарова [6] обращает внимание на угрозы промышленного шпионажа. Кроме того, статистические материалы из базы данных Castellum.ai [7] показывают введение более 14 000 санкций против России к 2022 г., что существенно влияет на структуру спроса и предложения. Однако, несмотря на обширное исследование различных аспектов, существует необходимость в углубленном изучении механизмов адаптации российских предприятий к новым условиям для обеспечения устойчивого развития в контексте цифровой трансформации, преодоления внешних ограничений и усиления возможностей активизации структурных преобразований.

Целью статьи является комплексный анализ внешнеэкономических ограничений Российской Федерации в контуре цифровой трансформации.

Изложение основного материала. В условиях нарастающих геополитических вызовов, с которыми сталкивается Российская Федерация, одним из существенных негативных вытекающих являются внешние экономические ограничения, выраженные в форме санкционных режимов. Данные ограничения оказывают многоуровневое влияние на экономическую систему страны, затрагивая деятельность отдельных предприятий, отраслей и секторов, а также формируя системные риски для национальной экономики в целом. К основным инструментам санкционного давления относятся торговые барьеры, включая запреты на экспорт, реэкспорт и импорт определенных видов продукции, ограничения на проведение международных финансовых операций, замораживание активов и иные меры экономического характера [8, с. 6626].

Системный анализ механизмов санкционного воздействия и их последствий свидетельствует о необходимости разработки эффективных стратегий по нейтрализации негативного влияния внешних ограничений на функционирование национальной экономики. В этой связи особую актуальность приобретает инициирование структурных преобразований, способных обеспечить дополнительный импульс развитию российской экономики посредством цифровой трансформации бизнес-моделей. Учитывая, что эволюция социально-экономических отношений в современном мире неразрывно свя-

зана с прогрессом цифровых технологий, процесс цифровизации выступает в качестве ключевого драйвера экономического роста и инновационного развития.

«Реализация возможностей активизации структурных преобразований предполагает реализацию совокупности принципов адаптации отечественной экономической политики в сфере структурных преобразований к специфическим условиям действия внешних ограничений, введенных в адрес России». Более детально возможности ускорения преобразований продемонстрированы на рис. 1.

Во-первых, следует осуществить систематическую оценку существующих структурных форм российской экономики с применением основополагающих критериев глобальной конкурентоспособности. Такой аналитический подход позволит идентифицировать сильные и слабые стороны текущей экономической структуры, определить потенциальные области для модернизации и адаптации к современным вызовам.

Во-вторых, критически важна организационная, институциональная и финансовая поддержка инициатив, направленных на внедрение принципиально новых идей структурных изменений в экономической системе. Создание благоприятных условий для инновационной деятельности и предпринимательства способствует ускорению процессов трансформации и повышению устойчивости экономики к внешним воздействиям.

В-третьих, необходимо сформировать целостную инфраструктуру, обеспечивающую процесс становления, апробации, диффузии и расширенного применения стратегически перспективных структурных форм организации экономических отношений. Развитие такой инфраструктуры позволит интегрировать передовые цифровые технологии в различные секторы экономики, способствуя повышению эффективности и производительности.

Наконец, выдвижение стратегических целей управления экономическим развитием, соответствующих требованиям структурных преобразований, является фундаментальным условием для достижения устойчивого роста. Разработка и реализация долгосрочных стратегий, ориентированных на инновационное развитие, обеспечат координацию усилий экономических субъектов и усилят синергетический эффект от проводимых реформ.

Период 2020 – 2022 гг. отмечается как наиболее значимый этап преобразований в российской экономике, обусловленный беспрецедентным увеличе-

Вызовы и возможности развития цифровой экономики*

Вызовы	Возможности
Финансовые ограничения/отрезание от финансового рынка	Цифровой рубль — альтернатива западной финансовой инфраструктуре
Технологические ограничения	Развитие импортозамещения в ИТ
Снижение безопасности данных	Развитие технологий безопасности

*Составлено автором

нием объема экономических санкций. «Согласно данным глобальной базы данных мониторинга санкций Castellum.ai, начиная с 22 февраля 2022 г. в отношении России были введены 11 327 рестрикций. Общее количество санкций, наложенных на Россию, достигло 14 022» [2]. В экономической теории санкции классифицируются как два основных типа: торговые и финансовые. Наиболее распространенной формой торговых санкций является эмбарго, подразумевающее государственный запрет на ввоз в страну или вывоз из нее определенных категорий товаров, включая золото, иностранную валюту и другие стратегически важные ресурсы.

Масштабное введение санкционных ограничений инициирует трансформацию внутренних экономических процессов. «Адаптируясь к новым как внутренним, так внешним условиям функционирования, экономика структурно трансформируется. Меняется структура спроса, и бизнес не может на это не реагировать» [3]. Таким образом, внешние ограничения создают предпосылки для появления новых возможностей в контексте цифровой трансформации. Интеграция цифровых технологий в экономическую деятельность становится ключевым инструментом для преодоления вызовов и обеспечения устойчивого развития в условиях внешнего давления. Основные санкционные вызовы и соответствующие возможности в цифровой экономике представлены в табл. 1.

Исходя из данных табл. 1, можно выделить три ключевых сопоставления в рамках системы «вызовы — возможности»:

1. Финансовые ограничения представляют собой комплекс запретов на операции, связанные с Центральным банком Российской Федерации. К данным ограничениям относятся: запрет на транзакции с криптовалютными кошельками и продажу ценных бумаг юридическим и физическим лицам, являющимся резидентами Российской Федерации; запрет на предоставление услуг депозитарного обслуживания криптоактивов гражданам России; запрет на открытие и принятие вкладов от граждан РФ и другие аналогичные меры. Кроме того, было осуществлено отключение от системы SWIFT таких финансовых учреждений, как Сбербанк, Россельхозбанк, Московский кредитный банк, а также введены запреты на предоставление бухгалтерских, PR- и консалтинговых услуг.

Несмотря на указанные санкционные ограничения, Центральный банк Российской Федерации реализует комплексные меры, направленные на повышение финансовой эффективности, поддержание стабильности финансовой системы и обеспечение непрерывности финансовой деятельности внутри страны. «Для получения наибольшего эффекта существует необходимость определения тенденций финансового состояния, ориентации в финансовых

возможностях и перспективах, оценки финансового состояния других взаимодействующих хозяйствующих субъектов» [4].

«В силу того, что многие страны, в частности Россия, постепенно переходят к инновационной форме развития экономики, крайне необходимым аспектом выступает модернизация и совершенствование механизма ведения безналичных расчетов» [5].

Ключевым инструментом в преодолении финансовых ограничений выступает цифровой рубль. Согласно Центральному банку РФ, «цифровой рубль — цифровая валюта центрального банка, разрабатываемая Банком России, третья форма российской национальной валюты в дополнение к уже существующим наличной и безналичной формам денег» [6]. Основная цель внедрения цифрового рубля заключается в создании дополнительного средства для осуществления финансовых операций внутри Российской Федерации, не зависящего от внешних ограничений, что позволит снизить степень зависимости от международного финансового рынка. «Пилот охватывает 13 местных банков и множество розничных продавцов, предполагая реализацию реальных транзакций с использованием цифрового рубля, в том числе переводы между физическими лицами и платежи в торговых и сервисных организациях» [9].

Став основополагающим направлением в области финансовых инноваций, алгоритмическая торговля также играет существенную роль на современном этапе развития экономических отношений, оказывая значительное влияние на функционирование фондовых рынков, что особенно проявляется на примере российского рынка, который претерпевает значительные изменения под воздействием глобальных экономических и технологических преобразований. «Внедрение алгоритмической торговли оказало влияние на многие аспекты торговли ценными бумагами в России, изменив ликвидность, волатильность и структуру рыночных операций» [7].

2. Технологические ограничения, вызванные прекращением деятельности крупных иностранных организаций на отечественном рынке, представляют собой существенный вызов для национальной экономики. Данный феномен является следствием введения санкций и иных ограничительных мер, в значительной степени влияющих на технологическое развитие и инновационный потенциал страны.

В этих условиях возникает возможность переосмысления и перестройки внутренних экономических процессов. С одной стороны, освобождаются рыночные ниши для отечественных предприятий-производителей, что создает предпосылки для усиления их конкурентоспособности и стимулирует развитие собственных технологических решений.

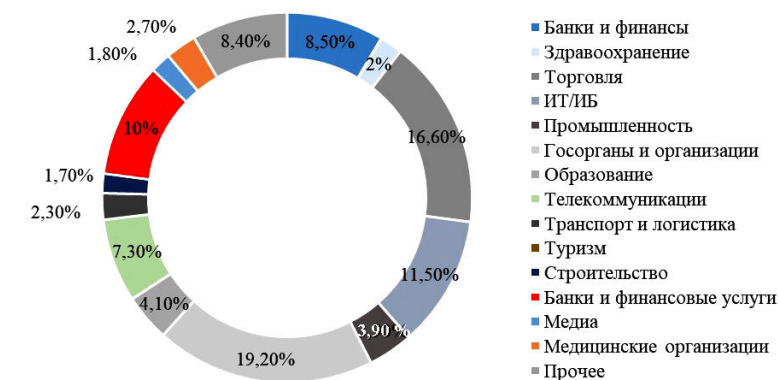

Рис. 2. Отраслевое распределение утечек информации в Российской Федерации в 2022 г.*
*Составлено автором по материалам [16]

«Раннее крупнейшие российские потребители инновационной продукции, находившиеся в условиях «запертости» в экосистемах зарубежных поставщиков, вынуждены замещать многие решения на доступные аналоги» [10].

С другой стороны, потребители, ранее зависящие от иностранного оборудования, технологий и программного обеспечения, вынуждены переходить на отечественные аналоги. Вследствие санкционных ограничений доступ к зарубежному программному обеспечению и технологическим решениям ограничился, что стимулирует рост спроса на продукцию отечественного производства [11, с. 72]. Данный переход способствует развитию национального технологического сектора и стимулирует инвестиции в научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (НИОКР), расширяя возможности для внедрения инноваций и цифровой трансформации.

По мнению отечественных экономистов, «экономические ограничения мотивируют инновационный сектор развиваться внутри страны, чтобы уменьшить зависимость от экспорта, вкладываться в новые предприятия, развивать технологии, создавать новые рабочие места и открывать для себя новые рынки экспорта» [12].

Государственная политика играет ключевую роль в поддержке данного процесса. «По словам Президента Российской Федерации, в течение шести лет не менее 80 % российских организаций в ключевых отраслях экономики должны перейти на отечественное ПО в производственных и управленческих процессах. В. В. Путин поручил правительству проработать дополнительные меры поддержки отечественных разработчиков ПО, в том числе определить уровень госзакупок у малых технологических компаний и стартапов» [13].

Итак, «особое внимание уделяется импортозамещению в области программного обеспечения с целью минимизации зависимости от зарубежных продуктов. Подобное стремление к самостоятельности в технологическом аспекте повышает конкурентоспособность российской индустрии и способствует развитию национальной экономической безопасности» [14].

В контексте данных преобразований особое значение приобретает развитие отечественных информационно-коммуникационных технологий и цифровых платформ. Усиление инвестиционной активности в этих сферах способствует созданию высокотехнологичных рабочих мест, повышению

квалификации кадров и стимулированию научно-технического прогресса. Кроме того, формирование национальной технологической базы обеспечивает устойчивость экономического развития и снижает уязвимость перед внешними шоками.

Таким образом, технологические ограничения, вопреки первоначальному негативным аспектам, открывают новые перспективы для структурной модернизации российской экономики. Переход на отечественные технологии и программное обеспечение не только минимизирует зависимость от внешних факторов, но и способствует укреплению национальной конкурентоспособности в условиях глобальной цифровой трансформации.

3. Снижение безопасности данных, поскольку санкционные ограничения могут служить стимулом для совершения кибератак хранилища данных.

По результатам исследования, проведенного экспертно-аналитическим центром InfoWatch, «количество утечек в Российской Федерации за первое полугодие 2022 г. составило 305, — рост составил 45,9 % по сравнению с первым полугодием 2021 г. При этом объем «утекшей» информации вырос в 16,75 раза и составил 187,6 млн записей» [15]. В 2023 г. в России наблюдалось 656 кибер-преступлений, связанных с утечкой персональных данных (кража составила 1,12 млрд записей). На рис. 2 представлено распределение утечки информации по отраслям экономики.

Анализ данных, представленных на рис. 2, позволяет заключить, что наибольший удельный вес составляют следующие категории: государственные органы и организации (19,2 %), банковская сфера и финансовые услуги (10 %), информационные технологии и информационная безопасность (11,5 %), а также торговля (16,6 %) и туризм (7,9 %). Наименьший удельный вес наблюдается в категориях консалтинга (2,3 %), медиа (1,8 %), спорта (0,9 %), строительства (1,7 %) и топливно-энергетического комплекса (0,9 %). Такое распределение объясняется прежде всего уровнем значимости и масштабом влияния каждой отрасли в национальной экономике, а также ролью в формировании стратегических приоритетов развития в условиях цифровой трансформации и внешних ограничений.

Обратимся к динамике количества случаев утечки информации с предприятий различных отраслей Российской Федерации (рис. 3). «После устойчивого роста данного показателя в период 2017–2019 гг. и его последующего снижения в 2019–2021 гг. во время пандемии COVID-19, обусловленного глав-

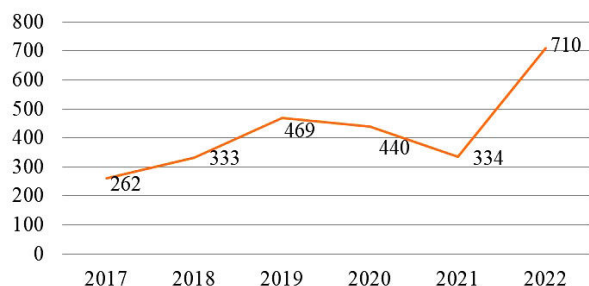

Рис. 3. Динамика зарегистрированных утечек информации с предприятий различных отраслей в Российской Федерации за 2017–2022 гг.*
*Составлено автором по материалам [17, с. 5]

Рис. 4. Количество утечек данных по отраслям Российской Федерации за 2022 г.*
*Составлено автором по материалам [17, с. 10]

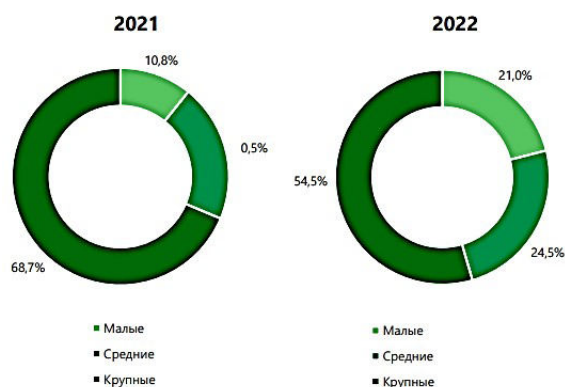

Рис. 5. Распределение утечек данных в зависимости от масштаба предприятий в Российской Федерации за 2021–2022 г.*
*Составлено автором по материалам [18, с. 13]

ным образом повышенной скрытностью инцидентов, в 2022 г. зафиксирован резкий скачок числа утечек информационных ресурсов на 112,6 %, что следует оценивать как негативную тенденцию» [18].

Столь существенный рост рассматриваемого показателя обусловлен усилением хакерской активности на фоне текущих геэкономических и геополитических процессов в стране. Изменения в информационной среде выявили уязвимости в системах информационной безопасности многих государств, в некоторых из которых число утечек возросло в 10–18 раз [19].

Согласно данным аналитического отчета «Лаборатории Касперского», основная доля случаев утечки данных связана с атаками на крупные предприятия (64 %). Лидерами по количеству инцидентов, исходя из публикаций специализированных ресур-

сов, являются сектора доставки (34 %) и торговли (14 %) [20, с. 11]. При этом компрометация данных наиболее часто наблюдалась в сфере ритейла, составляя 26 % от общего числа инцидентов в 2022 г. Детальное распределение количества утечек информации по отраслям Российской Федерации представлено на рис. 4.

Анализируя утечки данных по отраслям, целесообразно рассмотреть распределение утечек в зависимости от масштаба предприятий (рис. 5).

Объем утечек информации из малых предприятий увеличился вдвое, при этом схожие тенденции наблюдаются среди организаций среднего бизнеса. Данные изменения свидетельствуют о постепенном сокращении периода информационной безопасности для субъектов малого предпринимательства. В условиях всеобъемлющей цифровой трансформации каждое предприятие оперирует ценными данными, что обуславливает необходимость разработки стратегий информационной безопасности и внедрения комплексных организационно-технических и управленческих мер [20, с. 9].

В сложившейся ситуации важно переосмыслить природу угроз в сфере информационной безопасности. Идентификация векторов потенциальных атак, анализ методов их реализации, а также определение ключевых объектов и элементов, подверженных рискам, позволит разработать эффективные стратегии противодействия и защиты конфиденциальной информации.

Исследование проблемных областей утечек информации в Российской Федерации позволяет определить ключевые направления противодействия промышленному шпионажу:

- совершенствование законодательной базы — актуализация и разработка законов для защиты коммерческой тайны и интеллектуальной собственности, а также ужесточение последствий для нарушителей;

- технологическое обеспечение безопасности — внедрение современных ИТ-решений для защиты данных, включая системы предотвращения утечек информации (DLP), шифрование, многофакторную аутентификацию и регулярное тестирование систем на уязвимости;

- повышение квалификации специалистов в сфере информационной безопасности — организация тренингов по безопасности, проведение симуляций атак, разработка внутренних руководств и внедрение систем контроля и мониторинга действий сотрудников предприятий.

«Одним из направлений национальной безопасности России, обеспечивающим защиту общества и государства в целом от внутренних и внешних угроз, является экономическая безопасность. Экономическая безопасность особо актуальна в период кардинальных изменений и трансформаций, так как без успешного решения возникших угроз национальной экономической безопасности невозможно дальнейшее развитие и реформирование страны, поддержание высокого уровня жизни граждан. При рассмотрении экономической безопасности с данной точки зрения ее можно определить, как способность экономики страны обеспечивать устойчивый рост экономических показателей, показателей благосостояния населения, а также способность противостоять негативным аспектам, пагубно сказывающимся на экономике страны» [21].

Основные инструменты обеспечения информационной безопасности представлены на рис. 6.

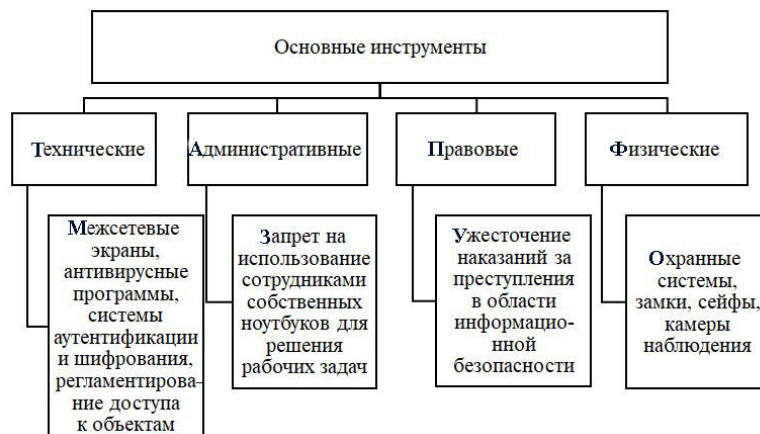

Рис. 6. Основные инструменты обеспечения информационной безопасности*
*Составлено автором по материалам [22]

Таким образом, согласно данным рис. 6, основные инструменты обеспечения информационной безопасности классифицируются на технические, административные, правовые и физические методы. Каждый из этих инструментов может использоваться как автономно, так и в сочетании с другими, однако наиболее эффективен комплексный подход к их применению.

Существенное значение в области информационной безопасности отводится технологиям распределенного реестра. «Основные преимущества технологии включают повышенную безопасность, увеличение доверия и токенизацию. Безопасность блокчейна заключается в создании приватных сетей с ограниченным доступом и распределенным хранением данных, что обеспечивает защиту от внешних атак. Повышение доверия достигается за счет создания доверенной среды, где все транзакции являются прозрачными и не противоречивыми. Токенизация позволяет оцифровывать реальные активы и представлять их в виде цифровых токенов, способствуя повышению капитализации и формированию новых продуктов. Технология распределенного реестра находит широкое практическое применение, в частности в системах дистанционного электронного голосования, разработанных компанией «Ростелеком» по заказу Центральной избирательной комиссии России. Эти системы содержат вышеупомянутые преимущества технологии, а также способствуют применению блокчейна в финансовых транзакциях без участия банковского клиринга и в процессах цифровизации активов, особенно в государственном секторе» [6].

Таким образом, в результате проведенного исследования, можно сделать следующие **выводы**:

1. Анализ внешних ограничений, вызванных беспрецедентным увеличением экономических санкций против Российской Федерации в период 2020–2022 гг., свидетельствует о необходимости переориентации национальной экономики на внутренние ресурсы и потенциал цифровой трансформации. Структурные преобразования, основанные на интеграции цифровых технологий в бизнес-модели, способны смягчить негативное воздействие санкционных механизмов и повысить эффективность экономических процессов, укрепить конкурентоспособность отечественных предприятий на глобальном уровне. Реализация стратегии цифровизации экономики выступает ключевым факто-

ром в преодолении финансовых и торговых ограничений с целью обеспечить устойчивое развитие в условиях внешнего давления.

2. Технологические ограничения, связанные с прекращением деятельности иностранных предприятий на российском рынке, открывают уникальные возможности для ускоренного развития национального технологического сектора. Усиление государственной поддержки в области инновационной деятельности, переход на отечественные программные продукты и оборудование, а также стимулирование инвестиций в научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы являются фундаментальными условиями для формирования самодостаточной и устойчивой экономики. Создание благоприятной институциональной среды и инфраструктуры для развития малых технологических организаций и стартапов способствует снижению зависимости от внешних технологий и укреплению национальной экономической безопасности.

3. Усиливающиеся риски в сфере информационной безопасности в условиях всеобъемлющей цифровизации требуют комплексного и системного подхода к защите конфиденциальной информации экономических субъектов. Интеграция технических, административных, правовых и физических инструментов обеспечения информационной безопасности становится критически важной для предотвращения утечек данных и противодействия промышленному шпионажу. Внедрение передовых технологий, таких как распределенные реестры и блокчейн, повышает надежность и устойчивость информационных систем. Повышение квалификации специалистов и совершенствование нормативно-правовой базы являются необходимыми мерами для обеспечения информационной и, как следствие, экономической безопасности страны в условиях цифровой трансформации.

Список источников

1. Вазагов В. М., Мирошниченко М. Б. Концептуальные аспекты и прикладные средства структурных преобразований российской экономики в условиях внешних ограничений // Вестник университета. 2019. № 12. С. 107–111. DOI: 10.26425/1816-4277-2019-12-107-111. EDN: TLMKBD.
2. Россия возглавляет рейтинг стран по числу введенных против них санкций. URL: <https://www.aa.com.tr/ru/> (дата обращения: 09.09.2024).

3. Ахапкин Н. Ю. Российская экономика в условиях санкционных ограничений: динамика и структурные изменения // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2023. № 6. С. 7–25. DOI: 10.52180/2073-6487_2023_6_7_25. EDN: CONHFFG.
4. Аблитаров Э. Р., Белялов А. А. Теоретические аспекты разработки финансовой стратегии предприятия // Национальные экономические системы в контексте трансформации глобального экономического пространства: сб. науч. тр. Симферополь: ИП Хотеева Л. В., 2024. С. 48–51.
5. Цифровой рубль — Банк России. URL: <https://cbr.ru/fintech/dr/> (дата обращения: 10.09.2024).
6. Аблитаров Э. Р. Проблемы безопасности бесконтактных платежей // Угрозы и риски финансовой безопасности в контексте цифровой трансформации: сб. тр. VII Междунар. науч.-практ. конф. Москва: Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ», 2021. С. 546–551. EDN: GFPZYU.
7. Аблитаров Э. Р., Шамилева Э. Э. Развитие алгоритмической торговли и ее влияние на динамику российского фондового рынка // Менеджмент и финансы производственных систем: сб. ст. Всерос. (нац.) науч.-практ. конф. Волгоград: ЗАО «Университетская книга», 2024. С. 21–25. EDN: OIPMVA.
8. Соломин А. С. Санкции как политический инструмент: анализ феномена санкций с точки зрения международных отношений // Вопросы политологии. 2023. Т. 13, № 12 (100). С. 6625–6635. DOI: 10.35775/PSI.2023.100.12.037. EDN: DQHRDX.
9. Аблитаров Э. Р., Шамилева Э. Э. Технологии распределенного реестра в противодействии финансовым мошенничествам Российской Федерации // Менеджмент и финансы производственных систем: сб. ст. Всерос. (нац.) науч.-практ. конф. Волгоград: ЗАО «Университетская книга», 2024. С. 18–21. EDN: SQTIQL.
10. Что мешает российскому бизнесу развивать инновации? URL: <https://issek.hse.ru/news/707347228.html> (дата обращения: 12.09.2024).
11. Дубовик М. В., Захидова М. О. Экономические санкции как косвенный фактор развития наукоемких производств в стране-объекте санкций // Ученые записки Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова. Серия: Естественные и экономические науки. 2020. Т. 54, № 3. С. 70–75. EDN: SJOLVX.
12. Эксперт оценила влияние санкций на российский рынок робототехники. URL: <https://1prime.ru/20220822/837850350.html> (дата обращения: 12.09.2024).
13. Выступление Путина на пленарном заседании ПМЭФ-2024. URL: <https://iz.ru/1709373/2024-06-07/vystuplenie-putina-na-plenarnom-zasedanii-pmef-2024-glavnoe> (дата обращения: 13.09.2024).
14. Аблитаров Э. Р. «Умный город» как основа «умного туризма» в эпоху цифровой трансформации экономических процессов // Инновационная парадигма экономических механизмов хозяйствования: сб. тр. IX Междунар. науч.-практ. конф. Симферополь: ООО «Изд-во Типография «Ариал», 2024. С. 31–35.
15. Информационная безопасность в условиях цифровой экономики. URL: https://www.smart-soft.ru/blog/informatsionnaja_bezopasnost_v_uslovijah_tsifrovoj_ekonomiki/ (дата обращения: 14.09.2024).
16. Утечки данных в России. URL: <https://www.tadviser.ru/index.php> (дата обращения: 14.09.2024).
17. Гайсарова А. А., Аблитаров Э. Р. Промышленный шпионаж как угроза экономической безопасности предприятия // Финансово-экономическая безопасность Российской Федерации и ее регионов: сб. материалов VIII Междунар. науч.-практ. конф. Симферополь: Изд-во Крымского федерального ун-та имени В. И. Вернадского, 2023. С. 6–9. EDN: KLOSGJ.
18. Россия: утечки информации ограниченного доступа в 2022 г.: аналитический отчет // Экспертно-аналитический центр InfoWatch. URL: <https://www.infowatch.ru/sites/default/files/analytics/files/utechki-informatsii-ogranichenogo-dostupa-v-rossii-za-2022-god.pdf> (дата обращения: 15.09.2024).
19. Значимые утечки данных в 2022 г.: аналитический отчет // «Лаборатория Касперского». URL: <https://go.kaspersky.com/ru-data-leakage-report-2022> (дата обращения: 15.09.2024).
20. Аштаева Н. В. Исследование технических каналов утечки информации // Тенденции развития науки и образования. 2021. № 69-1. С. 6–9. DOI: 10.18411/lj-01-2021-01. EDN: BCJGWM.
21. Байракова И. В., Аблитаров Э. Р. Экономические аспекты национальной безопасности России // Национальная безопасность России: актуальные аспекты: сб. ст. Всерос. науч.-практ. конф. Санкт-Петербург: ГНИИ «Нацразвитие», 2021. С. 24–27.
22. Основные методы обеспечения информационной безопасности. URL: https://www.smart-soft.ru/blog/osnovnye_metody_obespechenija_informatsionnoj_bezopasnosti/ (дата обращения: 02.07.2024).

АБЛИТАРОВ Эрнест Рефатович, студент гр. Э-м-о-243 Института экономики и управления Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского» (ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»), г. Симферополь, Республика Крым. SPIN-код: 1864-6815
AuthorID (РИНЦ): 1222974
ORCID: 0009-0002-8956-9596
Адрес для переписки: ablitaroff@mail.ru
ГОРДА Александр Сергеевич, кандидат экономических наук, доцент (Россия), доцент кафедры «Мировая экономика» Института экономики и управления ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского», г. Симферополь, Республика Крым. SPIN-код: 1483-4490
AuthorID (РИНЦ): 827389
ORCID: 0000-0002-8899-8535
Адрес для переписки: alx7777@mail.ru

Для цитирования

Аблитаров Э. Р., Горда А. С. Внешнеэкономические ограничения Российской Федерации: вызовы и возможности в контуре цифровой трансформации // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2025. Т. 10, № 1. С. 146–154. DOI: 10.25206/2542-0488-2025-10-1-146-154. EDN: BKVSSA.

Статья поступила в редакцию 02.10.2024 г.

© Э. Р. Аблитаров, А. С. Горда

Institute of Economics and Management
Federal State Autonomous Educational
Institution of Higher Education
«V. I. Vernadsky Crimean
Federal University», Simferopol,
Republic of Crimea, Russia

FOREIGN ECONOMIC CONSTRAINTS OF THE RUSSIAN FEDERATION: CHALLENGES AND OPPORTUNITIES IN THE DIGITAL TRANSFORMATION CIRCUIT

The analysis of the foreign economic restrictions of the Russian Federation, which have a multi-level impact on the Russian economy under the conditions of sanctions pressure, is carried out. The key challenges and opportunities arising from sanctions regimes, as well as ways of digital transformation of business and the national economy are considered. The importance of digitalization and the introduction of innovations as factors of increasing competitiveness and resilience to external influences are emphasized. Examples of successful application of digital technologies in various sectors of the economy are given, with an emphasis on their role in overcoming sanctions barriers. In addition, the mechanisms of adaptation and structural transformations aimed at reducing dependence on external economic factors, strengthening the domestic market and developing domestic technological solutions are revealed.

Keywords: Russian Federation, foreign trade restrictions, digital transformation, national economy, import substitution, technological innovations, structural transformations.

References

1. Vazagov V. M., Miroshnichenko M. B. Kontseptual'nyye aspekty i prikladnyye sredstva strukturnykh preobrazovaniy rossiyskoy ekonomiki v usloviyakh vneshnikh ogranicheniy [Conceptual aspects and applied means of structural transformations of the Russian economy in terms of external restrictions]. *Vestnik Universiteta*. 2019. No. 12. P. 107–111. DOI: 10.26425/1816-4277-2019-12-107-111. EDN: TLMKBD. (In Russ.).
2. Rossiya vozglavlyayet reyting stran po chislu vvedennykh protiv nikh sanktsiy [Russia tops the countries ranking by the number of sanctions imposed against]. URL: <https://www.aa.com.tr/ru/> (accessed: 09.09.2024). (In Russ.).
3. Akhapkin N. Yu. Rossiyskaya ekonomika v usloviyakh sanktsionnykh ogranicheniy: dinamika i strukturnyye izmeneniya [Russian economy under sanctions: dynamics and structural changes]. *Vestnik Instituta ekonomiki Rossiyskoy akademii nauk. The Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*. 2023. No. 6. P. 7–25. DOI: 10.52180/2073-6487_2023_6_7_25. EDN: COHFFG. (In Russ.).
4. Ablitarov E. R., Belyalov A. A. Teoreticheskiye aspekty razrabotki finansovoy strategii predpriyatiya [Theoretical aspects of the financial strategy developing of the enterprise]. *Natsional'nyye ekonomicheskiye sistemy v kontekste transformatsii global'nogo ekonomicheskogo prostranstva. National Economic Systems in the Context of Transformation of the Global Economic Space*. Simferopol, 2024. P. 48–51. (In Russ.).
5. Tsifrovoy rubl' — Bank Rossii [Digital ruble — Bank of Russia]. URL: <https://cbr.ru/fintech/dr/> (accessed: 10.09.2024). (In Russ.).
6. Ablitarov E. R. Problemy bezopasnosti beskontaktnykh platezhey [Security problems of contactless payments]. *Ugrozy i Riski Finansovoy Bezopasnosti v Kontekste Tsifrovoy Transformatsii*. Moscow, 2021. P. 546–551. EDN: GFPZYU. (In Russ.).
7. Ablitarov E. R., Shamileva E. E. Razvitiye algoritmicheskoy trgovli i eye vliyaniye na dinamiku rossiyskogo fondovogo rynka [Algorithmic trading development and its impact on the dynamics of the Russian stock market]. *Menedzhment i Finansy Proizvodstvennykh System*. Volgograd, 2024. P. 21–25. EDN: OIPMVA. (In Russ.).
8. Solomin A. S. Sanktsii kak politicheskiy instrument: analiz fenomena sanktsiy s tochki zreniya mezhdunarodnykh otnosheniy [Sanctions as a political instrument: analysis of the phenomenon of sanctions from the point of international relations]. *Voprosy politologii. Political Science Issues*. 2023. Vol. 13, no. 12 (100). P. 6625–6635. DOI: 10.35775/PSI.2023.100.12.037. EDN: DQHRDX. (In Russ.).
9. Ablitarov E. R., Shamileva E. E. Tekhnologii raspredelennogo reyestra v protivodeystvii finansovym moshennichestvam Rossiyskoy Federatsii [Distributed ledger technologies in countering financial fraud in the Russian Federation]. *Menedzhment i Finansy Proizvodstvennykh System*. Volgograd, 2024. P. 18–21. EDN: SQTQL. (In Russ.).
10. Chto meshayet rossiyskomu biznesu razvivat' innovatsii? [What prevents Russian business from developing innovations?].

URL: <https://issek.hse.ru/news/707347228.html> (accessed: 12.09.2024). (In Russ.).

11. Dubovik M. V., Zakhidova M. O. Ekonomicheskiye sanktsii kak kosvennyy faktor razvitiya naukoemkikh proizvodstv v strane-ob'yekte sanktsiy [Economic sanctions impact on knowledge-intensive industries development in a target country]. Uchenyye zapiski Khudzhandskogo gosudarstvennogo universiteta im. akademika B. Gafurova. Seriya: Estestvennyye i ekonomicheskiye nauki. *Scientific Notes Series of Natural and Economic Sciences*. 2020. Vol. 54, no. 3. P. 70–75. EDN: SJOLVX. (In Russ.).

12. Ekspert otsenila vliyaniye sanktsiy na rossiyskiy rynek robototekhniki [Expert evaluated the impact of sanctions on the Russian robotics market]. URL: <https://1prime.ru/20220822/837850350.html> (accessed: 12.09.2024). (In Russ.).

13. Vystuplenie Putina na plenarnom zasedanii PMEF-2024 [Putin speech at SPIEF 2024 plenary session]. URL: <https://iz.ru/1709373/2024-06-07/vystuplenie-putina-na-plenarnom-zasedanii-pmef-2024-glavnoe> (accessed: 13.09.2024). (In Russ.).

14. Ablitarov E. R. «Umnyy gorod» kak osnova «umnogo turizma» v epokhu tsifrovoy transformatsii ekonomicheskikh protsessov [Smart city as the foundation for smart tourism in the digital transformation era of economic processes] // Innovatsionnaya paradigma ekonomicheskikh mekhanizmov khozyaystvovaniya. *Innovation paradigm of economic mechanisms of management*. Simferopol, 2024. P. 31–35. (In Russ.).

15. Informatsionnaya bezopasnost' v usloviyakh tsifrovoy ekonomiki [Information security in the digital economy]. URL: https://www.smart-soft.ru/blog/informatsionnaya_bezopasnost_v_usloviyakh_tsifrovoj_ekonomiki/ (accessed: 14.09.2024). (In Russ.).

16. Utechki dannykh v Rossii [Data leakage in Russia]. URL: <https://www.tadviser.ru/index.php> (accessed: 14.09.2024). (In Russ.).

17. Gaysarova A. A., Ablitarov E. R. Promyshlennyy shpionazh kak ugroza ekonomicheskoy bezopasnosti predpriyatiya [Industrial espionage as a threat to the enterprise economic security]. Finansovo-ekonomicheskaya bezopasnost' Rossiyskoy Federatsii i ee regionov. *Financial and Economic Security of the Russian Federation and its Regions*. Simferopol, 2023. P. 6–9. EDN: KLOSGJ. (In Russ.).

18. Rossiya: utechki informatsii ogranichennoy dostupa v 2022 g.: analiticheskiy otchet [Russia: restricted information leakage in 2022: analytical report]. URL: <https://www.infowatsh.ru/sites/default/files/analytics/files/utechki-informatsii-ogranichennoy-dostupa-v-rossii-za-2022-god.pdf> (accessed: 15.09.2024). (In Russ.).

19. Znachimyye utechki dannykh v 2022 g.: analiticheskiy otchet [Significant data leakage in 2022: analytical report]. URL:

<https://go.kaspersky.com/ru-data-leakage-report-2022> (accessed: 15.09.2024). (In Russ.).

20. Ashtayeva N. V. Issledovaniye tekhnicheskikh kanalov utechki informatsii [Investigation of technical channels of information leakage]. Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya. *Trends in the Development of Science and Education*. 2021. No. 69-1. P. 6–9. DOI: 10.18411/lj-01-2021-01. EDN: BCJGWM. (In Russ.).

21. Bayrakova I. V., Ablitarov E. R. Ekonomicheskiye aspekty natsional'noy bezopasnosti Rossii [Economic aspects of Russia's National security]. *Natsional'naya Bezopasnost' Rossii: Aktual'nyye Aspekty*. Saint Petersburg, 2021. P. 24–27. (In Russ.).

22. Osnovnyye metody obespecheniya informatsionnoy bezopasnosti [Main methods of ensuring information security]. URL: https://www.smart-soft.ru/blog/osnovnye_metody_obespecheniya_informatsionnoj_bezopasnosti/ (accessed: 02.07.2024). (In Russ.).

ABLITAROV Ernest Refatovich, Student of gr. E-m-o-243 Institute of Economics and Management, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «V. I. Vernadsky Crimean Federal University» (KFU), Simferopol, Republic of Crimea.

SPIN-code: 1864-6815

AuthorID (RSCI): 1222974

ORCID: 0009-0002-8956-9596

Correspondence address: ablitaroff@mail.ru

GORDA Alexander Sergeevich, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the World Economy Department, Institute of Economics and Management, KFU, Simferopol, Republic of Crimea.

SPIN-code: 1483-4490

AuthorID (RSCI): 827389

ORCID: 0000-0002-8899-8535

Correspondence address: alx7777@mail.ru

For citations

Ablitarov E. R., Gorda A. S. Foreign economic constraints of the Russian Federation: challenges and opportunities in the digital transformation circuit. *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2025. Vol. 10, no. 1. P. 146–154. DOI: 10.25206/2542-0488-2025-10-1-146-154. EDN: BKVSSA.

Received October 02, 2024.

© E. R. Ablitarov, A. S. Gorda

ОМСКИЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК
Серия Общество. История. Современность

включен в Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук,
на соискание ученой степени доктора наук

Адрес издателя и редакции: 644050, Омская обл., г. Омск, пр. Мира, 11,
Омский государственный технический университет, корпус 6, каб. 424;
тел. (3812) 65-32-08; e-mail: onv@omgtu.ru

Адрес типографии: 644050, Омская обл., г. Омск, пр. Мира, 11,
Омский государственный технический университет, корпус 6, каб. 333;
тел. (3812) 65-32-08.